

УДК 655.525.31.4(075.8)

ББК 81.2-7я73

А47

Рецензенты:

кафедра иностранных языков РАН (Институт языкознания);
кандидат филологических наук, доцент СПбИИЯ *Г. П. Скворцов*;
доктор филологических наук, профессор СПбГУ *В. И. Шадрин*

Алексеева И. С.

А47 Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.

ISBN 5-8465-0101-X (Филол. фак. СПбГУ)

ISBN 5-7695-1542-2 (Изд. центр «Академия»)

Учебное пособие состоит из двух разделов — теоретического и практического. В первом собраны сведения, необходимые для формирования представлений о будущей профессии, о ее истории, современном диапазоне и перспективах, об основах профессиональной этики, о правовом статусе переводчика, об аспектах переводоведения. Второй раздел содержит краткий обзор теоретических основ перевода как процесса и как результата. Таким образом, материал пособия может быть использован для изучения двух базовых курсов: «Введение в специальность переводчика» и «Введение в теорию перевода». Иллюстративный материал не ориентирован на какой-либо один иностранный язык и предполагает знание русского языка как родного и знание одного из европейских языков: английского, французского, немецкого, испанского и др.

Для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. Может быть полезно для всех, кто овладевает специальностью «лингвист, переводчик, специалист по межкультурному общению», а также для тех, кто собирается освоить филологические знания на современном уровне.

УДК 655.525.31.4(075.8)

ББК 81.2-7я73

ISBN 5-8465-0101-X

ISBN 5-7695-1542-2

© Алексеева И. С., 2004

© Филологический факультет СПбГУ, 2004

© Издательский центр «Академия», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переводоведение в своем современном состоянии включает в себя все направления исследований, которые изучают перевод как процесс и как результат.

Книга не претендует на исчерпывающее описание всех этих направлений, ее задача — познакомить с ними, ввести читателя в круг проблем, которые занимают сегодня ученых-переводоведов, причем сделать это по возможности в доступной форме.

Как и в любой науке, в переводоведении существует большое количество нерешенных проблем, белых пятен, а теоретические построения ученых направлены на выяснение сути явлений, связанных с переводом, и представляют собой попытки приближения к научной истине.

Автор сознает, что те взгляды и положения, которые он описывает, отражают уровень развития переводоведения на сегодня, а завтра они могут оказаться устаревшими и их сменят другие.

Многообразие сосуществующих трактовок, своеобразная «облачность», а не точность структуры познаваемого характерна для современной науки вообще. Характерна она и для переводоведения, что нашло отражение в книге.

Учебное пособие предназначено в первую очередь для будущих переводчиков и ставит своей целью приведение в систему необходимых для них теоретических знаний. Прошли те времена, когда переводчики-практики выражали сомнение в самой возможности научного описания процесса и результатов их труда, а сами ученые сомневались в состоятельности переводоведения. Некоторые причины этих сомнений мы попытаемся раскрыть в данной книге, предварительно же отметим, что необходимость теоретического введения как в специальность переводчика, так и в науку о переводе признается сегодня во всех учебных заведениях мира, где обучают переводу, и теория перевода органично и равноправно включилась в систему гуманитарных дисциплин.

Автор, будучи также и переводчиком-практиком, прошел нелегкий путь от полной неуверенности в возможности теоретических обобщений в области перевода и ощущения оторванности теории от практики к твердой убежденности в том, что теоретические обобщения, во-первых, возможны и, во-вторых, необходимы для практической деятельности.

Автор чрезвычайно признателен тем добрым советчикам, которые помогли ему утвердиться в своих взглядах: О. И. Бродович, С. Г. Афонину, В. И. Провоторову, Г. В. Снежинской, Г. В. Липис и многим другим, в том числе и многочисленным студентам.

И. С. Алексеева

Часть 1

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

Глава 1

ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1.1. Понятие перевода

Что такое «перевод» в нашем повседневном, непрофессиональном понимании, пожалуй, объяснить не надо. Любопытный случай, когда текст, созданный на одном языке, *пущивыражается* средствами другого языка, мы называем переводом. При этом термин «текст» понимается предельно широко: имеется в виду любое устное высказывание и любое письменное произведение от инструкции к холодильнику до романа. Однако есть и ограничения: в наших рассуждениях мы будем ограничиваться только *вербальными* текстами на живых человеческих языках (см. раздел «Специфика языка как средства передачи информации»).

Если полагать, что язык — это своего рода коэ, т. е. произвольное обозначение предметов и явлений действительности с помощью условных знаков, то перевод можно назвать *перекодированием*, поскольку каждый из условных знаков заменяется при переводе знаком другой знаковой системы.

Итак, перевод есть *перевыражение* или *перекодирование*. Однако это перекодирование не является объективным природным процессом, его осуществляет человек. Человек обладает индивидуальностью и способностью к творчеству. Именно эти два фактора позволяют ему при перекодировании выбрать из нескольких или многих возможных вариантов перевода свой. Поэтому иногда говорят даже об *эвристическом* характере процесса перевода, под которым понимается прежде всего свобода выбора. Но эта свобода выбора не абсолютна. Крикнув «Эврика!» (*греч.* «Нашел!»), переводчик

См., напр.: Цвиллинг М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение, перевод, устная речь. — Л., 1977. — С. 175.

не может предложить при перекодировании абсолютно любой вариант, который ему понравился. Попробуем представить себе границы свободы переводчика на примере перевода такой фразы: «Но не вернулись в порт и не взошли на борт четырнадцать французских моряков». На какой бы язык мы ни переводили, наметятся следующие возможности выбора:

1. Для лексем «но», «вернуться», «и», «порт», «взойти на борт», «моряк» обычно существует несколько возможных соответствий (ср. в рус. яз.: «вернуться» = «возвратиться», «явиться»; «но» = «однако», «тем не менее», «все же»; «порт» = «гавань»; «моряк» = «матрос»). Выбор этих вариантов отнюдь не произволен. Он зависит от контекста, от времени создания текста и от других причин. Также различными способами можно выразить и отрицание («не вернуться», «не взошли на борт»).

2. Для лексем «четырнадцать», «французский» выбора, пожалуй, не существует: во всех языках к этим словам найдется лишь одно соответствие, так называемое однозначное.

3. При передаче актуального членения этого предложения также возможны варианты. После определения того, что здесь является новым (ремой), а что данным (темой) — а это мы поймем только из более широкого контекста, — переводчик может воспользоваться любыми способами, которые в языке перевода служат для подчеркивания ремы. Это могут быть первая или последняя позиция слова (слов) в предложении, а также особые графические средства (тире, отточие).

4. Границы выбора могут быть разными в зависимости от вида и задач перевода. В письменном переводе требования при подборе соответствий более высокие; в устном переводе, в обстановке дефицита времени, когда переводчик вдобавок не знает последующего контекста, часто достаточно любого пришедшего на ум варианта. Кроме того, специфика устного перевода заставляет делать не полный, а сокращенный перевод, применять компрессию, например, за счет упрощения синтаксической структуры и опускания некоторых смысловых компонентов (представим, например, такой компрессированный перевод этой фразы на английский язык: *So 14 matelots are lost from the deck*; или на немецкий язык: *Vierzehn Seeleute sind auf ihr Schiffnicht zuriickgekehrt*). Если же целью перевода является, например, адаптация для детского восприятия, то при переводе будут выбираться наиболее разговорные и наименее специальные варианты (скажем, не «взошли на борт», а «поднялись на корабль»).

5. Наконец, границы свободы выбора может устанавливать тип текста. В нашем примере важно, из какого текста взята фраза: из газетно-информационного сообщения, из авторского журналистского эссе или же из песни. Если это газетная заметка, то переводчик будет руководствоваться соображениями, изложенными в пунктах 1-3. Если это эссе, то вся фраза может оказаться метафорой, имею-

щей какой угодно иносказательный смысл: скажем, речь может идти о 14 французских школьников, не справившихся с заданиями международной олимпиады по физике, и тогда при переводе сохранение образа не обязательно, и все, что относится к образной системе «море — корабль — моряк», может быть заменено на другую образную систему, например «марафон — бегун — финиш». С помощью однозначного соответствия в таком случае должны быть переведены только две лексемы: «четырнадцать» и «французский». Если же это песня (а так оно и есть на самом деле), тогда обязательно соответствие должно быть найдено для рифмы («порт» — «борт»), причем не обязательно с теми же лексемами; гораздо важнее, чтобы рифма в переводе была смежная и с мужскими окончаниями, что поможет передать разухабистый стиль кабацкой песни. А вот вариантов замены каждого слова и вариантов построения всего текста становится много больше согласно закономерностям перевода поэтического текста (см. ниже).

Разобранный пример показал, что свобода выбора для переводчика и, соответственно, вариативность результата ограничивается вариативными ресурсами языка (т. е. тем, возможны ли в нем в принципе варианты), видом перевода и типом хекса. Речевая вариативность, в свою очередь, прямо зависит от общих системных закономерностей существования языка, который обладает самозащитным механизмом — языковой избыточностью, т. е. наличием избыточных, запасных вариантов кодирования. Названные в пункте 1 синонимы не что иное, как такие варианты.

Вместе с тем в деятельности переводчика участвует фактор, не зависящий от внутриязыковых и внешних, ситуативных причин. Это индивидуальность самого переводчика. Именно она придает особый, неповторимый оттенок творческому поиску вариантов. Переводчик может питать пристрастие к определенным словам, предпочитать одним конструкциям другие, субъективно воспринимать специфику текста. Но если переводчик является профессионалом и держится в рамках профессиональной этики, то эти индивидуальные пристрастия никогда не перерастают в волюнтаризм.

Рассмотренные нами параметры понятия «перевод» касались преимущественно описания его как процесса, но в ходе обсуждения его как процесса стало очевидным, что тем же термином мы обозначаем и результат этого процесса. Таким образом, в качестве рабочего определения понятия «перевод» мы можем принять следующее:

Перевод — это деятельность, которая заключается в вариативном переводе, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под его воздействием собственной индивидуальности; перевод — это также и результат описанной выше деятельности.

1.2. Роль перевода для человечества. Культурные и языковые барьеры

Перевод обеспечивает сиюминутные и долговременные контакты между людьми. Всюду, где существует языковой барьер — от общения двух друзей, говорящих на разных языках, до Интернета, — преодолеть его помогает перевод.

Перевод способствует обмену информацией самого разного характера, а этот обмен является базой прогресса человечества.

На протяжении многих веков перевод способствовал развитию и утверждению тех гуманитарных ценностей, которые выдвигает на первый план современный человек: терпимость, взаимопомощь, поддержка слабых, стремление к совершенствованию, защита окружающей среды. Во все времена перевод обслуживал самые насущные потребности человечества: в античности он способствовал преемственности греческой и римской культур; в Средние века распространению христианства, во все последующие века взаимообогащению искусств, науки, литератур, материальной и бытовой культуры различных народов мира. Благодаря переводу мы знаем Шекспира, Гете, Данте, перевод оформил достижения чужих культур, которые обогатили русскую бытовую культуру: икебана, сауна, кофе и др. На базе переводов сложилась интернациональная с первых лет своего существования детская литература.

Перевод исполнял свою важнейшую функцию с давних пор, однако лишь в XX в. человек пришел к осознанию его важности и его особого места. Не случайно XX в. был провозглашен в 1955 г. в первом номере журнала «Babel» веком перевода. Ученые разных стран отмечают особую роль перевода в формировании национальных культур.

Современный человек пользуется плодами трудов переводчика, когда читает инструкцию к стиральной машине иностранного производства, когда узнает по телевизору о том, что пишут сегодня во французских газетах, когда ему нужно провести переговоры с иностранным партнером, когда он берет в руки интересный роман. К этому можно добавить и труд переводчиков прошлых веков, потому что Библию и многие художественные произведения мы читаем и в старых переводах.

Тенденция к *глобализации*, которая наблюдается на рубеже XX-XXI вв., подготовлена самоотверженной деятельностью переводчиков, а сама глобализация возможна только при условии хорошо организованного переводческого процесса.

Труд переводчиков способствует открытости общества. Не случайно все диктаторские режимы ставили переводческую деятельность под жесточайший контроль, а современные «закрытые» государства (например, Иран) организуют гонения на переводчиков.

В наши дни самая большая потребность в переводчиках наблюдается в технических областях, более 70% переводчиков в мире тру-

дятся именно в них². По данным «London Computer Integrated Translation GmbH» на 1987 г., объем перевода в мире в год составлял 200 млн страниц, и потребность в нем возрастала на 15% в год. Та же тенденция, с небольшим возрастанием, сохраняется и в последние годы. Самый большой объем переводимых текстов составляет деловая корреспонденция, за ней следуют потребительские информационные тексты разного рода (инструкции, проспекты и т. п.), далее научно-технические тексты, договорные тексты, технические описания...

Говоря о важной роли перевода, мы сразу упомянули о его «преодолевающей» функции. Ведь он помогает людям сблизиться, понять друг друга. Что же при этом преодолевается?

Давно стало ясно, что перевод помогает преодолеть *языковые и культурные барьеры*. Попробуем разобраться в том, откуда эти барьеры берутся и в чем заключается их преодоление.

Языковые барьеры существуют потому, что человечество исторически *многоязычно*. По оценкам современных исследователей, число живых языков в мире колеблется от 2500 до 5000³. Насчитывается более тысячи языков индийцев, около тысячи африканских языков; только на островах Новой Гвинеи разных языков более 700. Правда, основная часть языков — это языки с очень небольшим числом носителей (на некоторых из них говорит всего лишь от 100 до 1000 человек; характерный пример — язык манси на территории России: около 150 носителей). Языков, на которых говорит 95% населения земного шара, менее 100. И все же, если мы хотя бы гипотетически представим себе, что у каждого жителя планеты может появиться необходимость общения с представителями каждого из языков мира, то количество языковых барьеров окажется необычайно высоким.

Проблема заключается в том, что люди, как правило, владеют одним или двумя иностранными языками, а потребность у них может возникнуть в информации, оформленной еще на 3-10 языках. Тем более что и знание 1-2 иностранных языков в большинстве случаев не означает полного *билингвизма*, иностранный язык знают хуже и не в полном объеме.

Труднее всех приходится представителям так называемых «малых» языков, т. е. языков с небольшим числом носителей; им чаще других приходится уповать на переводы. Самый популярный путь носителей малых языков для выхода на международный культурный контакт — это билингвизм. Иностранный язык, на котором носители малых языков пишут научные труды и даже пьесы и романы, это обычно один из «крупных» языков с большим числом

² См.: Handbuch Translation. — Tübingen, 1999. — S. 9.

³ Ср.: Wendi H. F. Sprachen. — 2. Aufl. — Frankfurt / Main, 1977 (Das Neue Fischer Lexikon, 25); Katzner K. The Languages of the World. — New York, 1975; Иванов Вяч. Ве. Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 609-613.

носителей: английский, немецкий, французский, испанский. Таким языком в период существования СССР для многих народов поневоле был русский язык, а для Исландии и Норвегии — датский. Опыт использования языка-посредника для осуществления культурных контактов, как известно, не нов. Долгое время латынь была языком церковного, а затем и светского научного единения. С конца XVIII в. языком светского общения становится французский язык; вплоть до начала XX в. за ним сохраняются функции языка дипломатии, а функции языка международной почты французский сохранял до середины XX в.

Сейчас абсолютно лидирует английский язык. В последние годы он потеснил даже родные языки шведский и датский на их родине, в Швеции и Дании. Стремление к преодолению языковых барьеров способствует сокращению числа носителей малых языков, таких, например, как фризский и фарерский в Европе, и осложняет задачу радетелей за сохранение культурного феномена малых языков.

Существенным препятствием к преодолению языковых барьеров может оказаться закрытость общества. Так, исследователи отмечают, что межъязыковой контакт с российскими, китайскими, японскими учеными далеко не охватывает всех научных, технических, литературных областей⁴, хотя и русский, и китайский, и японский языки с огромным числом носителей. Последнее десятилетие «открытости» России пока не очень изменило эту ситуацию: по-прежнему многие важные исследования русских ученых, например в области теории перевода, не переведены на английский язык.

По данным специального альманаха ЮНЕСКО ((Statistical Yearbooks, по количеству переводных изданий на протяжении последнего десятилетия лидирует Германия, на втором месте Испания, на третьем Россия. Но это абсолютные данные, они не учитывают количества населения, которое на это число приходится. Например, на 8-м месте сейчас находится Дания (!) с населением в 5 млн человек, таким образом, она гораздо полнее обеспечена переводной литературой, нежели Россия. В среднем переводы составляют от 14 до 20% в общей массе европейской книжной продукции. Среди языков, с которых в разных странах переводят больше всего, лидируют английский (с большим отрывом), русский и французский языки.

В разное время человечество предпринимало также попытки создания искусственного общего языка, который не был бы отягощен спецификой какой-то одной культуры. Самой удачной из таких попыток, пожалуй, следует признать создание международного искусственного языка *эсперанто*, который был разработан варшавским врачом Л. Л. Заменгофом в 1887 г. В настоящее время, согласно данным Всеобщей ассоциации эсперанто, этим языком владеет в мире

⁴ Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — Wiesbaden, 1997. — S. 29.

около 8 млн человек⁵. Но, по-видимому, именно искусственная изолированность эсперанто от культурных корней живых языков не позволила ему стать всемирным языком. Вместе с тем попытки ученых создать единую, вненациональную систему кодирования информации, подобную живым языкам или использующую принципы живых языков, не прекращаются и сегодня, но ни один из них так и не составил серьезной конкуренции переводу.

До сих пор мы обсуждали преодоление языковых барьеров как с помощью переводов, так и с помощью языков-Посредников. Гораздо более сложную проблему представляет преодоление культурных барьеров. Перевод играет в этом процессе ведущую роль. Однако специфические, идущие в глубь веков различия бытовой и духовной культур не могут быть восприняты другими народами в полной мере, и возможно лишь приближенное представление о специфике чужой культуры. Более подробно речь об этом пойдет у нас в разделе «Ситуативные реалии». Здесь же ограничимся одним простым примером. Для слова «свобода» во всех языках мира есть готовое соответствие. За исключением особых случаев, когда сочетаемость или контекст подлинника подсказывает особое соответствие (например, в переводе на немецкий язык «свобода стиля» будет скорее всего «Lockerheit des Stils»), так вот, за исключением этих особых случаев, имеется однозначное соответствие: англ. freedom, нем. Freiheit и т. д. Разумеется, денотат при этом инвариантен (один и тот же). Но представители разных культур, за плечами которых разный исторический и социальный опыт, понимают свободу по-разному. Резко отличаются представления о свободе у американца, русского, немца и китайца. Например, для русского человека свобода — это в первую очередь отсутствие каких бы то ни было обязательств, возможность полностью распоряжаться собой и своим временем, отсутствие внешнего давления; для немца свобода — это прежде всего юридическая гарантированность его прав, четкая отрегулированность правового механизма, материальная обеспеченность, а русскую «свободу» он считает разгулом. А вот в чукотском языке, как отмечает М. Л. Гаспаров, вообще нет слова «свободный», есть только «сорвавшийся с цепи»⁵. Такие случаи часто ведут к недоразумениям при контактах. Если эти контакты устные, то на переводчика, помимо перевода текста, возлагается функция консультанта по межкультурной коммуникации, если же переводится письменный текст, необходимы комментарии или примечания к тексту, инициатором которых выступает переводчик. Подобную проблему составляет особое символическое толкование некоторых обычаев разных народов. Например, обычай снимать обувь перед тем, как войти в дом на Востоке, скажем в Узбекистане, считается проявлением уважения к хозяину; у большинства европейских на-

⁵ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. — М., 2000. — С. 57.

родов такого обычая нет, и вполне прилично пройти в дом в обуви. И здесь переводчик может помочь избежать недоразумений, пояснив своим подопечным смысл обычаев, если он гид-переводчик, или же предложив свой комментарий к письменному тексту, если описывается обычай, непонятный читателям переводного текста.

Итак, существуют реалии чужой культуры, которые лишь внешне, по признаку наличия устойчивого лексического соответствия (свобода — freedom) аналогичны реалиям других культур, и необходимы усилия переводчика, чтобы помочь разобраться в отличиях. Другую группу составляют культурные феномены, не имеющие близких аналогов в других культурах. Они-то обычно первыми и бросаются в глаза, когда речь заходит о культурных барьерах. Однако эти контрастные реалии, как ни странно может показаться на первый взгляд, редко приводят к непониманию при контактах и нуждаются лишь в достаточно подробном пояснении. Для того чтобы понять, что такое «вендетта», «комуз», «сиртаки», «городки», «дума», необходимо прежде всего минимальный контекст, раскрывающий их значение. Возьмем типичный контекст, в котором встречается упоминание о такого рода феноменах:

«Иностранцы редко проникали в дзонги Бутана, древние крепости-обители... Большинство дзонгов, огражденных постройками, имеет два двора и башню в центре, «утц». В первом дворе размещается префект области. Его называют «дзонгда», он хозяин крепости»⁶.

Как мы видим, все три культурных феномена, непривычных для русского читателя, — «дзонг», «утц» и «дзонгда» — пояснены в тексте. Это и есть способ преодоления культурного барьера, но усилия к этому прилагает автор текста, а не переводчик. Перед переводчиком в подобных случаях стоит другая задача: передать наименования этих культурных феноменов, не имеющие никаких соответствий в языке перевода, так называемые *экзотизмы*. Он и решает эту задачу одним из разработанных в технике перевода способом, скажем, так, как это сделано в нашем примере, т. е. с помощью межъязыковой транскрипции.

Таким образом, основным предназначением перевода является, очевидно, его ведущая роль в преодолении языковых и культурных барьеров. Частным случаем преодоления языковых барьеров, как уже отмечалось, можно считать освоение иностранных языков. В прикладной сфере методики изучения иностранных языков перевод также занимает важное место. Современные специалисты считают, что любая, даже беспереводная, методика изучения языка должна на определенном этапе включать задания по переводу письменных текстов и звучащей речи.

⁶ Помаре Ф. Монастыри, в которых жизнь бьет ключом // GEO. — 1999. — № 8. — С. 11-19.

ВИДЫ ПЕРЕВОДА

Перевод как деятельность, заключающаяся в перевыражении текста, имеет несколько различных вариантов. Наиболее существенный водораздел пролегает между устными и письменными видами перевода.

2.1. Устный последовательный перевод

Устный последовательный перевод — это тот вид перевода, в котором человечество нуждается больше всего; по-видимому, такая ситуация сохранится и в будущем. Переводчик переводит на слух 1-2 фразы или несколько больший фрагмент устного текста, который произносит оратор (или участник беседы), причем сразу после того, как эти несколько фраз произнесены. Такой вид перевода часто называют *абзацио-фразовым переводом*. Чаще всего переводчик находится непосредственно рядом с говорящим, поэтому может видеть его мимику и жестикуляцию, что помогает правильно понять смысл сказанного. Однако иногда переводчик находится вне поля зрения аудитории, в кабине или за сценой, и воспринимает речь через наушники; и в этом случае возможность наблюдать оратора хотя бы издали очень важна.

Задача устного переводчика, переводящего последовательно, заключается в том, чтобы запомнить смысл значительного фрагмента текста и затем воспроизвести его на другом языке, сохраняя не только познавательную информацию, но и по возможности стиль оратора, а также эмоциональную информацию, т. е. те эмоции, которые оратор вкладывает в свою речь. Следовательно, такому переводчику необходимо иметь развитую память, умение на ходу ориентироваться в стиле, обладать некоторыми актерскими данными.

К обязательным требованиям в устном переводе относится его высокая скорость. В среднем эта скорость должна находиться у верхнего предела скорости восприятия устной речи. Если оратор говорит быстро, она должна быть равна речи оратора, если он говорит медленно, переводчик обязан говорить при переводе значительно быстрее, чем оратор. Паузы между речью оратора и речью переводчика должны быть сведены до минимума.

Самый простой для переводчика вариант последовательного перевода — это перевод официального доклада, сообщения или речи. В этом случае, как правило, заранее можно получить текст всего доклада или хотя бы узнать его тему. Переводчик имеет возможность изучить текст доклада, познакомиться со специальной литературой по теме, составить «тезаурус» — списки слов по теме с соответстви-

ями. Однако и в этом случае переводчик не застрахован от неожиданностей, потому что оратор может во время выступления сократить или расширить текст своего доклада, уклониться от темы или даже полностью изменить ее. Поэтому устному переводчику необходимо иметь навык психологической готовности к самому неожиданному повороту событий при переводе.

Наиболее непредсказуемый характер имеет содержание дискуссии, которую приходится переводить переводчику практически на любой конференции. Неважно, в официальной или в неформальной обстановке она протекает, главное, что, помимо общей заявленной проблемы, переводчику не известны ни содержание выступлений конкретных участников, ни суть возможных проблем, которые могут быть подняты в ходе дискуссии. Кроме того, во время переговоров могут вспыхивать конфликты. Поэтому переводчик должен быть досконально знаком с правилами профессиональной этики, четко знать, как ему себя вести, что делать и что переводить в конфликтной ситуации.

Устный последовательный перевод может быть односторонним и двусторонним. Односторонний перевод предполагает, что данный переводчик переводит только с иностранного языка на родной, а с родного языка на иностранный переводит другой переводчик (как правило, носитель языка перевода). В современной международной переводческой практике этот вариант считается приоритетным. Двусторонний перевод означает ситуацию, когда один и тот же переводчик переводит все выступления и с иностранного языка на родной, и с родного на иностранный. На российском рынке перевода преобладает спрос на двусторонний перевод.

Отметим, что качество перевода с родного языка на иностранный и качество перевода с иностранного языка на родной несколько различаются. При переводе с иностранного языка на родной итоговый (переведенный) текст получается более связным, единым, правильным, чем при переводе на иностранный язык. Зато не исключены ошибки и недопонимание на этапе восприятия исходного иностранного текста, поскольку при самом высоком уровне знания иностранного языка все-таки, воспринимается он не так полно и надежно, как родной. Напротив, при переводе с родного языка на иностранный проблем при восприятии не возникает (они возможны только в случаях плохой слышимости, дефектов речи у оратора и тому подобных субъективных причин); но в переведенном тексте возможны разного рода ошибки: грамматические, стилистические, лексические. Многие переводчики, и опытные, и начинающие, отмечают, что на иностранный язык им переводить легче (!), чем на родной. Это противоречит бытующему в среде непрофессионалов представлению о сложностях перевода: обычно считается, что на родной язык переводить легче. Парадокс объясняется просто. Во-первых, полнота восприятия — важная основа для полноценного перевода, значит, при

перевод с родного языка эта основа надежнее. Надежность восприятия служит и серьезным психологическим организующим фактором: хорошо понимая исходный текст, переводчик меньше волнуется и больше уверен в своих силах. Во-вторых, возможности выбора вариантов при переводе на иностранный язык уже, представления о системе иностранного языка несколько упрощены, переводчик просто-напросто знает меньше иностранных слов и оборотов, чем слов на родном языке. Выбор упрощается, на поиски варианта тратится меньше времени, перевод осуществляется быстрее. Но это не означает, что он качественнее.

Вспомогательным средством запоминания в устном последовательном переводе могут служить записи в блокноте, которые делает переводчик. Наиболее продуктивна для записи *переводческая скоропись* (см. раздел «Знакомство с техническим обеспечением перевода» в главе 3).

В последнее время все большую популярность приобретает и все выше ценится умение переводить устно в последовательном режиме сразу большие фрагменты устного выступления (длящиеся 10-15 минут) или даже целое выступление (до 40 минут). Переводчик прослушивает этот большой фрагмент или все выступление и с помощью переводческой скорописи (сокращенной записи) записывает основное содержание сообщения, а затем, соблюдая все описанные выше требования (высокая скорость речи, сохранение эмоциональной окраски и стиля оратора), воспроизводит выступление на языке перевода. В умения так называемого конференц-переводчика перевод такого рода теперь включается в обязательном порядке, а само понятие конференц-перевод, которое включало когда-то навыки абзацно-фразового перевода выступлений и умение переводить дискуссию в двустороннем режиме, базируется теперь на переводе цельного текста. Такому переводу обязательно обучают в ведущих высших школах перевода, например в Гейдельберге, а методика обучения устному переводу в некоторых из них целиком базируется на восприятии и воспроизведении целого текста. Наиболее яркий пример такого рода — Высшая школа перевода при Сорбонне. У такой разновидности устного последовательного перевода два очевидных преимущества: первое — он позволяет сделать максимально эквивалентный перевод, поскольку переводчик передает содержание, опираясь на знание всего текста, в то время как при абзацно-фразовом переводе переводчик, как правило, последующего контекста не знает; кроме того, переводчик не привязан к отдельным словам и выражениям и перевод, таким образом, избавлен от буквализмов; второе преимущество заключается в том, что переводчик не прерывает оратора и оратор может в полном объеме передать слушающим эмоциональную информацию: ведь вынужденные паузы разрушают, в первую очередь, эмоциональный фон выступления. Есть у перевода

целого текста и существенный недостаток: пока оратор не завершит свою речь, аудитория, которая не знает языка оратора, в ожидании перевода явно скучает.

Важным профессиональным качеством устного переводчика является знание литературной нормы языка оригинала и языка перевода, поскольку тексты устных выступлений, как правило, держатся в рамках устного варианта литературной нормы языка. Редки случаи, когда в устной речи необходимо применение функциональных доминант какого-то другого стиля. Это, скажем, похоронная, траурная речь, где доминирует высокий стиль. Устная литературная норма, в отличие от письменной, имеет некоторые черты устной разговорной речи. Из них наиболее частотны две: эмоциональный порядок слов и наличие фразеологизмов.

Текст устного последовательного перевода, как правило, нигде не фиксируется, поскольку он необходим только в момент устного контакта. Однако иногда его записывают на магнитофон или, реже, стенографируют, скажем, в целях создания письменных текстов материалов конференции. Основой для создания письменных текстов или получения конкретной информации могут служить также сокращенные записи в блокноте переводчика.

2.2. Синхронный перевод

При синхронном переводе текст переводится почти одновременно с его произнесением (с небольшим отставанием). Поскольку он требует от переводчика навыка одновременно слушать, понимать, переводить и говорить, этот вид перевода общепризнанно считается самым сложным. Известный переводчик Г. Э. Мирам даже назвал его «психофизиологической аномалией в качестве профессии». Однако устные переводчики-профессионалы, как правило, не соглашались с таким представлением, ставя на первое место по степени сложности и затратам сил все-таки последовательный перевод. Действительно, необходимость одновременно слушать и говорить требует от человека особой натренированности, поскольку из естественного языкового опыта не следует. Но нам всем знакома житейская ситуация, когда во время дискуссии, при обсуждении каких-либо проблем говорит одновременно несколько человек и приходится говорить самому, одновременно прислушиваясь к тому, что говорят другие. Иногда это неплохо получается. Может быть, ваша речь, если вы одновременно еще и слушаете, лишается доли яркости и оригинальности, но она вполне возможна. Итак, к психофизиологическим аномалиям такой вариант пользования речью отнести нельзя, но он, безусловно, требует крайнего напряжения сил.

⁷ Мирам Г. Э. Профессия: переводчик.

При синхронном переводе переводчик находится в изолированной кабине и оратора видит либо издали через специальное окно, либо на экране монитора, а слышит его речь через наушники. Поскольку перевод транслируется в зал также через наушники, которыми снабжено каждое кресло в конференц-зале, особенно важно сохранять чистоту эфира, не допускать посторонних шумов, разговоров, покашливаний, так называемого эфирного «сора». Еще большее значение, чем при последовательном переводе, приобретает *чистота речи* переводчика, его *дикция*, артикуляционная правильность устной речи, отсутствие сорных слов и звуков типа «м-м-м», «э-э», «значит», «как бы». Также чистым, «поставленным», должен быть и *тембр голоса*. Неизбежная опасность при синхронном переводе — перенапряжение голоса, поскольку скорость речи, как правило, выше нормальной за счет отсутствия пауз. У каждого синхронного переводчика свой способ поддержания голоса: стакан воды (без газа!), специальные таблетки от кашля, кофе со сливками.

Важна также *интонационная культура* синхронного переводчика. Интонации его перевода должны быть ровными, не агрессивными, но уверенными, убедительными — это наиболее «комфортное» сочетание для слушателей.

Синхронные переводчики работают в парах, сменяясь каждые 10-20 минут. Переводчик, сменившись, продолжает следить за речью оратора и использует свободное время, наводя необходимые справки по словарям и материалам конференции, а если надо, то и помогает своему напарнику.

Синхронный перевод осуществляется по очень коротким сегментам текста, которые и служат в данном случае минимальными единицами перевода, поэтому ведущим навыком при этом виде перевода, помогающим обеспечить его эквивалентность, является навык прогнозирования. Но и при развитом навыке прогнозирования, т. е. предвидения того, что скажет оратор, ошибки неизбежны. Ошибки переводчик старается исправить, вводя корректирующую информацию в свою последующую речь, и на это тратится некоторое время. Вместе с тем переводчику ни в коем случае нельзя отстать от оратора, иначе он потеряет нить смысла. Такой временной прессинг заставляет синхронного переводчика сжимать, компрессировать свою речь, выбирать наиболее короткие слова и наиболее компактные обороты речи, а также выпускать второстепенную, на его взгляд, информацию. Таким образом, при синхронном переводе прежде всего задействованы аналитические и речевые навыки и в меньшей степени память. Как и при последовательном переводе, переводчику необходимо иметь колоссальный объем лексики в активном запасе.

В среднем ораторский текст, который приходится переводить синхронисту, это произносимый в довольно быстром темпе (поскольку почти всегда на официальных мероприятиях существует регламент) устный монолог оратора на родном для него языке по заготовленно-

контрольши мнил* * J

му тексту (реже без заготовок). Однако бывают и осложняющие обстоятельства. Например, с редких в международном обиходе языков, таких как японский, китайский, арабский и т. п., переводят, как правило, через английский. Тогда всего один синхронист переводит с японского на английский, остальные же «берут» его переводной текст, т. е. переводят с английского на русский, немецкий и пр. Тогда качество работы всех переводчиков зависит от работы этого ведущего переводчика, и на нем лежит двойная ответственность. Осложняется перевод также акцент оратора и неправильность его речи, если он берется произносить доклад на неродном для себя, например английском, языке. Известны сложности, которые вызывает английская речь японцев, индийцев, шведов. Специфика их родных языков накладывает искажающий отпечаток на их английский. Прежде всего это сказывается на произношении, которое затрудняет восприятие их речи переводчиком. В затруднительные условия может поставить переводчика и быстрое считывание оратором письменных цитат (например, текстов законов) или чтение вслух документов. Наконец, специфические задачи возникают перед синхронистом, если оратор говорит очень медленно, делает большие паузы, повторяется. Возникает опасность, что речь переводчика окажется «рваной», с большими паузами, слушающие утратят нить логики рассуждений, и им будет казаться, что переводчик плохо или не все переводит. В этой ситуации переводчику приходится брать на себя редактирование текста, кроме того, ему необходимо чем-то заполнять паузы. Тут ему может понадобиться умение, противоположное навыку компрессирования, а именно умение «развертывать» текст, выбирая более объемные обороты речи, скажем, заменяя причастный оборот придаточным предложением.

Помимо описанного, основного вида синхронного перевода, существуют еще две разновидности. Первая — это так называемый *шепотной синхрон*. Переводчик находится непосредственно рядом с человеком или группой людей, для которых переводит, и тихо, вполголоса или шепотом, чтобы не помешать остальным присутствующим (за что и был в среде профессионалов прозван «шептун»), переводит для них содержание речи оратора или участника дискуссии. Такое «персональное» обслуживание необходимо тогда, когда подавляющему большинству присутствующих перевод не нужен. Широко практикуется он и в неофициальных случаях: например, при посещении театра, при просмотре телепередач на иностранном языке и т. п. «Шептун» работает в крайне сложных условиях, часто в обстановке непредсказуемых помех (громкая чужая речь, музыка, вопросы и высказывания со стороны клиента), но и требования к его переводу гораздо скромнее, чем к переводу конференц-синхрониста. Как правило, от него ожидается лишь сокращенная передача общего смысла иностранной речи.

Другая разновидность — это «контрольный» синхрон, который стал все чаще встречаться при проведении крупных конференций. Переводчик находится в особой кабине, и речь оратора поступает к нему

через наушники. Он либо не видит оратора вообще, либо имеет возможность изредка посматривать на него, бросая взгляд на экран монитора. Изредка потому, что основная его задача: переводя мысленно услышанный текст, тут же набирать его на компьютере. Поэтому в основном он смотрит на другой экран монитора, где фиксируется его текст. Основная задача его та же, что и у обычного синхрониста: не отстать от оратора и по возможности полно передать содержание речи. Однако одновременно он должен обладать навыком быстрого, желательно «слепого» (не глядя на клавиши) набора на компьютере. Разумеется, текст оказывается неполным. Поэтому после окончания рабочего дня переводчику приходится довольно продолжительное время дорабатывать свой текст. Как мы видим, эта разновидность устного перевода смыкается с письменным переводом, поскольку в результате возникает письменный текст. Он и служит чаще всего как основа для будущей публикации материалов конференции, а также может быть использован и для контроля работы устных синхронистов.

2.3. Синхронизация видеотекста

Эту разновидность устного синхронного перевода мы опишем отдельно, поскольку она имеет целый ряд специфических черт. Живая синхронизация видеотекста переводчиком, т. е. синхронный перевод через микрофон того, что говорят в данный момент герои кинофильма или диктор (в случае, если это документальный фильм), почти полностью вытеснил в последние годы так называемое дублирование — замену текста, звучащего на иностранном языке, на подготовленный текст на языке перевода в исполнении актеров. Произошло это в первую очередь потому, что звуковой ряд кино: тембр голоса, интонации, специфика произносимых реплик на языке подлинника, фоновые шумы в кадре общепризнанно считаются частью художественного замысла автора фильма, и зрители должны иметь возможность познакомиться с ними в том виде, в котором их создал автор.

При живой синхронизации реплики героев на иностранном языке приглушенно звучат через динамики, а голос переводчика слышен через наушники. Как правило, это подготовленный синхрон. Переводчику заранее предоставляют видеокассету с фильмом и монтажные листы (текст фильма по кадрам и сценам) на иностранном языке. Переводчик готовит перевод и создает свои монтажные листы. При этом у него есть возможность отрепетировать свой будущий синхронный перевод. Особая сложность заключается в «укладывании» текста в кадр, поскольку длина звучания переведенного текста может не совпадать с длиной звучания текста в оригинале. Тогда переводчику приходится сокращать или увеличивать текст.

Помимо этого существует проблема передачи эмоциональности действующих лиц фильма. На это есть две точки зрения, которые и

соответствуют двум различным стилям работы синхронизаторов кино. Согласно первой точке зрения, переводчик обязан быть еще и актером и по возможности полно передавать голосом и интонациями эмоциональный заряд кинодействия, т. е. быть транслятором эмоций. Переводчики, разделяющие эту точку зрения, при переводе стараются подражать интонациям героев и копируют их эмоции (смех, раздражение, испуг и т. п.). Согласно второй точке зрения, весь эмоциональный заряд должен исходить от подлинного текста и от экранного действия, переводчик же транслирует только безэмоциональный текст. Его ровный голос, контрастируя с эмоциональными голосами героев, вдвойне подчеркивает эмоциональный фон фильма. В реальности этот контраст часто придает всему тексту подлинника несколько иронический оттенок.

В редких случаях, например при незапланированных показах на кинофестивалях или конференциях, переводчику приходится синхронизировать кинотекст без подготовки. Качество такой синхронизации, разумеется, всегда ниже.

2.4. Перевод с листа

Перевод с листа кажется многим одним из самых легких видов устного перевода. Однако это лишь внешнее впечатление. Переводу с листа обучают во всех крупных переводческих учебных заведениях, и это обучение длится немалый срок. В чем же его сложность? Переводчику необходимо без подготовки (или с очень небольшой подготовкой в несколько минут) перевести письменный текст вслух, как бы «считывая» его с листа. Казалось бы, все очень просто. Память напрягать не надо, письменная опора всегда перед глазами. Однако, в отличие от письменного переводчика, переводчик с листа не может полноценно опираться на весь текст. Он должен обладать умением быстро, по нескольким симптомам определить тип текста, его стилистическую специфику, суть проблемы, обсуждаемой в тексте, тематику и область знаний. Даже в самом легком случае, если требуется перевести деловое письмо, текст может быть осложнен терминологией, специфическими оборотами речи. В более сложных случаях с листа приходится переводить резолюции, декларации, манифесты, т. е. документы, имеющие правовой статус и требующие особой точности при переводе.

2.5. Коммунальный перевод

Под этим еще не окончательно устоявшимся названием скрывается одно из самых современных направлений в развитии деятельности устного переводчика: перевод в медицинских и административных учреждениях. И особенность его не в специфике самого перевода, а в

специфике позиции переводчика. Разумеется, устные переводчики и раньше при необходимости переводили в суде, в загсе, в больнице, в тюрьме. Их задача, как всегда, заключалась в том, чтобы обеспечить межъязыковой контакт. Однако лишь в последнее время стало ясно, что преодоления межъязыкового барьера недостаточно. Для обеспечения полного равноправия, полной правовой интеграции иностранного гражданина, не владеющего языком страны, в систему ее законов, правил и ценностей, необходимо преодоление также и межкультурного барьера. Иначе неизбежны многочисленные недоразумения. Миссия коммунального переводчика заключается в том, чтобы облегчить иностранному гражданину контакт с властями. Для этого нужны глубокие знания культуры и социальной специфики народов и стран, представляющих оба языка, а также социальной и личностной психологии. В отличие от большинства устных переводчиков, коммунальному переводчику приходится иметь дело с устной речью, далекой от официальной, с диалектами и просторечием. Одновременно он должен владеть языком суда, медицины, языком официальных учреждений. В большей мере, чем конференц-переводчику, ему необходима терпимость и выдержка в стрессовых ситуациях.

В заключение отметим, что устный перевод во всех своих разновидностях выполняется в обстановке острого дефицита времени, а поэтому, помимо знаний и профессиональных умений, требует огромной выдержки и психической устойчивости. Именно эти качества устные переводчики ставят на первое место, когда речь заходит об их профессии.

2.6. Письменный перевод

Письменный перевод, т. е. перефразирование письменного текста, созданного на одном языке, в письменный текст на другом языке, при широчайшем разнообразии письменных текстов, имеет всегда одну и ту же схему и предполагает обычно следующую последовательность действий: сначала переводчик знакомится с текстом оригинала; затем, произведя предварительный предпереводческий анализ, т. е. выявив тип текста, жанровые и стилистические признаки, тему и область знаний, с которыми связан текст, он приступает к созданию текста перевода. При необходимости письменный переводчик привлекает различные вспомогательные источники информации, которые обеспечат ему *фоновые знания* о тексте: словари, справочники, консультации со специалистами. Закончив перевод, переводчик сверяет, правит и редактирует собственный текст, затем оформ-

ляет и передает заказчику. Если текст предназначен для публикации, то после переводчика (но в контакте с ним) над текстом работают редакторы и корректоры.

От устного перевода письменный перевод коренным образом отличается отсутствием дефицита времени. Письменный перевод не ставит переводчика в жесткие временные рамки и обеспечивает самый высокий уровень эквивалентности по отношению к подлиннику. Правда, отсутствие дефицита времени может быть весьма условным. Большая часть переводов в наши дни выполняется в срочном режиме. Исключение, как правило, составляет художественный (литературный) перевод, т. е. перевод художественных произведений. Если объем нехудожественного текста, который переводчик в среднем может перевести за рабочий день, составляет от 7 до 10 страниц по 1800 знаков⁹, то количество страниц художественного текста, который удастся перевести за день, предвидеть невозможно. Эстетическая наполненность текста, специфика индивидуального стиля автора могут таить самые разные сюрпризы. Художественная цельность такого текста заставляет переводчика несколько раз возвращаться к его оформлению, создавать несколько версий, разрабатывать особые приемы перевода, подходящие только для данного текста и данного автора.

Письменные переводчики иногда специализируются на текстах определенного типа. В первую очередь это касается текстов, обладающих правовым статусом. Поэтому нотариальные переводчики, судебные переводчики имеют особый сертификат, подтверждающий их полномочия, и собственную именную печать. Штатные переводчики в фирмах, на предприятиях, в конструкторских бюро специализируются на той области техники и производства, которыми занимаются их фирмы. Особую категорию составляют переводчики художественной литературы. Это обычно люди с высоким творческим потенциалом, писательскими наклонностями и широкой филологической образованностью. Вместе с тем стоит отметить, что современная потребность в письменных переводных текстах в мире столь велика и разностороння, что большинству переводчиков приходится быть специалистами широкого профиля и переводить тексты разного типа и разной тематики. Гибкость, быстрая переключаемость и привычка постоянно впитывать новое помогают современным переводчикам быстро освоить любой текст.

2.7. Машинный перевод

Машинный, а точнее, компьютерный перевод — это также письменный перевод, поскольку в результате мы получаем письменный

⁹ На практике это от 1 до 2 страниц в час. См.: *Handbuch Translation*. — 1999. — S. 11.

текст. Однако осуществляет его не переводчик, а особая компьютерная программа. Современные компьютерные программы перевода достаточно совершенны, но они до сих пор не могут разрешить самую сложную задачу процесса перевода: выбор контекстуально необходимого варианта, который в каждом тексте обусловлен многими причинами. В настоящее время результат этого вида перевода может быть использован как черновой вариант будущего текста, который будет редактировать переводчик, а также как средство, чтобы в крайней ситуации отсутствия переводчика получить общее представление о теме и содержании текста.

Еще более сложную задачу представляет перевод устного текста с помощью компьютерных программ, так как проблема распознавания устной речи находится лишь на начальном этапе своего решения. До сих пор непреодолимым препятствием является индивидуальная окраска звучания сегмента речи — на любом языке такая речь плохо формализуется.

2.8. Особые виды обработки текста при переводе

В некоторых случаях перед переводчиком ставится задача не только перевести, но и обработать текст. В современных исследованиях зачастую встречается мнение, что все случаи, когда при переводе текста имеет место его попутная обработка, следует считать фактом не перевода, а языкового посредничества, к которому, наряду с переводом, «относятся... и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения»¹⁰. Действительно, текст в рамках одного языка может претерпеть эти виды обработки и превратиться просто в другой текст. Но если при этом он перевыражается средствами другого языка, то, помимо обработки, перед нами еще и перевод в тех или иных своих проявлениях.

Обработка может затрагивать состав информации, сложность ее подачи, стиль текста. В зависимости от этих задач различаются разные виды обработки текста при переводе.

Адаптация. Адаптация представляет собой приспособление текста к уровню компетентности реципиента, т. е. создание такого текста, который читатель сможет воспринять, не прибегая к посторонней помощи. Среди наиболее частых случаев — обработка текстов разного характера для детей, обработка специальных текстов для неспециалистов, лингвоэтническая адаптация.

Адаптация прежде всего заключается в упрощении текста, как формальном, так и содержательном. В частности, специальная лексика (термины, сложная тематическая лексика) заменяется при переводе на общезыковую, нормативную, или, по крайней мере, объяс-

няется переводчиком внутри текста или в примечаниях. Упрощаются сложные синтаксические структуры, уменьшается объем предложения. Адаптация художественного текста заключается также в упрощении образной системы и часто используется для начального знакомства детей со сложными литературными текстами. Среди знаменитых адаптации, на которых выросли русские дети: «Гулливер у лилипутов» Джонатана Свифта в обработке Т. Габбе и З. Задунайской, «Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо» Даниэля Дефо в обработке Корнея Чуковского и многое другое.

Несколько иной характер имеет адаптация текста для носителей иной культуры, или лингвоэтническая адаптация. Она заключается не в упрощении грамматического и лексического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений. Так, при переводе с немецкого языка на русский учебника по общему языкознанию немецкие примеры могут быть заменены на русские, аналогичные по типу, но представляющие собой слова с другим значением. При характеристике морфемной структуры слова вряд ли имеет смысл оставлять в русском тексте пример «Vor-prüf-ung-en», демонстрирующий возможное наличие в слове структуры «префикс-корень-суффикс-окончание», поскольку читатели могут не знать немецкого языка. Соответствующее русское слово «за-чет» не показательно для описания морфемной структуры слова, ибо содержит лишь префикс и корень, поэтому в целях адаптации к восприятию русского читателя обработчик может выбрать другое слово, например «про-вид-ени-е». Многочисленные реалии чужой культуры, которые в публицистическом или художественном тексте на иностранном языке могут встретиться без пояснений, при переводе снабжаются комментарием. Текст при этом расширяется, это может снизить его эмоциональное воздействие, но зато он станет доступен читателю.

Стилистическая обработка. Исходный текст не всегда идеален. Во всяком случае, его качество не всегда удовлетворяет заказчика перевода. Сам в полной мере он оценить это качество не может, но может довериться чужой экспертной оценке. Тогда переводчика просят не только перевести, но и «улучшить» текст, например, сделать его менее казенным, громоздким; убрать длинноты и нелогичности; шире, чем в подлиннике, пользоваться разговорными оборотами речи; или, напротив, убрать из подлинника слишком вольные словечки, если речь идет об официальном документе. Традиционно такой вид обработки носит название «литературная обработка». Фактически же переводчик восстанавливает единство стиля и выравнивает логику содержания, поскольку это не в полной мере удалось автору оригинала.

Авторизованный перевод и соавторство. Этот вид обработки встречается только при переводе художественных и публицистических текстов, где за переводчиком признается авторство на переведенный им текст.

Авторизация отличается от адаптации и стилистической обработки тем, что переводчик (как правило, с разрешения автора оригинала) вносит собственные изменения в художественную систему подлинника, меняет сюжет, состав героев, применяет свои художественные средства. В России в советские годы авторизация часто применялась для того, чтобы убрать из произведения «вредные» идеи и внести «полезные» коммунистические (см. главу 6). Иногда же авторизация совмещается с адаптацией, как это случилось в 1930-е годы при создании русской версии для детей книги Сельмы Лагерлеф «Необыкновенное приключение Нильса с дикими гусями», которое представляло собой в подлиннике учебник географии для шведских народных школ. Теперь для разных целей существуют два разных «Нильса»: для маленьких детей в авторизованной обработке Н. Гессе и З. Задунайской и для детей постарше и специалистов полные переводы Л. Брауде и Н. Золотаревской.

Соавторство встречается значительно реже. Это тот редкий случай, когда автор оригинала, находясь в постоянном контакте с переводчиком во время его работы, полностью соглашается со всеми изменениями, которые переводчик вносит в его текст, и считает, что переводчик внес собственный вклад в его творческий замысел. Иногда соавтором переводчика объявляет сам автор. Так случилось летом 2000 г., когда Манфред Ваффендер, немецкий автор документального фильма о Петербурге («Music city: St. Petersburg») объявил известную петербургскую переводчицу Марину Кореневу соавтором своего фильма. Правда, причина заключалась в высокой культурной компетентности переводчицы, ее осведомленности в том, что может заинтересовать немецкого зрителя в культурной жизни родного города переводчицы, который она великолепно знает.

Выборочный перевод. Иногда заказчика не интересует весь текст, ему необходимо почерпнуть из него сведения на какую-то определенную тему. Например, из научного обзора литературы о вирусах нужно выбрать информацию лишь о тех вирусах, которые способствуют возникновению атеросклероза. Или из спортивной сводки об Олимпиаде — только информацию о российских спортсменах. Тогда переводчику приходится выполнять выборочный перевод. Предварительно ему необходимо ознакомиться, хотя бы бегло, с текстом в полном составе. Затем, после того как необходимые фрагменты текста найдены и отмечены, делается черновой сплошной перевод этих фрагментов. Этот черновой вариант переводчик редактирует, переформулируя отдельные высказывания, чтобы восстановить логические связи в тексте.

Резюмирующий перевод. Это самый сложный и трудоемкий вид обработки текста при переводе. Задачей переводчика является создание резюме, краткой сводки о содержании текста. Прежде всего приходится ознакомиться с текстом в его полном объеме, а он может быть довольно большим: многостраничная монография, большой

роман или даже многотомный исторический труд. После этого переводчик выстраивает собственную схему краткого изложения содержания, ориентируясь на поставленные перед ним задачи: ведь размер резюме никак не коррелирует с размером произведения. Из практики известны случаи, когда требовалось десятистраничное прозаическое резюме текста пьесы, составлявшего 120 страниц, и просьба сделать сокращенный (т. е. резюмирующий) перевод философского сочинения в 700 страниц, сократив его при переводе вдвое. Здесь недостаточно бывает переформулировать отдельные высказывания; многие фразы приходится писать самостоятельно на основании содержания подлинника. Резюмирующий перевод требует от переводчика аналитического подхода к содержанию текста и умения делать собственные выводы из воспринятой информации.

Глава 3

ЭТИКА ПЕРЕВОДЧИКА

3.1. Сущность профессиональной этики переводчика

Представители любой профессии имеют свои нормы и правила поведения. С помощью этих норм и правил профессия утверждает свое место в обществе, а общество, со своей стороны, оказывает влияние на этику профессии. В любой профессии имеются свои моральные нормы и законы профессионального поведения, которые нельзя нарушать. Не всегда они имеют вид заповедей, но, пожалуй, всегда базируются на основах христианской нравственности, окончательно утвердившихся в европейском обществе к концу XIX в. Честность, обязательность, профессиональная взаимопомощь стали знаменем любой профессии. Понятие профессиональной чести потеснило прежде почитавшееся понятие сословной чести.

Профессия переводчика не исключение. Возникнув много веков назад, она постоянно доказывала свою нужность людям. Менялось отношение общества к ней, менялись и этические нормы. К началу XX в. они имели уже определенные очертания и постоянно оттачивались на протяжении всего XX столетия. Как уже отмечалось, полноценное осознание роли перевода и переводчика приходится на середину XX в. Правда, многие современные исследователи отмечают, что социальный статус профессии переводчика и сегодня недостаточно высок¹. Европейские и американские авторы отмечают

¹ См., напр.: *Przybyłowska M. Uebersetzer im Ueberlebenskampf // U wie Übersetzen. — Wien, 1992. — № 9/10. — S. 23-29; Koller W. Einführung in die Übersetzungs-*

непонимание сути профессии переводчика со стороны многих заказчиков, восприятие переводчика как неизбежного зла, низкую оплату и неудовлетворительные условия труда, отсутствие социальной защиты.

Особая ситуация до последнего времени наблюдалась в России. Бытовое представление о переводе было и остается легкомысленным. Пожалуй, это единственная профессия, за которую все люди, не задумываясь, берутся с легкостью еще в детские годы. Обычное школьное задание: «Переведи!» может прозвучать на уроках иностранного языка еще в первом классе. При этом учитель не объясняет, что для этого надо сделать, а ученику не приходит в голову, что для этого нужно что-то дополнительно уметь. Все уверены, что для перевода достаточно знать хоть немного иностранный язык. А уж от человека с мало-мальски филологическим образованием просто все вокруг ждут, что он с легкостью исполнит обязанности переводчика и устного, и письменного, и он сам того же мнения. Все — и заказчики, и переводчики — знают, что такое перевод, а по поводу того, каким он должен быть, каждый волен думать, что ему заблагорассудится.

Конечно, здесь играет роль вечно бытующая обывательская самоуверенность: мол, то, чем я не занимаюсь, не так уж важно и дается легко. Однако ситуация в России имеет также свои глубокие исторические и социальные корни. Профессиональная этика переводчика в России, не успев окончательно сложиться в начале XX в., была затем почти до основания разрушена. Огромную роль в этом сыграло провозглашение атеизма в нашей стране и попрание христианских ценностей. Утверждение вседозволенности распространилось и на перевод и сделало его удобным идеологическим оружием. При переводе можно было исказить все что угодно, если это было необходимо в идейных целях. Появилось понятие «идеологически выдержанный перевод». Переводчиков объявили «бойцами идеологического фронта». Эти установки обернулись тем, что переводчик оказывался профессионалом прежде всего в области идеологии, а не в области перевода.

Профессиональная порядочность, разумеется, не могла исчезнуть полностью. И она теплилась все эти годы, давая великолепные плоды прежде всего в сфере художественного и специального письменного перевода. Однако сейчас, когда и наше российское общество преодолевает свою прежнюю закрытость, насущной задачей стало восстановление постулатов переводческой этики.

В последние годы осознание необходимости формулирования этих постулатов, восстановления и утверждения чести профессии отражается в многочисленных публикациях, посвященных переводу.

О них всерьез заговорили такие известные устные переводчики, как П. Палажченко, А. Чужакин, Г. Мирам, А. Паго¹². К вопросам этики неоднократно обращается теоретик и практик перевода Р. К. Миньяр-Белоручев¹³. В виде шуточных «правил» некоторые важные этические принципы, сформулированные М. Боуэн, опубликованы в переведенном на русский язык учебнике по синхронному переводу известной английской переводчицы Линн Виссон¹⁴. Однако связного представления о профессиональной этике переводчика новейшие публикации нам все же не дают. Типично лаконичное упоминание о ее необходимости, как это делается в наиболее полном справочно-энциклопедическом пособии по проблемам перевода («Handbuch Translation») издания 1999 г., где обозначены лишь цели существования профессиональной этики: «осознание будущим переводчиком меры его профессиональной ответственности и необходимости хранить тайну информации»¹⁵.

Итак, профессиональная этика переводчику необходима. Из чего же она складывается? Она включает в себя моральные принципы, нормы профессионального поведения, требования профессиональной пригодности, твердое знание переводчиком своего правового статуса, знакомство с техническим обеспечением перевода.

3.2. Моральные принципы переводчика

Моральные принципы переводчика, т. е. определение того, что можно и чего нельзя переводчику, — задача не такая уж простая. Мнение российских практиков по поводу того, что аморально, а что нет, несколько расходятся, и повинна в этом прежде всего долгая пора хаоса в этой области, о причинах которого мы уже говорили. Тем не менее некий общий знаменатель из разнородных мнений извлечь можно, и мы попробуем сделать это на конкретных образцах перевода, взятых из записей работы различных российских переводчиков 90-х годов. Предваряя анализ «образцов», напомним, что, как отмечают многие исследователи перевода, при устном последовательном переводе хороший переводчик способен передать до 80 процентов информации исходного текста. Это объективные данные для такого вида коммуникации. Однако несоблюдение переводческой этики может привести к почти полному блокированию информации.

См.: Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. — М., 1999. — С. 135-141; Мирам Г. Профессия: переводчик. — Киев, 1999. — С. 145-157; Паго А. Голос из будки // Studio. — СПб., 1999. — № 1. — С. 9-16.

¹³ См., напр.: Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. — М., 1999. — С. 86-93.

¹⁴ Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. — М., 2000. — С. 268-269.

¹⁵ Handbuch Translation. — Tübingen, 1999. — S. 365.

Директор завода (говорит по-немецки, рассказывая русским официальным лицам о положении на своем предприятии; присутствуют также немецкие политические деятели и представители заводской администрации): «Наш завод специализировался раньше на выпуске военной техники. Мы собирали ракетные установки, все детали для которых поставлял бывший Советский Союз. Ведь Германия не имела права выпускать собственное вооружение. Выпускали радарные установки, ракеты типа „Конкорд“. Теперь наши специалисты, инженеры высокого класса, переориентируются на выпуск трамваев...»

Переводчик: «Он говорит о том, что завод раньше был военный. Валит все на Советский Союз. Ну, и намекает на то, что сейчас их специалистам хуже живется...»

Как мы видим, переводчик передал только малую долю смысла того высказывания, которое сделал его клиент. От логичной, выдержанной в официальном стиле характеристики завода осталось только обобщенное, свернутое сообщение «завод раньше был военный». Полные предложения с прямым порядком слов, характерные для официального сообщения, превратились в неполные, эллиптические. Нейтральная окраска текста заменилась эмоциональной, официальный стиль — разговорным. Все фразы в переводе отличаются просторечной окраской. И эта окраска, создающая особый, интимный тон общения русской стороны, и перевод в третьем лице: «Он говорит...» разрушают, изменяют ситуацию официального общения, в которую переводчик не имел права вмешиваться.

Перейдем теперь к обсуждению ситуации перевода. Соблюдение этических норм в ситуации перевода существенно влияет на результат. Поскольку устный перевод — это работа в прямом контакте с людьми, от переводчика прежде всего требуется соблюдение норм этики общения, оно входит почти в любую профессиональную этику. Значит, переводчик должен в полной мере обладать умением себя вести, быть воспитанным человеком. Диапазон представлений о воспитанности чрезвычайно широк. Но всегда в основе воспитанности правила, позволяющие человеку проявлять к другим людям такое же уважение, как к самому себе. Создание с помощью интимного просторечного тона группировки внутри коллектива людей, участвующих в общении, — это неуважение к остальным. Столь же неуважительно говорить о человеке в его присутствии «он». Тем более что это опять искажает смысл текста. Ведь директор завода говорит от первого лица: «наш завод», «мы», «я». Корректный перевод не допускает смены лица местоимения, т. е. замены одной грамматической формы на другую.

А теперь попробуем сделать некоторые выводы из обсужденных этических ошибок переводчика и сформулировать основные правила переводческой этики:

1. Переводчик не собеседник и не оппонент клиента, а *транслятор*, перевыражающий устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке.
2. Из этого следует, что *текст* для переводчика *неприкосновенен*. Переводчик не имеет права по своему желанию изменять

смысл и состав текста при переводе, сокращать его или расширять, если дополнительная задача адаптации, выборки, добавлений и т. п. не поставлена заказчиком.

3. При переводе переводчик с помощью известных ему профессиональных действий всегда стремится в максимальной мере передать *инвариант* исходного текста, ориентируясь на функциональные доминанты подлинника.
4. В ситуации перевода переводчик обязан соблюдать этику устного общения, уважая свободу личности клиента и не ущемляя его достоинство (подробнее о ситуативном поведении в следующем разделе).
5. В некоторых случаях в обстановке устного последовательного или синхронного перевода переводчик оказывается лицом, облеченным также и *дипломатическими полномочиями* (например, при переводе высказываний крупных политиков в обстановке международных контактов). Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению, но не обязан защищать при этом интересы какой-то одной стороны.
6. В остальных случаях переводчик не имеет права вмешиваться в отношения сторон, так же как и обнаруживать собственную позицию по поводу содержания переводимого текста.

Переводчик в нашем первом примере нарушил все указанные выше принципы и, таким образом, не выполнил свою профессиональную задачу. Прежде чем перейти к обсуждению прочих моральных принципов работы переводчика, подкрепим сказанное выше еще двумя примерами:

Российское телевидение (в беседе с рабочим предприятия): «Как вы живете? Чем интересуетесь? Какая у вас семья? Чем вы занимаетесь в свободное время? Как вам жилось раньше? Как теперь? Расскажите об этом немножко!»

Рабочий: «Да что там рассказывать! Ничего особенного... Как жил, так и живу. Ничем особенным не занимаюсь. Работа примерно та же. Был электриком, стал электромонтером. Планов особых нет. Семьи пока нет. Ну разве что жену, может быть, заведу. Так все как-то...»

Переводчик: «Говорит, что все как было, так и есть. Ничем он не интересуется... Дебил!»

Как мы видим, переводчик опять нарушает все правила профессиональной этики. Он меняет смысл высказывания, игнорирует его инвариант, и вместо последовательного перевода предлагает свою оценку и свою трактовку содержания. Помимо этого он позволяет себе и откровенное ругательство, проявляя личное высокомерие по отношению к автору исходного текста.

И, наконец, третий пример.

Обстановка банкета. Мюнхен. На банкете журналисты, писатели, художники из Германии и России. Слово берет главный редактор крупной баварской газеты: «Друзья! Теперь уже ясно, что наша выставка удалась. Русские художники показали класс! Мюнхен приветствует их! Давайте выпьем за них и за высокое искусство!»

П е р е в о д ч и к (обращаясь к русским художникам): «Да ну его к черчу! Он чушь всякую мелет! Давайте лучше сами выпьем!»

Опять все этические нормы нарушены. Мало этого, переводчик нарушил и те негласные законы, которые знает каждый переводчик и которые обеспечивают качество его работы. Как ни печально, переводчик не имеет права пить и есть на банкете. Для него это не банкет, а работа. Он вполне может выпить и поесть потом, после работы, на заработанные деньги. Если же он примет равноправное участие в банкете, его внимание рассеется, а первая же рюмка самого легкого спиртного, даже пива, снижает скорость языкового произведения вдвое.

Работа устного переводчика, как и вообще владение речью, неразрывно связана с надежностью функционирования организма. Если переводчику предстоит работать, он обязан хорошо выспаться. Он должен владеть основными приемами аутотренинга и самонастройки, чтобы никакие внешние и личные обстоятельства не сказывались на качестве его работы. Он обязан выходить на работу абсолютно здоровым. Только при этих условиях может быть обеспечена его надежность как транслятора информации. Отметим в скобках, что переводчик, о котором шла речь в последнем примере, был уволен как профессионально непригодный, хотя в его блестящем знании языка сомневаться не приходилось. Уволили его по двум причинам: за несоблюдение профессиональной этики и за слабое владение техническими приемами устного перевода.

Профессиональная этика диктует и реакцию на личные, индивидуальные особенности речи оратора. Ведь речь оратора далеко не всегда нормативна. Автор устного текста может допускать различные отклонения от нормы:

1. Он может говорить на диалекте (территориальные отклонения).
2. В его речи могут встречаться отдельные черты местного варианта нормы.
3. У него могут быть индивидуальные дефекты речи, шепелявость, картавость, заикание, гнусавость и т. п.
4. Он может употреблять сорные слова (например, в русском: как бы, значит, так сказать, что ли).
5. Он может говорить на ломаном языке, смешивать языки (иностронец).

Во всех этих случаях, как бы ни забавляла переводчика странность речи оратора, он не имеет права проявлять своих чувств. А для этого он должен быть заранее готов к возможности таких странно-

стей. Если речь идет о территориальных отклонениях, переводчику следует заранее с ними ознакомиться. В любом случае переводчик опускает названные отклонения и заменяет их при переводе моделью литературной нормы языка перевода.

Особую проблему представляют длинноты и повторы в речи оратора. Если это повторы случайные или же с функцией подчеркивания значимости высказывания, переводчик может сократить их, но с обязательным комментарием (например: «Уважаемый господин мэр трижды подчеркнул необходимость тесных контактов в области рыбодства»).

Ясно, что переводчик — живой человек и он может чего-то не знать, что-то не понять; при этом устный переводчик, работая в обстановке дефицита времени, не имеет возможности посмотреть в словарь, полистать справочник. Но тогда — и это важное правило профессиональной этики — переводчик обязан сигнализировать о своей недостаточной компетентности и фактах непонимания исходного текста, а не скрывать их. Как раз в этих случаях переводчик имеет право заявлять о себе, задавать уточняющие вопросы, просить повторить, пояснить, если он не расслышал, не запомнил, не знаком с терминами. Если же ему предстоит переводить тексты по заранее известной тематике (научная конференция, деловые переговоры), он должен подготовиться к работе, составить собственный рабочий словарь-тезаурус, проконсультироваться со специалистами.

К сожалению, в практике наших переводчиков встречается и несколько иная реакция на непонятное в речи оратора. Переводчик старается не подать виду, что он что-то недопонял. Далее он либо говорит в переводе что попало, либо делает фразу в переводе настолько сложной и запутанной, что присутствующие не могут в ней разобраться, но в официальной обстановке также не подают виду, что ничего не понимают. Таким образом, переводчик грешит против профессиональной честности и подрывает доверие к самому себе. Подобные случаи, когда переводчик не признается в собственной некомпетентности и переводит наобум, нередки и в письменном переводе.

Большинство уже упомянутых морально-этических принципов актуальны и для письменного перевода. Но поскольку его продуктом является письменный текст, к этическим нормам относятся и правила отражения состава, и правила оформления письменного текста. Если перед письменным переводчиком не поставлено особой задачи, он обязан передать весь состав, т. е. все текстовые единицы на языке оригинала: заглавие, титулы автора, сноски, подписи под иллюстрациями и т. п. Слова и фрагменты текста на других языках, помимо языка оригинала (например, в английском тексте есть фрагменты на латыни, греческом и французском языках), переносятся в текст перевода без изменения. Хотя в большинстве случаев переводчику приходится навести справки у специалистов о том, что означают эти фрагменты, чтобы понять общий смысл текста. Не пе-

реводится также Summary на английском языке в современном научном тексте. В тексте перевода должны быть обозначены страницы исходного текста, чтобы пользователь мог легко в нем ориентироваться. Средства графического выделения (разрядка, подчеркивание и т. п.) должны быть либо воспроизведены, либо заменены равнозначными. Сокращения должны быть по возможности расшифрованы и приведены в тексте перевода в исходном, полном и сокращенном виде на языке перевода (UNO, Организация Объединенных Наций, ООН). В конце перевода переводчик обязан проверить полноту состава текста, так как пропуски случаются даже у самых опытных переводчиков. Соблюдение всех этих правил оформления и передачи текста в письменном переводе обеспечивает корректное отношение к заказчику.

Последнее замечание касается и того, насколько переводчик вправе делиться с окружающими той информацией, которую он почерпнул во время перевода. Подписку о неразглашении информации от переводчиков требуют только в военном ведомстве и при переводе (устном и письменном) в ходе следствия по уголовному делу и в ходе судебного разбирательства. В остальных случаях работа переводчика, как правило, не секретна, ее результаты публикуются либо во время работы (устный перевод на конференции есть публикация), либо через некоторое время (письменный перевод статей и книг). Однако существуют ситуации, когда перевод конфиденциален. Например, содержание деловых и правительственных переговоров разглашению не подлежит. Переводчику доводится участвовать и в сугубо личных переговорах, и тогда разглашение их содержания может затронуть неприкосновенность личности клиентов, которая находится под защитой Конституции.

Итак, к уже перечисленным шести постулатам этики переводчика мы можем добавить еще несколько:

7. Переводчик обязан заботиться о своем здоровье, поскольку от его физического состояния зависит качество перевода.
8. Переводчик не имеет права реагировать эмоционально на индивидуальные дефекты в речи оратора и не должен их воспроизводить; он ориентируется в устном переводе на устный вариант литературной нормы языка перевода.
9. О своей недостаточной компетентности переводчик обязан немедленно сигнализировать, а замеченные за собой ошибки исправлять, а не скрывать; это гарантия высокого качества перевода и доверия к нему окружающих.
10. В письменном переводе переводчик обязан соблюдать правила его оформления, обеспечивающие корректное отношение к заказчику.
11. В необходимых случаях переводчик обязан сохранять конфиденциальность по отношению к содержанию переводимого текста и без надобности не разглашать его.

3.3. Нормы профессионального поведения переводчика

Моральные принципы переводчика касались в первую очередь его отношения к собственному труду и затрагивали качество его работы. Опосредованно с теми же проблемами связаны общечеловеческие нормы поведения переводчика в ситуации перевода.

Правила ситуативного поведения предполагают полную адаптацию переводчика к ситуации, в которой он оказался. Великий ученый или кинозвезда могут быть одеты вызывающе, могут себе позволить неадекватно вести себя в обществе. Переводчик себе этого позволить не может, потому что, находясь в роли транслятора, он должен быть незаметен как личность, не привлекать к себе внимания, его задача — работать передаточным звеном информации. Поэтому он должен быть одет опрятно и подобающе случаю, соблюдать общепринятые правила приличий. Нарушает он их только тогда, когда они несовместимы с его основной профессиональной ролью в ситуации. Например, если ему нужно переводить во время официального обеда, то ни есть, ни пить ему не придется. При кулуарном общении переводчик не может участвовать в разговоре как равноправный собеседник, как бы соблазнительна ни была для него тема, иначе он исказит информацию источника и потеряет свою надежность как транслятор. Так что его задача — адаптироваться, но работать.

Соблюдение приличий и аккуратность в одежде важны не только потому, что переводчик не должен ничем обращать на себя внимание. К сожалению, если переводчик неряшливо одет, развязно себя ведет, перебивает говорящих, сам этот факт его невоспитанности производит негативное впечатление на участников коммуникации и осложняет восприятие информации. Ей просто меньше доверяют. Сам переводчик, производя неприятное впечатление, создает негативный фон своим собственным словам.

Есть внешне более благоприятные случаи самовольного нарушения переводчиком рамок профессионального поведения. Они касаются обычно переводчиков, имеющих обширные общие филологические знания — скажем, закончивших университет и умеющих себя прилично вести. Это умные люди и интересные собеседники. Они привыкли равноправно участвовать в разговоре и высказывать свое мнение. Но на роль переводчика им переключиться трудно. Они постоянно вмешиваются в разговор, высказывают свое личное мнение и той, и другой стороне, сокращают или просто игнорируют реплики, которые их не заинтересовали. Все это, как мы уже понимаем, есть нарушение этики переводчика. Ведь переводчик даже интонацией не имеет права показывать свое отношение к содержанию переводимого. Не случайно многие фирмы относятся к таким переводчикам более негативно, чем к таким, которым недостает знания

языка. Те хоть ни на что не претендуют и знают свое место. А эти первые, не желающие входить в роль переводчика, явно и в будущем не захотят ограничиваться ею; это люди, которые видят в работе переводчика не профессию, а некий промежуточный этап в своей карьере или же источник случайного приработка.

Рамки профессиональных обязанностей переводчика часто неопределенны, и в каждом сложном случае переводчику стоит активно участвовать в их определении. Ведь даже переводчика-синхрониста, имеющего во время работы конференции вполне ясные задачи, могут попросить дома вечером, после работы перевести письменно ряд документов конференции, и он будет вынужден ночью перевести письменно, а днем (не выпавшись!) устно. Переводчик обязан в таком случае объяснить своим заказчикам, что они ставят под угрозу качество его перевода на следующий день. Особенно сложна профессиональная ситуация переводчика, которого нанимают для сопровождения группы за границу, в страну его иностранного языка. Тут ему приходится выполнять не только обязанности личного переводчика каждого члена группы (например, это группа российских художников, выезжающих на выставку собственных работ в Париж) и переводить на всех официальных и неофициальных мероприятиях (от пресс-конференции до ресторана), но и быть гидом-экскурсоводом, межкультурным консультантом, а также иногда и помощником менеджера, делопроизводителем, письменным переводчиком всей документации группы, самостоятельно вести все деловые и личные телефонные переговоры. Переводчик на съемках фильма часто становится вторым помощником режиссера и даже соавтором сценария. В интересах дела, т. е. в интересах качества работы, переводчик в такой сложной ситуации должен сам бдительно следить за объемом своей занятости и настаивать на ограничении ее в разумных пределах.

К сожалению, переводчики низшего и среднего звена часто бывают готовы на все; недостаточный профессионализм и невежественность в вопросах профессиональной этики порождают заколдованный круг: низкое качество перевода — низкая оплата — отсутствие самоуважения (согласен на любое поручение). Отсутствие самоуважения у переводчиков подрывает престиж этой славной профессии.

Отрицательное воздействие на качество работы переводчика может оказывать и, если можно так выразиться, комплекс второстепенное™ его роли, который ему навязывается. В нем также кроется одна из причин низкого уровня самоуважения. Ведь не секрет, что к переводчику во многих случаях относятся как к второстепенному обслуживающему персоналу. Причина такого неуважительного отношения к одному из самых сложных видов человеческой деятельности, скорее всего, в комплексах тех, кто пользуется услугами переводчиков. Ведь они-то языка не знают, это, по-видимому, серьезная помеха их самоутверждению, и свою досаду они вымещают на перевод-

чике, несправедливо низко оценивая его роль и его труд. Переводчик не должен идти на поводу у таких взглядов. Он должен ориентироваться не на мнение заказчика о себе, а на трезвую оценку своего труда компетентными людьми, например коллегами-профессионалами. Короче говоря, как всякий профессионал, он должен знать себе цену, тогда и его будут оценивать высоко.

До сих пор, говоря об общечеловеческих принципах поведения переводчика в ситуации перевода, мы имели в виду ситуации конструктивного общения. Но иногда партнеры по диалогу создают конфликтную ситуацию. Разумеется, переводчик не обязан, да, как правило, и не в силах разрешить конфликт. Он при всем желании может не суметь вести себя в ситуации конфликта строго согласно нормам этики из-за сложности обстановки. Наверное, как и во всякой работе, он не должен допускать унижения своего достоинства; но при этом ему важно решить: что переводить и что не переводить в такой ситуации из сказанного партнерами. Этика не допускает при этом ни участия переводчика в скандале, ни перевода ругательств, которыми обмениваются собеседники. Он должен перевести для сторон основное содержание их реплик, пользуясь литературной нормой языка, а ругательства кратко прокомментировать: «Г-жа N употребила резкие ругательные выражения».

3.4. Профессиональная пригодность и профессиональные требования

Под профессиональной пригодностью понимают обычно природные предпосылки к осуществлению данной деятельности, в том числе и психологический настрой. Профессиональные требования — более широкое понятие, оно наряду с профпригодностью включает необходимый набор умений и навыков. Мы не случайно объединили эти два рода профессиональных параметров в один раздел. Как и в других профессиях, некоторые качества, предполагаемые у переводчика от природы, он может развить и усовершенствовать в ходе обучения.

Среди качеств, обуславливающих профессиональную пригодность, называют обычно речевую реактивность, хорошую память, переключаемость, психическую устойчивость, контактность, интеллигентность.

Речевая реактивность это не просто умение быстро говорить, но прежде всего способность быстро воспринимать чужую речь и быстро порождать свою. Если эта способность и дана человеку от природы, ее в любом случае необходимо систематизировать и развивать дальше. Некоторым людям свойственна чрезмерная, нервная речевая реактивность. Если они собираются работать в устном переводе, им необходимо поставить свою способность под контроль. В ред-

ких случаях человек не способен развить в себе быстроту речи. Тогда ему, наверное, не стоит становиться устным переводчиком.

Теперь о *памяти*. Люди с феноменальной памятью редкость. Да, собственно, феноменальная память переводчику и не нужна. Переводчику нужна профессионально организованная гибкая память, позволяющая, с одной стороны, вбирать большой объем информации и, с другой стороны, быстро забывать ненужное. Долговременная память должна отличаться способностью вмещать гораздо больший (по сравнению с памятью обычного человека, владеющего иностранным языком) объем лексики в активном запасе как на родном, так и на иностранном языке. Оперативная память характеризуется способностью запоминать ненадолго существенно большее количество языковых единиц, чем память обыкновенного человека. Значит, дар хорошей памяти переводчику обязательно придется тренировать дальше.

Переключаемость в той или иной мере свойственна всем людям. Считается, что женщины обладают более быстрой переключаемостью, чем мужчины. Однако при переводе нужен специфический вид переключаемости с одного языка на другой, с цифрового кодирования на вербальное.

Поэтому исходная предрасположенность к быстрой переключаемости должна в ходе обучения перерасти в устойчивый навык умения переключаться в сфере языка.

Психическую устойчивость многие специалисты по переводу ставят на первое место среди качеств профпригодности, и это не случайно. Ведь и принудительно долгое говорение, и неизбежно частое переключение, и повышенная скорость речи, и необходимость в течение целого дня следить только за чужими мыслями, не допуская своих собственных, — все это приводит к психическим перегрузкам. Поскольку психическая устойчивость, помимо врожденной ровности нрава, предполагает выдержку, волевые качества, умение побеждать, умение находить выход из сложных ситуаций, становится ясно, что она дается сознательной работой над собой, над совершенствованием своего характера.

Контактность, т. е. стремление к общению с другими людьми, от рождения присуща любому человеку. В ходе формирования личности у многих людей контактность ограничивается; личностные установки, жизненный опыт, особенности профессиональной жизни часто делают человека замкнутым в себе. Однако для целого ряда профессий, среди которых и профессия переводчика, высокий уровень контактности необходим. И речь идет не о врожденной экстравертности, открытости характера — она переводчику может даже мешать, а о *сознательной психологической установке на контакт*. Переводчик должен хорошо осознавать, что он является экспертом не только по языку, но и по культуре сразу двух (как минимум!) народов и стран, и активно способствовать налаживанию контакта между сторонами.

И, наконец, *интеллигентность*. Имеется в виду не энциклопедическая образованность, а живость и творческий склад ума, позволяющий применять свои обширные знания в нужный момент времени. Здесь пригодится все: и хорошее образование, полученное в детстве, и широта интересов, и активное самообразование. Переводчику неизбежно придется иметь дело с людьми разных профессий, с разными взглядами на жизнь и разными увлечениями, с текстами разной тематики и разных типов, и узкая специализация на какой-то одной области знаний его не спасет, даже если он специализируется на ней как переводчик.

Обратимся теперь к профессиональным требованиям.

1. Переводчик должен обладать профессионально поставленным голосом и уметь им владеть, а также знать способы восстановления голоса в случае его перенапряжения.
2. Непременным профессиональным требованием является чистая дикция, отсутствие дефектов речи.
3. Обязательно владение техническими приемами перевода. К ним относятся: мнемотехника (приемы запоминания); навык переключения на разные типы кодирования; навык речевой компрессии и речевого развертывания; навык применения комплексных видов трансформаций описательного перевода, генерализации, антонимического перевода, компенсации.
4. Переводчику необходимо умение пользоваться словарями и другими источниками информации.
5. Желательно владение переводческой нотацией, или сокращенной записью.
6. Переводчик должен обладать знанием иностранного языка на уровне, близком к билингвизму, а также знанием культуры народа, говорящего на этом языке.
7. Не менее важным условием успешности его профессиональной деятельности является активное владение основными речевыми жанрами и основными типами текста как на родном, так и на иностранном языке.
8. Переводчик обязан постоянно пополнять активный словарный запас на обоих языках.

3.5. Знакомство с техническим обеспечением перевода

Кроме собственно переводческих знаний переводчику необходимо уметь пользоваться различной аппаратурой, обслуживающей его деятельность, а также вспомогательными предметами.

Самое простое подспорье переводчика — это его блокнот. Записи в нем ведутся вертикально, либо по собственной системе, разрабо-

тайной переводчиком для себя, либо по одной из популярных в современном переводческом мире систем (Розана, Миньяр-Белоручева, Матишека).

Устный переводчик (даже если он не синхронист) должен уметь пользоваться кабиной синхрониста и хорошо знать ее устройство и техническое оснащение: микрофоны, кнопки переключения, монитор. В случае неисправности или неудовлетворительного качества звука в кабине он должен немедленно сообщить об этом дежурному технику, который всегда находится вблизи кабин синхронистов. Первичное знакомство с техникой такого рода происходит во время учебной подготовки переводчиков, в кабинках учебного конференц-зала, а также в специализированных аудиториях типа «Призма» и «Спектра».

В работе переводчику пригодится также умение пользоваться диктофоном, магнитофоном, видеомагнитофоном.

Перевод современного уровня немислим без навыков работы на компьютере, умения извлекать информацию из словарей в электронной форме, умения пользоваться Интернетом.

3.6. Правовой и общественный статус переводчика

Работа переводчика в каждом государстве регулируется нормами трудового законодательства. Переводчик может быть принят в штат сотрудников какого-либо предприятия или фирмы либо заключить договор на выполнение конкретных работ. Содержание его деятельности всегда предварительно оговаривается и закрепляется в контракте. На письменный перевод, предназначенный для публикации, заключается договор с издательством, в котором особым пунктом оговариваются права авторства на текст перевода, которые переводчик на определенное время передает издательству. Авторское право на перевод согласно Закону «Об авторском праве» переводчик имеет на художественные, публицистические и некоторые специальные тексты.

Если переводчик поступает в штат фирмы, рамки его обязанностей определяются должностной инструкцией. Приведем пример такой инструкции, действующей на одном из предприятий Санкт-Петербурга.

Должностная характеристика

Переводчик

Должностные обязанности

По поручению руководителя предприятия, секретаря-референта, старшего менеджера переводит техническую и другую специальную литературу, нормативно-

техническую и иную документацию фирмы, материалы переписки с зарубежными организациями, а также каталоги, описания товаров, сертификаты и т. п. Выполняет в установленные сроки устные и письменные, полные и сокращенные переводы, обеспечивая при этом точное соответствие переводов лексическому, стилистическому и смысловому содержанию оригиналов, соблюдение установленных требований в отношении научных и технических терминов и определений. Осуществляет редактирование переводов. Ведет учет и систематизацию выполненных переводов, аннотаций, рефератов. Строго соблюдает все условия работы в фирме.

Должен знать:

иностранный язык, методику научно-технического перевода, действующую систему координации переводов, специализацию деятельности организации, терминологию по тематике предприятия на русском и немецком языках, словари, терминологические стандарты, основы научного литературного редактирования, грамматику и стилистику русского и иностранного языка, основы экономики, организации труда и управления, правила внутреннего трудового распорядка, правила и нормы охраны труда, техники безопасности, производственной санитарии и противопожарной защиты.

Права

Получать оборудование, документацию и другое имущество, необходимое для осуществления своей деятельности. Информировать о всех незаконных действиях работников фирмы (использовании имущества не по назначению, хищениях и др.) своего непосредственного руководителя и директора фирмы. Ставить вопросы перед директором о необходимости приобретения, замены или ремонта оборудования, офисной техники и другого имущества предприятия.

Ответственность

Несет ответственность в соответствии с нормами действующего законодательства и Правилами внутреннего трудового распорядка фирмы. Может быть привлечен к ответственности: за нарушение трудового договора, договора о сохранении коммерческой и служебной тайны, а также нормативных документов фирмы; за невыполнение распоряжений и указаний руководителя.

Ознакомлен:

ф. И. О. _____ Дата _____ Подпись _____

Итак, деятельность переводчика обладает легитимным правовым статусом, но в его обеспечении переводчик должен активно участвовать сам. Для этого ему необходимо хорошо знать Основной Закон государства (Конституцию), а также Трудовое законодательство, Закон об авторском праве и т. п. По текущим правовым вопросам своей деятельности он может проконсультироваться с юристом.

Отметим еще одну тонкость, которая касается как общественно-го, так и правового статуса переводчика. Являясь штатным сотрудником фирмы или работая по контракту, заключенному с какой-либо организацией, переводчик невольно становится защитником страте-

гических интересов этой фирмы или организации. Мало кто ожидает в этой ситуации от переводчика позиции нейтрального транслятора. Не случайно в межгосударственных дипломатических переговорах обычно участвуют переводчики с обеих сторон, дабы нейтрализовать их неизбежную пристрастность. Пути преодоления заведомых нарушений переводческой этики стали пытаться искать лишь в последнее время. Так, в ООН и в Европейском Сообществе введен статус «сотрудника по международным связям», подчиняющийся переводчика исключительно этой организации и не ставящий его в зависимость от какой-либо страны.

Переводчики во всем мире объединяются в профессиональные союзы, ассоциации и объединения, целью которых является защита профессиональных прав, укрепление имиджа, обмен информацией, обмен профессиональным опытом, участие в регулировании рынка труда. Среди наиболее известных международных организаций переводчиков можно назвать следующие: FIT (Federation Internationale des Traducteurs) — Международная федерация переводчиков; АИС (Association Internationale des Interpretes de Conference) — Международная ассоциация устных конференц-переводчиков; CEATL (Conseil Europeen des Associations de Traducteurs) — Европейская ассоциация литературных переводчиков и др. Союзы переводчиков имеются почти в каждой стране. Например, в США это ATA — Американская ассоциация переводчиков; в Германии BDU — Федеральный союз устных и письменных переводчиков, VdU — Федеральный союз переводчиков художественной и научной литературы и др. Подавляющее большинство этих организаций возникло после Второй мировой войны, когда перевод окончательно обрел свой профессиональный статус.

Союз переводчиков России образован в 1991 г. и с 1993 г. вошел в ФИТ (FIT) в качестве полноправного члена.

В 1992 г. было образовано международное научное общество, призванное укреплять позиции переводоведения как самостоятельной научной дисциплины: EST (European Society for Translation Studies) — Европейское общество переводоведения.

К послевоенному периоду относится и появление специализированных периодических печатных изданий, посвященных вопросам перевода. Среди международных следует прежде всего назвать журнал «Babel» («Вавилон»), основанный в 1955 г., а также издающийся с 1986 г. ежегодник «TEXTconTEXT. Translation-Theorie-Didaktik-Praxis», публикующий материалы на английском, немецком, французском и испанском языках. Внимания заслуживают также журналы национальных переводческих организаций, такие, как возникший в 1990 г. журнал Австрийского общества переводчиков художественной и научной литературы «U wie t)bersetzen».

Россия в настоящий момент не может похвастаться периодическими изданиями по переводу. Но многие специалисты помнят изда-

вавшиеся в 1960-1970-е гг. ежегодники «Мастерство перевода», посвященные проблемам художественного перевода; не меньшим успехом пользовались также сборники «Тетради переводчика» под ред. Л. С. Бархударова, регулярно издававшиеся в 1970-1980-е гг., где диапазон обсуждаемых проблем был шире: художественный перевод, технический перевод, переводческая практика.

Делу поддержки труда переводчиков служит европейская сеть своеобразных Домов творчества переводчиков, которые существуют на средства международных переводческих организаций и получают дотации от министерств разных стран, Европейского Сообщества и частных лиц. Наибольшей известностью пользуются Дома творчества в Арле (Франция), Штрелене (Германия), Просиде (Италия), Висбни (Швеция). Здесь переводчики получают все возможности, чтобы работать над переводом какого-либо художественного произведения или над плановым техническим переводом: уединение, компьютер, справочные материалы, общение с коллегами.

Свидетельством укрепления правового и общественного статуса перевода может служить тот факт, что в 1991 г. ФИТ учредил Всемирный день перевода. Он приходится на 30 сентября и связан с именем и датой смерти св. Иеронима (30 сентября 420 г.), известного писателя, историка и переводчика, автора знаменитого перевода Священного писания с древнееврейского языка на латынь (*Vulgata*).

Таким образом, союзы и общественные организации, Дома творчества, периодическая печать, а также регулярно проводимые в разных странах конференции, симпозиумы и семинары по вопросам теории и практики перевода составляют мощный эшелон обеспечения надежности правового статуса переводчика.

Глава 4

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Как мы уже отмечали, потребность в услугах переводчиков в последнее время возрастает. Немецкие исследователи подсчитали, что только в Германии она увеличивалась все последние годы на 14% в год. Количество письменных переводов, например, которые запрашивает народное хозяйство Германии, составляет около 30 млн страниц в год. Подобную картину мы наблюдаем и в других странах мира.

Высоким спросом на перевод, а также укреплением общественного статуса профессии переводчика объясняется настоящий бум, который испытывает в конце XX — начале XXI столетия переводческое образование.

До XX в. обучение переводчиков не имело систематизированного характера, хотя усилия для этого предпринимались в разных странах мира. Можно вспомнить известные монастырские школы, где обучали монахов-переводчиков; например, одной из крупнейших в X-XI вв. была монастырская школа Ноткера в Швейцарии при монастыре Сан-Галлен, не менее знаменита школа переводчиков в Толедо в XII-XIII вв.

Специализированные учреждения, воспитывающие переводчиков, появляются в Европе и на других континентах только в XX в. Одним из первых таких учреждений были специальные курсы устных переводчиков, открытые в Германии при Министерстве иностранных дел в 1921 г. Следом за ними на базе университетов возникают «высшие школы» академического уровня: в Гейдельберге (1935), Женеве (1941), Вене (1943), Париже (1957). С первых лет своего существования переводческую специализацию имеет основанный в 1930 г. Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет — МГЛУ).

Сейчас в разных странах существует разветвленная сеть переводческого образования, включающая государственные университеты, государственные и частные институты переводчиков, училища, курсы. Познакомимся с этими возможностями, а также со спецификой обучения на примере нескольких стран. Предварительно отметим, что с 1964 г. существует особое международное объединение высших учебных переводческих учреждений, представляющее собой одновременно и экспертный совет по оценке уровня переводческих учреждений CIUTI (Conférence Internationale Permanente d'Instituts Universitaires pour la formation de Traducteurs et d'Interprètes). Учебные заведения, входящие в CIUTI, считаются особенно престижными.

В приведенном ниже обзоре, отнюдь не претендующем на полноту, мы познакомимся лишь с некоторыми из ведущих учреждений, где происходит обучение переводу. Наша задача кратко обрисовать их специфику и диапазон дидактических возможностей.

Австрия. Обучение переводчиков осуществляется в трех университетах: в Вене, Граце и Инсбруке. Членом CIUTI является только Венский университет. При Венском университете в настоящее время существует Институт подготовки письменных и устных переводчиков. Обучение разбивается на два этапа: подготовительный (4 семестра) и основной (4 семестра). Уже на первом этапе студенты специализируются либо на устном, либо на письменном переводе. На подготовительном этапе читаются следующие лекционные курсы: «Введение в специальность переводчика», «Введение в языкознание», «Основы экономики и права», «Интернациональные организации», «Страноведение»; проводятся семинары: по технике речи, по переводческой нотации (для устных переводчиков), по теории

и практике работы с терминологией (для письменных переводчиков), совершенствуются знания в области двух иностранных языков. На основном этапе значительную долю теоретических занятий составляют лекции и семинары по теории перевода и дисциплины специализации: специальный и литературный перевод у письменных переводчиков, последовательный и синхронный перевод у устных переводчиков. В конце обучения студенты защищают дипломную работу по теории перевода, лингвистике или критике перевода. Практика (работа переводчиком) за время обучения должна составлять, как минимум, 4 месяца.

Германия. Профессию переводчика можно получить в одном из восьми государственных университетов (Гейдельберг, Майнц, Саарбрюкен — члены CIUTI; Берлин, Лейпциг, Дюссельдорф, Хильдесхайм, Бонн); в трех специализированных высших школах (Кельн, Фленсбург, Магдебург), а также в частных учреждениях и на курсах. Обучение, как и в Австрии, делится на подготовительный (4 семестра) и основной (4-5 семестров) этапы. Однако в реальности студенты учатся 5-6 лет, что дозволяется, так как график занятий весьма напряженный. В специализированных высших школах условия обучения гораздо строже: время обучения составляет 8 семестров, а все дополнительные предметы обязательны. Специализация по устному или письменному переводу приходится обычно на конец подготовительного этапа. Во всех названных вузах преподаются: теория языка и перевода, страноведение, два иностранных языка, родной язык (стилистика, устные речевые навыки), устный последовательный и синхронный перевод, письменный перевод (общий на 1-м этапе, специализированный от музыковедческого до философского на 2-м этапе), какой-либо дополнительный предмет, как правило по выбору. Относительно дополнительных предметов существуют, однако, и специализации по университетам (в Гейдельберге — право и экономика; в Майнце — техника и медицина и т. п.). Практика рекомендуется, но обязательной является только во Фленсбурге (1 год в Англии). В связи с тенденцией последних лет в Гейдельберге, Дюссельдорфе, Хильдесхайме, Бонне и Лейпциге отказались от большей части объема обучения переводу на иностранный язык. Обучение художественному переводу включено в программу только в Дюссельдорфе. На коммунальном переводе специализируется Магдебург. В Боннском университете в качестве языков перевода можно выбрать сочетание восточных и европейских языков. Выпускные экзамены состоят из 5 компонентов, в число которых входит защита дипломного сочинения.

Среди частных вузов наиболее известным является Институт иностранных языков и перевода в Мюнхене, где существуют различные комбинации переводческого обучения, включая вечернее, и в среднем оно длится 3 года.

Франция. Всемирно известным учебным заведением является в этой стране ESIT (Ecole Supereure d'Interpretes et Traducteurs) — Высшая школа устных и письменных переводчиков при Сорбонне. Это государственное учебное заведение с конкурсными вступительными экзаменами. Обучение длится 3 года и предполагает очень хорошую подготовку по двум иностранным языкам, которая и проверяется во время конкурсных испытаний. Устный и письменный перевод с самого начала резко отграничены в обучении. Теоретических дисциплин немного: введение в лингвистику (1-й год обучения), введение в теорию перевода (преимущественно анализ дискурса — 2-й год). Практический перевод начинается с первого года обучения. На отделении письменных переводчиков это перевод только на родной язык; устные переводчики обучаются по методике Д. Селескович («теория смысла»), поэтому на I курсе не переводят, а в основном пересказывают тексты. На II курсе письменные переводчики начинают переводить специальные тексты (экономика, техника), а устные переводят последовательно, осваивают переводческую скоропись, начинают переводить синхронно. Третий год обучения у письменных переводчиков посвящен совершенствованию стиля на усложненном материале; у устных переводчиков — совершенствованию навыков конференц-перевода с двух иностранных языков. Дополнительные предметы — экономика, право — являются обязательными. Заграничные стажировки во время обучения не практикуются.

Образование переводчика можно получить также в Высшем институте переводчиков (Париж), в Национальном институте восточных языков (Париж), а также в Высших школах в Лилле, Тулузе и Страсбурге. Всюду обучение предполагает предварительное знание 1-2 языков на уровне билингвизма и длится 1-2 года.

Швейцария. В этой стране большую роль играет внеуниверситетское обучение переводу. Только в Женеве Высшая школа перевода входит в состав университета и является членом CIUTI. Здесь обучение длится 4 года. Целенаправленное переводческое обучение начинается только на третий год. Устный перевод отграничен в обучении от письменного. Студенты овладевают двумя иностранными языками и по каждому из них обязаны пройти заграничную практику в течение одного семестра. В число теоретических дисциплин входят лингвистика и лингвистика текста (I курс), теория перевода (III—IV курс). Право и экономика являются обязательными предметами.

Среди частных школ наиболее известны школы в Сан-Галлене и Цюрихе.

Бельгия. Все 5 школ находятся в Брюсселе. Наблюдается тенденция к переводу только на родной язык.

Великобритания. Обучение устному и письменному переводу осуществляется на специальных магистерских курсах в 5 универси-

татах Англии: Вестминстер, Бат, Салфорд, Бадфорд, Хэрриотт-Уотт. С сентября 2001 г. свою магистерскую программу по устному переводу открыл университет Лидса. Бат, Хэрриотт-Уотт и Бадфорд являются членами CIUTI.

Как и во Франции, предварительным условием для поступления на курсы является достаточная языковая подготовка. Ее доказательством служит, как правило, степень бакалавра по иностранным языкам (филологии). В исключительных случаях ко вступительным экзаменам допускаются билингвы с детства с опытом языковой работы и с высшим университетским образованием в других областях знаний. Вступительные экзамены состоят из 7 видов испытаний¹⁶. Согласно современным тенденциям, обучение ведется в основном с иностранного языка на родной.

Обучение занимает 1 год и включает в себя три триместра. В рамках 1-го и 2-го триместра возможны 5-6 модулей обучения и, соответственно, специализация либо на устном, либо на письменном переводе. К обучению синхронному переводу и теории перевода приступают со второго триместра. Начиная с последнего месяца первого триместра обучающиеся раз в две недели проходят тренинг в качестве конференц-переводчиков по типовым темам. Во время пасхальных каникул в апреле стажеры в обязательном порядке проходят практику в течение 2-4 недель в какой-либо международной или европейской организации (ООН, ЮНЕСКО и т. п.). В последнем триместре пишется магистерская диссертация по теории перевода либо научно-практическая работа, представляющая собой комментированный перевод сложного текста.

Практикуется приглашение известных переводчиков-профессионалов для проведения «мастер-классов».

США, Канада. В США известны 4 высших учебных заведения, которые готовят переводчиков: Монтерейский институт переводчиков (Калифорния), Нью-Йоркский университет, Университет штата Айова (специализируется на художественном переводе) и университет в Вашингтоне. Все они входят в CIUTI.

Самым популярным на сегодня является Монтерейский институт. Это единственное учебное заведение в США, где преподается перевод на иностранный язык и где обучают синхронному переводу. Устный перевод не отделен от письменного. От абитуриентов требуется знание иностранного языка на уровне билингвизма и некоторый практический опыт переводческой работы. Необходимо также иметь хотя бы несколько курсов высшего образования в другом вузе. Обучение длится 2 года. На I курсе осваивается терминология в разных сферах (общественно-политическая, экономическая, юридическая); здесь разработаны уникальные методики усвоения больших блоков лексики с соответствиями

¹⁶ Подробнее об этом см.: Корнаков П. К. Подготовка устных и письменных переводчиков на Магистерских курсах в Великобритании// Вестник ИИЯ. — 2001. — № 2. — С. 53-79.

в активный запас (методика А. Фалалеева); студенты знакомятся также с менеджментом перевода. Юридические и экономические тексты студенты учатся переводить на I курсе, технические и политические — на II курсе. Обучение сокращенной переводческой записи не проводится. Роль теории в обучении слабая, подчиненная. В Монтерее готовят переводчиков самого широкого профиля без ограничения тематики, поэтому на выпускном экзамене студент может получить для перевода текст любой тематики без подготовки. Обучение в Монтерейском институте платное (около 13 тыс. \$ в год).

В Канаде переводчиков готовит Монреальский университет (Concordia-University). Он также является членом CIUTI.

Россия. Обучение профессиональных переводчиков осуществляется либо в рамках специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация», либо в рамках специализации при базовой специальности «филолог». Наиболее известным вузом, который готовит переводчиков, является МГЛУ. Обучение длится 5 лет. Специализация по устному либо письменному переводу происходит на III курсе. Обучение устному переводу включает устный последовательный и синхронный перевод, технику переводческой скорописи; письменные переводчики обучаются переводу научно-технической, юридической, художественной литературы. На филологических факультетах университетов (таких, как Санкт-Петербургский) программа обучения переводу либо интегрирована в филологическое обучение в течение всех 5 лет, либо предлагается на IV-V курсах в виде дополнительной двухгодичной специализации. Здесь, как правило, студенты получают квалификацию и устного, и письменного переводчика.

Есть негосударственные вузы, разработавшие собственные программы переводческого обучения. Одним из таких вузов является Институт иностранных языков (Санкт-Петербург), где обучение устному и письменному переводу начинается с III курса, но программы по другим предметам (русский язык, иностранный язык, второй иностранный язык) сориентированы на подготовку к будущей специальности.

В разных городах России есть также возможность обучаться на платных курсах референтов-переводчиков.

Глава 5

АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Современное переводоведение изучает процесс и результаты перевода с самых разных точек зрения, применяя методы исследования различных дисциплин. В зависимости от изучаемой проблемы на первый план выступают разные методы: так, рассмотрение фено-

мена эквивалентности требует лингвистических методов, эстетические и стилистические проблемы не разрешить без привлечения литературоведческих методов.

Существующая научная литература по переводоведению позволяет разграничить 10 основных аспектов переводоведения¹⁷.

5.1. Общая теория перевода

Общая теория перевода систематизирует и обосновывает выводы из нашего конкретного опыта перевода, пытается обобщить и объяснить представления о процессе перевода и его результатах, исследует причины, условия и факторы, релевантные для феномена перевода. Общая теория перевода, опираясь на практический опыт и, в свою очередь, способствуя осознанию переводчиком того, что он делает, стремится ответить на следующие основополагающие вопросы: как можно в обобщенном виде представить процесс перевода? Возможен ли перевод вообще и чем обеспечивается эта возможность? Какие лингвистические и экстралингвистические факторы лежат в основе процесса перевода? Каковы границы перевода? Какие объективные закономерности свойственны переводу и как они сочетаются с субъективными факторами? Каким образом можно обобщить и описать методы преодоления переводческих трудностей? Чем обусловлены требования, предъявляемые к переводу различных типов текста, а также текстов, предназначенных для разных групп реципиентов? В чем заключается сущность эквивалентности и каковы условия ее достижения? Если рассматривать теорию перевода в историческом срезе, то оказывается, что суть ответов на приведенные выше вопросы была неразрывно связана с запросами общества и его взглядами на перевод.

5.2. Специальная теория перевода (Лингвистическое переводоведение, ориентированное на конкретную пару языков)

Процесс перевода — это процесс, связанный с речевой реализацией двух языков. Переводоведение, ориентированное на конкретную пару языков (скажем, английский и русский), описывает потенциальные варианты соответствий между этими языками (эквиваленты), а также факторы и критерии их выбора. При этом ставятся и решаются следующие задачи:

¹⁷ Мы опираемся на классификацию аспектов переводоведения, предложенную В. Коллером: *Roller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. — Wiesbaden, 1977. — S. 125-128.

1. Разработка теоретических основ для описания отношений эквивалентности, как общих, так и связанных с определенными языковыми единицами.

2. Сопоставление двух языков на фонетическом, морфемном, морфологическом, синтаксическом, семантическом, стилистическом уровнях с целью выработки потенциальных единиц эквивалентности.

3. Описание на материале двух языков отдельных трудностей перевода, связанных с проблемными языковыми явлениями, имеющими различия в принципах оформления в разных языках, а также контрастивных явлений (например, метафоры, игра слов, историческое, социальное и территориальное расслоение языка, экзотизмы и ситуативные реалии).

5.3. Транслатология текста (Теория перевода, ориентированная на текст)

Те закономерности, которые исследует специальная теория перевода, реализуются в текстах исходном (ИТ) и переведенном (ПТ). В зависимости от типа текста, а также от коммуникативной ситуации эти тексты подчиняются определенным лингвостилистическим нормам и зависят от специфики источника текста и адресата текста. В связи с этим транслатология текста ставит перед собой следующие задачи:

1. Разработка теоретических основ и методологии описания отношений эквивалентности, связанных с текстовой реализацией языковых единиц и с типом текста.

2. Разработка методики переводческого анализа текста и текстовой типологии, ориентированной на перевод, а также переводческих проблем, связанных с текстом и его типом.

3. Анализ и сопоставление ИТ и ПТ с целью выработки, систематизации и корреляции языковых, стилистических и текстовых признаков исходного текста и их соответствий в тексте перевода.

4. Описание и контрастивные исследования норм языкового и стилистического оформления текстов, принадлежащих к различным композиционно-речевым формам, на материале ИТ-ПТ, а также на материале параллельных текстов.

5. Разработка транслатологии отдельных типов текста.

5.4. Теория процесса перевода (Процессуальная транслатология)

В рамках этого чрезвычайно популярного в последние годы аспекта переводоведения исследуются ментальные процессы перевода. Прежде всего ученых интересуют стратегии, которые выбирают

переводчики на этапах восприятия, понимания, анализа текста оригинала, и далее прогноза перевыражения, самого перевыражения и особенностей формулирования текста перевода. Исследования включают методики выборочного наблюдения за процессом работы профессиональных переводчиков, а также постановку экспериментов, в которых участвуют как профессионалы перевода, так и дилетанты.

5.5. Теория отдельных видов перевода

Специфика, связанная с двумя ведущими видами перевода, устным и письменным, породила направление, которое исследует своеобразие каждого из них и на стадии процесса, и на стадии результата, а также случаи интеграции и границы этих основных видов. Теория отдельных видов перевода тесно связана с дидактикой перевода.

В последнее время активно разрабатывается также теория «машинного», т. е. компьютерного, перевода, предполагающая особый уровень формализации явлений перевода и создание переводящих компьютерных программ.

5.6. Научная критика перевода

Методика и критерии научной критики перевода базируются на результатах исследований всех четырех вышеназванных направлений переводоведения. Основным инструментом научной критики перевода служит понятие эквивалентности, которое применяется к конкретным результатам перевода. Центральной проблемой этого направления является выработка объективных научных критериев оценки текстов перевода, в том числе и исследование феномена вариативности художественных текстов (наличие нескольких эквивалентных вариантов перевода). Критика перевода, долгое время существовавшая в виде субъективной, оценочной эссенстики, становится в результате применения к ней достижений теории перевода в один ряд с другими аспектами переводоведения.

5.7. Прикладное переводоведение

Прикладное переводоведение призвано обеспечивать непосредственную переводческую практику. Его задачей является разработка и усовершенствование разного рода пособий для переводчиков: толковых, одноязычных и двуязычных словарей, лингвострановедческих словарей, справочников переводчика.

5.8. Гуманитарное осмысление перевода

В различные исторические эпохи крупные деятели культуры включали проблемы, связанные с переводом, в контекст своих исследований. Лингвисты, литературоведы, писатели пытались осмыслить феномен перевода в духе своего времени. Они занимались и выяснением причин специфики и смены взглядов общества на перевод, исследованием причин и своеобразия развития переводческой теоретической мысли. Сюда же можно отнести и труды, посвященные философии перевода, осмыслению эстетической ценности перевода.

5.9. История перевода

Свою историю имеет как практика перевода, так и его теория. Поэтому в рамках этого направления всегда исследуются и взгляды на перевод, и сами результаты перевода. Среди изучаемых историей перевода вопросов прежде всего можно назвать следующие:

1. История перевода как рода деятельности от истоков до наших дней. Роль перевода для различных исторических эпох.
2. Национальные истории перевода.
3. История переводческих взаимосвязей различных культур.
4. История культурного усвоения через перевод отдельных произведений, творчества отдельных авторов, отдельных жанров, целых литературных направлений.
5. Анализ и оценка отдельных переводческих достижений в переводческом контексте.
6. Творчество отдельных переводчиков.

5.10. Дидактика перевода

Дидактика перевода включает в себя как теоретические разработки по методике преподавания перевода, так и практические пособия, опирающиеся на эти теоретические основы. Она учитывает все научные достижения описанных выше направлений переводоведения. Дидактика перевода развивается в тесном контакте с психолингвистикой, методикой преподавания иностранных языков, а также с общей дидактикой (теорией обучения). Ее задачей является построение оптимальной модели обеспечения переводческой профессиональной компетентности.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

Всякое занятие имеет свою историю. У перевода история чрезвычайно длинная. Переводчик — одна из самых древних и самых устойчивых по отношению к общественным переменам профессий. Ведь в любые времена и при любом состоянии общества контакты между народами порождали необходимость в переводчике.

Поучительная библейская история о Вавилонской башне — не только мифическая версия происхождения языков и печальная притча о житейских причинах разноязычност™ человечества. Это еще и миф о сотворении переводчика, ибо переводчик появляется тогда, когда есть разные языки. Вавилонская башня — это и великий символ миссии переводчика, ибо только он, переводчик, может помочь строить ее дальше... И помогал строить ее все те долгие века, о которых у нас сейчас пойдет речь.

Эта глава представляет собой краткий экскурс в историю искусства перевода, историю профессии переводчика, историю взглядов на перевод в разных странах мира. Мы коснемся также истории развития теоретической мысли в области перевода. Все эти сведения помогут нам в дальнейшем разобраться в некоторых особенностях современного состояния теории и практики перевода.

6.1. Перевод в древности и в эпоху античности

Нет сомнения, что первые контакты между народами, говорящими на разных языках, были устными. Перевод, очевидно, довольно долго существовал без письменной фиксации. У нас почти нет свидетельств о переводе бесписьменной поры. Однако исторические данные, а также общие соображения о наличии разнородных контактов между народами даже в самые древние времена позволяют предполагать, что устный перевод появился задолго до возникновения письменности.

Древнейшее из известных нам изображений переводчика — на древнеегипетском барельефе — относится к III тыс. до н. э. Тогда задачей переводчика, как и сейчас, было, по-видимому, обеспечение контакта между людьми, говорящими на разных языках. Его роль посредника в передаче информации считали необходимой и важной, однако на древнеегипетском барельефе фигура переводчика вдвое меньше по размеру фигур сановников, ведущих беседу, — значит, его рассматривали как обслуживающий персонал, а роль его считалась второстепенной, подчиненной. Австрийская исследовательница истории устного перевода М. Снелл-Хорнби отмечает, что в Древнем Египте к переводчику относились несколько пренебрежительно,

потому что он умел говорить на языке презренных варваров и поэтому сам был достоин презрения¹⁸.

С другой стороны, в древнеегипетских текстах XXVIII-XX вв. до н. э. неоднократно упоминается «начальник переводчиков». Это означает, что переводчики в Древнем Египте представляли особые профессиональные группы и имели собственную иерархию. Предположительно такие «отряды» переводчиков существовали при канцелярии фараона и при храмах. Переводили они, по-видимому, и устно, и письменно. Правда, письменные переводы этой самой ранней поры до нас не дошли.

Первые документальные памятники перевода в Египте относятся к XV в. до н. э. Это переводы дипломатической переписки с древнеегипетского языка на аккадский клинописью. Несколько позже, в царствование Рамсеса II (XIII в. до н. э.), начинается эпоха наивысшего расцвета Древнего Египта; к ней относится наибольшее количество памятников перевода: дипломатических и договорных текстов.

Затем наступает некоторое затишье, и новая волна переводов приходится на эпоху завоевания Египта Александром Македонским — ведь местное население не знало греческого языка, на котором говорили завоеватели и который был введен как официальный.

В V в. до н. э. Геродот отмечал: «В Египте существует семь различных каст: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелкие торговцы, *толмачи* и кормчие»¹⁹. Составляли ли толмачи (т. е. переводчики) в действительности особую касту в Древнем Египте, точно не известно, но они явно занимали определенную профессиональную нишу.

Кстати, первый переводчик, которого мы знаем по имени, — тоже египтянин. Это Анхурмес, верховный жрец в Тинисе (XIV в. до н. э.).

Культура перевода была также высока и в Древнем Шумере. Здесь еще к концу III тыс. до н. э. использовалось письмо в виде клинописи, Шумер на раннем этапе своей истории попал под аккадское владычество, но сохранил культурное главенство. Шумерский и аккадский языки были, по-видимому, в равной мере употребительны в общественном обиходе. Об этом свидетельствуют сохранившиеся шумеро-аккадские словари, грамматические пособия, а также параллельные списки выражений на этих двух древних языках. Древний Шумер сохранил для нас и самое первое в истории человечества упоминание о переводчиках вообще. Сохранились глиняные таблички XXIII в. до н. э., где упоминается «мелуххский драгоман» (т. е. переводчик) и «кутийский драгоман», а также сведения о выдаче драгоманам муки, пива и т. п.

В развитии переводческого дела в Шумере большую роль играли школы. Шумерская школа э-дуба (т. е. «дом табличек») сложилась

¹⁸ Snell-Hornby M. Translation und Text. — Wien, 1996. — S. 12.

¹⁹ Геродот. История / Пер. Г. А. Стратовского. — Кн. 2, 164. — Л., 1972.

в III тыс. до н. э. Обучали в ней писцов, но, поскольку канцелярских языков было два — шумерский и аккадский, каждый писец обязательно должен был уметь переводить. Руководитель школы носил титул «отец дома табличек», преподавателей называли «великими братьями», а учеников — «сыновьями дома табличек». Учение, по-видимому, было нелегким, поскольку шумерский и аккадский языки не родственны друг другу. На выпускном экзамене писец должен был показать умение переводить как устно, так и письменно с обоих языков, знать основные термины и произношение этих языков.

Немалую роль играл перевод также и в *Вавилоне*. В частности, становление аккадской литературы Вавилона целиком базируется на переводческой деятельности. В основе многих известных произведений — переводы шумерских текстов. Даже знаменитая «Поэма о Гильгамеше», записанная на 12 клинописных табличках, имеет, возможно, шумерский источник. Вавилонская литература I тыс. до н. э. — это несколько миллионов клинописных табличек, на которых запечатлены десятки тысяч текстов.

Прямые упоминания о переводчиках относятся уже к нововавилонскому времени — с I тыс. до н. э. Из этих упоминаний становится ясной отчетливая должностная иерархия «сепиру», т. е. переводчиков, в Вавилоне: царские переводчики, переводчики наместников, переводчики управляющих и, наконец, переводчики при войске и храмовые переводчики. Помимо этого, вплоть до X в. до н. э. используется термин *targamanni(m)* — «драгоман». Так называли только переводчиков с туземных языков на аккадский.

Имеются сведения и о переводческой деятельности в древнем *Хеттском государстве* (XVIII—XIII вв. до н. э.), где говорили на хеттском — индоевропейском по типу языке. Начиная с XV в. здесь выполнялись письменные переводы, например, с хурритского языка на хеттский, которые представляли собой вольные переложения с элементами адаптации. О контактах с другими древними культурами свидетельствуют дошедшие до нас шумеро-аккадо-хеттские словари. Судя по памятникам и косвенным свидетельствам, здесь существовала как культура пословного перевода, так и культура вольной обработки исходного текста. Шумерская литература оказала существенное влияние на древнееврейскую и древнегреческую культуру.

Д р е в н я я   Г р е ц и я

Античность, как греческая, так и римская, считается предтечей европейской цивилизации. Ее творческая сила не раз воздействовала на развитие европейской культуры (эпоха Возрождения, классицизм, неоклассицизм и т. п.). Уникальность античной культуры прежде всего в том колоссальном творческом потенциале, который удалось развить Греции, а впоследствии и Риму в исторически краткий про-

межуток времени (VI-I вв. до н. э.). Это нашло свое отражение в богатейшей письменной литературе.

Древнегреческую цивилизацию историки не случайно относят к «первичным»¹¹. Это означает, что она мало подпитывалась воздействием извне и ощущала себя как самодостаточная. У греков за несколько веков сформировалась разносторонняя и систематизированная словесная культура, как устная, так и облеченная в письменную форму. Необходимости в переводе произведений с чужих языков не возникало, и на протяжении всего периода греческой античности нам не известно ни одного произведения литературы, которое являлось бы переводом.¹² Однако, констатируя отсутствие перевода «извне», мы ни в коей мере не можем утверждать, что древнегреческая культура обходилась без перекодирования информации. Для таких культур, как греческая, очевидно, стоит ввести понятие «внутреннего» перевода. Это понятие применимо прежде всего к древнегреческой интерпретации собственного эпического творчества. Если часть древнегреческих жанров, таких как лирическая и гимническая поэзия, риторика, были авторскими, то эпос, исходно бытуя в устной форме, существовал в великом многообразии авторских трактовок, что отразилось, в частности, в древнегреческой трагедии. «Электра» Эсхила и «Электра» Еврипида, «Орестейя» Эсхила и «Орест» Еврипида — не что иное, как различные интерпретации, своего рода «внутренние» переводы известного древнегреческого мифа.

При этом важно, что миф древние греки рассматривают как реальность, а не как вымысел; осознание вымысла появляется много позже. В мировосприятии древнего грека боги Олимпа столь же реальны, как он сам и его современники, а происходившее с ними — так же реально, как жизнь любого человека того времени и как исторические события прошлого и современности. Причем письменный текст не рассматривается в античности как самостоятельная ценность, ему не поклоняются. Сильное религиозное чувство древние греки испытывают к самому языческому мифу, который известен им с детства из устных преданий и не имеет формы окончательного письменного текста (подобно тексту Библии для европейца средних веков), и особенно ценят мастерство подачи этого мифа. Гомер для них — один из таких мастеров. В том же ряду великие трагики Древней Греции — Эсхил, Софокл и Еврипид. Поэтому важнейшая особенность текстового оформления известных сюжетов в древнегреческий период путем их «внутреннего перевода» — это отсутствие пьесы перед письменным текстом и отсутствие представления об устойчивости окончательного текста. В этом, возможно, одна из причин плохой сохранности древнегреческих литературных памятников.

¹¹ Семенов О. Е., Панасев А. Н. История перевода (От древности...). — Киев, 1989. — С. 37.

Известно, что греки с высокомерием относились к другим народам, называя их варварами, и неохотно изучали «варварские» языки. Но контакты с внешним миром у греков, безусловно, существовали и обеспечивались деятельностью переводчиков-наемников, т. е. варваров, знавших греческий язык. Такие переводчики упоминаются даже в литературных памятниках, например в романе Флавия Филострата «Жизнь Аполлона Тианского» (III в. н. э.).

С существенными следами деятельности переводчиков мы сталкиваемся лишь в поздний период Древней Греции, и к тому же на территориях греческих завоеваний. Так, в Александрии в 285-243 гг. до н. э. был осуществлен перевод Библии на греческий язык, выполненный еще в рамках старой, дохристианской традиции, т. е. с изрядной долей адаптации и пересказа.

Древний Рим

Древние римляне, в отличие от древних греков, переводом пользовались широко, причем преобладал именно перевод с иностранных, «внешних» языков, сыгравший значительную роль в формировании римской культуры эпохи античности. Высказываются даже крайние точки зрения о том, что римская культура представляла собой системный «перевод» греческой культуры. Но подробное изучение памятников Древнего Рима позволяет сделать вывод о том, что римская культура, испытывая в начале своего формирования мощный стимул в виде достижений греческой культуры, затем шла в своем развитии собственным путем.

Так или иначе, Рим на раннем этапе своего становления имел наиболее тесные контакты именно с Грецией, и наибольший объем переводов приходился в связи с этим на долю греческого языка.

Начало постоянным контактам Рима и Греции положило вторжение в Италию эпирского царя Пирра в 280 г., закончившееся неудачей (известная «Пиррова победа»). Грек Пирр, разумеется, относился к римлянам как к варварам и поэтому едва ли знал латынь; по косвенным данным можно полагать, что общение Пирра с римлянами осуществлялось через переводчиков.

Любопытно, что и сами римляне считали свой язык варварским и высоко чтили греческий, на котором писали, например, первые римские историографы, такие как Квинт Фабий Пиктор (III в. до н. э.). Знание греческого было свидетельством образованности и высокого статуса в обществе, и дипломатические контакты с греками в ту пору обеспечивались переводом, который выполняли влиятельные граждане Рима. Так, первый известный нам по имени устный переводчик — это сенатор *Гай Ацилий*, который выступал в роли переводчика в сенате, когда в 155 г. в Рим прибыло греческое посольство, представленное философами Корнеадом, Диогеном и Кристолаем.

Родоначальником перевода письменных памятников и зачинателем римской литературы считается грек из Тарента, вольноотпущенник **Луций Ливии Андроник** (ок. 275-200 гг. до н. э.). Андроник перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера, которая на протяжении следующих 200 лет была обязательным чтением римских школьников. Андроник разработал различные приемы адаптации греческих произведений к римской действительности и культуре. Именно он первым заменял при переводе имена греческих богов на имена соответствующих им римских богов. С помощью транскрипции он вводил в текст латинского перевода греческие слова, обозначавшие экзотические реалии. Заменяя греческие метрические размеры на народный сатурнийский стих, он положил начало римской классической поэзии. Известно 12 названий греческих комедий и трагедий, которые перевел Андроник, выступая одновременно в качестве режиссера и актера при их постановке. Фактически Ливии Андроник может считаться родоначальником того метода адаптационного перевода, который широко применялся римскими переводчиками впоследствии.

Следующей крупной фигурой в области перевода в Риме был **Квинт Энний** (239-169 гг. до н. э.). Владея тремя языками: родным окским, греческим и латинским, Энний прославился как собственными творениями, так и переводами. Уже в творчестве Энния наметился феномен, который ярко характеризует римские переводы с греческого: они в большей мере являются усвоением греческого исходного материала, нежели переводом текстов в нашем современном понимании. Из 20 известных нам наименований пьес Энния²¹ восходят к трагедиям Еврипида и являются творческим использованием достижений Еврипида в области театра. Впоследствии римский критик Авл Геллий (II в. н. э.), представитель архаического течения в римской литературе, оценивая деятельность Энния как переводчика Еврипида, критикует перевод «Гекубы», отмечая, что «стих гладкий, а смысл не передан»²¹. Характерно, что в ходе развивающейся традиции постоянного сопоставления греческих оригиналов с их римскими версиями выясняется, что, по мнению римлян, переводы почти всегда выглядят бледными подобиями оригиналов. Энний перевел также «Священную историю» Эвгемера, широко используя пересказ и адаптацию.

Известный римский комедиограф **Тит Макций Плавт** (III — нач. II в. до н. э.) тоже строил свои комедии на основе греческих, используя прием контаминации, т. е. соединяя достаточно точный перевод отдельных фраз с собственными фрагментами. Характерно, что и сам Плавт, и его современники, очевидно, считали творения Плавта переводами. О двух из его комедий прямо сказано: «Плавт перевел

²¹ Цит. по: Семенов О. Е., Панасьева А. Н. История перевода (От древности...). С. 47.

на варварский язык» (т. е. на латынь). Надо отметить, что Плавт намеренно усиливал простонародный оттенок речи героев своих комедий, поэтому особенно высоко ценился плебсом.

Произведения представителей «новой аттической комедии» — Менандра, Посидиппа, Алексиды, Филемона — использовал в своем творчестве **Цецилий Стаций** (220-168 гг. до н. э.). По мнению Авла Геллия, переводы его времени также тускнеют перед греческими оригиналами.

Поистине грандиозно переводческое творчество **Публия Теренция Афра** (190-159 гг. до н. э.). И дело не только в его объеме — по некоторым сведениям, Теренций перевел с греческого около 100 комедий. Важно другое: используя весь опыт обработки греческого драматического материала предшествующими авторами, Теренций усовершенствовал композицию и впервые вложил в уста персонажей изящную литературную речь. В этой речи нет грубых, простонародных выражений, но нет и архаизмов, что позволило современникам видеть в ней образец литературной нормы. Поэтому Теренция при жизни ценили прежде всего в кругах образованных аристократов-эллинофилов. Цезарь отмечает «чистую речь» Теренция, хотя и говорит, что по «комической силе» ему с греками не сравниться, а Цицерон пишет, что Теренций «все выражает изяшно, везде говоря сладкогласно». До нас полностью дошли 4 комедии, являющиеся переводами комедий Менандра, и 2 комедии, основой которых были произведения Аполлодора Критского. Все они затем были включены в программу высшего римского образования, а их автор чествовался как член Великой квадриги: Теренций, Цицерон, Вергилий, Саллюстий.

Таким образом, к концу II в. до н. э. формируется литературный латинский язык, во многом благодаря многочисленным переводам с греческого. Освоение же греческого наследия посредством перевода приводит к созданию самостоятельной римской литературы. При этом каждый из античных языков — как латынь, так и греческий — занимает в римской культуре и общественной жизни свою, особую нишу. Статус греческого языка становится двойственным: с одной стороны, это «язык низших слоев, рабов, а с другой стороны — язык образованной элиты; императоры Клавдий, Нерон, Адриан, Марк Аврелий предпочитают говорить и писать по-гречески. Латынь же отныне — полноправный язык общественной жизни и богатой литературы, а не только «варварский» язык простых граждан.

Примерно к этому же времени относятся и πεφύβη, χεορ⁷ тические соображения о переводе. Они принадлежат знаменитому оратору, философу и политическому деятелю **Марку Туллию Цицерону** (106—43 гг. до н. э.). Переводом Цицерон занимался и сам, причем с юного возраста. В 16 лет он перевел греческую поэму по астрономии — «Явления» Арата; затем, в 32 года, знаменитое сочинение Ксенофонта (IV в. до н. э.) «Домострой». Цицерон считал, что дословный, буквальный перевод — свидетельство языковой бедности и беспомощ-

ности переводчика. Он призывал передавать не форму, но смысл произведения, подбирая слова «не по счету, а как бы по весу»; следовать законам языка перевода; ориентироваться при выборе соответствий на читателя или слушателя — т. е. считал важной установку на конкретного реципиента.

Следует отметить, что если на первом этапе контактов с греческой словесной культурой в IV—II вв. до н. э. преобладает освоение драматического материала, то с конца II в. до н. э. начинается пора переводов лирической, гимнической и эпической поэзии. К ярким представителям этого периода относится **Гай Валерий Катулл** (87-57 гг. до н. э.). Катулл переводил немного, нам известен один его крупный перевод — «Волосы Береники» Каллимаха, но в его собственном творчестве заметно влияние александрийской поэзии. Переводя Каллимаха, Катулл прекрасно справился с ритмико-синтаксической динамикой подлинника, используя гибкость латинского элегического дистиха.

К I в. н. э. римская литература освоила практически все жанры греческой литературы и стала развиваться самостоятельно. Теперь преобладает не прямое воздействие — через перевод, а косвенное — через сюжетику. Оно дополняется уже разработанным методом орнаментального использования отдельных точно переведенных цитат из греческих авторов (контаминация).

Так, **Квинт Гораций Флакк** (65-8 гг. до н. э.) сюжетно и архитектурно зачастую следует ранним греческим поэтам: Архилоху, Сапфо, Алкею, Анакреонту, Мимнерму, Пиндару. Подражая эолийским поэтам также и в метрике, и в стиле, Гораций не является слепым подражателем — их мотивы и цитаты служат лейтмотивом или эпиграфом к той теме, которую поэт развивает самостоятельно, добиваясь безупречной формы при сжатой выразительности языка²². Гораций творчески пользуется богатейшим арсеналом греческой сюжетики и стилистики, достигая нового литературного качества — той гармонии формы и мысли, которая присуща только его творчеству.

Публий Вергилий Марон (70-19 гг. до н. э.) также использовал греческий материал для обогащения собственного стиля. Авл Геллий находит у Вергилия множество заимствований и переработок материала разных греческих поэтов. Прямую связь его «Эклог» с «Идиллиями» Феокрита отмечают и современные исследователи. В эклогах II и III мы опять встречаемся с методом контаминации — так называемыми «доскутными стихами». Но греческие источники Вергилий перерабатывает и использует для создания собственного, неповторимого стиля.

Начиная с I в. н. э. ведущим становится прозаический перевод. Еще в I в. до н. э. историк Сисенна (118—67 гг. до н. э.) переводит на латынь «Милетские рассказы» Аристида Милетского. Наряду с дру-

гими жанрами, в первые века нашей эры среди переводов преобладает роман. Причем в Риме было создано, в сущности, всего 2 собственных романа на латыни: «Сатирикон» Петрония и «Золотой осел» Апулея; остальные известные романы были переводными. Во II в. появляется «История Аполлония, царя Тирского», в начале III в. — «Дневник Троянской войны», затем — «Деяния Александра» в переводе Юлия Валерия, а в IV в. — «История падения Трона», а также «Иудейская война» Иосифа Флавия, написанная в I в. на греческом языке.

В заключение следует отметить некоторых деятелей культуры более позднего периода, творчество которых было еще проникнуто духом античности. В их ряду наиболее важное место, безусловно, занимает **Анций Мауций Северин Боэций** (480-524). Боэций был римлянином знатного происхождения, образование получил в Афинах; а затем был на службе при дворе остготского короля Теодориха Великого, который впоследствии и приказал его убить. Боэцию принадлежат переводы философских сочинений Пифагора, Птолемея, Никомаха, Евклида, Платона, Аристотеля. Вводя в культурный обиход Рима греческую философию, Боэций выполнял неоценимую просветительскую миссию — ведь собственно римская философия, в сущности оставалась эпигонской. Кстати, Боэций — первый из известных нам переводчиков, причисленный к лику святых. Он был канонизирован под именем св. Северина. Позже Данте Алигьери восславил его в своем произведении, помещая среди великих мудрецов («Рай», X, 123).

Другой крупной фигурой позднего периода был сенатор **Магн Аврелий Кассиодор** (490-575). Под его руководством были переведены «Иудейские древности» Иосифа Флавия и многое другое²³.

Итак, перевод на самом раннем этапе своего развития выполнял важные функции, обеспечивая общение между народами и взаимодействие культур. Можно отметить следующие характерные черты этого периода (IV тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.):

1. Устный перевод обслуживает, как правило, внешние контакты (реже — и внутренние, как в Вавилоне). Устные переводчики либо образуют особые профессиональные касты, как в Египте, либо выполняют эту роль попутно, являясь одновременно крупными общественными деятелями, как в Риме, либо набираются при необходимости из числа варваров, как в Греции.
2. Письменный перевод в древности выполняет две важнейшие функции: во-первых, он способствует осуществлению внешних дипломатических, экономических и культурных контактов, закрепляя их в соответствующих документах, а также оформляет контакты с иноязычным населением внутри страны (как это было в Вавилоне); во-вторых, с помощью письменного перевода древние народы знакомятся с произведениями литературы,

²³ Значительная часть фактических данных в разделе 6.1. приводится по изд.: Семенов О. Е., Панасов А. Н. История перевода (От древности...). — Киев, 1989.

философии, научными трудами, созданными на других языках, что часто является мощным стимулом к развитию их культур (Шумер — Вавилон, Греция — Рим).

3. Устные и письменные переводы, которые делались с целью осуществления и закрепления контактов, ориентировались на максимально полную передачу содержания исходного текста средствами родного языка.
4. При письменном переводе литературных, философских и других произведений с целью культурного заимствования часто избиралась методика вольного переложения, пересказа, орнаментального цитирования, контаминации («лоскутная техника»). В некоторых случаях переводчики добавляли к пересказанному тексту собственное продолжение. Широко применялась методика адаптации к собственной культуре; она могла касаться смены антуража, замены имен на более понятные читателям переводного текста, изменения поэтической формы на национальную.
5. Письменный перевод иногда мог быть и буквальным, однако для переводчиков это, по-видимому, не означало пietetа перед текстом подлинника, а объяснялось, скорее всего, некоторой наивностью переводчиков в их подходе к тексту.
6. Обучение переводчиков в древности могло осуществляться в школах писцов (Египет, Шумер), которые, по-видимому, были светскими.
7. Первые известные нам обобщения по поводу перевода были сделаны в Древнем Риме (Марк Туллий Цицерон, I в. до н. э.). К этому же времени относятся и первые критические оценки переводов.

6.2. Письменность в древности

Как мы убедились, история письменного перевода, которую мы можем проследить, как и история устного перевода, уходит корнями в глубокую древность. Понятно, что письменный перевод стал возможен тогда, когда у людей появилась письменность. Из четырех известных человечеству типов письменности первый тип — *идеографическое* письмо (IV—III тыс. до н. э.) — вряд ли мог быть пригоден для перевода, поскольку использовался для передачи ограниченного числа понятий в хозяйственных записях либо служил для ритуальных целей (например, в раннем Шумере). Второй тип письменности — *словесно-слоговой*, который возник несколько позже идеографического и широко использовался в Древнем Египте (древнеегипетское письмо — с конца IV тыс. до н. э.), Шумере (шумерское письмо — с начала III тыс. до н. э.), в Древней Индии (протоиндское письмо — с III тыс. до н. э.), в Двуречье (клинопись — с III тыс. до н. э.), на Крите (критское письмо — с начала II тыс. до н. э.), в Китае (китайское письмо — со II тыс. до н. э.), в Центральной Америке (письмо майя — с I тыс.

до н. э.), — обладал гораздо более широкими возможностями для передачи информации и вполне мог быть основой для письменных переводов. Это подтверждают и многочисленные памятники более позднего периода, например переводы с китайского языка и на китайский язык в Корею в VII—XIII вв. н. э., поскольку китайское письмо со времени своего возникновения мало изменилось.

Не меньшие возможности для письменного перевода представлял и третий тип письменности — *силлабическое* письмо, возникшее, по-видимому, в I тыс. до н. э., например, применяющаяся до сих пор в Индии система письменности *деванагари* (для записи санскрита, хинди). Наконец, наиболее значимым для оформления письменных переводов является четвертый тип — *алфавитное* (буквенно-звуковое) письмо, родоначальником которого считается финикийское письмо (конец II тыс. до н. э.). Следом за ним на протяжении I тыс. до н. э. развились: восточные алфавиты, западные алфавиты, а затем в I тыс. н. э. — эфиопское письмо и славянское письмо.

Далее при обсуждении истории перевода мы будем наиболее подробно останавливаться на событиях, происходивших в Западной и Восточной Европе, а поэтому нас прежде всего будет интересовать развитие западных алфавитов и славянского письма.

Исходным для развития всех западных алфавитов явилось *греческое* письмо (VIII в. до н. э.), на базе которого позже сформировались италийские алфавиты, древнегерманские руны, латынь и славянское письмо.

Отметим, однако, что само по себе наличие письменности в древних культурах не означало, что перевод в них получал большое распространение. Решающим фактором становилось то обстоятельство, нуждалась ли данная культура в заимствованиях извне. Так, «первичные цивилизации», такие как Древняя Греция и Древний Китай, не испытывали необходимости в культурном обогащении с помощью других культур и, несмотря на развитые системы письменности, практически не пользовались переводом как способом «подпитки» извне, хотя сами служили богатейшими источниками излучений в соседние культуры.

6.3. Перевод в эпоху Средневековья

Античный мир медленно и незаметно угасает, перерастая в европейский. Мы не можем назвать точную дату, когда имеет смысл говорить о собственно европейском мире. Но отправной точкой, как всегда, служит человек и человеческое общество. А человек на рубеже эр перешел от расчлененного, рассеянного в окружающей природе языческого восприятия мира — к единобожному (монотеистическому). Для европейских народов ведущим вариантом единобожного восприятия явилось христианство.

Именно эта грандиозная перемена в восприятии человеком себя и мира обусловила новый подход к переводу и закрепила его на долгие века. Попробуем разобраться в сути этого принципиально нового подхода.

Христианство принесло с собой Священное писание) — священный текст, к которому люди уже небьютГлйТтодхбдйт с прежними, античными мерками. Текст этот, данный Богом, почитался как святиня. Необычайно важно, что это был письменный текст, т. е. текст, имеющий законченное оформление. В принципе в истории народов Европы уже известна была к тому времени традиция религиозного восприятия письменных знаков языка. Древние германцы дохристианской поры именно так на рубеже эр воспринимали свои руны. Сакральный характер имела каждая руна сама по себе, вне ее связи со значением. Значение ее представляло собой таинство и находилось в ведении жрецов. Использование рун для составления слов свяznego текста, т. е. для передачи информации, было в то время явно второстепенной областью их применения.

Почитание текста Священного писания основывалось не на почитании отдельных графических знаков (букв), а на почитании Слова, которое с самого начала воспринималось как наименьшая возможная частица, прямо связывающая человека с Богом. Это средневековое европейское восприятие текста дает ключ к пониманию средневековой теории перевода. Она опирается на средневековое представление о природе языкового знака, а это представление, в свою очередь, уходит корнями в философию неоплатонизма. Ее принесли на христианскую почву Блаженный Августин — на Западе и Псевдо-Ареопагит — на Востоке Европы**.

В центре этих представлений — *иконическая* природа слова. Это означает, что слово есть образ вещи; причем существует внутренняя нерасторжимая связь между словом и вещью. Представление об иконической природе слова впоследствии сменится альтернативой представлений (в современной лингвистике эта связь может трактоваться и как иконическая, и как случайная). Но тогда, в культуре средних веков, иконическая природа слова была аксиоматична.

Итак, слово есть образ вещи. Значит, в принципе слово может отобразить вещь еще раз — на другом языке. В таком подходе была заложена принципиальная возможность перевода. Нужной нерасторжимой связи можно достичь, выбрав другой иконический знак для данного слова, вернее — тот же по сути, но выраженный средствами другого языка.

Но в таком случае переводчик обязан четко и последовательно, без изъятий, отображать каждое слово, иначе он исказит саму реальность.

См.: Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. — Т. 1. — СПб., 1995. — С. 27-28.

В этом и заключается, по мнению известного исследователя литературных памятников Средневековья Д. М. Буланина, лингвистическая основа теории перевода Средних веков — теории пословного (буквального) перевода. Термин «буквальный перевод» мы приводим как дань традиции, но сразу отметим, что, как и многие устаревшие термины, он давно отягощен негативной оценочной коннотацией. Термин этот сформировался в то время, когда любое явление пытались оценить с позиций современности, исходя из догматического представления о том, насколько оно применимо для нас, современных людей. Этот взгляд всегда неизбежно приводит к тому, что явление оценивается негативно. Мы не стремимся понять его суть, мы констатируем только, что нам это явление не подходит.

Но гораздо продуктивнее исследовать явление в его историческом контексте, попытаться понять его место, корни и перспективы. Тогда оно окажется гармоничным компонентом единой системы явлений, одним из естественных отражений особенностей жизни человека того времени.

Говоря о специфике перевода Средневековья, мы прежде всего имеем в виду перевод *письменный*; правда, у нас есть сведения о том, что на Востоке, в Индии, существовал пословный устный перевод, очевидно, базировавшийся на той же иконической теории. Однако в европейской традиции он неизвестен. То, что письменность принесло европейским народам христианство, — факт общеизвестный. Это были очень похожие между собой графические системы, построенные на основе греко-латинских буквенных знаков. Во всех исходно преобладал фонематический принцип фиксации речи. Но в исследованиях, посвященных истории письменности, как правило, не делается акцент на том, что письменность возникла как инструмент перевода и первым письменным текстом почти у каждого из европейских народов был текст Библии. Значит, фактически письменность исходно потребовалась именно для перевода.

Рассмотрим типичные черты средневековых переводов на примере одного из самых ранних памятников — готской Библии. Готская письменность была одним из самых первых вариантов европейской письменности на греко-латинской основе. В IV в. и. э. вестготский монах *Вульфила* перевел Библию на готский язык. На основе знаков греческого, италийского и отчасти рунического алфавитов Вульфила разработал для целей перевода готский алфавит, который затем и стал основой готской письменности. Уже в этом раннем тексте проявились все основные черты средневекового перевода. Перевод этот — пословный. Если Вульфила сталкивался в греческом оригинале со словом, которого нет в готском языке, он изобретал различные способы его отображения. Среди них и транскрипция, и калькирование словообразовательной модели. Установка на передачу каждого слова в отдельности приводила к тому, что не учитывался контекст, перевод оказывался внеконтекстуальным, точно следовал

за целью отдельных слов, но не учитывал систему языка. Поэтому он и получил наименование буквального, или «рабского», перевода. Однако вряд ли можно говорить здесь о лингвистической наивности переводчиков, как это делают многие исследователи²⁵. Дело скорее в совершенно особом отношении к тексту, которое для нас трудно представимо. Ведь средневековый переводчик заботился не о мастерстве перевода, точности передачи содержания и понятности переведенного текста, а о том, чтобы он соответствовал доктрине христианского вероучения. При этом затемненность, непонятность содержания была даже привлекательна, усиливала мистическое религиозное чувство и соответствовала невыразимости, непознаваемости основных христианских истин. В этом свете особое звучание приобретает слово «рабский»: чувствуя величайший пиетет перед подлинником, переводчик ощущал и хотел ощущать себя рабом перед Божественным текстом.

Практика пословного перевода приводила к прямому заимствованию латинских и греческих грамматических структур (*accusativus cum infinitivo*, *genitivus absolutus* и др.), которые затем зачастую усваивались принимающим языком.

В переводных текстах, таким образом, при пословном принципе отражалась структура языка оригинала, его словообразовательные модели, но на национальной специфике не делалось акцента, она, видимо, и не осознавалась, во всяком случае, проблемы перевода не составляла. При переводе текста Библии, который делался с древнееврейского через язык-посредник — греческий или латынь⁷ — возникла многослойная структура текста перевода на всех уровнях языка. Стремление к верности христианской доктрине при пословном принципе иногда позволяло переводчикам заменять традиционные детали библейского антуража на местные. Так, в поэтическом переложении Библии на древнесаксонский язык, известном под названием «Хелианд» («Спаситель», IX в.), пустыня, куда направляется Христос, заменена лесом. Но такие замены мы встречаем, как правило, в том случае, если исходный текст обрабатывался поэтически. Тогда одновременно допускались купюры, выравнивание сюжета и приспособление текста к поэтической форме, привычной для данного народа, — т. е. фактически адаптация, которая являлась известным переводческим приемом еще в дохристианские времена. Одновременно с адаптацией можно было наблюдать и логическое «выравнивание» текста оригинала, целью которого было, по-видимому, облегчение его восприятия — все с той же задачей: донести до паствы Слово Божье. Ярким примером такого логического выравнивания были так называемые «евангельские гармонии», т. е. сведение воедино всех четырех Евангелий. Таким образом, в переводах раннего Средневековья зачастую сливались воедино три принципа: послов-

См., напр.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — С. 25.

ный перевод, культурная адаптация и логическое выравнивание. Таков и упомянутый «Хелланд», написанный традиционным для германцев древнегерманским аллитерационным стихом; таково Евангелие Отфрида (IX в.): евангельская гармония, написанная на рейнско-франкском диалекте и использующая смежную конечную рифму.

Получается парадоксальная на первый взгляд картина. С одной стороны, на протяжении всех средних веков существует пословный перевод, не допускающий купюры даже одного слова при переводе, с другой стороны, встречается очень свободная обработка подлинника, допускающая даже превращение прозы в стихи. На деле здесь нет противоречия. Принцип соблюдения верности доктрине неуклонно соблюдался, а вольная переработка, очевидно, была связана не только с дохристианскими традициями адаптации, но и с традициями устного проповедничества, хотя авторы, безусловно, пользовались, как основной, письменным текстом Библии.

Отметим еще одну странность средневекового отношения к тексту. Верность подлиннику ставилась превыше всего. Но, превратившись в переведенный текст, он мог потом подвергаться купюрам, входить в состав различных компиляций и т. п. Это было связано с тем, что понятия *авторства* в нашем понимании не существовало; в конечном счете не человек переводил с помощью своего искусства, а божественное вдохновение руководило им. Поэтому понятия посягательства на чужой текст возникнуть не могло.

И последнее важное замечание. В средние века отсутствует оппозиция между оригинальной и переводной литературой. Ведь текст не есть национальное достояние, он есть достояние всего христианского мира. Вера объединяла людей гораздо мощнее, чем кровь и обычаи. Текстовая культура была единой. Именно поэтому, в отличие от античности, доля переводных текстов во всей христианской Европе очень велика и составляет от 87 до 99%. Это вовсе не означает духовной ущербности народов в средние века и их неспособности к самостоятельному творчеству. Это говорит об общности их текстовой культуры и о христианской доминанте в ней. Кроме того, это свидетельство высокой интенсивности информационного обмена в то время.

После этих предварительных замечаний познакомимся кратко с основными средневековыми памятниками перевода и наиболее известными переводчиками.

Первое место по количеству переводных версий безусловно занимает Библия. Самый ранний из прославившихся переводов текста Священного писания относится еще к III в. до н. э. — это знаменитая *Септуагинта*, перевод первых пяти книг Ветхого Завета с древнееврейского языка на греческий. Согласно легенде, египетский царь Птолемей (285–246 гг. до н. э.) приказал перевести Библию, и для этого было отобрано 72 толковника (т. е. переводчика) — по 6 мужей от каждого колена Израилева; их разместили в крепости на острове Фарос. Каждый из них должен был перевести текст от начала

до конца самостоятельно. Когда работа была завершена и тексты сравнили, то обнаружили, что все они одинаковы слово в слово.

Сохранились также фрагменты первого полного перевода Библии II в. до н. э., выполненного Авиллой, Симмахом и Феодотионом, где отмечается как следование пословному принципу, так и перевод по смыслу. Очевидно, и в последующие века Библия не раз переводилась. Известно, что в III в. н. э. **Ориген Александрийский** сопоставил все имеющиеся переводы на греческий язык и создал новую редакцию.

Начало переводам Библии на латынь положил анонимный перевод начала II в. н. э., иногда именуемый *Вульгата*¹⁶.

Однако чаще *Вульгата*²⁷ называют перевод, осуществленный **Иеронимом Стридонским**. Об Иерониме известно не так много; мы знаем, что он учился в Риме, некоторое время провел в Антиохии, где постигал греческую книжную культуру, жил в Халкидской пустыни и там выучил еврейский язык. За 20 лет он перевел все Священное писание (перевод был завершен в 405 г. в Вифлеме). Постановлением Тридентского собора в 1546 г. этот перевод под полным названием «*Biblia sacra vulgatae editionis*» был объявлен обязательным для католической церкви. Подход Иеронима к переводу зависел от переводимого текста: так, при переводе Библии он явно придерживался пословного принципа, отмечая, что в Священном писании «и самый порядок слов есть тайна»; при переводе же историкографии Евсевия и сочинений Оригена с греческого говорил: «Я передаю не слово словом, а мысль мыслью».

В IV в. появился полный перевод Библии на сирийский язык (Сирийская Вульгата), на эфиопский язык, а также на готский язык. Готская Библия Вульфилы (317-381) была переведена с одной из версий Септуагинты.

В средние века центрами перевода в Европе становятся монастыри и королевские дворы.

В Ирландии в IV в. св. Патрик основывает монастырь, где располагались скриптории, занимавшиеся переписыванием и переводом рукописей на латынь. При дворе Карла Лысого в IV в. живет и творит ирландский монах **Скотт Эригена**, который, в частности, переводит сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита с греческого языка на латынь.

Одновременно с переводами на латынь появляются и переводы на родные языки народов Европы. На древнеанглийский язык сочинения теологического, исторического и философского содержания переводят члены кружка, организованного королем *Альфредам-Великим* в IX в. Переводит и сам Альфред Великий, в частности Бозция, Беду Достопочтенного, Орозия. Переводческая деятельность

Семенов О. Е., Панасьева А. Н. История перевода (От древности.) — Киев 1989. — С. 85.

²⁷ Евсевий Софроний Иероним, 3407-420 гг.

Альфреда преследовала прежде всего просветительские цели, видимо, поэтому пословный принцип в его переводах совмещается с принципом вольного, адаптирующего перевода. В переводах из Боеция мы даже видим попытку перевести прозу аллитерационным стихом.

В Германии первые памятники перевода появляются в VIII в. — они же являются и первыми памятниками письменности на древневерхненемецком языке. Это «Отче наш» и «Символ веры», «Исидор» (перевод трактата Исидора Севильского «Об истинной вере»). Затем, в IX в., к ним добавляются «Татиан» (перевод евангельской гармонии Татиана с греческого через латынь на немецкий язык) и уже упомянутые «Хелианд» и «Отфрид». К X в. относится переводческая деятельность **Ноткера Губастого**, или **Немецкого** (950-1022). Ноткер руководил монастырской школой в монастыре Санкт-Галлен, которая была крупнейшим центром перевода в то время. Сам Ноткер перевел «Риторику» и «Категории» Аристотеля, «Брак Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы, «Утешение философией» Боеция, «Буколики» Вергилия, псалмы и многое другое. Руководствуясь в целом пословным принципом, Ноткер-переводчик редко пользуется транслитерацией при переводе, зато широко применяет словотворчество, основанное на калькировании и конверсии. На примере переводов Ноткера мы видим, как велика могла быть роль перевода в развитии и расширении словарного запаса языка (для сравнения: словарный запас «Татиана» — 2300 слов; словарный запас Ноткера — 7000 слов).

Особая переводческая ситуация складывается в средневековой Испании. Наверное, нигде в Европе не наблюдается такой пестроты культурных и языковых влияний, как здесь. Во-первых, в Испании в это время четыре (!) литературных языка: испанский (кастильский), каталанский, галисийский и баскский. Во-вторых, испанская культура формируется под влиянием римлян, вестготов, арабов, берберов, евреев. Поэтому переводческие традиции неоднородны и не вполне согласуются с общеевропейскими тенденциями. В частности, латынь в Испании — это одновременно и язык перевода, и язык, с которого переводят на разные языки. Первые памятники перевода относятся к IX в.: это переводы глосс и нескольких документов с латыни на испанский. Но расцвет перевода приходится на XII в. В начале XII в. испанский еврей Педро Альфонси переводит с арабского на латынь индийские и арабские сказки; основным принципом перевода было вольное переложение оригиналов, т. е. дохристианская традиция. В 1100 г. в Толедо по инициативе Великого канцлера Кастилии Раймундо была организована *школа переводчиков* с арабского языка. Наряду с литературными произведениями переводчики Толедской школы переводили труды по философии, астрономии, медицине. В XIII-XIV вв. процветанию школы содействовал король Альфонсо X (1226-1284). Он переводил и сам, но главное — активно участвовал в организации переводческой деятельности. Любопытно, что в Толедской школе практиковался двуступенчатый метод пе-

ревода, явно заимствованный из восточных культур: один переводчик устно переводил с арабского языка на испанский читаемый вслух текст; второй тут же устно переводил его на латынь, а третий — записывал результат. При таком двухступенчатом устном переложении текста корректирование неточностей и толкование неясных мест происходило тут же, в процессе перевода. Переводы получались не буквальными, но очень близкими к подлиннику. Однако, в отличие от чисто письменных переводов, они были в большой степени внеконтекстуальными, поскольку, естественно, последующий контекст почти не учитывался. Переводчики находились под сильным влиянием арабского языка; переводы пестрят кальками с арабского. Сам король Альфонсо принимал участие в редактировании и переводе некоторых текстов, например юридических и исторических. Благодаря трудам толедских переводчиков европейцам стали доступны достижения арабской науки и культуры: труды по математике, астрономии, физике, алхимии, медицине. Они ввели в европейский культурный обиход также и труды знаменитых греков: Аристотеля, Евклида, Птолемея, Галена, Гиппократ.

Начиная с ХЦ-ХШ вв. среди памятников перевода увеличивается доля светских текстов. По всей Европе благодаря переводам распространяется рыцарский роман: в XII в. обработки рыцарских романов по французским источникам обнаруживаются в Германии («Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, «Эрск» и «Ивейн» Гартмана фон Ауэ); в XIII в. появляются пересказы французских рыцарских романов в Англии, Италии, Норвегии, Фландрии, Испании. Даже в Исландии, культура которой по целому ряду причин (толерантная христианизация, островная изолированность, сильная собственная литература) не так сильно зависела от переводов, именно под влиянием переложений рыцарских романов сформировался целый литературный жанр: романическая сага. Популярным среди европейских переводчиков является также старофранцузский эпос «Песнь о Роланде», который начиная с XII в. переводят на разные европейские языки (в частности, на средневерхненемецкий и нидерландский). В самой же Франции, помимо христианской и античной литератур, переводят не так много, поскольку существует собственная авторитетная литература.

— Завершая разговор о средневековой теории и практике перевода, кратко остановимся на устном переводе. Если письменный перевод находился в ведении монахов и был богоугодным делом, основные языки, с которых переводили — греческий и латынь, — воспринимались как божественные языки Священного писания, а латынь была также языком богослужения, то устный перевод, наоборот, воспринимался в народе как занятие бесовское. Во-первых, говорящий на любом другом (варварском, неполноценном) языке, как и в древности, казался человеком неполноценным, а необычная способность говорить сразу на двух языках наводила на подозрения, не свя-

зан ли он с дьяволом. Но поскольку устный переводчик становился незаменимой фигурой в дипломатических контактах между формирующимися европейскими государствами, он постепенно превращается в официальное должностное лицо и как профессионал имеет высокий статус государственного признания. В XIII в. впервые осознание необходимости обучать устных переводчиков приводит к реальным инициативам: юрист Петрус де Боско добивается создания в Париже специальной Высшей школы устных переводчиков с восточных языков и излагает в послании Филиппу IV Красивому примерную программу обучения, аргументируя необходимость создания школы тем, что настало время начать экспансию европейской духовной культуры на Восток²⁸.

Кстати, несколько слов о переводческой ситуации на Востоке в средние века; ведь искусство перевода развивалось, разумеется, не только в Европе, и немаловажно представлять себе культурный фон европейского развития. В арабском мире расцвет переводческой деятельности приходится на VIII—XIII вв. и непосредственно связан с распространением ислама. Средневековая арабо-мусульманская философия опирается на греческую философию, в частности на Аристотеля, и берет свое начало в переводах²⁹. Среди мощных центров перевода в то время можно отметить Насибин и Гундишапур (Иран), Дамаск. Особое место занимает Индия, которая по объему и количеству переводов превосходит не только весь средневековый Восток, но и Европу. Примечательно, что перевод в Индии является в основном не средством заимствования информации извне, а средством ее «излучения»: на территории Индии создаются переводы более чем на 300 (!) языков, в основном — с санскрита. Богатые переводческие традиции обнаруживаются в Корее (переводы в основном с китайского и на китайский), в Тибете (VII—XIV вв., центры перевода — тибетские монастыри), в Монголии (с китайского, тибетского, уйгурского). Особняком стоят Китай и Япония. Китай — одна из древнейших непрерывных цивилизаций — на протяжении всей своей истории отличался ярко выраженной самодостаточностью (китайский гегемонизм) и не стремился к культурным заимствованиям; не наблюдалось также и стремления распространять свою культуру. Перевод в Китае в связи с этим был развит *крайне слабо*, и вспышки переводческой деятельности в III—VII вв. были связаны лишь с усвоением буддизма. Далее, вплоть до XX в., в Китае практически ничего не переводилось. Первым симптомом скорого выхода из изоляции явилось создание школы иностранных языков и бюро переводов при Цзянь-Наньском арсенале в 60-е гг. XIX в. Библия на китайский язык была переведена только

²⁸ См. об этом, напр., в кн.: *Albrecht J. Literarische Übersetzung. Geschichte. Theorie. Kulturelle Wirkung.* — Darmstadt, 1998. — S. 40-52.

²⁹ Семенов О. Е., Панасев А. Н. История перевода (От древности...). — С. 17.

в XX в. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в средневековой Японии, где до начала XVII в. перевод неизвестен и не культивируется.

Подведем некоторые итоги:

1. Письменный перевод в средние века оказывается мощным средством религиозной консолидации — как в Европе, так и на Востоке.
2. Появление письменности у европейских народов непосредственно связано с необходимостью перевода Библии, таким образом, перевод становится катализатором информационной культуры человечества.
3. Письменный перевод в средние века осуществляется преимущественно в рамках пословной теории перевода, которая базируется на представлении об иконической природе языкового знака.
4. Конкурирующим принципом письменного перевода является принцип культурной адаптации.
5. Высокая культура письменного перевода в Средневековье способствует развитию и обогащению европейских языков.
6. Для средневекового письменного перевода характерно отсутствие осознанного авторства, а также отсутствие представлений о национальной принадлежности текста.
7. Функциональные рамки устного перевода по-прежнему остаются ограниченными.

6.4. Перевод в Европе XIV-XIX вв.

Эпоха Возрождения. Отношение к переводу постепенно меняется в эпоху Возрождения, по мере того как меняется отношение человека к самому себе, Богу и окружающему миру. Первые симптомы этих изменений обнаруживаются еще в недрах Средневековья. В XII в. появляются университеты — очаги светского знания: в Болонье (1119), в Париже (1150), в Оксфорде (1167), в Валенсии (1212) и т. д. В некоторых из них даже не было теологических факультетов; например, университет Валенсии ввел изучение богословских наук только в XV в. Появляется светское искусство и светская наука, латынь теперь не только язык Священного писания и христианского богослужения, но и язык университетского образования и светской науки, тем самым она приближается по своему статусу к прочим европейским языкам.

Увеличивается, как мы уже отмечали, и популярность светской переводной литературы. Священный трепет перед текстом начинает постепенно сменяться интересом к его содержанию. Вполне согласуются с этими новыми тенденциями высказывания *Роджера Бэкона* (XIII в.), который в своем знаменитом произведении «*Opus majus*» отмечает, что в переводе «все передать невозможно», поскольку языки

сложны и своеобразны, и призывает переводчиков опираться на совершенствование своего знания иностранных языков.

Появляется взгляд на текст как на нечто организованное по правилам определенного языка. Большую роль в этой переориентации сыграло оживление интереса к античным текстам: первое место среди переведенных книг в XIV в. занимают античные авторы и во Франции, и в Италии, и в Испании; очень популярны они и в Англии. Среди знаменитых имен — Вергилий, Овидий, Саллюстий, Тит Ливий.

Не менее важно было появление светских текстов, содержащих осознанный вымысел (фактически это было начало зарождения художественной литературы в ее современном понимании). Повышенный интерес переводчики разных стран проявляют к новинкам итальянской литературы, находившейся тогда на переднем фланге литературного развития. Данте, Петрарка, Боккаччо переводятся в XIV-XV вв. на все основные европейские языки.

Новое поколение светских переводчиков XV-XVI вв. единодушно высказывается в пользу перевода, точно передающего подлинник по смыслу и соблюдающего нормы родного языка. В Германии это — **Генрих Штейнхельф**, переводчик Эзопа и Боккаччо (XV в.), во Франции — **Иохим дю Белле**, переводчик Овидия, и **Этьен Доле**, переводчик Платона и автор трактата «О способе хорошо перевести с одного языка на другой» (1540). **Феррера Сайоль** (XV в.), переводчик каталонской королевской канцелярии, переводя труд Палладия «О сельском хозяйстве», рассуждает в предисловии к своему переводу о способах передачи специальных терминов, демонстрируя особый интерес к точности передачи содержания адекватными средствами родного языка.

Вместе с тем оживляется и расцветает старинная традиция культурной адаптации. Так, немецкий переводчик XV в. **Альбрехт фон Эйб** при переводе комедий Плавта не только антураж действия заменяет на немецкий, но и меняет имена действующих лиц.

Церковь в эпоху Возрождения ужесточает борьбу за свою чистоту, словно ощущая неизбежность перемен и сопротивляясь им из последних сил. Эту чистоту она также связывает и с пословной теорией перевода, основанной на иконической природе языкового знака. Пострадал переводчик и ученый, гуманист Этьен Доле. За неканоническое истолкование одной реплики Сократа в диалоге Платона он был приговорен церковным судом к смерти и сожжен на костре в 1546 г. Церковь запрещает и перевод Библии на народный язык, объявив его еретичеством. Несмотря на это, мы уже в XIV в. встречаемся с первыми попытками изложить текст Библии народным, общедоступным языком. Один из таких анонимных переводов на немецкий язык был напечатан в Страсбурге в 1465 г. Однако эту попытку нельзя признать удачной. Перевод, выполненный, очевидно, с Вульгаты, пестрит кальками с латыни и отличается тяжеловесностью синтаксиса. И вместе с тем именно с переводом Биб-

ли связана самая существенная перемена, которая произошла в следующем, XVI в.

Реформация. Да, настоящий перелом в истории перевода наступает только тогда, когда ревизии подвергается главный текст в жизни людей того времени — Библия. Вот почему этот перелом связан к первую очередь с именем **Мартина Лютера** (1483-1546), немецкий священник, "доктор публично. новый перевод Священного писания; титиртас"ь"на древне-еврейский и греческий оригиналы. Также на латинскую Вульгату. Лютер остро ощущал назревшую потребность европейской части человечества вступить в другие отношения с Богом, общаться с ним без посредников и воплотил эту потребность в новых принципах перевода. И новый перевод Библии стал основной опорой Реформации христианской церкви.

Призывая соблюдать каноническую полноту и точность передачи содержания подлинника, Лютер призвал делать язык перевода таким, чтобы он был понятен и знаком любому человеку, т. е. ориентироваться на нормы общенародного языка. Интересно, что многие явно устные, просторечные "компоненты речи того времени, которые Лютер ввел в Библию, вскоре изменили свой статус и стали восприниматься как элементы высокого стиля. Подействовал авторитет текста Библии, как священного и возвышенного. Новые принципы перевода, ориентированные на полное самостоятельное понимание текста и переводчиком, и тем, кто его читает, распространились очень быстро на перевод Библии с латыни в других странах Европы, а затем и на перевод других христианских и светских текстов.

Трагически сложилась судьба **Вильяма Тиндла** (1494-1536), ученика и верного последователя **Мартина Лютера**, который перевел Библию на английский язык, ориентируясь на те же принципы, которые проповедовал Лютер. По приказу **Карла V** он был схвачен и сожжен на костре.

Но победное шествие лютеровских принципов перевода было уже не остановить. В это же время расширяется диапазон перевода художественных текстов в связи с развитием светского знания. Переводятся сочинения по астрономии, врачебному делу, алхимии, географии. Принцип полной передачи содержания средствами родного, понятного всем языка утверждается и здесь.

Классицистический перевод. В XVII в. рекатолизация приводит отчасти к возвращению авторитета пословного принципа, но он как был, так и остается уже не единственным. Лютеровская концепция, которая больше соответствует взгляду человека того времени на мир, продолжает распространяться.

Формирование светского художественного текста, которое началось в эпоху Возрождения, завершается его четкой фиксацией в жанрах в эпоху классицизма. Начиная с конца XVII в. в европейских литературах определяются принципы перевода, согласно которым текст

должен отвечать нормам эстетики Буало, нормам эстетики классицизма. Лучшим переводом признавался перевод, максимально приближенный к некоему художественному идеалу. Это достигалось с помощью определенного набора языковых средств, которые отвечали требованиям «хорошего вкуса». В предисловии к своему переводу «Дон Кихота» Сервантеса на французский язык Флориан достаточно четко формулирует эти требования: «Рабская верность есть порок... В „Дон Кишоте“ встречаются излишки, черты худого вкуса — для чего их не выбросить?... Когда переводишь роман и тому подобное, то самый приятный перевод есть, конечно, и самый верный»³⁰. Отметим попутно, что XVIII в. осудил «рабский перевод», т. е. пословный принцип, с нравственно-художественных позиций, не анализируя его историческую специфику и теоретико-философские основы.

Содержание и форма в классицистическом переводе были в единстве. Но это единство находилось вне подлинника, в какой-то идеальной реальности, и в процессе перевода надо было стремиться к достижению этого идеала. Поэтому текст оригинала рассматривался как сырой, несовершенный материал. Проблема переводимости в таком случае снималась сама собой: ведь любой, самый слабый подлинник можно было попытаться приблизить к эстетическому идеалу. При переводе изменения вносились в сюжет, композицию, состав персонажей, т. е. в содержательные аспекты произведения, менялись и средства выражения этого содержания. В результате исчезало всякое авторское и стилистическое своеобразие подлинника. Намеренно устранялось национальное своеобразие, хотя и предшествующие принципы перевода, как мы помним, его не передавали и не учитывали. Но если в Средневековье отказ от национальных черт объяснялся стремлением к религиозному единению, то теперь царила идея интернациональной, просветительской миссии литературы. Неудивительно, что при таком подходе к целям перевода, когда эстетическая ценность самого подлинника не принималась в расчет, нередко были переводы с участием языка-посредника, каковым в большинстве случаев оказывался французский. Споры о том, обогатили ли такие переводы европейские национальные литературы, ведутся до сих пор³¹.

Своеобразным было также и отношение к нормам языка перевода. Текст должен был соответствовать нормам того языка, на который переводился, но эти нормы трактовались иначе, чем в концепции Лютера. Установка на общенародный язык сменилась установкой на язык литературного жанра, во многом далекий от разговорного. В качестве примера можно привести многочисленные классицистические переводы трагедий Шекспира на французский язык. Недопустимы были с точки зрения классицистической эстетики смеше-

³⁰ Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — С. 28.

³¹ См., напр.: Stackelberg J. von. Übersetzungen aus zweiter Hand. — Berlin; New York, 1984.

ние поэзии и прозы в трагедии, комических ситуаций с трагически-ми, употребление грубой и просторечной лексики, нарушение Шекспиром теории трех единств: времени, места и действия. Все эти «отступления от идеала» устранялись при переводе. Тексты, переведенные таким способом, как бы отрывались от конкретного автора и становились достоянием литературного направления.

Разумеется, такая точка зрения о приведении всех подлинников путем перевода к единому эстетическому знаменателю разделялась далеко не всеми. Но даже англичанин А. Ф. Тайтлер, выдающийся теоретик перевода XVIII в., в своем «Опыте о принципах перевода» (1791), требуя точности при передаче авторского стиля, признавал правомерным внесение существенных изменений в подлинник, в частности, его приукрашивание. Тайтлер высоко оценивал выполненный А. Попом перевод «Одиссеи», оправдывая допущенный в нем смысловой и стилистический произвол.

Что касается переводов нехудожественных текстов, то они на протяжении XVII-XVIII вв. держатся в рамках лютеровских принципов перевода, исключая, наверное, публицистические и философские тексты. При переводе научных произведений распространены компиляции и выборочный перевод.

Общественный статус переводчика в XVIII в. достаточно высок по сравнению с прежними веками, но заметно варьирует от страны к стране. Ясно одно: письменный переводчик занимает заметное место в светской культуре. Исследователи отмечают, что именно в XVIII в. перевод обретает признаки профессии и постепенно начинает формироваться настоящее профессиональное сословие переводчиков³².

Во Франции достаточно сильна и уважаема собственная художественная литература, и перевод как канонизированный жанр занимает в ней достойное, но второстепенное место. Переводческая деятельность является делом чести и государственного престижа, выполняя миссию обогащения собственной сильной литературы, и такие известные авторы, как Вольтер и Прево, считают свои переводы равноправной частью собственного творчества. Показательно, что во Франции треть переводчиков оплачивается королевским двором в форме постоянного жалованья. Сохраняется также традиционная для прошлых веков система поддержки переводчиков меценатами. Многие из французских переводчиков вполне осознают свою значимость и роль, отмечая в предисловиях, что их творческие достижения должны оцениваться не ниже, чем достижения авторов оригиналов, ведь они не просто переводят, но еще и улучшают несовершенный оригинал. При этом для всех них перевод представляет собой лишь побочную деятельность наряду с собственным творчеством и, разумеется, не является основным средством существования.

³² : Roche G. Die soziale Stellung der Übersetzenden im 18. Jahrhundert // . — Wien, 2001. — N 19/20. — S. 9-17.

Г В Германии же, где литература в этот период находится лишь в стадии своего формирования, читательский спрос приходится удовлетворять преимущественно за счет переводов, в основном с английского и французского языков. Колоссальный рост объема переводов приводит, как ни странно, к снижению социального статуса переводчика. Армию немецких переводчиков XVIII в. начинают рассматривать как толпу анонимных «бумагомарателей», а сами переводчики, которые редко ставят свое имя под переведенными произведениями, стараются при переводе держаться к подлиннику как можно ближе. В Германии того времени отсутствуют структуры, которые могли бы материально поддерживать переводчиков. Поэтому здесь быстро формируется профессиональный переводческий рынок со своими жесткими законами: низкая оплата труда, поточное «производство», низкое качество самих переводов из-за поспешности их выполнения. Переводчики образуют профессиональную касту, в которой редко встретишь известного писателя. Существуют и половые предрассудки: так, Тереза Хубер, переведившая сначала для своего первого мужа Георга Форстера, а затем — для Людвига Фердинанда Хубера, вынуждена была публиковать свои переводы либо анонимно, либо под именем мужа, поскольку современники считали перевод «не женским делом»³³.

Романтический перевод. В конце XVIII в. отчетливо проявляются симптомы нового отношения к тексту и его переводу. Заметны они становятся еще в эпоху Просвещения, когда людей, подошедших к новому этапу самосознания, начинают интересовать собственная история и собственное творчество. Человек постепенно начинает ощущать свою национальность. Первым заметным проявлением нового подхода была деятельность просветителя И. Г. Гердера, который в последней трети XVIII в. занялся сбором и обработкой фольклора разных народов и выпустил многотомное собрание «Голоса народов в песнях» (1778-1779). Знаменательно было то, что устные тексты фольклора теперь фиксировались, превращались в письменные и в таком оформлении могли перейти в литературную культуру другого народа только путем перевода. Сама идея сборника «Голоса народов в песнях» свидетельствовала о том, что теперь стало очевидным: разные народы говорят разными «голосами». Безусловно, Гердер многое изменил в фольклорном материале, однако сама задача передать национальные особенности побуждала его многое в этом плане сохранять. Мы можем считать эти переводы-обработки первым опытом перевода, нацеленного на сохранение национального своеобразия. Изменение отношения к оригиналу позже очень точно сформулировал Пушкин: «От переводчиков стали требовать более верности и менее щекотливости и усердия к публике — поже-

³³ Roche G. Die soziale Stellung der Übersetzer den im 18. Jahrhundert. — S. 14.

лали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде»³⁴.

Акцент на «народной одежде» отныне становится ведущим. При этом достижения предшествующих концепций перевода послужили базой для новой, романтической. Лютеровская концепция открывала переводчику все ресурсы родного языка (а они все больше расширялись благодаря письменному оформлению фольклора), классицистический опыт настраивал на сохранение специфики литературного жанра и его условностей; ведь к тому времени складывается и оформляется светская художественная литература с ее жанровыми разновидностями как особый тип текста. Преромантизм и романтизм разбивают прежние классицистические жанровые каноны, разрабатывают новые жанры, но единой остается база книжного языка художественной речи, в которую мощно вливается фольклорное языковое богатство. Текст для человека того времени не представляет собой мистической святости боговоплощения, какой была Библия, не представляет собой и несовершенной основы для достижения эстетического идеала, как в классицизме. Текст теперь воспринимается в первую очередь как национальная ценность, как национальное достояние. С этим новым настроем Шиллер в начале XIX в. переводит «Макбета» Шекспира, стараясь передать и местный колорит, и своеобразие стиля. Романтики-переводчики не стремятся сохранить все слова подлинника, ценность пословного состава текста для них не является абсолютом. А для воссоздания национального своеобразия они все больше начинают пользоваться транскрипцией и транслитерацией экзотизмов, а также языковыми средствами собственного фольклора.

На выбор произведений для перевода отпечаток наложило новое осознание человеком себя в истории. Поэтому не случайно в литературном достоянии других народов выбираются прежде всего произведения, находящиеся на исторической дистанции, т. е. памятники прошлого. Интерес к современным произведениям других народов очень мал. Немецкие романтики **Август Шлегель** и **Людвиг Тик** переводят драматургию Шекспира, Людвиг Тик — еще и «Дон Кихота» Сервантеса. Шекспира на французский заново переводит **Альфред де Виньи**; **Шатобриан** переводит прозой с английского на французский поэму Мильтона «Потерянный рай». Практика классицистических переделок еще чувствовалась в этих первых опытах, но в каждой из этих работ отмечается качественная новизна: попытка разными способами передать национальную специфику. Переводы романтиков остаются в национальной культуре народов навсегда.

Отмеченные различия в языках разных народов, которые увязывались воедино с их историей и культурой, дали толчок сравнитель-

³⁴ Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — С. 29.

ным лингвистическим исследованиям. Появилось сравнительное языкознание. Научные выводы о специфике языков в этот период, а также романтическое представление о языке как живом организме смыкались с представлениями об уникальности каждого народа, выраженной в его «ментальное™», которая, в свою очередь, есть проявление «духа» народа. Каждый народ, согласно рассуждениям одного из основоположников сравнительного языкознания **Вильгельма Гумбольдта**, мыслит и чувствует по-разному, что отражается в его языке; язык же, в свою очередь, воздействует на человека активно. Получается такая специфика, которую вряд ли можно передать средствами другого языка.

В результате таких рассуждений в конце XVIII в. впервые зарождается сомнение в возможности перевода. Наиболее категорично это сомнение формулирует именно Вильгельм Гумбольдт: «Всякий перевод безусловно представляется мне попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно»³⁵. Эту позицию на рубеже XVIII-XIX вв. разделяют А. Шлегель и другие романтики. По сути дела, такой взгляд есть первая констатация того, что перевод не может быть полной копией оригинала, и потери здесь неизбежны.

Несколько позже **И. В. Гёте** в послании «Братской памяти Виланда» (1813) высказывается в пользу некоей «золотой середины», позволяющей сохранить и достоинства подлинника, и красоты языка перевода. К тому времени Гете уже заявил о своей приверженности новому, романтическому подходу в переводе, бережно воссоздавая специфику восточной поэзии в «Западно-восточном диване» (1817).

Развитие взглядов романтиков на новой теоретической базе мы находим в работе известного теоретика и практика перевода первой половины XIX в. **Фридриха Шлейермахера** «О различных методах перевода» (1813). Не разделяя взглядов многих своих современников, подчеркивавших невозможность перевода, Шлейермахер формулирует четкие условия, которые способны обеспечить верность перевода оригиналу. Шлейермахер характеризует перевод как *герменевтический* процесс, подчеркивает необходимость различного подхода к текстам разного типа, проводя границу между текстами «деловой жизни» и текстами из сфер науки и искусства. Заявляя о необходимости передачи при переводе «духа языка», Шлейермахер опирается на принцип равенства впечатлений читателя оригинального и переводного текста и выдвигает метод «очуждения» как основной при передаче своеобразия подлинника. Оттенок «чуждости»

Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1983. — С. 31.

обязателен, по его мнению, для сохранения национальной специфики. К аналогичным взглядам приходит впоследствии и сам В. Гумбольдт, излагая их в предисловии к своему переводу «Агамемнона» Эсхила (1816), усматривая в переводе важное средство обогащения других культур. Поэтому нельзя согласиться с мнением современного немецкого теоретика и историка перевода Ханса И. Фермеера, считающего, что перевод эпохи романтизма характеризуется тенденцией к примату максимальной букввальности с историко-филологической окраской, корни которой он видит в опоре на теологическую герменевтику³⁶. Ведь на деле речь шла о герменевтическом принципе как основе для обеспечения полноты передачи культурно-национальной специфики.

Дальнейшее развитие перевода в XIX в. в Европе. На протяжении всего XIX в. в западноевропейской традиции принципы романтического перевода лишь развиваются и упрочиваются. Становление и расцвет национальных европейских литератур сопровождаются тесными их контактами через перевод. Интерес читателей к литературам других стран растет и не ограничивается памятниками прошлого. Теперь уже читатель жаждет новинок, и произведения, едва появившиеся на родном языке, тут же становятся доступны европейским соседям.

К середине XIX в. технология издания переводных книг настолько разработана, что можно говорить о настоящих «фабриках перевода» (кстати, это выражение впервые было употреблено в романе Фридриха Николаи «Das Leben und die Meinungen des Herrn Magister Sebaldus Nothauer» еще в конце XVIII в.). Вильгельм Гауф, описывая эти «фабрики» в XIX в. в Цвиккау, отмечает, что над выпуском переводных книг целыми днями трудятся десятки переводчиков, стилистов, печатников и переплетчиков³⁷.

В Англии, Германии, Франции, Испании, Италии, России, Скандинавских странах, между которыми идет интенсивный культурный обмен, вырастает целая плеяда значительных переводческих индивидуальностей. Ограничимся перечислением лишь нескольких имен: в Германии — это И. Д. Грис (1775-1842), переводчик Ариосто, Торквато Тассо, Кальдерона; К. Л. Каннегисер (1781-1861), который перевел на немецкий Анакреона, Горация, Данте, Чосера, Мицкевича; Ф. Боденштедт (1819-1892), страстный почитатель русской литературы, переводил Пушкина, Лермонтова, Тургенева, а также Гафиза, Омара Хайяма; о российских переводчиках мы поговорим ниже, а здесь назовем лишь одно имя, характерное для переводческой культуры XIX в., но вместе с тем — уникальное. Это — поэтесса Каролина Павлова (1807-1893), которая, владея восемью европейскими

Vermeer H. J. Skizzen zu einer Geschichte der Translation. Das Übersetzen in Renaissance und Humanismus. — Bd 1: Westeuropa. — Heidelberg, 2000. — S. 90.

³⁷ *Albrecht J. Literarische Übersetzung. — S. 184.*

языками, переводила русскую, немецкую, английскую и польскую поэзию — на французский, немецкую — на русский, русскую поэзию, прозу и драматургию — на немецкий язык. На примере переводческого творчества Каролины Павловой, которое охватывает период с 1833 по 1893 г., можно проследить те постепенно накапливавшиеся качественные изменения, которые обнаруживаются к концу XIX в. Если в начале века представление об индивидуальном своеобразии сливалось с представлением о национальных чертах всего текста, то к концу века эти черты постепенно при переводе начинают разграничиваться. Формируется представление об авторской индивидуальности. Именно с учетом индивидуального своеобразия Павлова переводит на немецкий язык стихи и драмы А. К. Толстого в 70-80-х гг.

Следует отметить, что благодаря настоящему расцвету переводческого творчества в XIX в. создается единое общеевропейское культурное пространство, в которое равноправно интегрируется и Россия. Важный вклад в его создание внесли крупные писатели, поэты и философы XIX в. Впрочем, традиция эта уходит своими корнями еще в «культуртрегерство» XVIII в. Напомним, что Вольтер переводил в свое время Шекспира, Уго Фосколо — Стерна, Шиллер — Расина. При этом обаяние «экзотичности» чужих литератур очень велико; на протяжении всего XIX в. мы находим неоднократные свидетельства того, что читатели проявляют больший интерес к переводным произведениям, нежели к своим родным. Иорн Альбрехт³⁸ отмечает, например, что русские писатели — Достоевский, Толстой, Гончаров, Гоголь, Тургенев — находят в Западной Европе гораздо больший отклик, чем свои. В вильгельмовской Германии, в самом конце XIX в., встречаются даже презрительные высказывания по поводу переводов и немцев, которые «чужое любят больше, чем свое»³⁹.

Однако заметны и другие тенденции, свидетельствующие о росте социально-культурной значимости перевода. Одним из знаменательных событий 80-х гг. XIX в. стало принятие Бернского соглашения⁴⁰, в соответствии с которым впервые в истории закреплялось авторское право на текст перевода.

6.5. Перевод в России до XVIII в.

Вернемся назад, к истокам европейской письменности, чтобы обсудить историю перевода в России. Основные тенденции и закономерности ее развития совпадают с западноевропейскими, но есть и черты своеобразия, присущие именно русской истории перевода.

Albrecht J. Literarische Übersetzung. — S. 334.

Ibid. — S. 185.

Berner Ubereinkunft, 1886.

Иажно также, что культурно-литературный контекст явлений перевода в России русскому читателю известен лучше, поэтому есть возможность обсудить некоторые эпизоды истории подробно, останавливаясь на конкретных примерах. Да и не помешало бы российскому специалисту-переводчику знать детали родной истории перевода: в ней есть чем гордиться, но есть над чем и призадуматься.

Киевская Русь. Истоки российской истории перевода, запечатленной в письменных памятниках, относятся к поре принятия христианства и появления на Руси письменности. Как и у всех европейских народов, абсолютным приоритетом начиная с X в. пользуется теория пословного перевода, основанная на иконическом восприятии словесного знака и особом статусе текста Библии, который и заложил традицию пословного перевода других текстов.

Первые переводы делаются преимущественно со среднегреческого языка. Переводы выполняются зачастую не на Руси, не славянами, а греками, и не на русский язык, а на старославянский (иначе — староболгарский, или церковно-славянский). Староболгарский язык становится и языком православного богослужения, и литературным языком христианских памятников, исполняя функции, аналогичные функциям латыни для народов, объединенных под эгидой римской ортодоксальной церкви. Единый язык православия — еще одно подтверждение тому, что в средние века в Европе различия в вероисповедании значат больше, чем национальные.

Православный славянский мир представлял собой культурную общность, и эта общность обладала общим фондом текстов. Наиболее авторитетные универсальные произведения славянского Средневековья — все переводные. Исследователи отмечают, что в домонгольском письменном наследии русской литературы, например, не более 1% собственных сочинений, а 99 % памятников — переводы. В XI-XII вв. по обилию переводов Русь опережает все славянские государства.

Среди переводов этой поры — сочинения церковных деятелей: Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Василия Великого; жития: «Житие Св. Ирины», «Житие Алексея, Человека Божия»; хроники: «Хроника Георгия Алтартола» и «Хроника Иоанна Малалы». Все эти ранние переводы отмечены стремлением держаться как можно ближе к подлиннику. Анализируя «Хронику Иоанна Малалы», М. И. Чернышева отмечает наличие не только доминирующего пословного принципа, но и поморфемную передачу, которая заключалась в переводе каждой греческой морфемы в отдельности⁴¹.

Наряду с христианской литературой в XI-XIII вв. переводятся произведения вполне светские, но с нравоучительной тенденцией. Популярностью пользуются «Повесть об Акире Премудром», «По-

Чернышева М. И. Замечания о приемах передачи портретной лексики из «Хроники Иоанна Малалы» // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. — М., 1982.

весь о Валааме и Иосафате», «Девгениево деяние» (основой для которого послужил, по-видимому, рыцарский роман), «Александрия», «Троянская притча». В переводах этих произведений заметно больше свободы в обращении с подлинниками, большее разнообразие стилистических средств, что объясняется не только их светским характером, но и влиянием живого русского языка⁴², а также высокой стилистической культурой языка перевода — староболгарского.

В ходу и переводные книги, содержащие естественно-научные представления Средневековья: «Физиолог» и «Шестоднев».

Но особую славу завоевала «Иудейская война» Иосифа Флавиями это, безусловно, не случайно. Историография, написанная ярким, образным языком, который обнаруживает тенденцию к ритмизации, переведена в традициях, напоминающих римские, с существенными отступлениями от принципов пословного перевода. Переводчик выдерживает симметрию построения фразы, сохраняет риторический период, передает метафоры, т. е. ориентируется на передачу стиля подлинника. Естественный порядок слов свидетельствует о том, что переводчик стремился не исказить языка перевода и сделать текст понятным для читателя. Более того, переводчик повышает эмоциональную наполненность подлинника и динамизм повествования: косвенную речь он заменяет прямой, конкретизирует описания, усиливает эмоциональную окраску пейзажных описаний. Для этого переводчику приходится вносить в текст некоторые добавления. Таким образом, помимо пословного перевода в киевский период российской истории перевода успешно используется и традиция вольного переложения подлинника.

Московский период. В XIV-XVII вв., в московский период, постепенно начинает ощущаться сдвиг в восприятии текста как связующего звена между человеком и Творцом. На смену теории пословного перевода приходит *грамматическая теория*. И если раньше акцент приходился на идеальные связи плана выражения и плана содержания, то теперь он переносится на структурное своеобразие языка оригинала.

Поначалу перемены едва заметны. Переводов по-прежнему много, и среди них, как и раньше, преобладает христианская литература. Важным событием явился, например, перевод в XIV в. сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, а также перевод поэмы «Диоптра» Филиппа Монотропа (Пустынника), где при пословной основе была предпринята попытка частичного сохранения ритма подлинника. Однако и в усвоении христианского текстового наследия появляются новации. К ним можно отнести первый полный перевод Библии с латыни (а не с греческого!) на старославянский. Его выполнил в XV в. с латинской Вульгаты новгородский толмач Дмитрий Герасимов, который служил при Новгородском архиепископе Геннадии.

Вместе с тем к XV в. уже отчетлива тенденция к нарастанию светских компонентов в культуре. Наиболее популярные сочинения светского характера не только тиражируются в новых списках; делаются и новые переводы. Так, старый перевод «Александрии» вытесняется в XV в. новым, сербским. Все больше становится переводов разнообразных книг светского содержания — по географии, алхимии; популярны переложения рыцарских романов.

Однако в наибольшей мере перемены дают о себе знать в следующем, XVI в. Именно в это время происходит утверждение грамматической концепции перевода, и связано оно с деятельностью **Максима Грека**, ученого монаха, который прибыл в Москву из Греции, с Афона, в 1518 г. по приглашению Василия III и стал крупнейшим деятелем книжного просвещения на Руси.

Максим Грек мыслил себя просветителем, толкователем и комментатором. Видимо, именно эти его убеждения послужили основой для той школы перевода, которую он основал в Москве и в которой культивировалось тщательное, всестороннее изучение подлинника. Уже в первом переводе Максима Грека — «Толковой псалтыри», который, как и большинство последующих, он выполнил с греческого языка, наметились те принципы, которые Максим Грек и впоследствии всячески пропагандировал. Он считал, что переводчик должен обладать высокой образованностью, досконально знать грамматику и риторику, уметь анализировать подлинник и, следуя пословному принципу, учитывать при выборе слова в некоторых случаях конкретный контекст и Общий стиль произведения. В школе Максима Грека практиковался также и устно-письменный способ перевода, с которым мы сталкивались уже ранее в некоторых древних восточных культурах: Максим устно переводил с греческого письменного оригинала на латынь, а его помощники переводили этот вариант «с голоса» на церковно-славянский, диктуя окончательный вариант писцам. Этот окончательный вариант тут же подвергался обсуждению и правке.

Известна борьба Максима Грека за употребление тех или иных конкретных грамматических форм — фактически он предлагал *Объяснить* пословный принцип установлением закономерных грамматических соответствий. Такой подход прослеживается в переведенном им совместно с Нилом Курлятевым с латыни известном произведении итальянского гуманиста Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». И собственное, и переводческое творчество Максима Грека обладало воистину энциклопедическим размахом⁴³. Его перу принадлежали переводы Произведений Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иосифа Флавия и многих других. И выбор книг для перевода, и собственное творчество Максима сви-

Об этом подробнее см.: Буландин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. — Л., 1983.

детельствовали о его горячей заинтересованности в насущных вопросах русской жизни, стремлении участвовать в их обсуждении. Его серьезное отношение к качеству переводов не случайно: в деле культурного просвещения Руси роль перевода представлялась ему необычайно важной. Из его сочинений и переводов русские люди черпали сведения об античных авторах, о выдающихся представителях итальянского Возрождения, об открытии Америки и т. п. Именно просветительская активность, сопровождавшаяся пламенной публицистичностью, эмоциональностью, привела Максима Грека к печальному концу: на церковных соборах 1525 и 1531 гг. он был осужден как еретик и заточен сначала в Иосифо-Волоколамский, а затем в Тверской Отроч монастырь. Ученики и последователи Максима Грека: Нил Курлятев, Дмитрий Герасимов, Власий, старец Сипуан, князь А. М. Курбский — продолжили его дело. Кстати, Нил Курлятев одним из первых стал отмечать важность хорошего знания русского языка для переводчика.

Диапазон языков, с которых выполняются переводы, в XVI в. начинает расширяться. Появляются переводы с польского, немецкого, латинского языков. Это в основном сочинения светского характера: по географии (например, сочинение Максимилиана Трансильвана, где, в частности, рассказывается о плавании Магеллана, — с латыни), по истории («Всемирная хроника» Мартина Вельского — с польского).

В XVII в. светская литература по количеству переводимых произведений начинает конкурировать с христианской. Публикуются первые переводы с французского. Тематическая палитра чрезвычайно широка: география, история, экономика, военное дело, арифметика, геометрия, медицина, анатомия, астрология, риторика... Заявляет о себе и бытовая литература — спросом пользуются книги об охоте, о лошадях, поваренные книги. Наконец, популярность приобретает и беллетристика. Однако по количеству наименований религиозно-нравоучительная литература пока превосходит остальные жанры.

Стихийно происходит дифференциация языка перевода. Литература всех жанров переводится на церковно-славянский язык с примесью русизмов. Беллетристику же, наоборот, переводят на русский язык с примесью церковнославянизмов. В ходу разнообразные словари: латинско-греко-славянский, русско-латинско-шведский и др.

Исследуя литературу Московской Руси, А. И. Соболевский выделяет четыре группы переводчиков, занимавшихся переводческой деятельностью в XVII в.⁴⁴:

1) «приказные переводчики»;

2) _____

⁴⁴ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII вв. — СПб., 1899. — С. 12-14.

2) переводчики-монахи: Епифаний Славинецкий, Арсений Грек, Дионисий Грек;

3) случайные, разовые переводчики;

4) переводчики «по желанию», в основном приближенные царя: Андрей Матвеев, Богданов, князь Кропоткин.

Самую любопытную группу, пожалуй, составляли «приказные», т. е. переводчики московского Посольского приказа. Среди них преобладали выходцы из южной и западной Руси — они хорошо знали латынь и греческий и плохо знали русский язык. Помимо них, среди «приказных» было много поляков, немцев, голландцев и других иностранцев, которые русского почти не знали, да вдобавок были малообразованными людьми. Зато именно они, толмачи Посольского приказа, начинают выполнять перевод на заказ, за деньги. Теперь московские бояре получали возможность заказать перевод тех книг, которые их интересовали, не довольствуясь тем, что им предлагали. Так, они заказывают перевод стихов известного поэта немецкого барокко Пауля Флеминга, который в 1634 г. в составе Голштинского посольства посетил Москву. Известно, что именно в Посольском приказе переводилась с польского языка популярная в то время «Повесть о Петре Златых Ключей», имевшая французский источник, — одна из первых книг в русской истории перевода, где развлекательность не отягощена дидактикой.

Следует отметить, что толмачи Посольского приказа брались фактически за каверзную задачу, которую и сейчас редко ставят в практике письменного перевода: они переводили тексты, часто художественные (и даже, как мы знаем, поэтические) с родного языка на иностранный им русский; при этом они переносили свой опыт устного перевода на гораздо более сложный с точки зрения переводческой техники письменный текст. В результате переводы пестрели ошибками, часто были либо неоправданно дословными, либо неполными, оказывались далеки от русских литературных норм, но часть содержательной информации исходного текста все же передавали. Впрочем, часто именно она и была важна: ведь посольские толмачи ввели в русский обиход немало книг, несущих «положительное знание»; среди них, например, перевод «Космографии» Г. Меркатора, выполненный служащими Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном (образ последнего причудливо преломился в одном из многочисленных романов плодovitого современного беллетриста Бориса Акунина: это фон Дорн в романе «Алтын-Толобас»).

Среди беллетристических произведений этой поры можно отметить восходящую к рыцарскому роману повесть «О Бове Королевиче», сборники новелл, отчасти сближающихся со сказками: «Повесть о семи мудрецах», «Римские деяния», «Великое Зерцало», «Фашеции». В переводе беллетристики царит дух вольного переложения подлинника, а перевод нередко перемежается пересказом. Кстати,

с переводом одного из таких произведений — «Фацеций», над которым трудилось пять переводчиков, связано упоминание об оплате переводческого труда: «Дать им по 100 свечей сальных»⁴⁵.

Обращаясь к так называемым «переводчикам-монахам», воспользуемся уточнением, которое сделал Д. М. Буланин⁴⁶. Все они в той или иной мере были преемниками традиций XVI в., все пренебрегали беллетристкой и отвергали средневековую славянскую письменность; однако среди них прослеживалось явственное размежевание на грекофилов и латинофилов. Среди переводчиков-грекофилов следует прежде всего упомянуть **Епифания Славинецкого**, трудившегося на ниве перевода сначала в Киево-Печерской лавре, а затем в Москве. Епифаний переводил с греческого, латыни, польского, причем как христианскую, так и научную литературу. В частности, он перевел «Космографию» И. Блеу, где сообщаются сведения о системах Птолемея и Коперника; правда, книга широкой известности не получила и осталась в рукописи. В 1674 г. по инициативе царя Алексея Михайловича он вместе с учениками приступает к новому переводу Библии. К сожалению, Епифанию удалось перевести только часть Нового Завета — смерть прервала его труды; рукопись же впоследствии затерялась. К греческой партии относились также иеродиакон Дамаскин, Евфимий Чудовский и братья Лихуды. Во всей московской интеллигенции конца XVII в. эти переводчики были самыми плодовитыми, но их переводы оказывались слишком сложны для чтения. Принцип максимального соответствия оригиналу превращал их переводы в полные подстрочники. Но философская основа их взглядов была уже иной, чем в русском Средневековье, так как они не стремились через оригинал максимально приблизиться к Богу, а имели скорее филологические соображения точного следования греческой грамматике.

Наиболее яркой фигурой среди переводчиков-латинофилов был, пожалуй, **Симеон Полоцкий** (1629-1680). Перевел он, правда, не так много: «Книгу пастырского попечения» Григория Великого и отдельные фрагменты из сочинений Петра Альфонса и Винченца де Бове. Но именно Симеон Полоцкий окончательно провозгласил грамматический принцип перевода, представляя в Москве культуру западноевропейского типа. В его трактовке языка оригинала подчеркивается важность понимания его грамматической структуры и никакого значения не придается связи между языковым знаком (словом) и божественным прообразом. Представление об иконическом характере знака теряет свою актуальность для перевода. Все решает взаимоотношение двух систем условных знаков — греческой и славянской, а регулирует эти взаимоотношения грамматика.

⁴⁵ Семенов О. Е., Панасев А. Н. История перевода (От древности...). — С. 238.

⁴⁶ Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. — С. 66-70.

Как мы видим, эта ревизия пословного принципа существенно отличается от западноевропейской, где в то же время (XVI-XVII вв.) концепция пословного перевода сменилась лютеровской концепцией нормативно-содержательного соответствия, ориентированной на норму языка перевода, а в оригинале признававшей лишь содержание. Но самое главное отличие заключается в том, что Лютеру удалось добиться смены подхода к переводу главной книги того времени — Библии; в России же позиции переводчиков, традиционно подходивших к переводу Писания, не пошатнулись. Отдельные попытки по-новому подойти к переводу духовной литературы все же встречаются. Так, Авраам Фирсов осуществляет перевод Псалтири, используя разговорный русский язык; однако перевод этот был запрещен церковью.

Итак, процессы, происходившие в культурной жизни России в XVII в., подготовили плодотворную почву для тех изменений, которые происходят в следующем, XVIII в. При этом ресурсы наиболее решительного преодоления старого сосредоточились в основном в палатах Посольского приказа, работа которого не была ограничена рамками «партийной» монашеской узости и в значительной мере регулировалась уже насущными нуждами правительства и граждан.

6.6. Перевод в России XVIII-XIX вв.

Петровская эпоха. Если для всей Европы XVIII в. был веком классицизма и Просвещения, то для России он в первую очередь начался как эпоха Петра I. Петровская эпоха была переломным временем, когда прерывались многие прежние традиции и вводилось много нового. Россия в XVIII в. сделала огромный рывок в развитии всех областей перевода, решительно отходя от православной традиции и примыкая к западноевропейской.

Перемены в сфере перевода соответствовали переменам в жизни российского общества. «Прорубив окно в Европу» и получив возможность прямого контакта через Балтийское море с передовыми западноевропейскими странами, Россия быстро начала реорганизовываться по европейскому образцу. Усилилась и обросла многоступенчатой системой административных иерархий царская власть. И если раньше руководство процессом перевода шло в основном из монастырей, то теперь появился сильный конкурент — государство. Государственное неодобрение засилью среди переводов текстов «божественного» содержания явственно звучит в указах Петра I. Полезными и важными объявляются переводы, несущие в Россию новые знания. Диапазон переводов светских нехудожественных текстов из различных областей знаний резко расширяется: военное дело, юриспруденция, инженерное дело, кораблестроение, фортификация, архитектура, математика, астрономия, география. Переводы в начале XVIII в. в Рос-

сии составляют до 90% всех текстов на русском языке. Потребность в усвоении с максимальной полнотой познавательной информации текста и сам характер текстов (отсутствие вымысла, фигур стиля, индивидуальных авторских особенностей стиля) стихийно порождает новые принципы перевода, близкие к тем, которые двумя веками раньше провозгласил в Западной Европе Мартин Лютер.

Сам Петр I формулирует основы этого подхода: «...И не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, сенс *смысл* выразумев, на своем языке уже так писат, как внятнее может быть...»⁴⁷. Петр считал высокое качество переводов делом государственной важности и старался бдительно за ним следить. Контроль касался в особенности специальных текстов, где он рекомендовал устранять лишние красоты и передавать только самое главное, «...дабы посему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и у чтущих охоту отъемлют...»⁴⁸. Стремясь подчеркнуть государственную важность переводов, Петр I переводил и сам: в 1707—1708 г. он перевел «Архитектуру» Бароцци да Виньоля.

Особая забота о переводах специальных текстов отразилась и в указе Петра от января 1724 г., который фактически устанавливал строгие рамки специализации переводов и переводческого труда: «...Никакой переводчик, не имея того художества, о коем переводит, перевести то не сможет». Под «художеством» в данном случае⁴⁹ следует понимать знание предмета — научного или технического *.

Петр полагал, что стиль переводов должен быть близок к стилю посольского приказа. С этим связана его критика присланного ему в 1717 г. перевода «Географии генеральской» Б. Варения, выполненного Ф. Поликарповым. Суть критических замечаний Петра сводится к тому, что, с одной стороны, переводить надо не подстрочно, а сообразно содержанию, а с другой стороны, не пользоваться в целях украшения русского текста высоким слогом, а следовать принятым канцелярским нормам: «не высоких слов словенских», а «посольского приказу употреблять слова»⁵⁰.

Но мода на все иностранное, которая сопровождала массивное усвоение новых знаний, приводила к обилию лексических заимствований из живых европейских языков (прежде всего — из французского), в основном путем транскрипции или транслитерации. Часто это были слова, уже существующие в русском языке, такие как «сенс» в процитированном петровском указе. Избыток ино-

⁴⁷ Указ Зотову об избегании в будущем ошибок, 1709 // Законодательные акты Петра Первого. — М.: Л., 1945. — С. 53.

⁴⁸ Семенец О. Е., Панасьев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — Киев, 1991. — С. 177.

⁴⁹ См.: Пекарский П. Н. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 ч. — СПб., 1862. — С. 243.

⁵⁰ Семенец О. Е., Панасьев А. П. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — С. 178.

странных слов в угоду моде на Иностранное звучание затруднял понимание содержания переводного текста.

Следил Петр и за переводами художественной литературы, в основном не вникая в качество перевода, а стараясь способствовать их изданию в России. В 1709 г. он велел И. А. Мусину-Пушкину исправить и издать текст переводов басен Эзопа, выполненный в конце XVII в. Ильей Копижевским.

Стремление обеспечить регулярность культурных контактов через перевод проявилось и в указе о создании Академии в России, который Петр I издает за год до своей смерти, в 1724 г.: «Учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатым художествам, и перевели бы книги»³¹.

В 1735 г. при Академии создается «Российское собрание» — фактически первая профессиональная организация переводчиков в России, которая просуществовала до 1743 г. В Указе президента Академии говорилось: «Переводчикам сходиться в Академию дважды в неделю... сносить и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении русского языка случающихся переводов». Члены «Собрания» действительно не только переводили, но и обсуждали и рецензировали переводы. Один из них, А. Адодуров, выдвигал следующие критерии оценки переводов: перевод должен

- 1) полностью совпадать с оригиналом;
- 2) быть изложен четко и без грамматических ошибок;
- 3) не нарушать языковых норм.

Велась и индивидуальная работа по подготовке переводчиков: известно, например, что в 1750-е гг. М. В. Ломоносов индивидуально занимался переводом с Н. Поповским.

Постепенно меняется и порядок оплаты за переводческий труд: если первоначально преобладали разовые вознаграждения, то со временем их сменяет договорная оплата за печатный лист.

Перед русскими переводчиками XVIII в. встала задача создания терминологии самых разных областей знаний, и вместе с тем — задача донести до читателя содержание специального текста в доступной форме. Осознавая свою миссию, переводчики того времени видели в ней «служение истине»³² и «служение отечеству»³³.

Постепенно формируется и осознание переводчиками этики своей профессии; оно звучит, например, в начале XVIII в. в высказыва-

Семенов О. Е., Панаев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — С. 178.

³² Симон Кохановский в 1721 г. в предисловии к своему переводу книги Юста Липсея «Увещания и приклады политические с нидерландского языка, в частности, пишет: «Я в переводе сем не порабошен был упомянуть автора штилю, но едино служил истине». — Цит. по: Семенов О. Е., Панасьева А. П. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — С. 184.

³³ А. Ф. Хрушев в 1719 г. в предисловии к переводу «Утешения духовного» Фомы Кемпийского говорит, что роль его как переводчика — служение отечеству (там же. — С. 187).

нии **Феофана Прокоповича**: «Не было бы то переводити, но свое нечто писати», где отражена мысль⁵⁴ об ответственности переводчика за сохранение исходного текста.

Говоря о диапазоне переводимых в это время текстов, нельзя обойти Библию — текст, сыгравший, как известно, ключевую роль в европейской Реформации и переходе от пословного перевода к нормативно-содержательному. Однако в России, несмотря на указ Петра I, изданный в 1712 г., о необходимости создания нового перевода, Библия на протяжении XVIII в. переводилась лишь однажды (!). Попытка была сделана в 1718 г., когда пастор Эрнест Глюк перевел Священное Писание на русский язык; однако перевод был утрачен во время русско-шведской войны. По поручению Петра I Глюк в Москве заново начал работу над переводом, но, не завершив ее, умер в 1765 г. Больше переводов на русский язык не делалось. Правда, в 1751 г. было выпущено новое, исправленное издание Библии на церковно-славянском. Среди причин столь незначительного интереса к писанию Семенец и Панасьев⁵⁵ называют отсутствие специалистов и боязнь церкви потерять монополию на интерпретацию Писания. Но сам факт отхода на периферию общественных интересов этого некогда столь важного для Руси текста вполне согласовывался с «секулярным сдвигом», который несла с собой Петровская эпоха. Светские ценности и светские интересы впервые в российском обществе выдвинулись на передний план.

Екатерининская эпоха. Впервые-хри десятилетия XVIII в. переводов художественных текстов очень мало (около 4% всей переводной литературы). Но затем их объем резко возрастает, потому что эпоха Просвещения, пришедшая на русскую почву, объявляет культурные интересы интернациональными. Русские просветители ставят перед собой задачу ознакомления общества с иностранными произведениями, стремятся усвоить чужой литературный опыт и обогатить тем самым родную литературу. Однако связь между текстами оригинала и перевода в XVIII в. довольно сложна. Во-первых, трудно провести границу между переводными и оригинальными произведениями. И каноны классицизма, и представления эпохи Просвещения рассматривают оригинал лишь как подспорье для создания совершенного текста. В первом случае — для достижения эстетического идеала, во втором — для просвещения общества. Во-вторых, между оригиналом и переводом часто существует язык-посредник, как правило французский. В этом двойном отражении текст перевода неизбежно многое теряет. Анонимность публикаций, с которой мы часто сталкиваемся в XVIII в., — еще одно свидетельство

⁵⁴ История русской переводной художественной литературы. — Т. I. — СПб., 1995. — С. 90.

⁵⁵ Семенец О. Е., Панасьев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — Киев, 1991. — С. 241.

того, что в это время не существенна была установка на идентичность текстов. Перевод был подчинен общественно-культурным задачам. Вот почему каждый переводчик того времени снабжал свой перевод пространством предисловием; не случайно XVIII в. считается веком переводческих предисловий⁵⁶.

Отсутствие ощущения национальных границ текста, национальной специфики давало переводчикам возможность применять приемы адаптации. Так, переводчик Е. И. Костров, переводя в 1781 — 1788 гг. «Илиаду» Гомера, вводит такие культурные замены, как «сапоги», «сталь», «пуговицы»; переводчик Глебов русифицирует личные имена у Вольтера: Перро, Колен и Пиретта превращаются в Сидора, Карпа и Агафью. Сглаживаются также чересчур новаторские, непривычные тенденции стиля: в переводе известного романа И.-В. Гёте⁵⁷ стилистика Бури и Натиска заменена на более традиционную, привычную. Нередки и сюжетные замены, вполне в духе классицистического перевода: например, в финале трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» у переводчика Вас. Померанцева (перевод 1790 г.) враждующие семьи Монтекки и Капулетти примиряются.

Специфика переводческих задач отодвигает на задний план проблемы сохранения формы не только в сфере индивидуального стиля и литературного направления, но и в сфере жанра. Стихи переводятся зачастую прозой, проза — иногда стихами.

К середине XVIII в. количество переводов художественных произведений резко возрастает, и в общей массе текстов художественной литературы на русском языке переводы составляют сначала 98-99%, затем к 60-м гг. этот процент несколько снижается, но на протяжении всего XVIII в. переводов постоянно больше, чем оригинальной литературы.

В 1758 г. при Академии открывается 2-я типография, задача которой — печатание переводной беллетристики. Именно на беллетристику приходится основной читательский успех. Издатель Новиков сетует, что хотя «наилучшие книги» напечатаны, «но их и десятую долю против романов не покупают»⁵⁸. В 50-70-х гг. появляются переводы на русский язык произведений Лессажа, Прево, Филдинга, Сервантеса, Мариво и др., что явилось катализатором зарождения русского романа, первыми авторами которого были Эмин, Чулков, Херасков. Переводная литература формирует литературные вкусы, обогащает язык русской прозы, развивает технику сюжетного построения. Особенно важно то, что наряду с традиционными произведениями античности все чаще и чаще переводятся современные, написанные в XVIII в.

Семенец О. Е., Панасев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.) — С. 187.

⁵⁷ «Страсти молодого Вертера», пер. Ф. Галченков, 1781 г.

⁵⁸ Семенец О. Е., Панасев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV-XVIII вв.). — Киев, 1991. — С. 83.

Особенно важен в то время был вклад, который внесли в развитие перевода крупные деятели русской культуры: Тредиаковский, Ломоносов, Кантемир. Переводы Василия Тредиаковского образовали своего рода рубеж, знаменующий переход к специфике XVIII в. в области перевода. Переведя в 1730 г. «Езду в остров любви» П. Тальмана, он обозначил и характерную тематику XVIII в., и новые средства; впервые для перевода художественного произведения применялся русский язык, а не старославянский. Это вполне сочеталось с укоренившимися уже к тому времени идеями Петра I: пользоваться при переводе научных и технических книг языком посольского приказа. Таким образом, в XVIII в. происходит решительная смена средств ПЯ (переводящего языка) в российской истории перевода. Переводить стали на формирующийся общегосударственный литературный русский язык.

Тредиаковский явился и зачинателем силлабо-тонической системы стихосложения на русской почве, и создателем русского гекzamетра (по его стопам пойдет впоследствии Гнедич).

Заменяя старославянизмы русскими словами, Тредиаковский создал лексику, которая прочно вошла в русский язык: «бесполезность», «непорочность», «цельность», «лихovidность» и др.

Следуя в целом поэтике классицизма, Тредиаковский-переводчик не ограничивался ее рамками, доказывая необходимость стилистической дифференциации, если язык автора обладает индивидуальным своеобразием³⁹.

Переводческое творчество А. Д. Кантемира развивалось в том же русле. Языком перевода он также избрал русский, а не старославянский, вводя неологизмы («вещество», «любомудрие» и др.) и снабжая переводы обширнейшими комментариями. Просветительскую миссию перевода в России в это время иллюстрирует тот факт, что именно благодаря переводу Кантемиром в 1740 г. трактата Б. Фонте-неля «Разговор о множестве миров» россияне познакомились с системой Коперника.

С латыни, греческого, немецкого, французского, итальянского переводил М. В. Ломоносов. Между прочим, ему принадлежит одна из попыток перевода «Илиады» Гомера (песни 8, 9, 13 — александрийским стихом). Просветительство Ломоносова не ограничивалось, однако, обогащением русской литературы «полезными» книгами. Много времени он уделял также рецензированию чужих переводов.

Вплоть до 60-х гг. XVIII в. переводятся в основном произведения классицистических жанров (ода, трагедия), а также философские сочинения. Екатерининская эпоха, отмеченная переходом к просветительству, переносит акцент на художественную прозу. Екатерина II активно поддерживала переводческую деятельность и даже вместе

³⁹ Подробнее о Тредиаковском см.: Дерюгин А. А. Тредиаковский-переводчик. — Саратов, 1985.

со своей свитой перевела в 1767 г. роман Мармонтеля «Велизарий». Переводческая деятельность становится модным и престижным делом, хотя и побочным, так как обеспечить свое существование переводом было сложно.

В 1768 г. Екатерина II учредила «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык» и назначила 5 тысяч рублей на ежегодную оплату переводчиков. В репертуар переводов «Собрания» входили книги по точным и естественным наукам, философии, и в меньшей мере — художественная литература. «Кандид» Вольтера и «Путешествие Гулливера в страну лилипутов» Свифта были переведены переводчиками «Собрания» и пользовались большим спросом. «Собрание» просуществовало до 1783 г., и за это время им было издано 112 переводных сочинений в 173 томах. В целом во второй половине XVIII в. среди переводов художественных произведений на первом месте французская литература (она выходит в абсолютные лидеры еще в 30-е гг.), на втором — английская, затем — немецкая.

Завершая описание процессов, происходивших в российской истории перевода на протяжении XVIII в. и кардинально изменивших не только технику перевода и его статус в обществе, но и облик российской словесности, следует напомнить, что культурное развитие непрерывно, и поэтому любое подразделение его на исторические периоды весьма условно. Переход к новым тенденциям XIX в. совершается постепенно, и, очевидно, можно выделить несколько славных имен переводчиков переходной поры, краткого времени русского преромантизма, когда оттачивается сформировавшийся в предшествующие годы русский литературный язык, но изменения, вносимые в перевод, объясняются уже не только интенцией просветительской адаптации, а еще и уточнением синтаксических и лексических параметров нормы, в том числе — концептуализацией вводимых путем заимствования иноязычной лексики новых понятий. Наиболее характерная фигура среди переводчиков этой поры — *Н. М. Карамзин*^{6*}.

Среди славных имен переводчиков конца XVIII в. помимо Н. М. Карамзина (ввел в русский обиход 72 автора), также и Г. Р. Державин (переводил Горация, Пиндара, Анакреона, Сапфо и т. п.), и И. А. Крылов, и А. Н. Радищев. Их переводы, а также собственное творчество, неразрывно связанное с переводами, привели к формированию на рубеже XVIII-XIX вв. самостоятельной русской литературы и созданию так называемого «среднего слога» русской художественной прозы.

Об этих аспектах переводческой деятельности Карамзина см. подробнее в канд. дис. В. В. Вербицкой «Формирование концептуального значения русского слова в переводческой практике Н. М. Карамзина» (СПб., 1999).

/ К концу XVIII в. занятия переводами входят в быт образованных дворянских семей. В это время в отношении к переводимому тексту назревает решительный перелом.

XIX в. в России. XIX в. называют порой «золотым веком русской литературы». С не меньшим основанием его можно назвать и золотым веком художественного перевода в России. Но если в начале этого века еще шло бурное формирование жанров, стиля, языка-художественной литературы и перевод был необходим для обогащения фонда образцов для подражания, — то далее, на всем протяжении XIX в., обилие переводов связано было скорее с удовлетворением запросов российского читателя, уже обладавшего развитым литературным вкусом, привыкшего к шедеврам своей литературы и желавшего познакомиться и с шедеврами чужих литератур и народов. Этим новым запросам вполне соответствовали и новый взгляд на перевод, и новая техника перевода, которые утвердились в русле романтического направления; начиная с этого времени российская теория и практика перевода полностью интегрируется в европейский культурный процесс, и различия могут усматриваться разве что в пропорциях вводимых в русский культурный обиход имен. Но это различия количественные, а не качественные. В России, как и в других странах Европы, переводят много, переводы разнообразны, а принципы перевода весьма схожи. Имена переводчиков, внесших значительный вклад в русскую культуру в XIX в., бесчисленны. Труд некоторых из них подробно описан в двух авторитетных монографиях (*Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. — Л., 1973; Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. — Л., 1985*), к которым мы и отсылаем читателей. Здесь же мы попытаемся кратко описать основные тенденции развития перевода в России на протяжении XIX столетия — на небольшом числе характерных примеров.

Итак, на рубеже XVIII-XIX вв. в Россию, как и в западноевропейские страны, пришел романтизм. Романтизм заставил и русских переводчиков заботиться прежде всего о передаче национального колорита подлинника. Мы уже упоминали слова *А. С. Пушкина*, который, пожалуй, точнее всех выразил специфику нового подхода, и его собственные переводы — из Мицкевича, Катулла и др. могут служить лучшей иллюстрацией романтического перевода. Причем речь шла вовсе не о внешней экзотике. Очень показательны в этом плане переводы «Песен западных славян», выполненные Пушкиным с французского. Этоодинадцать песен из книги Проспера Мери́ме «Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» (1827). Проблема подлинности этих песен (уже современниками, которые упрекали Мери́ме в мистификации) Пушкина совершенно не волновала. Как отмечал Е. Эткинд, «его привлекали не „нравы“, не экзотика... но историческое своеобразие минувших эпох, национальные особенности раз-

ных народов, — словом, специфический строй сознания людей разных времен и наций»⁶¹. Однако Пушкин как художник пошел значительно дальше чисто романтического восприятия текстов чужих культур через перевод — это было, помимо передачи национальной специфики, творческое восприятие литературно-исторических и индивидуально-авторских стилей, о чем точно сказал В. В. Виноградов: «Пушкин доказал способность русского языка творчески освоить и самостоятельно, оригинально отразить всю накопленную многими веками словесно-художественную культуру Запада и Востока»⁶². В этом он намного опередил свое время.

Большинство же русских переводчиков начала XIX в. решали более скромные задачи, среди которых передача национальной специфики хотя и доминировала, но редко выходила за рамки передачи внешней экзотики. Порой такая передача сопровождалась интеграцией экзотических компонентов в собственный стиль автора перевода. Прежде всего это касалось переводчиков, создававших и собственные яркие произведения. Среди таких переводчиков безусловно выделяется **В. А. Жуковский**. По существу, он первым познакомил русского читателя с поэтическим творчеством Гёте, Шиллера, Уланда, Клошптока, Гебеля, Бюргера⁶³. Переводы занимали значительное место в его творчестве на протяжении всей жизни, и смена принципов, усвоенных от прежней, классицистической традиции, хорошо заметна.

Начинал Жуковский с переделок в русском духе, которые встречаются часто в эпоху классицизма, и в этом прежде всего был наследником Державина. Г. Р. Державин и не скрывал вольного обращения с подлинником, более того, он, по традиции XVIII в., не считал свои русифицирующие переводы переводами и редко указывал имя автора оригинала. Произведения Горация, Анакреона, Пиндара, Сапфо в переводах Державина обрастают русскими реалиями. Эрот заменяется Лелем, появляются русские персонажи: Суворов, Румянцеv, Екатерина П. Появляются терема, блюда русской и французской кухни: ши, фрикасе, рагу, устрицы.

У Жуковского русификация не ограничивается отдельными компонентами и перерастает в полную замену национальной картины. Таков первый его перевод баллады Г. Бюргера «Ленора», который под названием «Людмила» был опубликован в 1808 г.; здесь исторический фон подлинника — австро-прусская война 1741-1748 гг. — заменен Ливонскими войнами XVI-XVII вв., а грубоватый народный язык — фразеологией поэзии русского сентиментализма. Во второй, наиболее любимой читателями версии этой баллады, которую Жуковский опубликовал в 1808 г., он заменил «Ленору» на «Людмилу», а «Анакреона» на «Анакреона».

Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Треднаковского до Пушкина. — Л., 1973. — С. 224.

⁶² *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. — М., 1941. — С. 484.

См. об этом: *Авраменко А. П.* Русский символизм и немецкая культура // Из истории русско-немецких взаимосвязей. — М., 1987. — С. 166.

«Напрасно», «ужасный», «вечный», «погибшая для света» — это все добавления переводчика, знакомые нам по всему его творчеству.

Аналогичный подход мы находим и в немногочисленных переводах М. Ю. Лермонтова. И перевод из Байрона («Душа моя мрачна...»), и перевод из Гейне («На севере диком...») полностью подчинены не только стилистике оригинального творчества Лермонтова, но и специфике его художественного мирозерцания. Объяснимым с этой точки зрения является отказ от передачи романтической коллизии в стихотворении Гейне, которая оформлена в подлиннике с помощью метафоры «der Fichtenbaum» — «die Palme». Поэт не сохраняет противопоставление мужского и женского рода (в его переводе это «сосна» и «пальма»), наполняя перевод образами неразделенной тоски и одиночества, свойственных его собственному мировосприятию.

Романтическим принципам подчиняется и подход Н. И. Гнедича к знаменитому переводу «Илиады» Гомера, хотя отпечаток «высокого» стиля классицизма здесь заметен. И эпитеты: «пышнопоножные мужи», «розоперстая Эос», «лилейнораменная Гера», «коннодоспешные мужи», построенные по правилам древнегреческой стилистики, и греческие экзотизмы: «карияне», «ликийцы» (названия племен), «мирика» (вид дерева), «понт» (море), и тот аналог греческого метрического гексаметра, который предложил Гнедич, говорят о единой системе передачи национального колорита, предложенной переводчиком.

В дальнейшем развитии переводческого мастерства в России укрепляются и развиваются разнообразные приемы, позволяющие передать национальное своеобразие подлинников, которое понимается предельно широко: оно включает и отличительные черты литературного направления, и жанровую специфику, и особенности индивидуального стиля автора. Набор языковых средств, оформляющих все эти черты, представляется переводчикам как некая сумма значимых признаков, не передать которые нельзя — на языке современной теории перевода мы назвали бы их инвариантами. Стремление передать непременно всю эту сумму нередко приводит к расширению текста, которое пороком не считается. Однако в разряд значимых попадают далеко не все известные нам фигуры стиля: переводчики XIX в., как правило, не передают игру слов, ритм прозы, не находят средств для передачи диалектальной окраски подлинника.

На протяжении XIX в. в поле зрения русских переводчиков попадают все значительные произведения европейской литературы — как предшествующих веков, так и современные. Особенно популярны Шекспир, Гете, Шиллер, Гейне. Шекспира, например, переводят такие крупные переводчики, как Н. А. Полевой, А. И. Кронеберг, П. И. Вейнберг, Н. А. Холодковский, А. Л. Соколовский и многие другие. Появляется несколько поэтических версий «Фауста» Гёте —

среди них выделяются ранний перевод **М. Вронченко** (1844) и более поздний — **Н. А. Холодковского**, который не утратил популярности у читателя до сих пор.

Переводчики этой поры — в основном переводчики-профессионалы, которые переводили много, часто — с нескольких европейских языков и имели плановые издательские заказы. Кроме уже названных переводчиков, миссию обогащения российской словесной культуры успешно исполняли также: **Н. В. Гербель**, переводчик произведений Шекспира и Шиллера, редактор и организатор изданий собраний сочинений этих авторов; **Д. Е. Мин**, всю жизнь посвятивший переводу «Божественной комедии» Данте Алигьери; **В. С. Лихачев**, переводчик комедий Мольера, «Сида» Корнея, «Марии Стюарт» Шиллера, «Натана Мудрого» Лессинга.

Творчество крупных французских, английских, немецких (в меньшей мере) прозаиков становилось известно русским читателям вскоре после выхода в свет оригиналов. Это были Гюго, Дюма, Бальзак, Доде, Мопассан, Золя, Флобер, Диккенс, Теккерей, Гофман, Жюль Верн и многие другие авторы. Выборочно переводились также произведения польских, чешских и болгарских писателей.

Новые требования, которые предъявлял к качеству переводов XIX в., привели к возникновению новых переводов уже популярных и переведенных прежде произведений. Среди таких неоспоримых лидеров помимо Шекспира, следует назвать «Дон Кихота» Сервантеса, «Робинзона Крузо» Дефо, «Путешествие Гулливера» Свифта, философские повести Вольтера.

О важном месте, которое занимали переводы художественных и произведений, свидетельствовало и активное участие литературной критики в обсуждении качества переводов⁶⁴. Среди критериев качества перевода, выдвигаемых русской литературной критикой, — полноценное понимание языка и художественного замысла подлинника, соблюдение норм литературного русского языка, сохранение национальной специфики и, наконец, передача «впечатления» от подлинника, которое многие критики толкуют весьма субъективно и которое дает почву для «вкусных» и идеологизированных оценок. Именно они дают себя знать в критических статьях Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Явно идеологический заряд имели и упреки по поводу произведений, выбираемых переводчиками/ми, отчетливо звучащие в известной статье Д. И. Писарева «Вольные русские переводчики» (1862). Напротив, мало места в критических работах уделялось технике художественного перевода, передаче конкретных языковых средств стиля, отражающих индивидуальный стиль автора и историческую дистанцию. И это вполне согласовывалось с уровнем лингвистических знаний: лексикология, история языков, стилистика находились еще в стадии формирования и не предло-

Об этом см. подробнее: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 53-62.

ставляли объективной опоры для оценки переводного текста во всех этих аспектах.

Особое место в переводческой культуре XIX в. занимают переводы известных русских писателей — И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Пожалуй, обо всех этих опытах можно говорить лишь как о части собственного творчества этих авторов. Но если Тургенев, переводя повести Флобера, выбрал автора, близкого по духу и системе художественных средств, и поэтому Флобер в его передаче похож на Флобера, то другие два автора — Толстой и Достоевский — всецело подчинили переводимый материал собственным художественным принципам. Переводя роман Бальзака «Евгения Гранде», Достоевский наделил речь героев интонациями и лексикой своих собственных героев; Толстой же, переводя «Порт-Мопассана, даже изменил название новеллы, назвав ее «Франсуаза», и не стремился вообще точно сохранить текст.

Во второй половине XIX в. у русских переводчиков появляется интерес к решению новых задач, которые раньше часто отходили на второй план. Речь идет о попытках освоения формального богатства подлинника. Наибольших успехов в этом достигли поэты — сторонники направления «искусство для искусства»: А. К. Толстой, Каролина Павлова, Мей, Майков, Фет. В подлиннике их интересовала прежде всего изощренность ритма, причудливость чередования рифм, контраст длины стихотворных строк, редкие размеры. Их опыт обогатил русскую поэзию, а большинство переводов прочно вошло в русскую культуру (хорошим примером могут служить переводы баллад Гёте «Коринфская невеста», «Бог и баядера», выполненные А. К. Толстым).

На противоположном полюсе находились поэты-разночинцы: Плещеев, Курочкин, Минаев, Михайлов. Они видели в поэзии, а значит — и в переводе средство просвещения народа и, исходя из этой сверхзадачи, допускали разнообразные изменения при переводе. Одним из методов было «склонение на свои нравы», русификация реалий подлинника — ведь она позволяла приблизить содержание подлинника к читателю — метод давно испытанный. В результате своеобразии подлинника не сохранялось, но иногда возникали тексты, которые очень нравились людям, потому что были стилизованы в духе родной им фольклорной основы. Такая счастливая судьба постигла поэзию Беранже в переводах Курочкина, где Жан и Жанна заменены на Ваню и Маню, *monsieur le commissaire* — на околоточного, усиление простонародного колорита сделало эти тексты очень популярными, и они быстро стали достоянием русской культуры. Менее удачны были переводы разночинцев, которые ориентировались только на передачу социального акцента в содержании, а форму передавали механически, без учета отечественной традиции. Таков Гейне в переводах М. Л. Михайлова, который попытался искусственно «насадить» в русской поэзии дольник. Успеха его опы-

ты не имели, а дольник пришел в русскую стиховую культуру позже, с поэзией Блока.

Говоря об искусстве передачи формальных особенностей оригинала, или, на современном языке — формальных доминант его стиля, стоит отметить переводчика Диккенса и Теккерея — **Иринарха Введенского**, который стал известен еще в середине 50-х гг. В XIX в. он был очень популярен, а затем осмеян и забыт. Осмеян он был из-за неуклюжих оборотов речи («облокотился головою», «жестоко-сердные сердца»), из-за комической смеси канцеляризмов и высоко-го стиля («за неизмением красной розы жизнь моя будет разбита... и я добуду себе таковую»). Не устраивала критиков XX в., среди ко-⁶⁵ торых наиболее всесторонний анализ представил К. И. Чуковский, и неумеренная вольность перевода, многочисленные добавления от себя. Но ради справедливости стоит отметить, что в истории перевода той поры это был, пожалуй, самый яркий опыт передачи индивидуального стиля писателя. И читатели высоко оценили это: Диккенса в переводах Введенского полюбили как яркого явтора, стиль которого не спутать со стилем других английских писателей. А сохранять стиль писателя и в то же время полноту текста в тот период еще не умели; попытки сохранять эту зыбкую гармонию стали задачей следующего, XX в. Но Введенский и без того намного опередил своих современников-переводчиков. Ему интуитивно удавалось то, что было осознано и описано только в середине XX в.: передать ритм прозы и «чувствительную» окраску речи персонажей. И поскольку «чувствительной» лексики он добавил, в переводе получилась так называемая усиленная стилизация, которая способствовала сохранению мягкой юмористической окраски диккенсовского повествования.

Таким образом, российское искусство перевода на протяжении XIX в. обогатилось в основном представлениями и техническими приемами, позволявшими во все большей мере передавать богатство художественных произведений. Среди них: необходимость сохранения национального, жанрового и индивидуального своеобразия подлинника. Стало окончательно ясно, что в рамках пословного, «буквального» перевода решать такие задачи невозможно; напротив — вольный перевод приветствовался, если он способствовал сохранению «впечатления».

Единственным стойким апологетом буквального перевода выступал известный русский поэт А. А. Фет. Фет считал подлинник неопостижимым в его красоте и призывал переводчика к максимальной буквальности перевода, за которой «читатель с чутьем всегда угадает силу оригинала»⁶⁶. Однако на деле такой подход приводил к внеконтекстуальному восприятию слова и многочисленным ошибкам. Так, перево-

⁶⁵ См. об этом: *Чуковский К. И. Высокое искусство.* — М., 1968. — С. 299-310.

⁶⁶ Цит. по: *Федоров А. В. Основы общей теории перевода.* — М., 1983. — С. 52.

дя Шекспира, Фет неверно прочитал английское слово «wit» (остроумие) как «writ» (написанное), и возник загадочный текст перевода:

Ведь у меня ни письменного нет,
Ни слов, ни сильной речи, ни движений,
Чтоб волновать людскую кровь⁶⁷.

Итак, на протяжении XIX в. российские переводчики накапливали солидный опыт перевода художественных произведений, вскрывая в тексте оригинала все новые слои его особенностей и пытаясь их передавать. Это были прежде всего национальное, жанровое и индивидуальное своеобразие подлинников в их конкретных языковых проявлениях: эмоциональной окраске, ритме и т. п.

6.7. Перевод в XX в.

Рубеж XIX-XX вв. Процессы, происходившие на рубеже веков в России и в других европейских странах, в целом схожи. Уже к концу XIX в. появляются симптомы, знаменующие новый период в развитии теории и практики перевода. Расширяются знания человека о мире, развитие техники приобретает лавинообразный характер, искусство во многом освобождается от ритуальных функций, и самым важным для человека становится прикладное его использование, что ярче всего проявилось в искусстве модерна. Все это порождало повышенную потребность в обмене информацией, который обеспечивался в первую очередь переводом. Как в России, так и в других европейских странах потребность в переводе в этот период чрезвычайно велика.

Одновременно во всех европейских языках (исключение составляет, пожалуй, только норвежский) установилась и официально закрепились к началу XX в. *литературная письменная норма языка*. Она способствовала окончательному формированию тех типов текста, которые основываются на норме, в первую очередь — научных и научно-технических текстов. Появление литературной нормы и ее высокий общественный статус изменили представление о том, каким должен быть перевод. Это изменение часто трактуют, как незначительное, упоминая о нем вскользь и с негативной оценкой. Речь идет о так называемой «*технике сглаживания*» (нем. «*ta(Zigende Technik*» — термин Г. Ржаба.), которая якобы была связана с низким уровнем переводческого искусства в то время. На деле же произошел незаметный, но качественно важный скачок в практике перевода, отражающий новое представление о его эквивалентности. Только что утвердившаяся литературная норма языка была авторитетна. Она постепенно сводила воедино устные и письменные языки офи-

циального общения, стала показателем уровня образованности человека, поставила на единую основу языки науки. Авторитет нормы подействовал и на перевод художественных текстов. Многие из переводов художественных произведений той поры выглядят сглаженными, однообразными лишь по той причине, что переводчики осознанно стремились использовать авторитетную норму языка. Это безусловно уменьшало возможности передачи индивидуального стиля автора и отчасти — национального своеобразия произведений. В результате зачастую Шиллер оказывался похож в переводе на Гёте, Гейне — на Шекспира. Но это происходило скорее всего вовсе не из-за небрежности переводчиков, невнимания их к оригиналу и упадка уровня культуры. Просто — на некоторое время — литературная норма стала эстетическим идеалом.

Вместе с тем интерес к художественной литературе на рубеже веков был высок, причем намечалась явная тенденция к системности чтения. Читатель желал иметь в своей библиотеке не отдельные произведения, а собрания сочинений любимых авторов. Расширяется и географический диапазон переводимых авторов: например, в России к традиционным странам — Франции, Англии, Германии — добавляются Скандинавские страны, Испания, Италия, США. Вновь вспыхивает интерес к народному творчеству — как на родном языке, так и на языке других народов, которое активно усваивается через перевод. В России появляются переводы произведений народов Российской империи: К. Бальмонт переводит с грузинского поэму Шота Руставели «Носящий барсову шкуру». Под редакцией В. Брюсова выходит антология армянской поэзии.

Расцвет издательского дела на рубеже XIX-XX вв. обеспечивает рост читательских потребностей. Книги перестают быть предметом роскоши, повсюду, где есть крупные издательства, выпускаются, наряду с дорогими изданиями для богатых, книги в твердом переплете для публики среднего достатка, а также дешевые издания в мягкой обложке. Важный вклад в формирование книжного дизайна внесла эпоха модерна, превратившая книгу в произведение прикладного искусства.

Издательствам требуется много переводчиков, количество заказов на переводы растет. Письменный перевод окончательно становится профессиональным делом. Повышается общественный вес профессиональной переводческой деятельности. Однако основной принцип перевода рубежа веков — приведение к норме — открывает возможность переводить для любого образованного человека, поэтому перевод текста как средство дополнительного заработка рассматривают многие.

Расширение и усложнение представлений о сущности языка, накопление исторического и диалектального материала разных языков, а также развитие психологического направления в языкознании вновь порождают сомнения в возможности перевода. Это сомнение обо-

сновывают многие филологи того времени, в частности известный русский лингвист А. А. Потебня. Однако сомнение не означало отказа. Ярче всего этот парадокс выразил В. Брюсов в статье «Фиалки и тигеле»: «Передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно, но невозможно и отказаться от этой мечты»⁶⁸. Для практиков это сомнение означало скорее постановку более сложных переводческих задач и готовность к попытке их решения.

Ведущие тенденции в переводе начала XX в. удобнее всего проиллюстрировать на примерах из российской истории. К этому времени помимо доминирующего принципа ориентации на литературную норму обнаруживаются, пожалуй, еще два.

Первый опирается на традиции XIX в. и представляет собой успешный опыт передачи национального своеобразия и формальных особенностей оригинала. К числу таких переводов можно отнести переводы А. Блока из Гейне, Байрона, финских поэтов, а также переводы трагедий Еврипида, выполненные И. Анненским.

Другим путем, который можно охарактеризовать как неоромантический, шли русские поэты-символисты, приспособив к своему стилю произведение в переводе к своему стилю. /Характерным примером тако Гтгтлутй^вляётся переводческое творчество К. Бальмонта. Индивидуальный стиль Бальмонта сквозит в любом его переводе. Например, строгая, но причудливая стилистика английского романтика Шелли, со сложным синтаксисом и вселенскими возвышенными образами, обрастает изысканной пышной образностью, присущей Бальмонту:

Шелли (подстрочник):	Бальмонт:
1) лютия	рокот лютни-чаровницы
2) сон	роскошная нега
3) ты так добра	Ты мне близка, как ночь сиянью дня, как родина в последний миг изгнания.
4) зимний сучок	Средь чаши елей и берез Кругом, куда ни глянет око, ⁶⁹ Холодный снег поля занес

К. И. Чуковский не случайно прозвал Бальмонта — переводчика Шелли «Шельмонтом»: за этой образной характеристикой стоит наряду с публицистически заостренной негативной оценкой признание того факта, что переводческий метод Бальмонта сродни методу переводчиков-романтиков XIX в., стремившихся отразить в переводе собственный художественный стиль.

Итак, начало XX в. оказалось временем переводческого бума. Открывались новые горизонты, традиции переплетались с новыми взглядами на перевод, накапливался богатейший практический опыт,

⁶⁸ Брюсов В. Я. Французские лирики XIX в. // Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. — СПб., 1913. — Т. 21. — С. XI.

⁶⁹ Цит. по: Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1968. — С. 25-27.

и одновременно формировались новые представления о языке и тексте. Все это нашло свое продолжение в XX в. и привело затем к формированию теории перевода.

XX в. в России. История перевода в России в минувшем XX в. — явление сложное и неоднозначное. Существенную роль в его специфике сыграли социальные и общественные перемены, произошедшие после революции 1917 г. Однако объяснять все перемены только социальными причинами было бы необоснованной вульгаризацией. Перевод как неотъемлемая часть культуры человечества развивался по своим самостоятельным законам, часто противоречащим социально-общественному контексту своего развития. Особенности перевода как практической деятельности и особенности взглядов на перевод, как и в прежние столетия, зависели от уровня филологических знаний и — шире — от меры и характера представлений человека о самом себе и об окружающем мире. И какие бы препоны ни ставили этому процессу социальные катаклизмы, он в конечном счете оказывался поступательным.

Разумеется, 1917 г. внес в развитие перевода в России грандиозные коррективы. Попробуем разобраться в основных тенденциях этого развития и обозначить его ключевые этапы. Очерк советского периода в истории перевода в этой книге поневоле окажется фрагментарным — здесь еще много белых пятен, неучтенных текстов и имен, много вопросов, на которые пока нет ответа. Все они ждут своих исследователей.

«Мы свой, мы новый мир построим...». Первые годы после революции были отмечены колоссальной агрессией по отношению к старому, которое надлежало разрушить, — и эйфорией созидания: будет построен свой, новый мир! Энергия ниспровержения и энергия созидания сталкивались, приводя к причудливым результатам.

К старому миру относилась и христианская вера. Освобожденный от веры человек решил, что он все может и что ему все позволено, моральные границы исчезли. В области перевода это обернулось, во-первых, уверенностью, что все переводимо, которая быстро перерастала в догму, и, во-вторых, возможностью и допустимостью любой переделки оригинала. Оба представления сопровождают советский период истории письменного перевода вплоть до 60-х годов, а устного — до начала 90-х (см. раздел «Этика переводчика»).

Культуру — в массы! Новому миру нужна была новая культура. Согласитесь, странное, парадоксальное представление, ведь культура вся строится на преемственности традиций. При новом строе, который быстро устремился к консолидации власти в одних руках, к военизированному диктаторскому режиму, все его потребности, нацеленные на эту консолидацию, формулировались в упрощенных лозунгах — для масс. Лозунг «Культуру в массы!» был очень важным, потому что культуру можно было идеологизировать и она становилась мощным оружием в руках власти.

Для ознакомления масс с мировой литературой в 1919 г. были созданы план серии книг «Всемирная литература» и государственное издательство «Всемирная литература». Инициативу, которую официально выдвинул М. Горький, активно поддерживал В. И. Ленин. Так появился первый план изданий художественной литературы, находящийся под полным контролем государства. Понятие «всемирная литература» также контролировалось. Народ следовало знакомить только с произведениями, написанными после Великой французской революции 1789 г., так как книги, написанные до нее, были объявлены идеологически незрелыми. Предполагалось выпустить 1500 томов по 20 печатных листов каждый в основной серии и 2500 книг по 2-4 печатных листа в серии «Народной библиотеки». К работе были привлечены крупнейшие научные и переводческие силы: поэты А. Блок и В. Брюсов, начинающий переводчик М. Лозинский, известные переводчики А. В. Ганзен, В. А. Зоргенфрей и многие другие. Издательство просуществовало до 1927 г. и затем было закрыто. За это время было выпущено 120 книг. В список разрешенных и изданных книг вошли произведения Гюго, Бальзака, Беранже, Флобера, Додэ, Мопассана, Гейне, Шиллера, Шамиссо, Клейста, Диккенса, Марка Твена, Бернарда Шоу, Джека Лондона и др.

Инициативное ядро серии составили Н. С. Гумилев и К. И. Чуковский. Они вдвоем и выпустили в 1919 г. книгу «Принципы перевода», которая должна была обозначить принципы работы переводчиков серии и фактически указывала на зависимость выбора средств от их функции в художественном тексте. Именно эта зависимость легла в основу разработанной А. В. Федоровым концепции полноценности перевода.

Несколько иных принципов придерживалось издательство «ACADEMIA», возникшее в 20-е гг. и разгромленное в 30-е гг. «академический формализм». Видные филологи, собравшиеся в редакции «ACADEMIA» под руководством академика Веселовского, также поставили перед собой задачу познакомить народ с мировыми литературными шедеврами, но они не ограничивали список, исходя из идейных соображений, как это сделала «Всемирная литература». Они начали действительно с европейских истоков — с эпохи античности. Трагедии Эсхила и Софокла, комедии Аристофана, «Золотой осел» Апулея, «Декамерон» Боккаччо, «Песнь о Роланде» и много других книг было выпущено издательством «ACADEMIA», кстати, в лучших традициях издательского оформления эпохи русского модернизма начала века. Что касается особенностей перевода, то «ACADEMIA» придерживалась собственных принципов. Во-первых, переводу предшествовал детальный, научный филологический анализ подлинника со стороны его формы, содержания, исторических особенностей языка и стиля, жанровой специфики, национального своеобразия. В этом «ACADEMIA» была наследницей и продолжательницей традиций переводческой школы Максима Грека. Во-вто-

рых, свой отпечаток на принципы перевода наложила бурно развивавшаяся и популярная в 20-е гг. школа русского формализма в языкознании и литературоведении, в духе которой были выработаны два критерия верности перевода: *эквивалентность* — точность в передаче лексического и семантического содержания подлинника и *эквивалиентность* — полнота передачи характера синтаксических структур. Таким образом, перевод был несколько перегружен экзотизмами и необычными для русского языка особенностями синтаксиса. Однако соблюдение литературной нормы русского языка оставалось в силе, только само понимание нормы расширялось за счет ориентации на специфику подлинника. Принципы эквивалентности и эквивалиентности™ и послужили поводом для издевательской критики и уничтожения издательства. Государство в 30-е гг. уничтожает издательские альтернативы и всю издательскую деятельность сосредоточивает под эгидой «Гослитиздата».

Языки — в массы! Как ни парадоксально, этот лозунг, выдвинутый в 20-е гг. и воплощенный в жизнь, необычайно повысил роль перевода в жизни советского человека. Внешняя сторона этого лозунга была чрезвычайно привлекательной: превратить иностранный язык из элитарного средства коммуникации, доступного лишь избранным, в средство, доступное всем и каждому. Если раньше языку обучали гувернантки и приходящие учителя-иностранцы в богатых семьях, да и учить язык в гимназиях и реальных училищах было доступно далеко не всем, то теперь каждый должен был получить такую возможность. Поэтому обучение иностранному языку стало обязательным для всех. Но только методика и задачи обучения резко изменились. Постепенно исчезли живые носители языков — ведь СССР стал закрытой страной. Задача обучить говорить не ставилась. Главной была задача научить читать. Причем чаще всего — в рамках идеологически нацеленных элементарных текстов о классовых противоречиях, о бедных и богатых, и затем, на этапе обучения в вузе — только на материале текстов по своей узкой специальности. Была введена система сдачи так называемых «тысяч» (имелось в виду определенное количество знаков специального текста). В результате знание языков действительно распространилось широко, но стало ущербным, неживым. В основу методики обучения был положен грамматико-переводной метод, основанный на сопоставлении систем двух языков: родного и иностранного. Полученные знания оказывались прочными и основательными, но страдали неполнотой и были оторваны от живой устной речи. Советский человек не мог общаться на иностранных языках и был лишен возможности свободно читать любые книги на иностранных языках — ему доступны были только книги по своей специальности. Следовательно, без переводных текстов ему было не обойтись. Но прочитать в переводе он мог только те книги, которые допустило к переводу государство. А то, насколько текст, предлагаемый в изданном переводе, соответствовал

подлиннику, было зачастую неизвестно — различия, обусловленные идеологически, скрывал подстрочник (см. раздел «Подстрочник»). Так, благодаря лозунгу «Языки — в массы!» настоящему знанию иностранных языков была поставлена преграда, а перевод стал мощным средством контроля над тем, что люди читают.

Лозунг интернационализма. Единственным языком, которым население СССР должно было овладеть по-настоящему, был русский. Лозунг интернационализма провозгласил братство всех народов, вошедших в разрастающуюся империю СССР, но русский народ был «старшим братом», и его язык насаждался повсюду. Народы нуждались в руководстве старшего брата, конституции Республик СССР создавались по образцу Конституции Российской Республики, средства массовой информации — радио, печать — подчинялись единому центру — Москве, указы и инструкции единственной в стране партии — КПСС — шли также из Москвы и распространялись по СССР.

Все это открыло переводчикам широчайшее поле деятельности. Колоссальный объем должностных, деловых, юридических, информационных текстов переводился с русского языка на языки народов СССР. Значителен был и поток переводов со всех этих языков на русский язык. Содержательная точность здесь была основным принципом, поэтому метод ориентации стиля перевода на литературную норму был основным, благодаря чему создавались вполне эквивалентные тексты, несмотря на то что переводчиков-профессионалов явно не хватало.

Многое было сделано в области перевода художественных текстов с языков народов СССР, и это было, пожалуй, самым позитивным результатом воплощения лозунга интернационализма в жизнь — результатом в области перевода. В 20-30-е гг. многие произведения грузинской, армянской, туркменской, таджикской, киргизской, казахской литературы получили русские текстовые воплощения и вошли в русскую культуру.

Правда, на некоторые из переводов накладывала свой отпечаток догматическая концепция перевода 30-40-х гг. (см. раздел 6.7.2.7), но в целом все они отмечены стремлением сохранить национальное своеобразие, специфику формы — и довольно однородный лексический состав, соответствующий русской книжной литературной норме.

Подстрочник. Советский период истории перевода обнаруживает много парадоксов. Один из них: призывы стремиться к максимальной точности при переводе (эквивалентность и эквилинеарность) — с одной стороны, и возможность идеологической обработки текста — с другой. Тексты часто переделывались в духе господствующей идеологии. Так, при переводе в 1924 г. романа начала века немецкого писателя Вальдемара Бонзельса «Пчелка Майя и ее приключения» переводчик превращает сцену разделения улья, которую Бонзельс изображает как естественный природный процесс в жизни пчелиного сообщества, — в социальную метафору: рабочие пчелы страдали под жестоким гнетом Царицы пчел (в нем. *Bienenkonigin* — вовсе не

«царица», а попросту «пчелиная матка»), подняли восстание, разрушили старый мир и решили строить новый.

Особую роль в советское время стал играть подстрочник, т. е. буквальный, близкий к подлиннику рабочий переводной текст. Подстрочник как подручное средство в филологическом исследовании текста известен был давно, но в советской практике перевода он стал играть совершенно особую роль. Издаваемые книги часто проходили два этапа: подстрочный перевод и обработку. Такой подстрочный перевод вовсе не был пословным; он был вполне добротен и близок к подлиннику, но в нем могли обнаруживаться «вредные» высказывания. Зато при обработке подстрочника тексту придавались те акценты содержания, которые были идеологически «полезны». При этом автор подстрочника не указывался, и поэтому ответственность за опубликованный текст дробилась, и неизвестно было — кто виновник допущенных искажений. Да и сравнить перевод с подлинником мало кто мог. Нравственная сторона такого нарушения авторского права исполнителей не беспокоила. Надо сказать, что и приобретение прав на перевод стало считаться буржуазным предрассудком: вплоть до середины 90-х гг. в специальных каталогах ЮНЕСКО Россия была зарегистрирована как страна, где переводится незаконно самое большое число книг.

Хорошим примером известной, популярной книги, переведенной с применением подстрочника, может служить роман для детей «Бэмби» австрийского писателя Феликса Зальтца. Перевод был выполнен в конце 40-х гг. При сличении оригинала с переводом обнаруживается основной текст перевода, сделанный явно опытным «подстрочником» старшего поколения. Он вполне добротен, и назвать его подстрочником можно только с той точки зрения, что он от начала до конца соответствует тексту оригинала. На этот текст в некоторых местах накладывается стиль писателя Юрия Нагибина, который осуществлял «литературную обработку». Что же изменилось при обработке? На нескольких страницах текста Нагибин заменяет эпитеты и другие фигуры стиля на те, которые более свойственны стилю его собственного творчества; что ж, с таким методом перевода мы уже встречались. Из текста исчезают некоторые детали, например упоминание о подробностях родов олененка Бэмби на первой странице. И это объяснимо приемами адаптации текста для маленьких детей. Но вот в сцене разговора старого оленя с Бэмби, где Зальтен формулирует основную гуманистическую идею, проходящую через все его книги: ты — живое существо, но жизнь тебе дал некто, кто выше всех нас; этот мир создал не ты и поэтому ты не имеешь права наносить вред ни одному живому существу, — здесь обработчик вкладывает в уста старого оленя совсем другое поучение. Основа его: закон жизни — это борьба. Искажения, подобные этому, в советский период истории перевода встречаются часто.

Перевод эпохи нэпа. Особым экзотическим эпизодом в советские годы в России явился перевод эпохи нэпа (первая половина 20-х гг.).

Сама издательская деятельность в это время была организована по другому принципу, нежели в предшествующие и последующие годы. Быстро появилось большое количество негосударственных, в основном кооперативных издательств. Только в Москве и Петербурге их насчитывались десятки: в Москве — «Книга и революция», «Молодая гвардия», «Новая Москва», «Зиф», «Красная Новь», «Задруга», «Всероссийский Пролеткульт», «Космос», «Леф», «Изд-во М. и С. Сабашниковых», «Труд и книга», «Современные проблемы», «Межрабпром», «Мосполиграф» и др.; в Петербурге — «Новелла», «Мысль», «Алконост», «Петрополис», «Петроград», «Атеней», «Парус», «Книжный угол», «Кольцо поэтов», «А. Ф. Маркс», «Образование», «Кубуч», «Жизнь искусства», «Островитяне», «Эпоха», «Полярная звезда», «Прибой», «Время», «Аквилоно», «Сеятель», «ACADEMIA», «Начатки знания», «Время Л» и др.⁷⁰ Эти издательства выпускали книги небольшими тиражами, стараясь улавливать интересы публики. В жанрах литературы, переведенной и изданной в годы нэпа, как в зеркале, отразились читательские интересы и запросы людей того времени, выходящие за пределы «вечных» произведений, потребность в которых и без того была удовлетворена. Эти жанры, на которые впоследствии было поставлено несмыслимое клеймо «бульварные», очень напоминают наше современное сиюминутное «чтиво». В диапазон жанров, которые были тогда популярны, входили готический роман (аналогичный современному роману ужасов), физиологический роман (подобный нашему эротическому), женский роман, роман-идиллия из жизни богатых, технократический роман-утопия (предтеча современной научной фантастики; примером может послужить «Туннель» Б. Келлермана, изданный в 1923 г.), приключенческий роман (очень популярен был «Тарзан» Э. Берроуза, вышедший в 1922 г.). Собственно, кое-что в этих жанрах писали тогда и русские писатели, но к концу 20-х гг. жанровое разнообразие русской беллетристики оказалось в жестких тисках социалистического реализма.

Переводы этой литературы делались, по-видимому, часто наспех, да и оригиналы порой не отличались единством и изощренностью стиля. Стандартизованная манера изложения, рассчитанная на массового потребителя, имела глубокие корни в истории литературы. Вряд ли имеет смысл осуждать уровень переводов времен нэпа (да и современных «бульварных» тоже); но немаловажно и отметить эту связь: сиюминутная литература — плохие переводы. При этом названные жанры имели свои особые функции; они были необходимы человеку для разных повседневных нужд: для снятия стресса, для преодоления комплексов, исполняли они и роль своеобразного наркотика, свойственную отчасти художественному тексту любого уровня и любого жанра.

См.: *Мацуев Н. Н.* Художественная литература русская и переводная 1917-1925 гг. Библиографический указатель. — М.; Одесса, 1926.

Но уже во второй половине 20-х гг. маленькие частные издательства одно за другим закрылись, а «бульварная» переводная литература была подвергнута в журнальной и газетной публицистике уничтожающей критике.

Ортодоксальный перевод 30-40-х гг. В 30-е гг. государство полностью взяло в свои руки руководство издательской деятельностью. Плановость изданий, жесткие идеологические критерии отбора произведений характеризуют перевод этой поры. Многие западные авторы, в особенности современные, неизвестны советскому читателю даже по имени. Другие, известные своим ранним творчеством, внезапно исчезают с читательского горизонта. Так Э. М. Ремарк вплоть до конца 50-х гг. так и остается автором одного-единственного романа «На западном фронте без перемен», изданного после Первой мировой войны. Остальные его книги не переводятся.

Принципы эквивалентности и эквилинеарности, выдвинутые издательством «ACADEMIA», становятся неоспоримыми и ревизии не подлежат. Непререкаемой догмой становится и принцип переводимости. При этом объективные особенности текста и особенности языков оригинала и перевода во внимание не принимаются.

Подчиняясь догматическим принципам, переводы теряли главную особенность, ради которой, собственно, и создается художественный текст, эстетическую ценность. Так, проза Диккенса в переводах А. Кривцовой и Е. Ланна теряет одно из главных своих качеств — ритмичность синтаксиса. В тяжеловесных репликах прямой речи в переводе полностью утрачивается мягкий юмор и «чувствительность» речи персонажей. Не менее громоздкой становится и речь автора:

«В верхней комнате одного из домов, в большом доме, не сообщавшемся с другими, но с крепкими дверьми и окнами, задняя стена которого обращена была, как описано выше, ко рву, собралось трос мужчин, которые, то и дело бросая друг на друга взгляды, выражавшие замешательство и ожидание, сидели некоторое время в глубоком и мрачном молчании» (пер. А. Кривцовой) ⁷¹.

Но особенно пагубными эквивалентность и эквилинеарность оказывались для стихотворного перевода. Проиллюстрировать это можно на примере переводов Анны Радловой, которые до конца 30-х гг. восхвалялись; Шекспир в ее переводах ставился на советской сцене. Поскольку специфика стихотворной формы требует сохранения размера, чередования рифм и т. п., а принцип эквивалентности предписывает сохранение всех значимых слов подлинника, то переводчику достается практически невыполнимая задача: втиснуть в строку и в размер то же количество русских слов, что и в английском подлиннике, тогда как средняя длина английского слова вдвое меньше, чем русского. В результате переводчица жертвует союзами, другими служебными словами, лексическими средствами когезии, употребляет

сокращенные формы слов, предпочитает односложные существительные — и тем самым разрушает интонацию реплик, меняет динамику высказывания, нарушает норму русского языка. Тогда реплика с содержанием: «Теперь вы ревнуете, и вам кажется, что это подарок от какой-нибудь любовницы!» превращается в сверхэмоциональные выкрики: «Уж стали ревновать! Уж будто от любовницы! Уж память!» (из перевода «Отелло», материал К. И. Чуковского). Метод эквивалентности и эквилинеарности поражает в самой большой степени те реплики, которые и без того эмоциональны и динамичны в подлиннике:

Черт! Вы ограблены! Стыд! Одевайтесь! Разбито сердце, полдуши пропало!

Драматический текст, где построение высказываний зависит от интонации, а эллипсис обусловлен ситуацией, часто превращается в набор фраз-загадок с немотивированным порядком слов и неполной структуры, понять которую сценическая ситуация не помогает:

Иначе я скажу, что гневом стали, —

Вы не мужчина больше...

Но умереть должна — других обманет...

В Венецьи не поверят, генерал,

Хоть поклянусь, что видел сам.

Чрезмерно...

Я прошу вас в донесенье

Сказать, кто я, ничто не ослабляя,

Не множа злобно...⁷²

Переводы, втиснутые в строгие догматические рамки, лишали художественное произведение его эстетической ценности и явно проигрывали прежним переводам, авторов которых упрекали в использовании техники сглаживания. Вот знаменитые, хорошо известные русскому читателю строки из шекспировского «Отелло»:

П. Вейнберг: Она меня за муки полюбила,

А я ее за состраданье к ним.

А. Радлова: Она за бранный труд мой полюбила,

А я за жалость полюбил ее.

Безусловно, не все переводчики так дословно пытались следовать догматическим принципам 30-х гг. Но само существование буквального перевода вопреки всему накопленному опыту переводческого искусства, сам факт следования догме, а не объективным данным — знамение времени.

Переводы, выполненные таким способом, в основном ненадолго вошли в русскую культуру. Гораздо долговечнее оказались переводы другого рода. Они принадлежали переводчикам, которые в той или иной степени нарушали эти принципы.

Примеры взяты из кн.: Чуковский К. И. Высокое искусство. — С. 192-193.

В первую очередь следует назвать М. Л. Лозинского, который прочно утвердился как переводчик-профессионал, был в 30-е гг. чем-то вроде парадной фигуры советского переводчика и мог выбирать сам как произведения для перевода, так и методы перевода — хотя публично, в докладах на писательских съездах ему приходилось порой провозглашать официальные принципы. Ему удалось, казалось бы, немислимое в те годы: добиться разрешения на перевод «Божественной комедии» Данте. Принципы перевода, которым следовал М. Л. Лозинский, были тесно связаны с филологическими традициями издательства «ACADEMIA», в которых можно проследить глубинную связь еще со школой Максима Грека. С другой стороны, эти принципы, безусловно, совпадали со взглядами А. В. Федорова, вырабатывавшего в те годы концепцию полноценности перевода. Лозинский считал, что переводу должен предшествовать этап основательной филологической обработки текста. Помимо изучения истории создания текста, его языковых особенностей, фигур стиля оригинала, Лозинский занимался предварительным изучением вариативных возможностей русского языка, составлял ряды синонимов, собирал варианты построения метафор, выстраивал модели пословиц. Он одним из первых начал уделять особое внимание исторической дистанции текста, определив для себя лексическую архаизацию как одно из средств ее воссоздания. Помимо «Божественной комедии» Лозинский в 30-е гг. переводил Шекспира, Лопе де Вега, Кальдерона, «Кола Брюньон» Ромена Роллана, «Сид» Корнеля и многое другое.

Иные принципы перевода исповедовал Борис Пастернак. Он был из тех русских поэтов и писателей, которые в 30-е гг. стали переводчиками отчасти поневоле. Их не публиковали как авторов собственных произведений, но им разрешали переводить. Наверное, с этим связана большая степень вольности, с которой такие переводчики относились к подлиннику при переводе. Ведь подлинник был для них иногда единственной возможностью реализовать публично свою творческую индивидуальность. Для Пастернака-переводчика историческая дистанция не существовала; в переводе она не отражалась. Лексике подлинника Пастернак подыскивал более современные соответствия, иногда выходящие за рамки литературного языка, но в которых всегда был узнаваем лексикон его собственных поэтических произведений. Пунктирно намечено национальное своеобразие, которое и в «Фаусте» Гёте, и в переводе трагедий и сонетов Шекспира больше запечатлелось в точной передаче стихотворной формы (книгтельферз в «Фаусте», форма английского сонета в «Сонетах»). Таким образом, литературное произведение в переводе Пастернака, написанное современным читателю языком с индивидуальным пастернаковским оттенком, становилось злободневным, оно максимально приближало вечные темы к человеку XX в. В каком-то смысле это напоминало принцип «склонения на свои нравы».

Деятельность С. Я. Маршака. Особым феноменом 30-х гг. была писательская, переводческая и организационная деятельность С. Я. Маршака.

С. Я. Маршак был одним из активнейших создателей новой детской советской литературы. Вообще детская литература со времен своего окончательного формирования в Европе на рубеже XIX–XX вв. сразу заявила о себе как жанр интернациональный. Каждая изданная детская книга сразу переводилась на разные языки и становилась общим достоянием европейских детей. Но советское государство объявило большинство детских книг «буржуазным» чтением; в немилость попал, например, столь популярный в начале века и в русской литературе гимназический роман. Перед писателями была поставлена задача выбрать в европейской литературе наиболее «зрелые» в идейном отношении произведения и перевести их — так возникали книги, подобные «Маленькому оборвышу» Гринвуда в переводе К. Чуковского, где переводчик под гнетом задачи идейного соответствия педалировал социальные контрасты. Создавались свои, отечественные произведения, подчиненные коммунистической идеологии. В результате стали преобладать детские книги довольно мрачного колорита: социальная несправедливость, беспризорность, романтика войны и классовой борьбы и тому подобное. Детской литературе явно не хватало в этот период книг, где царит свободный полет фантазии, и сюжетов, где все хорошо заканчивается, — т. е. тех опор, которые помогают развиться творческой индивидуальности, помогают с верой в добро войти во взрослую жизнь.

На этом фоне деятельность маршаковской редакции была героической попыткой вернуть гармонию в детскую литературу. Детская редакция под руководством Маршака занялась переводом сказок народов мира, обработкой и включением в детскую русскую литературу фольклорного и литературного сказочного материала. Итальянские, корейские, китайские сказки и бесчисленное множество сказок других народов, в том числе и народов СССР, вошло в эти годы в детскую литературу. З. Задунайская, А. Любарская, Т. Габбе и другие создавали русские тексты, исходя из системы доминирующих средств древнего жанра сказки. Точно такие же принципы перевода сказок мы обнаруживаем в эти годы и в других европейских странах. Без оттенка идеологической обработки, однако, и здесь не обошлось. Так, при переводе христианские наслоения из текста народной сказки устранялись и заменялись языческим колоритом: например, обращение героя к Христу заменялось обращением к Солнцу. Поясняя принципы обработки сказок, А. Любарская отмечает, что они как переводчики и обработчики фольклорного материала «стремились вернуть сказке ее истинный, первоначальный облик»⁷³. При этом не-

Из записей устных бесед с А. И. Любарской, датированных 1996 г. и хранящихся в архиве автора.

учитывалось, что устный текст народной сказки не имеет какого-либо определенного первоначального облика, этот текст подчинен динамике постоянного развития и изменения и может рассматриваться как статичный только с момента его письменной фиксации.

В качестве исходного материала для создания сказочных произведений для детей использовался не только фольклор. В сказку превратилась, например, знаменитая книга Дж. Свифта о Гулливере. Навсегда полюбилось детям «Необыкновенное путешествие Нильса с дикими гусями» в обработке З. Задунайской, которое было, по сути дела, извлечением сказочной канвы из учебника географии для шведских детей, написанного в литературной форме Сельмой Лагерлеф.

В духе времени была идея коллективного перевода, ради которой Маршак создал особый творческий семинар. Эта идея, так же как и идея коллективного творчества (например: Хармс — Маршак), не очень себя оправдала; но сам принцип коллективной семинарской работы при оттачивании переводческой техники и выработке критического взгляда на свой переводческий труд оказался плодотворным и остался до сих пор важнейшим средством воспитания переводчиков художественной литературы.

Что касается собственных переводов Маршака, то можно с полным правом говорить об особых принципах перевода, породивших целую традицию, и, может быть, даже о школе Маршака. К школе Маршака, безусловно, относился переводчик следующего поколения — Вильгельм Левик, исповедовавший те же взгляды, о чем красноречиво говорят его переводы. Для иллюстрации переводческих принципов Маршака можно привлечь наиболее известные его работы: поэму Р. Бернса, сонеты Шекспира, «Лорелею» Г. Гейне. В переводах отмечается «выравнивание» формы (например, превращение дольника в регулярный ямб, замена контрастов в стилистической окраске лексики однородностью книжного поэтического стиля). Эту специфичность индивидуальной переводческой манеры Маршака неоднократно отмечали исследователи⁷⁴. В переводах Маршака возникал эффект своего рода «гармонизации» оригинала, сглаживания трагических противоречий, отраженных в особенностях текста, усиление и выравнивание оптимистического тона. Возможно, это было связано с мировосприятием самого Маршака, не исключено также, что эта гармонизация была своеобразной реакцией на дисгармонию в обществе.

Иногда в переводах Маршака обнаруживается и усиление социального смысла описываемых явлений, и ослабление акцента на вселенских темах. Так происходит, например, при переводе стихов Р. Бернса:

⁷⁴ См., напр., статью М. Новиковой «Ките — Маршак — Пастернак», где автор оперирует понятием индивидуального переводческого стиля (Мастерство перевода. 1971. — М., 1971, — С. 28-54).

Б е р н е (подстрочник):

Что из того, что у нас на обед скудная пища,
Что наша одежда из серой дерюги?
Отдайте дуракам их шелка и подлецам — их вино,
Человек есть человек, несмотря ни на что.

М а р ш а к (перевод):

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

Мысль автора подлинника о величии человека исчезает, на первый план выдвигаются социальные контрасты.

В конце 30-х гг. редакция Маршака была разгромлена, но традиция обработки сказок, читателями которых оказались отнюдь не только дети, переводческие семинары, стихи в переводах Маршака — остались, это — реалии русской культуры.

Переводческая ситуация в 40-50-е гг. Перед войной в СССР публикуются некоторые труды по теории перевода, в основном обобщения конкретного опыта художественного перевода⁷⁵, однако попытки выявить объективную лингвистическую основу процесса и результатов перевода еще не получили своего системного оформления. Среди лучших работ того времени преобладал критико-публицистический пафос, но на его волне уже отчетливо выявлялись важные закономерности в области перевода. В 1941 г. появляется знаменитая книга К. И. Чуковского «Высокое искусство», которая и до наших дней не утратила своей актуальности и популярности. Достоинство ее не только в остром анализе и разнообразии материала. Она привлекала и привлекает широкие слои читателей к проблемам перевода. Ни одному автору до этого не удавалось столь аргументированно и эмоционально показать культурную и общественную значимость профессии переводчика. Обе названные книги послужили симптомом грядущих перемен в восприятии переводческой деятельности, симптомом назревшей необходимости научно обобщить накопленный разнородный опыт.

Вместе с тем в 30-40-е гг. интенсивно развивается теория научно-технического и военного перевода в ее учебно-прикладном аспекте, в основном на материале немецкого и английского языков. Среди первых работ такого рода можно назвать два учебника для заочников: «Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» М. М. Морозова (М., 1932-1938) и «Теория и практика перевода немецкой научной и технической ли-

Напр., книга А. В. Федорова «О художественном переводе» (Л., 1941).

тературы на русский язык» (2-е изд., 1937-1941) А. В. Федорова. За ними на рубеже 30-40-х гг. последовал целый ряд аналогичных пособий. Во всех этих практических пособиях указывались типичные признаки научно-технических текстов и распространенные, также типичные лексические и грамматические соответствия. Правда, зачастую допустимость или недопустимость тех или иных соответствий подавалась в форме категорических утверждений и прямолинейных советов. Но все же это был шаг вперед. Освоение лингвистической основы именно этой разновидности текстов можно отметить как закономерный этап на пути формирования теории перевода, поскольку тексты такого рода легче всего поддаются формализации.

Военные годы обеспечили большую практику устного перевода, преимущественно с немецкого и на немецкий язык. Имена отдельных переводчиков, виртуозно владевших устным последовательным переводом, не забылись до сих пор.

После войны потребность в устном переводе, естественно, резко сократилась; этому способствовало постепенное создание «железного занавеса». В области художественного перевода пока действовали все те же законы: господствовал догматизм, с помощью подстрочника текст подвергался идеологической обработке и т. п. В опалу попадает Анна Ахматова — и не случайно именно в эти годы она переводит восточную поэзию.

В начале 50-х гг. вопросы перевода начинают активно обсуждаться в критических и научных статьях. Отчетливо намечается разграничение подхода к художественному переводу и всем прочим видам перевода, что приводит сначала к разграничению, а затем и к противопоставлению лингвистического и литературоведческого направлений в переводоведении. Попытки ученых предложить некую общую теоретическую основу, распространяющуюся на все виды текста, подвергаются жесточайшей общественной критике. Поистине новаторскими в этой связи можно назвать две работы: статью Я. И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (1950), где автор, в равной мере используя материал как художественных, так и нехудожественных текстов, устанавливает три основных типа лексико-семантических соответствий (эквиваленты, аналоги и адекватные замены)⁷⁶; а также книгу А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» (1953), написанную на материале художественного перевода, где автор однозначно высказывается в пользу лингвистического подхода. Однако в начале 50-х гг. это новаторство оценено не было, напротив, теория перевода заодно с лингвистикой попала в разряд «буржуазных» наук.

К середине 50-х гг., после смерти Сталина, гайки диктаторского режима чуть-чуть ослабляются, и это сразу благоприятно сказывается

⁷⁶ Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. — М., 1950.

на развитии перевода. Постепенно снимается запрет с имен крупных западных писателей: Фолкнер, Хемингуэй, Моэм, Гессе и многие другие. Цензура и критика перестают возражать против использования в переводе просторечия, диалектальной окраски, ругательств, архаизмов. Таким образом, переводчикам открывается новое поле деятельности — и новые языковые ресурсы. Показателен в этом отношении успех в СССР романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи», переведенного Р. Райт-Ковалевой, которая блестяще воспроизвела молодежный жаргон подлинника, используя русский сленг рубежа 50-60-х гг.

Вместе с тем в середине 50-х гг. полемика по поводу подхода к переводу художественного текста разгорается с новой силой. В лингвистическом подходе, согласно которому художественный текст рассматривается как одна из языковых реализаций, видят угрозу свободе творчества. Аналогичные дискуссии ведутся в 50-е гг. и между французскими теоретиками перевода (Ж. Мунен — Э. Кари), но в СССР в духе того времени не допускается одновременное равноправное существование различных подходов, научный спор приобретает идеологическую окраску, вопрос ставится альтернативно: лингвистический подход вредит художественному методу социалистического реализма, литературоведческий способен его всесторонне воплощать.

На время верх одерживает литературоведческий подход. Он реализуется в принципах «реалистического перевода», которые сформулировал переводчик Иван Кашкин. Усматривая в изучении языковых средств опасность формализма, он предлагал концентрировать внимание на передаче образов как таковых⁷⁷. Отчасти такая позиция была связана с возникновением сопротивления господствовавшему до сих пор догматическому методу перевода, часто приводившему к буквализмам; но она же узаконивала волюнтаристский подход к подлиннику, в рамках которого могла осуществляться его идеологическая обработка. Так или иначе, Кашкин призывал переводчика не опираться на букву подлинника, а заглянуть в затекстовую реальность и, исходя из нее, написать свой текст. Кашкин продемонстрировал применение своего метода на практике, в частности в переводах Хемингуэя. Кстати говоря, для Хемингуэя, в произведениях которого за внешней простотой изложения кроется колоссальное психологическое напряжение, перевод исходя из затекстовой реальности, т. е. из ситуации, очень подходит; само появление такого метода перевода свидетельствовало о том, что авторский стиль — явление еще более сложное, чем виделось раньше. Почву для этого нового видения представляли и другие вновь открытые для русского читателя авторы: Фолкнер, Ремарк, Кафка и др. Школа Кашкина близка к основному принципу концепции динамической эквивалентности Ю. Г. Далева, а уж тем более теоретико-транслатологическая основа ее Кашкиным не формулировалась вовсе.

Во второй половине 50-х гг. переводов художественных произведений становится больше, диапазон авторов — шире. С 1955 г. начинает издаваться журнал «Иностранная литература», специализирующийся на публикации переводов. Именно он на протяжении последующих десятилетий знакомит русского читателя как с новинками зарубежных литератур, так и с уже ставшими классикой произведениями крупнейших писателей XX в., имена которых до сих пор находились под запретом. «Степной волк» Г. Гессе, «Шум и ярость» Фолкнера и многие десятки других шедевров увидели свет на русском языке впервые в журнальном варианте, на страницах «Иностранной литературы». Журнал впервые начинает обращать внимание читателей на творчество талантливых переводчиков, публикуя на своих страницах краткие сведения о них. Возобновляется и издание серии «Всемирная литература», куда включаются теперь и книги до 1789 г. Оно было завершено в конце 70-х гг. и состояло теперь из 200 объемистых томов, снабженных фундаментальным научным комментарием.

Оживление деятельности переводчиков в 50-е гг. подкрепляется расцветом книгоиздательского дела. Качество изданий за все годы советской власти еще никогда не достигало такого высокого уровня.

СССР — Россия (60-90-е гг.). К началу 60-х гг. противостояние литературоведов и лингвистов в подходе к переводу ослабевает и постепенно исчезает. Знаковый характер имело появление в 1962 г. сборника статей «Теория и критика перевода» под научной редакцией Б. А. Ларина⁷⁸. Б. А. Ларин в предисловии призывает строить теорию художественного перевода на двуединой основе наук о языке и о литературе.

В эти годы в СССР еще появляются серьезные труды, целиком построенные на литературоведческом подходе к переводу, такие, как монография грузинского теоретика Г. Р. Гачечиладзе⁷⁹, но их становится все меньше и меньше. Развитие языкознания, а также попытки машинного перевода, начавшиеся еще в 50-е гг. и позволившие формализовать многие закономерности перевода, указывают на лингвистическую основу этого вида языковой деятельности и помогают выработать представление об общих, единых для любого типа текста закономерностях перевода. В России, как и в других странах, разрабатываются общие и частные проблемы перевода с привлечением понятий теории коммуникации, и — в последние годы — данных лингвистики текста. Донаучный период в переводе завершается, и эта наука постепенно обретает объективные основы.

В дальнейших разделах книги мы будем касаться некоторых теоретических положений, которые были разработаны советскими и

Теория и критика перевода / Под ред. Б. А. Ларина. — Л., 1962.

Гачечиладзе Г. Р. Вопросы теории художественного перевода. — Тбилиси, 1964.

российскими учеными последующих десятилетий XX в. Труды А. В. Федорова, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцера, Л. С. Бархударова, М. Н. Комиссарова, В. С. Виноградова, Р. К. Миньяр-Белоручева и многих других способствовали окончательному оформлению переводоведения как научной дисциплины.

Что касается перевода как практической деятельности, то на протяжении 70-90-х гг. он приобретает все большую культурную и общественную значимость. Искусство художественного перевода продолжает совершенствоваться. Этому способствует развитие культурных контактов; все меньше имен западных авторов остается под запретом. Выходят из тени имена Джойса, Бродяка, Музиля, Трагя и т. д. На рубеже 90-х гг. публикуются переводы книг, запрет на которые не смогла снять «оттепель» начала 60-х. Среди них, например, роман «Искра жизни»¹⁾. М. Ремарка, запрещенный, очевидно, из-за той аналогии с жизнью заключенных в советских концлагерях, которую могло вызвать у читателей описание трагических перипетий узников Бухенвальда.

Переводчики-филологи обращаются к памятникам мировой литературы, которые из-за сложности их формы считались непереводаемыми. Так, непреодолимым препятствием казались древние поэтические эпические формы, а также специфика средневековой поэзии. Как мы знаем, богатая традиция выработки аналоговых поэтических форм была связана лишь с античной поэзией. В 70-80-е гг. появляется древненорвежский эпос «Старшая Эдда» в переводе А. Корзуна, средневерхнемецкая эпическая поэма «Кудруна» в переводе Р. Френкель, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха в переводе Л. Гинзбурга и др. Комментарии переводчиков к своим переводам обнаруживают серьезность и филологическую выверенность подхода к делу. Переводчики далеки от буквального копирования формальной специфики оригинала; при сохранении этой специфики они учитывают традиции воспринимающей литературы. Об этом красноречиво говорит выдержка из послесловия Р. Френкель к «Куцруне»: «... Размер кудруновой строфы — абсолютно чужой для русского слуха. Воспроизведенный буквально, он не может звучать поэтически. Значит, надо не рабски копировать, а найти нечто равноценное по впечатлению, которое оставляют четыре длинных стиха, распадающиеся на два полустишия каждый, в особенности же передать тяжелую „поступь“ последнего полустишия, растянутого на шесть ударных слогов. В нашем переводе мы решили не менять счет ударений, а сменить лишь самый размер с двусложного на трехсложный и перейти в данном случае с ямба на амфибрахий в последнем, восьмом полустишии строфы»⁸⁰.

Многие из уже известных и полюбившихся русскому читателю произведений перензаются в новой редакции или переводятся

Френкель Р. В. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе. — X: Проблема перевода // Кудруна. — .., 1984. — С. 366.

заново. В 1983 г. в серии «Большой» «Литературных памятников» появляются, например, новые переводы сказок Х. К. Андерсена, подготовленные Л. Ю. Брауде и И. П. Стребловой (правнучкой А. В. и Г. П. Ганzenов, выполнивших когда-то первый перевод сказок). Потребность в новом переводе художественного произведения объясняется обычно двумя причинами. С одной стороны, это свидетельствует об изменении критериев эквивалентности переведенного текста. В эти годы эквивалентность понимается как полноценность передачи художественного целого (в рамках концепции полноценности, сформулированной А. В. Федоровым), а большинство переводов первой половины XX в. этим критериям не соответствовали. С другой стороны, значительное художественное произведение обречено на множественность переводных версий, ибо каждая из них — неполна и каждая следующая позволяет больше приблизиться к пониманию великого оригинала.

Видимо, именно с последним обстоятельством связан феномен гиперпереводимости, особенно отчетливо проявившийся в конце XX в. Феномен этот заключается в чрезвычайной популярности некоторых авторов у переводчиков. Если учитывать переводы и предшествующих веков, то пальму первенства по количеству русских версий, наверное, следует отдать В. Шекспиру, в особенности его трагедии «Гамлет». Зато во второй половине XX в. безусловно лидирует австрийский поэт начала века Райнер Мариа Рильке.

Несколько слов в завершение следует сказать о переводе 90-х гг. Собственно исторический анализ проводить еще рано — слишком близки от нас эти годы. Но о некоторых симптоматических явлениях надо упомянуть.

В начале 90-х гг. исчезают многочисленные цензурные барьеры, и переводчик волен переводить все, что он пожелает. Но вместе с цензурным гнетом исчезает и государственная издательская система, а быстро возникающие частные издательства ориентируются на прибыль. Поэтому наряду с шедеврами мировой литературы, не публиковавшимися ранее по цензурным соображениям и пользующимся спросом у взыскательных читателей, появляется в большом количестве массовая «бульварная», зачастую низкопробная литература — она призвана удовлетворить голод, накопившийся со времен краткого ее расцвета в период нэпа. Эротика, порнография, романы ужасов, фантастические романы, детективы заполняют прилавки. При этом издатели меньше всего заботятся о качестве переводов. Переводы массовой литературы делаются в спешке и чрезвычайно низко оплачиваются. За них, как за источник дополнительного небольшого заработка, берутся люди любой профессии, мало-мальски знающие иностранный язык. Во многих издательствах исчезает институт редакторов, и тексты выпускаются в свет с чудовищными ошибками в русском языке. Те же издательства, которые пытаются ориентироваться на выпуск доброкачественных переводов как худо-

жественных произведений, так и книг в различных областях знаний, находятся в незавидном экономическом положении, проигрывая на рынке сбыта, и также вынуждены предлагать переводчикам лишь незначительную оплату их труда. Таким образом, следует признать, что социальный статус переводчика в российском обществе на сегодня чрезвычайно низок.

Общую картину переводной литературы в 90-е гг. осложняет и практика грантов и субсидий со стороны различных государств, заинтересованных в пропаганде произведений своих национальных литератур на российском книжном рынке. Это зачастую приводит к появлению в русском переводе книг, не отвечающих культурным запросам российского читателя и навязываемых ему как бы принудительно.

Однако, разумеется, у новой ситуации есть и позитивные стороны. Реальная потребность открытого общества в качественном переводе привела в конце 90-х гг. к широкомасштабной организации в России обучения переводчиков. Новой специальностью «Перевод и переводоведение» начинают обучать в Санкт-Петербурге (в гораздо более широких масштабах, чем это делалось раньше), в Архангельске, Курске, Челябинске, Нижнем Новгороде, Владивостоке и во многих других российских городах. Меняются и программы обучения. Прежде всего это касается устного перевода, ведь устным переводчикам уже не надо теперь быть «бойцами идеологического фронта», и на первое место ставится профессиональная техника и профессиональная этика. Постепенно восстанавливаются, на разной основе, исчезнувшие было в начале 90-х творческие семинары молодых переводчиков художественной литературы. Появляются независимые от государства бюро переводов. Множество молодых ученых посвящают свои исследования проблемам теории перевода. На базе филологического факультета Санкт-Петербургского университета в 1999 г. была учреждена ежегодная международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения», получившая свое название в честь первого отечественного переводоведа А. В. Федорова. Эта конференция проводится в октябре и пользуется неизменным успехом.

Остается надеяться, что новые поколения переводчиков и потребителей их труда совместно решат те нелегкие проблемы, которые породило новое состояние российского общества.

XX в. в остальном мире. Как уже отмечалось, XX в. ознаменовался колоссальным ростом объема переводов. Происходит активное общение культур, читательские интересы становятся разнообразнее. Охватить все тенденции и события истории перевода XX в., касающиеся десятков стран мира, в рамках данного раздела невозможно, да это и не является нашей задачей. К тому же история перевода этого периода в европейских странах содержит не меньше белых пятен, чем история российская; сбор материалов и описание переводческих

процессов XX в. — насущная задача историков перевода. Мы же ограничимся отдельными замечаниями и попытаемся охарактеризовать некоторые ключевые моменты этого сложного периода.

Сомнение в возможности перевода, зародившееся в начале века в связи с формированием психологического направления в лингвистике (в связи с российской историей перевода мы говорили о взглядах Потебни), нашло отражение не только в работах, непосредственно посвященных переводу⁸¹, но и в переводческой практике. Появляется понятие *информационного перевода*, которое предполагает передачу только понятийного содержания текста средствами нейтральной литературного языка и не предполагает передачу формальных особенностей оригинала. Так во Франции появляется традиция прозаического перевода стихотворных произведений. Своеобразную дань информационному переводу отдает В. Набоков, создав ритмизованное прозаическое переложение «Евгения Онегина» А. С. Пушкина на английский язык, но снабдив его обширным комментарием. Альтернативная возможность информационного перевода литературного произведения до сих пор рассматривается в американской традиции как допустимая.

Наиболее категоричное отрицание возможности перевода обосновывается в трудах ученых, придерживавшихся концепции неогумбольдтианства, и прежде всего в работах немецкого ученого Лео Вайсгербера, который развивает философию языка, разработанную Гумбольдтом, подчеркивая, что каждый язык — это особое «видение мира»⁸². Американский философ Уиллард Куайн доказывает невозможность адекватной передачи высказывания даже в рамках одного языка.

Однако задача абсолютно полного воспроизведения всех особенностей текста подлинника в переводе редко всерьез ставилась в XX в. Стало очевидно, что потери неизбежны, и сформировавшаяся в середине века теория информации, а затем и теория коммуникации позволили обосновать объективность этих потерь.

Вместе с тем многие европейские переводчики XX в., продолжая традиции предшествующих поколений, стремятся с максимальной полнотой передать в переводе художественное своеобразие подлинника во всей его полноте, находя в сложных случаях средства функциональной компенсации в собственном языке, т. е. фактически придерживаются тех принципов, которые в середине XX в. сформулировал в своей концепции полноценности перевода российский ученый А. В. Федоров. Именно этим путем идет в поисках адекватных соответствий известный поэт Р. М. Рильке, переводя с русского языка на немецкий древнерусский эпос «Слово о полку Игореве».

⁸¹ См., например: *Wartenleben G. V. Beitrage zur Psychologie des Ubersetzens. Abt. I // Zeitschrift fur Psychologie und Psychologie der Sinnesorgane. — 1910. — Bd. 57.*

⁸² См., напр.: *Weisgerber L. Vom Wortbild der deutschen Sprache. — Diisseldorf, 1953.*

Перевод был выполнен Рильке в начале XX в. и впервые опубликован в 1953 г. Автор перевода использует нарушение рамочной структуры немецкого предложения для передачи специфики русского ншческого порядка слов, для передачи временной дистанции использует архаизмы, в том числе и высокого стиля, а для воспроизведения устойчивых эпитетов и других образных средств фольклорного характера привлекает ресурсы немецкого фольклора⁸³.

Серьезные теоретические работы по переводу появляются в основном начиная с 50-х гг., причем в этот начальный период во многих западных странах, как и в России, наблюдается отчетливое противопоставление литературоведческого и лингвистического подходов к обсуждению переводческих проблем. Ярче всего оно заметно у американских и французских исследователей. Так, в 1956 г. на французском языке выходят две книги, авторы которых придерживаются противоположных взглядов: Эдмон Кари в своем труде «La traduction dans le monde moderne» высказывается за литературоведческий принцип; Жорж Мунен в «Les belles infideles» заявляет о необходимости лингвистической основы науки о переводе. Особняком стоит переводоведческая концепция американского ученого Юджина Найды, предлагающего ориентироваться в принципах перевода не на сам текст, а на реакцию реципиентов текста. В начале 60-х гг. появляется фундаментальный труд чешского исследователя Иржи Левого по теории художественного перевода, в котором совмещаются элементы литературоведческого и лингвистического подходов и где впервые подробно рассматриваются теоретические проблемы стихотворного перевода. Однако эту книгу все же скорее можно отнести к последним серьезным трудам донаучного периода в переводоведении, когда перевод подвергался всестороннему гуманитарному осмыслению, поскольку в ней не найдены единые базовые основы для объективного описания процесса и результатов перевода.

Далее теория перевода уже может рассматриваться как самостоятельная наука, и основные труды ее представителей будут привлечены к рассмотрению в последующих главах.

Мы же, прежде чем подвести итоги, остановимся еще на одном явлении в области перевода, ознаменовавшем собой XX в.

Изобретение синхронного перевода. Знаменательным событием, изменившим представления о диапазоне практического перевода, оказалось появление синхронного перевода. Но его утверждение в сфере переводческой деятельности происходило непросто.

Изобретение самого принципа синхронного перевода приписывается американскому бизнесмену *Эдварду Файлену*, который вместе с электротехником Гордоном Финлсем и при поддержке Томаса Уотсона, руководителя фирмы IBM (International Bureau Machines)

Das Igor-Lied. Eine Heldendichtung. In der Übertragung von Rainer Maria Rilke. — Frankfurt/Main, 1989.

придумал систему «Файлен-Финлей Ай-Би-Эм», состоящую из телефона, двух микрофонов, проводов и наушников. Изобретатели смогли заинтересовать этой новинкой только организацию ILO (International Labor Office) в Женеве, которая и использовала ее впервые на своей конференции в 1927 г., организовав синхронный перевод; правда, переводчики заранее смогли подготовить свои переводы, получив тексты речей.

В 1930 г. аналогичная техника была выпущена фирмой Сименс/Гальске в Берлине; а в 1935 г., в Ленинграде, на XV Международной конференции психологов речь Павлова переводилась синхронно сразу на три языка: немецкий, французский и английский. На протяжении 30-х гг. синхронный перевод активно применяется на конференциях, международных встречах и в средствах массовой информации. Известно, что в 1934 г. известный переводчик межвоенного времени Андрэ Каминкер синхронно переводил по французскому радио речь Гитлера на партийном съезде в Мюнхене⁸⁴. Однако до самого конца Второй мировой войны синхрон и обеспечивающее его оборудование используется лишь как дорогостоящее новшество и не вытесняет гораздо более распространенный последовательный перевод.

Настоящее «боевое крещение» синхронного перевода состоялось на *Нюрнбергском процессе* (20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г.). Здесь он использовался не только в целях общения суда с обвиняемыми, но и для общения судей между собой во время судебных заседаний; на предварительном следствии, однако, по старинке применялся последовательный перевод. Оборудование для перевода обеспечивала фирма IBM. Перевод велся одновременно на немецкий, английский, французский и русский языки. Было сформировано три команды по 12 переводчиков, которые работали посменно; в каждой кабине находилось по три переводчика, которые переводили на какой-либо один язык с трех остальных. Каждый переводчик переводил *только на свой родной язык*. Официальным требованием к ораторам было говорить не слишком быстро: не более 60 слов в минуту. Преимущества синхронного перевода, который позволял существенно экономить время, были по достоинству оценены всеми участниками процесса. Очевидец Нюрнбергского процесса переводчик Зигфрид Рамлер приписывает одному из подсудимых, военному преступнику Герингу, следующие слова: «Система синхронного перевода, конечно, чрезвычайно эффективна, но она сокращает мне жизнь»⁸⁵.

⁸⁴ Skuncke M.-F. «Tout a commence a Nuremberg...») // Paralleles. — 1989. — № 11. — Pt. 5-7. — P. 21.

⁸⁵ Ramler S. Origins and Challenges of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trials Experience // Languages at Crossroads, Proceedings of the American Translator Association / Ed. D. L. Hammond. — Medford; New York, 1988. — P. 437-440.

Делегация ООН специально приехала в Нюрнберг, чтобы на деле убедиться в качестве синхронного перевода, поскольку тогда было распространено мнение, что синхронисты переводят очень неточно. Это мнение разделяли многие из опытных переводчиков старшего поколения. Затем для будущих синхронистов ООН были организованы специальные курсы; в качестве преподавателей на них работали и некоторые переводчики, освоившие синхронный перевод на Нюрнбергском процессе. В синхронном режиме переводчики ООН впервые начали работать осенью 1947 г., а в 1950 г. синхронный перевод одержал окончательную победу. В конце 40-х — начале 50-х гг. обучение синхронному переводу было введено в университетах Жены и Вены.

Современная ситуация. Перевод в наши дни продолжает обслуживать все основные информационные потребности человечества, сохранив традиционные сферы своего использования и приобретая все новые.

Переводчики расшифровывают старинные рукописи и древние надписи, переводят художественные произведения различных эпох, обслуживают все повседневные нужды человечества в устном и письменном переводе.

В последние годы люди начали широко пользоваться Интернетом, который представляет собой единое общечеловеческое информационное пространство — без переводчиков не обойтись и здесь.

Объемы переводов растут, и можно смело сказать, что в обозримом будущем без перевода человечество обойтись не сможет.

6.8. Выводы

1. История перевода, насчитывающая уже около 4 тысячелетий, дает основания утверждать, что перевод во все времена выполнял две основные функции: обеспечивал контакты между людьми и передачу информации (во времени и в пространстве).
2. Специфика письменного перевода зависела от отношения людей определенной эпохи к письменному тексту и была обусловлена религиозными, социальными и культурными представлениями, свойственными данной эпохе. Поэтому представления людей о «правильном» (т. е. эквивалентном) переводе можно считать *исторически* обусловленными.
3. Переводчики письменных текстов постепенно осваивают умение передавать все новые и новые особенности текста, существенные для его содержания и формы; поэтому развитие техники письменного перевода мы можем считать прогрессивным процессом.
4. Устный перевод всегда преследовал одну основную цель: передать максимум понятийной информации, поэтому требова-

ния к нему в разные исторические эпохи были стабильны и серьезным изменениям не подвергались. Но и в области устного перевода в XX в. появилось новшество — синхронный перевод, что является технически прогрессивным явлением. Историческое развитие перевода как деятельности и динамика осмысления этой деятельности показывают, что формирование в XX в. теории перевода есть явление закономерное. Исторические данные о переводе дают возможность сделать важные теоретические обобщения о специфике перевода как процесса и как результата, поэтому история перевода имеет непосредственную связь с другими аспектами переводоведения.

Часть 2

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Всякая наука обладает набором универсальных базовых понятий, принимаемых и признаваемых всеми исследователями вне зависимости от их взглядов на те или иные явления в рамках данной науки. Сформировались такие понятия и в переводоведении. Некоторые из них в ходе истории меняли свое содержание, и об этом мы старались упоминать в предшествующей главе. Однако большая их часть обладает достаточной стабильностью и по праву может быть отнесена к теоретико-переводческим универсалиям.

Краткая характеристика теоретико-переводческих универсалий необходима нам для обсуждения основных проблем теории перевода. Часть из них принято обозначать сокращениями, и в дальнейшем эти сокращения будут даваться в тексте книги без дополнительных пояснений.

Поскольку теория перевода как научная дисциплина сформировалась на базе целого ряда современных представлений о языке и человеческом обществе, она тесно связана с различными гуманитарными науками, прежде всего филологическими, и черпает из них арсенал базовых понятий и основу для своего терминологического аппарата. В круг этих наук входят: лингвистика, в том числе общее языкознание, лингвостилистика, теоретическая фонетика, теоретическая грамматика, лексикология, семасиология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвистика текста; теория коммуникации, теория информации; литературоведение и другие дисциплины.

Так, ключевые для теории перевода понятия «язык» и «текст» понимаются в рамках современной лингвистики соответственно как система естественно возникших условных знаков, применяющихся для целей коммуникации, и как все виды устной и письменной реализации этих знаков.

К основным теоретико-переводческим универсалиям можно отнести следующие понятия:

1. **ИТ — исходный текст**; под исходным текстом понимается текст, подвергающийся переводу.

2. **ИЯ — исходный язык**; под исходным языком понимается любой естественный язык, знаками которого закодирован исходный текст.

3. **ПТ — переведенный текст**; имеется в виду текст, возникший в результате перевода (в качестве синонима многие исследователи используют термин «перевод»).

4. **ПЯ — переводящий язык**; это любой естественный язык, знаками которого закодирован переведенный текст (перевод).

5. **Эквивалентность** — мера соответствия переведенного текста исходному тексту, вне зависимости от цели перевода.

6. **Адекватность** — соответствие переведенного текста цели перевода (некоторые исследователи трактуют это понятие иначе, см. ниже).

7. **Единицы перевода** — минимальные оперативные частицы процесса перевода.

8. **Трансформация** — переводческое преобразование.

9. **Переводимость** — принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его части.

Наши знания о переводе пополняются и совершенствуются, поэтому не исключено, что понятия, входящие сегодня в разряд теоретико-переводческих универсалий, будут уточнены, а их состав пополнится новыми.

Глава 2

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА

КАК СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Информация, т. е. сведения о чем-либо, новые или знакомые, передаются различными способами. Информацией пользуются и в ней нуждаются все живые существа. Есть механизмы автоматической передачи информации (например, генетический код). Другой способ получения информации — органы восприятия. Огромное количество информации живые существа получают через органы восприятия. Это может быть информация из окружающего мира и изнутри живого организма. Холод, свет, предметы, биение своего сердца живой организм воспринимает прямо, через свои рецепторы. Наконец, третий способ передачи информации — двуступенчатый, включающий в себя первые два. При третьем способе информация кодируется, т. е. зашифровывается в условные знаки (как при автоматическом кодировании внутри организма), а затем этот код поступает на рецепторы восприятия, и они его расшифровывают.

Этот третий способ кодирования информации встречается и у животных, и у человека, но человек создал самое большое разнообразие способов, и самый универсальный из них — языковой код. Он позволяет закодировать и передать информацию "без ограничения тематики и любого типа.

Теория информации была сформулирована впервые в 1948 г. К. Э. Шенноном и Н. Винером и существует с тех пор как самостоятельное научное направление. Именно она послужила основой для создания мощнейших информационных систем (компьютер, Интернет).

Однако в применении к переводу нас интересует не внутренняя структура информации, а ее обобщенные типы, накладывающие свой отпечаток на особенности вербальных текстов, в первую очередь — текстов на живых языках.

Для удобства дальнейших рассуждений мы будем различать следующие условно разграничиваемые типы информации:

1. **Познавательная (когнитивная) информация** — объективные сведения об окружающем мире. Передавая ее, язык выполняет когнитивную, или референциальную (представительскую), функцию.!

2. **Оперативная информация** — предписывает определенные действия или побуждает к ним; язык при этом выполняет апеллятивную (побудительную) функцию. V

3. **Эмоциональная (экспрессивная) информация** — содержит сообщение о человеческих эмоциях. Передавая эмоции, язык выполняет экспрессивную функцию. \

4. **Эстетическая информация** — та информация, которая передает человеку чувство прекрасного. Потребность в этом виде информации настолько велика, что человек создал особый тип текстов, специализирующихся на передаче эстетической информации, — художественные тексты. Кодировав эстетическую информацию, язык выполняет эстетическую функцию. Однако нельзя не отметить, что чувство прекрасного — одна из эмоций, поэтому данный тип информации в строгом смысле представляет собой разновидность эмоциональной (экспрессивной) информации, реализующую особую функцию языка.

Универсальность языкового кода заключается еще и в том, что его знаки способны передавать одновременно все четыре типа информации. В высказывании «Горит заря!» одни и те же языковые знаки передают и когнитивную, и оперативную, и эмоциональную, и эстетическую информацию.

Языковой код состоит из условных знаков, которые имеют двусторонний характер. Каждый знак имеет план выражения и план содержания. Разные языки совпадают в плане содержания, но различаются в плане выражения. Совпадение в плане содержания неполное, но достаточное, чтобы приравнивать одну языковую знаковую систему к другой.

Знаки языкового кода первоначально возникли как звуковые сигналы. Комплекс звучащих языковых сигналов составил речь, „организованную в устный текст. Устно передаваемая информация всегда основа-

на на сиюминутном восприятии человека и фиксируется только в его памяти; этот тип фиксации не позволяет через некоторое время восстановить информацию во всей полноте, т. е. как связный, цельный текст. Существенную часть такой информации человек со временем теряет.

Однако человек расширил возможности языкового кода, создав графический вариант языковых знаков, или письменность. Графическая фиксация информации позволила хранить ее во времени в виде цельного текста и передавать не только от человека человеку при личном общении, но также из поколения в поколение.

Глава 3

ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД КОММУНИКАЦИИ

Языковой код — основное средство коммуникации, т. е. общения людей друг с другом. Общаются люди, как вы знаете, и жестами, и мимикой, но язык по возможностям коммуникации уникален. С появлением графического варианта языкового кода появилась возможность общаться через посредника — письменный текст, передавать информацию на расстоянии и во времени. Развитие техники позволило также фиксировать звучащий текст (магнитная лента, лазерные диски и т. п.) и передавать звучащий текст на расстоянии.

В процессе общения информация передается по языковому каналу от источника к реципиенту. Базовым условием передачи информации по языковому каналу является *языковая компетентность*, другими словами: источник и реципиент должны владеть одним и тем же языком, иначе декодирования информации не произойдет вовсе. Но и при этом условии полностью информация до реципиента не доходит никогда, это связано со спецификой человеческого восприятия. Объем полученной информации прямо зависит от уровня *компетентности реципиента* по отношению к содержанию и формальным признакам информации, закодированной определенным языком. Компетентность может быть:

1. *Профессиональной, тематической*: чтобы физик-теоретик смог сообщить своему коллеге новую информацию, у них должен быть равный уровень базовой компетентности.

2. *Возрастной*: 5-летний ребенок не поймет взрослого, который, сообщая информацию, не учитывает малый уровень компетентности ребенка, и наоборот (но реже), взрослый может не понять ребенка, сообщающего информацию средствами языка на уровне своей компетентности.

3. *Ситуативной*: в устном общении знакомых людей равный уровень базовой компетентности (их общий жизненный опыт) помогает им понять друг друга.

В любом случае высокий уровень равенства компетентности, помимо обеспечения полноты передачи информации, позволяет «экономить» языковые знаки, не кодировать ту ее часть, которая заведомо входит в базовую компетентность.

При устном общении сама ситуация, обстановка порождения высказывания может влиять на «чистоту» языкового канала передачи информации. Так, эмоциональная информация, накладываясь на когнитивную и оперативную в виде особых средств языкового оформления, может отчасти или полностью блокировать первые два типа информации.

Фраза: «Поставь чайник!» — может содержать такое количество эмоциональной информации, что когнитивный и оперативный компоненты вообще не будут восприняты.

До сих пор мы обсуждали особенности одноязычной коммуникации. Возможность двуязычной коммуникации основана на совпадении языков в плане содержания. Хотя, как уже отмечалось, системы значений никогда не имеют полного совпадения, отдельные отличия не мешают их отождествлять.

Двуязычная коммуникация осуществляется с помощью *перевода*. Теперь, на основе сказанного, мы можем попытаться уточнить это понятие. Итак, **перевод** есть преобразование текста (устного или письменного) на одном языке в текст на другом языке при сохранении неизменным плана содержания, насколько это позволяет тождество или подобие системы значений и при обеспечении условий коммуникации (тематическая, возрастная и ситуативная компетентность).

При этом план содержания понимается максимально широко и включает следующие типы значений:

1. Референциальное значение (семантика).
2. Прагматическое значение (прагматика).
3. Внутрilingвистическое значение (синтактика).

Известно, что в среднем при переводе в самой большой степени сохраняется первый тип значений, несколько меньше — второй, еще меньше — третий и почти никогда не сохраняется четвертый. Однако существует зависимость преимущественного сохранения типа значений — от типа текста. (Об этом речь пойдет в главе 10.)

При переводе *информация идет от источника (И) к реципиенту (Р)* не прямо, а через посредника — *переводчика (П)*.

к 3

И -> П

^{к1} Схема двуязычной коммуникации к1 — компетентность переводчика в области ИЯ;
^{к2} — компетентность переводчика в области ПЯ; к3 — профессиональная компетентность переводчика.

1. Компетентность переводчика в области языка оригинала (полная и активная).

2. Компетентность переводчика в области языка перевода (активное владение родным языком, умение порождать текст как в сфере литературной нормы, так и вне нормы).

3. Профессиональная компетентность переводчика (знание теории перевода, техники перевода, мнемонических приемов, этики перевода и т. п.). Помимо этого в рамки профессиональной компетентности переводчика входит владение названными выше тремя аспектами компетентности, которые являются условием одноязычной коммуникации: тематической, возрастной и ситуативной.

Некомпетентность переводчика в любой из этих трех областей может привести к частичному или полному блокированию канала информации. Другими словами, если переводчик плохо знает иностранный язык, с которого переводит, недостаточно хорошо владеет своим родным или не знаком с техникой (и этикой!) перевода, то информация может быть заблокирована, т. е. до реципиента не дойдет.

Значит, рассуждая о переводе, о том, что он собой представляет и насколько возможен, мы сталкиваемся с двумя внешними его условиями: компетентностью реципиента и компетентностью переводчика. Это необходимые условия осуществления перевода.

Глава 4

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

4.1. Переводимость

Говоря о центральной проблеме переводоведения — эквивалентности, т. е. о специфическом отношении между текстами, позволяющем считать один текст **переводом** другого, мы не можем обойти вниманием предпосылку эквивалентности — переводимость.

Переводимостью называют принципиальную возможность перевести текст. На обиходном уровне практики перевода зачастую объявляют некоторые тексты **непереводимыми**. Как правило, речь идет о художественных текстах, которые представляют особую сложность для перевода. Например, долгие годы непереводимой считалась поэзия скальдов, ранние стихи Кр. Моргенштерна, проза Лескова и многие другие произведения. Однако трудность перевода, связанная со сложностью оформления эстетической информации в тексте, и переводимость — не одно и то же. К тому же

тексты, долгие годы не поддававшиеся переводу, в конце концов всегда обретают переводную версию.

А вот проблема переводимости в принципе занимала ученых — философов, теоретиков языка, литературоведов — на протяжении многих веков, и их рассуждения о переводимости приводили к разным результатам. Выводы ученых во многом зависели от того, какую роль они отводили языку в процессе познания и интерпретации действительности и, следовательно, насколько тесной оказывалась связь языка и культуры.

Сторонниками *принципиальной непереводаемости*, как известно, выступали В. Гумбольдт (см. главу), Л. Вайсгербер, утверждавший, что каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке, и, наконец, свое крайнее выражение этот взгляд нашел в «принципе лингвистического релятивизма» (гипотеза Сэпира-Уорфа), где язык и мышление отождествляются.

В противоположность упомянутым выше теориям, метафизически абсолютизирующим роль языка в процессе познания и статически рассматривающим понятие культуры (как застывшего, неизменного образования), философия языка эпохи Просвещения (Декарт, Лейбниц, Вольф) манифестировала Принцип *абсолютной переводимости*, утверждая, что все языки есть лишь вариации некоего общего *lingua universalis* и для перевода важна лишь общность понятий. Этот принцип нашел свое продолжение и развитие в *теории универсалий* Н. Хомского и в опоре на денотативную функцию Языка. Все взгляды такого рода представляют другую крайность: чрезмерное обобщение приводит к недооценке роли языка в процессе познания.

На наш взгляд, оба принципа — и принцип абсолютной непереводаемости, и принцип абсолютной переводимости — недостаточно одно отражают реальную картину «взаимопереводаемости» языков, поскольку и тому и другому принципу недостает динамичности. Каждый язык представляет собой гибкое, многогранное, отнюдь не единое образование, и каждая культура тоже подвержена непрерывным изменениям. Если связь языка и культуры приводит к созданию уникальных языковых образований (простым примером таких образований являются формулы контакта, фразеологизмы, экзотизмы), о переводаемость будет зависеть от того, существует ли в данный исторический момент коммуникативная взаимосвязь между этими образованиями в разных языках. Тогда упомянутые формулы контакта, несмотря на свою языковую уникальность, окажутся переводимыми, поскольку в любом языке — это необходимые компоненты коммуникативного акта. Принципиально переводимыми будут и фразеологизмы, поскольку такой способ образно-обобщенного описания действительности коммуникативно значим в любом языке. Что касается экзотизмов, то, несмотря на то что они связаны с культурным

опытом только одного народа и обозначают предметы действительности, известные только этому народу (например, «сауна» — финская баня), коммуникативный запрос других народов, базирующийся на безграничности познания, делает и эти языковые образования переводимыми: смысл экзотизмов может быть всегда передан описательным способом или усвоен как новая лексема. Но только тогда, когда появится коммуникативный запрос, проявится интерес к этим явлениям со стороны других культур.

Это же касается и современной теории языковых *концептов* («устойчивых представлений или общих понятий в рамках какой-либо системы смыслов», согласно определению Т. А. Казаковой¹), столь популярной в последние годы. Устойчивые представления, по-разному членившие языковую действительность и создающие разную языковую картину мира для носителя каждого языка, казалось бы, составляют непреодолимое препятствие для переводчика. Но, во-первых, они, как и экзотизмы, могут быть снабжены при переводе комментарием; во-вторых, они не являются незбылемыми, и концептуальная картина в разные периоды развития культуры какого-либо народа выглядит по-разному.

Поэтому наиболее обоснованным представляется принцип **относительной переводимости**, предложенный В. Коллером:

«Взаимобусловленная связь: язык (отдельно взятый язык)-мышление-восприятие действительности — представляется динамичной и постоянно меняющейся. Границы, которые устанавливаются для познания язык и интерпретации действительности, оформленные с помощью языка, сразу находят свое отражение в процессе познания, они изменяются и расширяются; эти изменения, в свою очередь, отпечатываются в языке (языковом употреблении): языки и, соответственно, носители языков обладают креативностью (креативность языка). Эта креативность выражается, среди прочего, и в методах перевода, с помощью которых заполняются пробелы в лексической системе ПЯ. Следовательно, переводимость не только *относительна*, но и всегда прогрессивна: *«переводя, мы одновременно повышаем переводимость языков»*².

4.2. Инвариант перевода

Что заставляет нас признать один текст переводом другого? Мы рассчитываем на то, что перевод окажется копией оригинала, только на другом языке. Если он близок к копии, мы считаем, что это хоро-

¹ Казакова Т. А. Слово и концепт в переводе // Университетское переводоведение. Вып. 2. — СПб., 2001. — С. 150.

² Roller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — Wiesbaden, 1997. — S. 18b. (перевод мой. — Н. А.).

ший перевод. Если есть отклонения, мы считаем, что перевод плохой. Значит, при переводе что-то очень важное сохраняется. Это пока не уточненное нами «что-то» мы и называем *инвариантом* перевода. (Термин заимствован из математики и означает то общее, что существует во всех вариантах.)

На первый взгляд, если опираться на представление о двустороннем характере знака, инвариантом должно быть *содержание*. Но пока мы не разграничивали понятия «значение» и «содержание». Теперь для определения сути инварианта нам необходимо это сделать. Значение относится к единицам языка, оно существует и тогда, когда единицы языка не употреблены в коммуникации и не превратились в единицы речи (тексты). Понятие содержания связано с единицами речи (текста). Опираясь на понятие теории языковой коммуникации, мы можем сказать, что содержание — это та информация, которая воспринимается рецептором и оказывает на него воздействие, это тот материал, с помощью которого это воздействие осуществляется.

Понятие содержания следует отграничить от понятия функции текста. Всякая информация, закодированная языком, представляет собой текст, у которого есть своя функция. Под функцией мы будем понимать свойство текста вызывать коммуникативный эффект, т. е. определенную запланированную реакцию адресата. Это свойство, заложенное в исходном тексте в конкретных средствах, мы назовем коммуникативным заданием. Таким образом, в переводе должно через сохранение содержания отразиться коммуникативное задание оригинала и породить тот же эффект. Функция текста, реализуемая через содержание, может уточняться речевой ситуацией. Фраза «Ну, ты молодец!» может выражать и одобрение, похвалу, и ироничное осуждение. С другой стороны, сходство речевой ситуации может обнаружить одинаковость функции текстов, содержащих компоненты с разным референциальным значением.

Русская фраза: «Граждане, не забудьте оплатить проезд!» — идентична по функции немецкой: «Wer ist (noch) zugestiegen?» (Кто еще вошел?) и побуждает реципиентов к одним и тем же действиям, хотя предметная ситуация (ситуация, о которой идет речь в тексте) и не совсем одинаковая речевая ситуация (ситуация, в которой происходит общение) как бы накладываются друг на друга, образуя ситуативный контекст. Фактически коммуникативное задание воплощается в соотношении его содержания и ситуативного контекста.

*Остается исследовать, что представляет собой содержание текста. Поскольку содержание складывается из комплекса разнородных компонентов, его состав обычно условно классифицируют по видам. Из разнообразия таких классификаций выберем ту, которая в наибольшей степени релевантна для перевода. При этом мы будем опи-

ратся на те категории реальной действительности, с которыми соотнесен языковой знак:

1. Предметы и явления (денотаты).
2. Их образы в сознании людей (сигнификаты).
3. Люди — источники и рецепторы языковых знаков, которые их интерпретируют (интерпретаторы).
4. Языковой код как знаковая система.
5. Ситуативный контекст (единство предметной ситуации и речевой ситуации).

Соответственно мы можем выделить следующие виды содержания: денотативное, сигнификативное, интерпретативное, внутриязыковое.

Денотативное содержание — это та часть содержания текста, которая отражает объективные, наиболее существенные свойства предметов и явлений, не зависящих от точки зрения источника текста, ситуации общения, особенностей языка и лингвоэтнической специфики. Это — общая соотнесенность текста с реальным миром (обобщенное представление о столе, яблоке и т. п.).

Сигнификативное содержание фиксирует особенности отражения денотатов людьми одной этнической общности и связано с их историей, культурой и языковой традицией. Это содержание сопутствует денотативному. Его элементы называют сигнификативными коннотациями, среди которых можно выделить следующие типы:

1. Устойчивые ассоциации: *der Ochse* — глупость (нем.), осел — глупость (рус); снег — *der Schnee* — высшая степень белизны (нем. /рус).
2. Соотнесенность с определенным периодом истории народа: целна, комсомол (СССР); околоточный (Россия XIX в.); *Hitlerjugend* (фашизм в Германии) и т. п.
3. Идеологическая оценочность: *Moskaus Hand* (отрицательная); развитое социалистическое общество (положительная); *totalitare Gesellschaft* (отрицательная).
4. Соотнесенность с социальной средой: *der Lohn* — зарплата рабочих; *das Gehalt* — зарплата служащих, *die Gage* — зарплата деятелей искусства, *der Sold* — денежное содержание военнослужащих.
5. Экспрессивно-оценочная окраска: *reden* (говорить) — *schwätzen* (болтать); *der Junge* (мальчик) — *der Griinschnabel* (сопляк) и т. п.
6. Указание на соотнесенность с ситуацией общения (выбор нормативно-стилистической и функционально-стилистической окраски содержания в зависимости от социальной роли и сферы общения): официальный доклад, беседа двух приятелей, текст средств массовой информации.

Интерпретативное содержание, или содержание на уровне интерпретатора, — это та часть общего содержания, которая связана с индивидуальным толкованием при порождении текста и при его восприятии. Интерпретация осложняется при двуязычной коммуни-

кации, когда между источником и рецептором появляется переводчик. Возникают четыре этапа интерпретации содержания: I — при его порождении источником; II — при его восприятии переводчиком; III — при его перевыражении переводчиком; IV — при восприятии адресатом. К содержанию на уровне интерпретатора относятся также некоторые аллюзии — фигуры стиля, представляющие собой намеки на известное историческое событие, литературные сюжеты, героев, поговорку (перейти Рубикон, Демьянова уха, маниловщина), но только в том случае, если они изменены, зашифрованы интерпретатором: «Sie haben nur nötige Informationen herausgepickt» — намек на фразеологический оборот «Rosinen herauspicken» — «снимать сливки».

Внутриязыковое содержание отражает соотношенность языковых знаков между собой и внутри системы языкового кода, не выходя за рамки данного языка. Обычно внутриязыковое содержание не реализуется, так как в большинстве случаев языковые знаки «прозрачны для значения», их связи между собой внутри языка носителями языка не осознаются. Мы не осознаем, какой падеж употребляем, какой выбираем порядок слов. Внутриязыковое содержание в тексте обнаруживается лишь тогда, когда внутриязыковые значения переходят на уровень содержания. Например, в художественном тексте, когда мужской и женский грамматический род существительных участвует в олицетворении («der Mond» и «die Lotosblume» как пара влюбленных — у Г. Гейне).

На основании всего сказанного мы можем определить *инвариант перевода* как соотношение содержания текста и ситуативного контекста, разное для каждого конкретного текста и представляющее собой его коммуникативное задание. Это соотношение переводчик и должен передать в переводе.

4.3. Ранговая иерархия компонентов содержания

Виды содержания, которые мы рассмотрели в предшествующем разделе, участвуют в составе содержания конкретного текста в неодинаковой мере. Разные компоненты содержания имеют в реализации коммуникативного задания разную ценность. Например, не в каждом тексте внутриязыковое содержание участвует в общем содержании текста, и если в стихотворении Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» противопоставление мужского и женского рода существительных «der Fichtenbaum» и «die Palme» входит в инвариант, поскольку автор трактует его как метафору отношений мужчины и женщины, то в тексте по лесоводству это внутрилингвистическое значение рода существительных не войдет в содержание текста вообще. Следовательно, переводчику необходимо установить соотносительную важность компонентов со-

держания, их коммуникативную ценность. Ведь средства передачи содержания в языке перевода могут побудить переводчика отбросить наименее важные компоненты содержания, чтобы полно передать более важные.

Согласно классификации, предложенной Л. К. Латышевым³, в ранговой иерархии компонентов содержания текста можно выделить четыре ступени:

1. **Инвариантные компоненты** — те, которые не могут быть опущены или заменены другими. В стихотворении Г. Гейне «Ein Fichtenbaum...» это — противопоставление мужского и женского рода существительных, обозначающих деревья. Значит, к инвариантным компонентам относится внутриязыковое содержание (грамматический род) и часть денотативного содержания (обобщенное представление о дереве). Только при их сохранении аллегория разлученных влюбленных, переданная через олицетворение вросших корнями в разную почву деревьев, будет сохранена.

В научном тексте инвариантным компонентом содержания будет денотативное, реализуемое в терминах.

2. **Инвариантно-вариабельные компоненты** — те, которые не могут быть заменены. В том же стихотворении к ним относятся денотаты существительных «der Fichtenbaum» и «die Palme». Не случайно переводчики в свое время заменяли при передаче слова «der Fichtenbaum» ель на кедр (Ф. И. Тютчев) или дуб (А. А. Фет).

3. **Вариабельные компоненты** содержания могут быть заменены или даже опущены, так как в реализации коммуникативного задания они играют второстепенную роль. В переводе Ф. Тютчева «auf kahler Nbl» переведено как «на дикой скале».

4. **Пустые компоненты** содержания — те, которые в данном тексте в содержание не входят и лишь косвенно участвуют в реализации коммуникативного эффекта. Чаше всего это — внутриязыковые значения, как и морфемный состав слова, грамматические категории и т. п. В упомянутом тексте по лесоводству род существительных, обозначающих разновидности деревьев, — пустой компонент содержания. Дательный падеж в словосочетании «im Norden» — также пустой элемент, и в переводе он не воспроизводится.

Итак, коммуникативное задание формирует содержание, выдвигая на первый план одни элементы значений языковых знаков и игнорируя другие, т. е. инвариантные компоненты содержания — это производные функции текста, они доминируют в содержании и могут быть определены как функциональные доминанты содержания. В таком случае языковые средства, которые их оформляют, оказываются **доминантами перевода**.

³ Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения). — М., 1981. — С. 66-68.

4.4. Понятие переводческой эквивалентности

У термина «э|<ви|^лентность», как мы знаем, сложная история. Когда-то им обозначалось соответствие суммы значений слов исходного текста сумме значений слов переведенного текста.

В современной теории перевода он обозначает соответствие текста перевода тексту оригинала. Эквивалентность имеет объективную языковую основу, и поэтому ее иногда называют лингвистической, чтобы отграничить возможные толкования термина, связанные с литературоведческим подходом к переводу. Понятие переводческой эквивалентности включает представление о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и представление о средствах достижения этого результата. В истории перевода складывались различные концепции эквивалентности. Часть из них актуальна и в наши дни. Современный научный взгляд на эквивалентность избавился от прежнего метафизического представления о том, что можно добиться такого перевода, который будет точной копией оригинала.

Это соответствовало метафизическому взгляду на текст как арифметическую сумму элементов, из которых каждый в отдельности мог быть воспроизведен в переводе. Поэтому и возникало время от времени сомнение в возможности перевода вообще — всякий раз, когда развитие знаний о языке обнаруживало более сложные закономерности (лингвистическая специфика; природа знака; психология восприятия речи и т. п.). Выяснилось (и мы постарались подойти к некоторым закономерностям в предыдущих разделах), что ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста через перевод невозможны. И это не означает, что перевод невозможен вообще, а только то, что перевод не есть абсолютное тождество с оригиналом. Таким образом, переводческая эквивалентность предусматривает достижение максимального подобия; теория эквивалентности — это теория возможного, исходя из максимальной компетентности переводчика.

Однако, говоря о максимальном подобии, мы хотим представлять себе условия достижения эквивалентности. И тогда обнаруживается, что эквивалентность — понятие комплексное; для ее описания исследователи применяют целую палитру параметров. В. Коллер, например, называет 5 факторов, задающих определенные условия достижения эквивалентности:

1. Внеязыковое понятийное содержание, передаваемое с помощью текста, — и ориентированная на него *депотативная эквивалентность*.

2. Передаваемые текстом *коннотации*, обусловленные стилистическими, социолектакльными, географическими факторами, и ориентированная на них *коннотативная эквивалентность*.

3. Текстовые и языковые нормы и ориентированная на них *текстонормативная эквивалентность* (наверное, точнее можно было

бы обозначить ее как *нормативно-конвенциональную эквивалентность*. — И. А).

4. Реципиент (читатель), на которого должен быть «настроен» перевод, — *прагматическая эквивалентность*.

5. Определенные эстетические, формальные и индивидуальные свойства текста — и ориентированная на них *формально-эстетическая эквивалентности*.

Все эти факторы так или иначе отразились в разнообразных концепциях эквивалентности.

4.5. Исторические концепции и универсальные модели переводческой эквивалентности

Еще раз уточним, о чем идет речь. Человек всегда стремился к максимально полному соответствию перевода оригиналу. Понималось это соответствие по-разному, но всегда для него была теоретическая база. По-настоящему научной эта база стала в наши дни, но и прежние обобщенные представления опирались на реальный текст и его перевод, обладали своей цельностью, стройностью и не случайно хоть отчасти, но актуальны и в наши дни. Для своего времени они обладали универсальностью и вполне обеспечивали потребности человека. С изменением самосознания человека и объема освоения человеком действительности менялись и концепции эквивалентности.

(Концепция формального соответствия. Это одна из самых древних концепций эквивалентности. «Одна из», поскольку можно предположить, что первые стихийно возникавшие принципы устного перевода, с которого все началось, все же отличались от нее.

Концепция формального соответствия возникла как основа для передачи письменного текста. Для нас важно представить себе, как относились люди к тексту в то время, какую роль он играл для них. У людей появилась новая вера — христианство, и вместе с ним пришел священный текст, одно из воплощений этой веры — Библия. И не только священный письменный текст вошел в жизнь людей вместе с христианством, но и письменность вообще (исключение составляют античные народы), которая фактически возникла у европейских народов как инструмент письменного перевода Библии. До этого момента у людей не было письменного текста такой значимости. Основной священный текст и появившиеся затем сопутствующие религиозные тексты воспринимались как ипостась Божья, и вполне естественным было представление об иконическом характере каждого знака текста подлинника. Представление о случайной связи между знаком языкового кода и объектом действительности

⁴ Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — S. 216.

было тогда немыслимо. Естественным следствием представления об иконическом характере языкового знака и была концепция пословного перевода, или формального соответствия, поскольку слово — основная и единственная единица перевода согласно этой концепции — обладало формальными характеристиками, и это вело к перенесению в перевод вместе со смыслом слова структурных компонентов, оформляющих его в тексте. Воистину, вначале было Слово, и Слово было Бог. Истинность этих слов оказывается неоспоримой для трактовки перевода в то время. Согласно концепции формального соответствия из письменного исходного текста в текст перевода линейно, слово за словом, передаются в максимальном объеме все компоненты содержания и формы. Такой текст перевода оказывался перегружен информацией, прежде всего — внутриязыковой, которая часто блокировала когнитивную информацию и, соответственно, денотативный и сигнификативный компоненты содержания. В последующие века эти тексты с трудом воспринимались, считались малопонятными, а метод их перевода получил название буквального, «рабского» («sklavische Übersetzung»). В обоих наименованиях кроется отрицательная оценка. Но, право, не стоит с позиций восприятия текста человеком XVI и тем более XIX в. подходить к концепции перевода I—XIII вв. Малопонятность текста перевода была людям необходима и желанна. Она соответствовала представлению о непознаваемости божественной сути. Переводчик действительно чувствовал себя рабом, валяющимся во прахе перед твердыней священного подлинника, но это чувство было сладостно.

Концепция формального соответствия культивировалась в монастырях и как традиционный метод перевода религиозных книг с некоторыми поправками дошла до наших дней. В области перевода она появляется еще и тогда, когда культ искусства перерастает в религиозное поклонение. С этим связаны, например, переводческие позиции русского поэта второй половины XIX в. А. А. Фета, благоговевшего перед подлинником и предлагавшего копировать «все прелести формы», так как читатель обязан угадать за ними силу оригинала, — но читателя того времени текст Фета уже не устраивал.

Элементы концепции формального соответствия мы видим в переводческих принципах издательства «ACADEMIA», — они связаны с научным, филологическим подходом к тексту оригинала, с начальной стадией его подготовки к переводу. Затем, в принципах перевода советских переводчиков 1930-1950-х гг., формальный принцип превратился в догму, носил отчасти принудительный характер. Многие переводы этой поры читателем не воспринимались и теперь забыты, поскольку обилие внутриязыковой информации самый большой урон нанесло эстетической информации подлинника, и она почти полностью блокировалась.

Элементы концепции формального соответствия использовались до последнего времени в советской «переводной» методике обуче-

ния языку, когда немецкую фразу: «Er hat Probleme» — сначала предлагалось перевести пословно, копируя структуру: «Он имеет проблемы», и только потом найти русский функциональный эквивалент: «У него проблемы». Такая методика сейчас почти не используется.

В современных научных филологических исследованиях пословный перевод при анализе иноязычного текста является продуктивной методикой исследования.

Концепция нормативно-содержательного соответствия.

С древнейших времен, однако, появился другой подход к переводу. Он связан был с теми текстами, которые человек использовал повседневно и где языковой код реализовывал свою основную функцию — функцию передачи информации. Здесь на первый план выступало сигнификативное содержание и содержание на уровне интерпретатора. Можно предположить, что на содержание ориентировались и первые устные переводчики. Эта концепция эквивалентности имеет два основных принципа: 1) максимально полная передача содержания; 2) соблюдение норм языка перевода.

Однако окончательное оформление эта концепция получила тогда, когда у людей появилась потребность в другом переводе Библии. Она складывалась постепенно, и наступил момент, когда священный трепет перед подлинником соединился с желанием понять смысл Слова, заключенного в нем; человек захотел самостоятельно, без посредников, познать Бога через Священное Писание. Вот тогда концепция формального соответствия, переставшая удовлетворять людей, отступила на второй план, и поразительно быстро распространилась концепция нормативно-содержательного соответствия. Наиболее определенно ее суть выразил Мартин Лютер в XVI в.: он призвал переводить тем языком, каким говорят люди вокруг него. И предложил свой перевод Библии. Тот разговорный, устный, грубоватый оттенок средне немецкого языка XVI в., который использован в переводе лютеровской Библии, поначалу шокировал, но сам принцип уже в XVI в. молниеносно был воспринят в Европе и породил новые переводы Библии на национальные языки.

Исключение составлял регион православного мира, где изменения отношения к тексту также намечались, но происходили постепенно. Отчасти они отразились в переводах школы Максима Грека; в целом же для России характерно резкое разграничение принципов церковного и светского перевода. Светский перевод, начиная с петровского времени, при переводе нехудожественных текстов в основном опирается на принципы концепции нормативно-содержательного соответствия. Вскоре стало очевидно, что эта концепция не годится для перевода художественных текстов, где язык перевода должен использовать ресурсы вне нормы, а не только норму языка.

Окончательно место этой концепции определилось с утверждением в европейских языках литературной нормы и формированием языков науки и подобных текстов, где коммуникативное задание сво-

дится к передаче когнитивной информации. В начале XX в. литературная норма была столь авторитетной, что и художественные тексты переводят методом «приведения к норме». Концепция нормативно-содержательного соответствия является базой для устного официального перевода, хотя здесь участвуют также и принципы других концепций. Таким образом, в отличие от первой, эта концепция обеспечивает эквивалентность не только письменного, но и устного перевода. С ней связана и идея так называемого информационного перевода поэзии, популярного в первой половине XX в.³

Концепция эстетического соответствия. Так мы можем обозначить принципы подхода к исходному тексту как к некоему материалу, основе для создания посредством перевода идеального текста, соответствующего некоему внетекстовому эстетическому идеалу. Таков был классицистический перевод XVII-XVIII вв., выстраивавший текст перевода в соответствии с правилами эстетики Буало. Перевод без опоры на объективные параметры исходного текста приводил к полному блокированию всех видов информации, не отражал содержания оригинала, и в результате в переводе доминировал достаточно устойчивый состав эстетической информации, одинаковой для всех текстов и служащей иллюстрацией к принципам идеальной эстетики.

Нечто подобное мы обнаруживаем в принципах «реалистического перевода», предложенных Кашкиным в России в 1950-е гг., хотя в данном случае применение этих принципов сочеталось с использованием элементов концепции полноценности перевода.

Концепция полноценности перевода. Концепция полноценного перевода формировалась на протяжении XIX-XX вв. на переводе письменного художественного текста. Перевод эпохи романтизма, ориентируясь на передачу национального своеобразия, был, по сути дела, первой, пусть и неполной версией этой концепции. Затем, уже в середине XX в., концепция приобрела свое окончательное оформление. Ее авторы — А. В. Федоров и Я. И. Рецкер; базируясь на опыте художественного перевода, накопленном несколькими поколениями, фактически поставили перед собой задачу избавиться от внетекстовых эстетических установок и обозначить объективные критерии эквивалентности перевода. В качестве критериев были выдвинуты: 1) исчерпывающая передача содержания; 2) передача содержания равноценными средствами. Причем под равноценностью средств понимается не их формальное сходство, а эквивалентность их функций, т. е. равноценность выразительных средств в оригинале и переводе. Тексты перевода, отвечающие этим двум критериям, могут быть признаны полноценными, или адекватными. Концепция полноценного перевода предполагает подразделение всех элементов исходного текста на содержание и средства его выражения. Вполне справедли-

См. прозаический перевод В. Набокова «Евгения Онегина» на английский язык.

вой нам представляется критика этой концепции, касающаяся размытого понимания в ней терминов «содержание» и «функция». Первый термин вообще не уточнен: ведь его можно понимать и узко — как только понятийные компоненты текста, и широко — тогда в него войдут и компоненты, «непрозрачные для значения». Вторым термином — функция — по-видимому, не предусматривает те случаи, когда функциональным может быть само содержание текста (например, текст рекламы, всегда выполняющий функцию побуждения).

Но наиболее затруднительным для практического применения делает эту концепцию то, что она не учитывает конфликт формы и содержания и наталкивает на ложный вывод о возможности передачи всех особенностей содержания подлинника по принципу функционального соответствия средств. Однако, если дополнить концепцию полноценного перевода положением о ранговой иерархии компонентов содержания, она окажется плодотворной для перевода художественных текстов. Современная практика перевода художественных текстов в целом ориентируется именно на эту концепцию, а учет ранговой иерархии компонентов содержания позволяет подвести объективную базу под необходимые изменения.

Концепция динамической эквивалентности. Концепция динамической эквивалентности была сформулирована в конце 1950-х гг. американским ученым Юджином Найдой. Ю. Найда предлагает устанавливать эквивалентность не путем сравнения текста оригинала и текста перевода, а путем сравнения *реакции* получателя исходного текста на родном языке и *реакции* получателя того же текста через переводчика — на языке перевода. Если эти реакции в интеллектуальном и эмоциональном плане совпадают, значит, перевод эквивалентен оригиналу. Естественно, под эквивалентностью реакций понимается их сходство, а не тождество.

Понятие динамической эквивалентности сходно с понятием функциональной эквивалентности, выдвинутым российским ученым А. Швейцером в начале 1970-х гг., который предлагает ориентироваться на /коммуникативную установку, от которой зависит выбор языковых Средств в тексте, реализуемых в виде набора характеристик речевого акта: денотативной, экспрессивной, поэтической (когда форма высказывания становится коммуникативно существенной), металингвистической (когда в содержании участвуют свойства языкового кода — например, игра слов), контактоустанавливающей. Эти характеристики, или функции, представлены в речевом произведении в неравной мере. Швейцер предлагал выявить доминирующие характеристики определить средства их выражения — функциональные доминанты и на этой основе строить эквивалентный перевод. Автор данной книги, как следует из содержания предшествующих разделов, придерживается похожих взглядов.

В настоящее время у концепции динамической (функциональной) эквивалентности нет четких параметров измерения и сравнения ре-

акций. Уточнения требует и сам термин «реакция». Безусловно, речь идет не об индивидуальных реакциях человека, а о неких усредненных типичных для носителя данного языка реакциях — конструктах. Они абстрактны и носят характер прогноза. В них не включаются личные реакции на уровне интерпретатора. Объектом сравнения являются *лингвоэтнические реакции* (ЛЭР). Переводчик, обладая высокой профессиональной компетентностью, выступает экспертом усредненной (лингвоэтнической) реакции языкового коллектива.

Например, если коммуникант употребил оборот, который на его языке звучит вполне нормально, а на языке иноязычного коммуниканта грубовато, он вносит поправку. Русский покупатель говорит продавцу: «Покажите мне пальто!», «Я хочу купить костюм!», и это нормально для русского этикета. В данной ситуации на немецком языке входит больше средств вежливости: «Zeigen Sie mir bitte den Mantel!», «Ich mochte mir einen Anzug kaufen!» Переводчики с испанского снижают нормативно-стилистический уровень речи ораторов, так как он не соответствует русской ораторской традиции. Таким образом, концепция динамической эквивалентности может служить дополнением концепции нормативно-содержательного соответствия в устном официальном переводе. Эта концепция позволяет преодолеть лингвоэтнические расхождения при переводе там, где это необходимо (тексты СМИ, официальный деловой текст, устная бытовая речь и т. п.). Однако есть тексты, в которых лингвоэтническая специфика входит в содержание подлинника и важна для реализации функции текста (художественный текст, публицистический и страноведческий текст и т. п.). В таких случаях лингвоэтническая реакция переводчиком также осознается, фиксируется и переносится в перевод в качестве экзота (экзотизмы, диалектизмы и т. п.). Эквивалентный перевод таких текстов намеренно предусматривает разницу в реакциях на текст представителей разных народов (например, представим себе текст, посвященный описанию японского или африканского быта).

Подведем некоторые итоги.

Концепции эквивалентности, сложившиеся в разное время и отражающие разные исторически объяснимые подходы человека к тексту, в настоящее время, уточнившись на основе современных лингвистических представлений, в первую очередь на базе теории текста и теории языковой коммуникации, позволяют выработать основы методики перевода любого текста. Не дискусионен вопрос: возможна ли эквивалентность? Дискуссии ведутся вокруг способов ее достижения.

Универсальная модель «скопос». Если предшествующие концепции эквивалентности являлись одновременно и операционными системами достижения эквивалентности (как добиться эквивалентности?), и мериллом для определения исторически обусловленной эквивалентности переведенного текста по отношению к оригиналу,

то концепция «скопос» в первую очередь нацелена на объяснение множественности прежних «практических» концепций и тех парадоксальных на первый взгляд результатов перевода, которые не укладывались ни в одну из концепций, и тем не менее существовали и запрашивались обществом (например, перевод-пересказ для детей, или стихотворный перевод Нового Завета). Авторами концепции выступили немецкие теоретики перевода Катарина Райе и Ханс Фермеер в начале 1980-х гг.

Основой концепции является понятие «скопос» — *греч.* «цель». Поскольку перевод — это практическая деятельность, то он осуществляется для определенной цели. Если цель перевода выполнена, значит, переводческую деятельность в данном случае можно признать успешной. Если цель не выполнена, то никакая из прежних концепций эквивалентности не исправит неудачи. Обратим внимание на две особенности новой концепции. *σκοπος* понимается шире, чем коммуникативное задание и функция текста. Целью перевода может быть не только полноценная передача содержания подлинника, но и дезориентация реципиента, введение в заблуждение, задача понравиться реципиенту, внедрить посредством перевода чуждую оригиналу политическую идею и т. п. При этом свои цели может преследовать как переводчик, так и заказчик. Создается сложный конгломерат целей, который может привести к полному изменению всех видов содержания текста при переводе. Второе: авторы концепции «скопос» отводят понятию эквивалентности подчиненное место в своей концепции, определяя ее как функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала, как частный случай осуществления цели перевода, не обеспечивающий ее успешности. А успех перевода определяет адекватность, понимаемая авторами как правильный выбор способа перевода, т. е. как параметр процесса перевода. К. Райе и Х. Фермеер отмечают также, что оба понятия — эквивалентность и адекватность — не являются статическими. Адекватность — потому, что цель перевода всякий раз меняется, а эквивалентность — потому, что на различных исторических этапах люди по-разному могли понимать функцию одного и того же текста.

Таким образом, универсальная модель «скопос» оказалась новым шагом в развитии теоретических взглядов на перевод, она позволила включить в рассмотрение те пограничные случаи переводческой деятельности, которые прежде теоретически не осмыслились, а подвергались лишь «вкусовой» оценке. Она расширила наши представления о функции переводчика в процессе перевода.

Неогерменевтическая универсальная модель перевода. В центре этой концепции — проблема *понимания*, постижения переводчиком исходного текста. Одна из сторонниц концепции, немецкая исследовательница Р. Штольце, изложившая основы своей герменевтической концепции в монографии «Герменевтический

перевод»⁶ формулирует ее следующим образом: «Перевод есть понимание». Следовательно, каждый переводчик, ориентируясь на глубину своего индивидуального понимания данного фрагмента данного текста, примет переводческое решение, не похожее на его же решения или решения других переводчиков в аналогичных случаях. Поэтому, в зависимости от индивидуального понимания игра слов в одном случае будет передана буквально, в другом случае — воспроизведена, но на основе многозначности слова другой семантики, а в третьем — вовсе опущена. Поскольку каждый текст требует индивидуально-творческого понимания, все переводческие решения индивидуальны и неповторимы. Понятие эквивалентности растворяется в неопределенности начального этапа перевода.

В трудах Д. Штайнера⁷, В. Беньямина⁸, Д. Робинсона⁹, сторонников герменевтического подхода, отражена как лингвофилософская, так и практическая его сторона. По мнению В. Беньямина, только путем перевода можно приблизиться к тому «чистому» глубинному языку, который является ядром всех языков и присутствует лишь в лучших текстовых произведениях человечества; задача переводчика — пробиться к этому чистому языку, а перевод, который приблизился к этой поэтической чистоте, и есть перевод эквивалентный. Переводовед и практик перевода Д. Робинсон призывает переводчика к герменевтическому диалогу с автором и к поощрению поэтического творчества переводчика¹⁰.

Глава 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

5.1. Этапы процесса перевода

Изучение процесса перевода (процессуальная транслатология) традиционно неразрывно связано с его преподаванием и первоначально в основном осуществлялось в целях преподавания перевода,

Stolze R. Hermeneutisches Übersetzen. Linguistische Kategorien des Verstehens und Formulierens beim Übersetzen. — Tübingen, 1992.

⁷ *Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. — New York; London 1975.*

⁸ *Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers. 1923 // Das Problem des Übersetzens. Wege der Forschung / Hrsg. H.-J. Storig. — Darmstadt, 1969. — S. 156-169.*

⁹ *Robinson D. The Translator's Turn. — Baltimor; London, 1991.*

О герменевтическом подходе см. также: *Колмиец Л. В. Герменевтическое направление в западном переводоведении // Университетское переводоведение. — Вып. 2 — СПб., 2001. — С. 159-169.*

хотя в последнее время в разных странах проводится целый ряд экспериментов с чисто исследовательскими целями. Но до сих пор о процессе перевода нам известно далеко не все.

Пожалуй, никто из ученых не отрицает того, что процесс перевода складывается из стадии восприятия текста и стадии его воспроизведения. Д. Селескович, строя свои выводы на наблюдениях за процессом синхронного перевода, понимает стадию восприятия как извлечение смысла, минуя языковое содержание; воспроизведение же состоит, по мнению Д. Селескович, из операций над идеями, а не над языковыми знаками. Д. Селескович отрицает этап анализа в устном переводе и ставит под сомнение результаты письменного перевода, поскольку, анализируя текст, письменный переводчик может упустить из виду основной смысл текста.

Исследователи процесса письменного перевода (например, Х. Крингс — см. также главу II) видят в нем 3 этапа: восприятие, воспроизведение и контроль готового текста; комплекс конкретных действий переводчика на каждом из этапов получил название переводческих стратегий, и о них мы поговорим ниже.

Наиболее исследованным этапом является этап воспроизведения, т. е. собственно перевод, и те конкретные средства, с помощью которых он осуществляется: единицы перевода, а также разновидности соотношений языковых средств, которые устанавливаются в процессе перевода.

5.2. Понятие единицы перевода и способы ее вычленения

Мы определили перевод как процесс преобразования речевого произведения (текста), порожденного на одном языке, в текст на другом языке при сохранении плана содержания и замене плана выражения, т. е. единиц языка. Следовательно, уяснив себе суть процесса перевода и теоретическую базу эквивалентности, мы должны для практического достижения эквивалентности найти минимальные единицы, подлежащие переводу — **единицы перевода** (unit of translation), или единицы переводческой эквивалентности, т. е. единицы ИЯ, имеющие эквивалент в тексте ПЯ. Сам термин «единица перевода» был предложен Ж. Вине и Ж. Дарбельне. В дискуссиях о размерах этой единицы и ее характере ученые пришли к выводу, что размеры этой единицы не стабильны, они могут варьироваться в широких пределах, а сама единица является операционной. Однако многое в характеристике единицы перевода пока не ясно. Не объясненными, например, остаются случаи, когда разные переводчики при переводе одного и того же текста избирают единицы перевода разного объема. Вообще фактор «переводчик» в связи с понятием единицы перевода изучен еще недостаточно. Не случайно исследователи подчеркивают психолингвистический характер единицы перевода.

В частности, О. И. Бродович полагает, что «локус этой единицы не в каком-либо из двух текстов, а в мозгу переводчика»¹.

Таким образом, существуют различные взгляды на выявление единиц перевода. Познакомимся с некоторыми из них.

В основе *первого* способа, ориентированного на оригинал, лежит сам процесс перевода. Единицей перевода тогда будет считаться минимальный отрезок текста, выступающий в качестве самостоятельного объекта процесса перевода. Такой способ релевантен для устного перевода и предусматривает линейное однонаправленное развертывание текста во времени (звучащая речь). Минимальной единицей перевода в этом случае чаще всего оказывается предложение. Короче единица перевода будет при синхронном переводе, когда переводчик порождает текст почти одновременно с его поступлением, и, как правило, она держится в пределах смысловой группы.

В основе *второго* способа — ориентация на текст перевода. За единицу перевода принимается минимальный набор лексем или граммем ИЯ, который можно поставить в соответствие с грамматической категорией ПЯ. При таком подходе система лексических и грамматических категорий ПЯ проецируется на язык оригинала. В тексте оригинала выявляются, таким образом, совокупность языковых единиц, и всякий раз их появление в тексте ИЯ сигнализирует о том, что необходимо использовать определенную лексическую или грамматическую категорию ПЯ.

Третий способ выявления единиц перевода ориентирован только на план содержания оригинала. При таком принципе важен анализ состава содержания оригинала, зависимый от функции текста. Далее предлагается расчленить содержание на «элементарные смыслы», что представляется несколько сомнительным, так как отсутствует единая объективная языковая основа этого расчленения.

Наконец, *четвертый* способ вычленения единиц перевода, также ориентированный на оригинал, основывается на принципе семантического единства. С точки зрения практики перевода он наиболее актуален. Единицей перевода здесь считается минимальная языковая единица текста оригинала, воспринимаемая как единое целое с точки зрения семантики. Такой способ не связан с выявлением средств перефразирования, но имеет непосредственную связь с определением компонентов содержания и инварианта перевода. Имеется в виду такая единица исходного текста, для которой может быть найдено соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода. Она может обладать сложной структурой, но части ее, взятые по отдельности,

¹ Бродович О. И. Единица перевода: Онтология? Эвристика? // Материалы XXIX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8: Актуальные проблемы теории и практики перевода. — СПб., 2000. — С. 14-15.

непереводимы. Единицей перевода такого типа может быть единица любого языкового уровня. Рассмотрим особенности ее вычленения на 6 основных условно разграничиваемых уровнях языка. В зависимости от уровня, к которому относится единица перевода, мы будем различать: перевод на уровне фонем, перевод на уровне слов и т. д.

1. Перевод на уровне фонем/графем.

Фонема, как известно, не является носителем самостоятельного значения, она играет в языке лишь смысловоразличительную роль. Тем не менее в переводе единицей перевода иногда оказывается именно фонема. Так, чтобы передать на русском языке имя собственное: Goethe, нужно каждой фонеме в составе немецкого слова подыскать близкую по звучанию и артикуляции фонему русского языка: [go:ts] [g'o:tэ]. Такой вид перевода носит название *переводческой транскрипции*. В случае, если соответствие устанавливается на уровне графем (букв), т. е. передается не звуковой облик, а написание, налицо *переводческая транслитерация*:

Lincoln	[Uɾjksn]	Линкольн
Heine	[baɛnɛ]	Гейне.

Транслитерация была распространена вплоть до XIX в., когда любой иностранный текст, записанный знаками латинской графики, при прочтении побуквенно приравнивался к латыни — международному языку светского знания. Переведенные таким образом слова включались в культурную традицию и дошли до наших дней. В некоторых случаях транслитерация держалась недолго и сменялась транскрипцией. Это характерно прежде всего для перевода французских имен собственных на русский язык, поскольку французский язык к XIX в. окончательно утвердился в России как язык светского общения и его звучание было повсеместно известно. Так, перевод имени писателя: Diderot «Дидерот» (транслитерация) к середине XIX в. сменился на «Дидро» (транскрипция). Перевод на уровне фонем регулярно встречается:

1) При передаче личных имен и географических названий, хотя и тут есть ограничения, связанные с традицией (см. раздел «Имена собственные» в главе 7).

2) При передаче экзотизмов:

Fachwerk	—	фахверк,
куртка	—	Kurtka,
Abwehr	—	Абвер.

3) При транскрипционном способе заимствования слов других языков, обозначающих новые понятия:

office	—	офис,
speaker	—	спикер,
teenager	—	тинэйджер,
manager	—	менеджер.

4) При стихотворном переводе, когда передается звукопись стиха (см. главу 9).

2. Перевод на уровне морфем.

В некоторых случаях единицей перевода оказывается морфема. Типична, например, передача английских и немецких разложимых композитов по корневым морфемам:

moon/light	—	лунный свет,
tea/spoon	—	чайная ложка,
Nacht/dienst	—	ночная стража,
Haus/aufgabe	—	домашнее задание.

Реже соответствие образуется на уровне служебных морфем: Tisch/e — стол/ы. В этом случае первой единицей перевода является корневая морфема «tisch—», второй — служебная морфема «e» (суффикс множественного числа существительных). В целом же морфологическая структура семантически эквивалентных слов в разных языках обычно не совпадает, особенно в области словоизменения и словообразования.

3. Перевод на уровне слов.

Гораздо чаще в качестве единицы перевода выступает слово.

А. Mein Freund lebt in Magadan.

    I I   M I
Мой друг живет в Магадане.
He can swim.
    I I I
Он умеет плавать.

В этих примерах каждому слову в переводе находится пословное соответствие, тогда как поморфемные соответствия устанавливаются не везде (Magadan / Магадане).

Единицей перевода слово выступает и тогда, когда в ПЯ ему соответствует не одно, а несколько слов:

Б. Die Kinder rodeln. — Дети катаются на санках.

Er rutscht. — Он катается с горки.
Она возвращается. — She comes back.

Мы видим из примеров, что соотношение 1-2 (или несколько) может встретиться в любой паре языков. В случаях типа Б можно говорить о разноуровневых соответствиях, в случаях типа А — об одноуровневых.

С переводом на уровне слова мы сталкиваемся при передаче простых, элементарных по структуре предложений. В большинстве сложных по содержанию текстов они не доминируют, и используются следующие два уровня единиц перевода.

4. Перевод на уровне словосочетания.

Словосочетание может представлять собой семантическое единство как на уровне языка (А — фразеологизмы, парные словосочетания, формулы контакта, устойчивые наименования организаций, аббревиатуры), так и на уровне речи (Б — реализация контекстуального значения слова).

А. (нем./рус.)

ein Gesetz brechen — преступать закон,
mit Pauken und Trompeten — с музыкой,
eine lange Leitung haben — быть несообразительным,
Knall und Fall — внезапно,
frank und frei — свободный, как ветер.

CDU (Christlich-Demokratische Union) — ХДС (Христианско-демократический союз);

(фр./рус.)

faire le Jacques — валять дурака,
cela s'entend — само собой разумеется,
traduire a livre ouvert — переводить с листа, без подготовки,
Etats-Unis d'Amérique — США.

(англ./рус.)

to pull somebody's leg — дурачить кого-либо,
once in a blue moon — очень редко,
a white elephant — дорогой, но бесполезный подарок.

Б. Den haben sie tuchtig gemolken (буквально: этого они усердно подоили), — У этого парня они выманили все деньги. Контекстуальное значение «melken» реализуется в сочетании с обстоятельством «tuchtig» и одушевленным субъектом «Den». Как мы видим, и здесь возможны как одноуровневые, так и разноуровневые соответствия.

В переводе любого текста наиболее частотное сочетание 3-го и 4-го типов:

— Ich bin ein armer, ehrlicher Schneider, — sagte eine feine Stimme, — der um Einlaß bittet!

— Ja, ehrlich, — antwortete Petrus. — Wie der Dieb am Galgen. Du hast lange Finger gemacht und den Leuten das Tuch abgezwickelt (*Br. Grimm. Der Schneider im Himmel*).

— Это я, бедный, честный портняжка, — ответил тоненький голосок. — Впусти меня, пожалуйста.

— Как же, честный! — отвечал Святой Петр. — Виселица по тебе плачет! Ты ведь воровством занимался да у людей сукно подрезал.

В примере выделены словосочетания подлинника, представляющие собой семантически единые компоненты перевода.

5. Перевод на уровне предложений.

Семантическим единством на уровне предложения обладают пословицы:

(англ./рус.)

Rome wasn't built in a day. — Не сразу Москва строилась.
Never fry a fish till it is caught. — Не дели шкуру неубитого медведя.

(нем./рус.)

Es ist alles in Butter. — Все идет как по маслу.
Jedes Tierchen hat sein Pläsierchen. — Каждому свое.

(фр./рус.)

La belle cage ne pourrit pas l'oiseau. — Соловей в клетке не поет.
Le feu dort sous la cendre. — Нет дыма без огня.

Единицей перевода является предложение и при переводе устойчивых клише и формул: надписей, сигнальных знаков, формул вежливости:

Gute Nacht! — Спокойной ночи!
Gluck auf! — Счастливо!
Rauchen verboten! — Здесь не курят! Не курить!
Commit no nuisance. — Останавливаться воспрещается.
Never drink unboiled water. — Не пейте сырой воды.

6. Перевод на уровне текста.

Текст в качестве единицы перевода обычно рассматривают на примере поэзии. Не только строгие по построению стихотворно-композиционные формы, такие, как сонет, но и лирические стихи свободной архитектоники переводятся исходя из семантического единства всего произведения. Этим объясняется возможность отсутствия пословных соответствий и кажущаяся «вольность» стихотворного перевода.

Однако семантическим единством могут обладать и другие тексты, для которых характерна ярко выраженная функциональность, например тексты рекламы. Это не исключает того, что в таких текстах некоторые особенности оригинала передаются с помощью единиц перевода меньшего объема.

К тому же между уровнем предложения и уровнем текста, выступающими в качестве единиц перевода, нет отчетливой границы: и запрещающие надписи, и формулы контакта, и пословицы можно с определенных функциональных точек зрения рассматривать как целые тексты.

5.3. Теория соответствий и трансформаций

Представления о соответствиях и трансформациях в современной теории перевода. То, что при переводе для отдельных фрагментов текста существуют соответствия в виде вполне определенных слов, переводчики заметили очень давно. Об этом свидетельствуют, например, древние шумеро-аккадские словари (параллельные списки выражений), которые и использовались как подспорье для перевода. Мы можем вспомнить также, что Максим Грек предлагал

пользоваться при переводе определенными грамматическими соответствиями.

В XX в. появляются попытки создать классификацию соответствий. Одной из первых мы можем считать классификацию «закономерных соответствий», предложенную в 1950 г. Я. И. Рецкером¹². Рецкер различает 3 категории закономерных соответствий: 1) эквиваленты — однозначные соответствия; 2) аналоги — соответствия, полученные с помощью выбора одного из синонимов; 3) адекватные замены — соответствия, выбранные исходя из целого (художественного, идейного и т. п.)¹³. В дальнейшем классификация Рецкера неоднократно уточнялась им самим, а также послужила базой для последующих версий. В частности, в целом ряде работ аналоги получили название вариантных соответствий, а адекватные замены стали называть трансформациями¹⁴.

Сам термин «трансформация» стал толковаться все более широко, что привело к его неоднозначному употреблению. Другое место он стал занимать иногда и в классификациях соответствий. Так, Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман делят все соответствия на эквиваленты и трансформации и понимают под эквивалентами не только лексические, но и грамматические соответствия. Трансформациями авторы называют соответствия, появляющиеся в переводе в тех случаях, когда эквивалент отсутствует; они разграничивают грамматические, лексические и стилистические трансформации. Но те же авторы рассматривают и сам «перевод как некую трансформацию»¹⁵, подчеркивая тем самым, что термин «трансформация» может обозначать не только разновидность соответствия, но и процесс его получения.

В. Н. Комиссаров, с одной стороны, толкует трансформацию как преобразование отрезка оригинала в отрезок перевода по определенным правилам, т. е. как процесс¹⁶. Вместе с тем он тут же называет трансформацию «приемом перевода», т. е. признает за ней статус операционной единицы этого процесса¹⁷ и подразделяет эти приемы на лексические (транскрипция, калькирование, лексико-семантические замены: конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические (дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, описательный перевод и компенсация). Затем автор отграничивает от трансформаций «переводческие соответствия», определяя их как «единицы ПЯ, регулярно используемые

¹² Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. — М., 1950.

¹³ Там же. — С. 158.

¹⁴ См., напр.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М, 1975.

¹⁵ Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. — М., 1976. — С. 4.

¹⁶ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 1999. — С. 164.

¹⁷ Там же.

для перевода данной единицы ИЯ»¹⁸, т. е. заранее известные, для применения которых в переводе не нужно использовать особых приемов. Однако тут же автор отмечает, что многие соответствия являются множественными и выбор надлежит делать опять-таки переводчику. Значит, переводчик все-таки применяет некий прием: он совершает *выбор*. При уточнении диапазона соответствий оказывается, что некоторые из них являются лексическими заменами и «создаются с помощью лексических трансформаций» (!), а иногда и с помощью описательного перевода, который, как мы помним, был отнесен к разряду лексико-грамматических трансформаций. Налицо очевидная классификационная путаница.

В западном переводоведении термин «трансформация» встречается крайне редко; по большей части используется понятие «соответствие». В частности, В. Коллер предлагает количественный параметр для разграничения соответствий: один — один (Eins-zu-eins-Entsprechung), один — много (Eins-zu-viele-Entsprechung), много — один (Viele-zu-eins-Entsprechung), один — ноль (Eins-zu-Nuli-Entsprechung) и один — часть (Eins-zu-Teil-Entsprechung).

Попробуем и мы разобраться в типологии соответствий и классифицировать их непротиворечивым образом.

Основные типы соответствий. Переводческая эквивалентность достигается на практике на основе вычленения единиц перевода. Далее переводчик производит межъязыковые преобразования. Он находит для единиц перевода *соответствия* в арсенале языковых средств ПЯ.

Соответствия между текстами оригинала и перевода могут классифицироваться сразу по нескольким признакам.

Во-первых, все они поразделяются на **языковые** и **речевые**. **Языковые соответствия** связаны с объективными закономерностями языка как системы. **Речевые соответствия** обусловлены функционированием этой системы в ее конкретной реализации — в речи.

Во-вторых, сама процедура нахождения соответствия может выглядеть по-разному, и здесь разграничиваются *три* варианта переводческих действий (или, соответственно, три различных приема): 1) переводчик берет готовое соответствие, не имея выбора; 2) переводчик производит выбор из нескольких вариантов; 3) переводчик порождает собственное соответствие в рамках закономерностей языка. Соответствия, полученные с помощью применения первого приема, мы назовем *однозначными эквивалентными соответствиями*; результаты применения второго приема — *вариантными соответствиями*; соответствия, порожденные самим переводчиком, — *трансформациями*.

В-третьих, фрагмент ИТ и его соответствие — фрагмент ПТ — могут быть оформлены с помощью разных языковых средств, точ-

нее, с помощью средств разных условно разграничиваемых языковых уровней. Если языковой уровень средств, использованных в ИТ и ИТ, не совпадает, имеет смысл говорить о *разноуровневых* соответствиях.

При учете названных параметров типичные случаи соответствий можно описать следующим образом:

I. Однозначные эквиваленты.

К ним мы отнесем все случаи, когда вне зависимости от контекста переводчик имеет в своем распоряжении лишь одно соответствие. В основном такие взаимно-однозначные соответствия, независимые от контекста, встречаются в области лексики; они и получили наименование эквивалентных соответствий или эквивалентов. Однако представление о том, что эквиваленты являются непременно лексическими, не вполне соответствует действительности; оно связано, видимо, с тем, что однозначные эквивалентные отношения при переводе устанавливаются в подавляющем большинстве случаев именно в области лексики. Грамматические и стилистические однозначные эквиваленты встречаются крайне редко; для этих языковых средств в любом языке характерна вариативность, наличие некоторого ресурса избыточности. Этот ресурс избыточности в сфере грамматических явлений некоторые теоретики языка именуют грамматической синонимией. Тем не менее однозначные грамматические эквиваленты все же изредка встречаются. Например, для многих пар языков, где есть падежи, оформление подлежащего с помощью именительного падежа не имеет грамматических вариантов — тогда при переводе можно говорить об однозначном эквиваленте.

К лексическим однозначным эквивалентам в любом языке относятся определенные группы лексики:

1) Термины: (англ./рус.) *setaceous* — щетинистый (термин биологии), *motivity* — двигательная сила (термин физики); (нем./рус.) *die Bronchitis* — бронхит (термин медицины), *die Brechung* — преломление (термин лингвистики); (фр./рус.) *moule* — матрица (полиграфический термин), *gaillet* — подмаренник (термин ботаники).

Термины лишь изредка, в виде исключения, могут иметь дублеты: числительное — (нем.) *das Zahlwort* или *die Numerales*.

2) Имена собственные: (англ./рус.) *Vienna* — Вена, *Lewis* — Льюис; (нем./рус.) Париж — *Paris*, *Heinrich* — Генрих; (фр./рус.) Марокко — *Pierre* — Пьер.

3) Наименование организаций, партий и т. п.: (англ./рус.) *UNO* — ООН, *International Labor Organisation* — Международная организация труда, *MOT*; (нем./рус.) *BRD* — ФРГ, *Siemens* — Сименс; (фр./рус.) *FIFA* — ФИФА (Международная федерация футбольных ассоциаций).

Как видно из последнего примера, такие лексемы тоже могут иметь дублетные варианты; впрочем, они всегда равноправны.

Эквивалентные соответствия обнаруживаются также среди некоторых других групп лексики (числительные, личные местоимения и др.).

II. Вариантные соответствия.

Название «вариантные соответствия» используется обычно для обозначения лексических соответствий, зависящих от контекста. К ним относят все многозначные лексемы, конкретное значение которых реализуется в контексте:

(англ.)

- fine: 1) fine skin — нежная кожа,
2) fine edge — острое лезвие,
3) the fine arts — изобразительные искусства.

Контекст в данном случае должен пониматься предельно широко: на выбор, который производит переводчик, оказывает влияние и микроконтекст (сочетаемость), и тип текста, и жанр произведения, и ситуативный контекст. При этом учет микроконтекста делает выбор однозначным; учет других видов контекста оставляет переводчику более широкий диапазон свободы выбора. Так, учет художественного контекста, включающего индивидуальный стиль автора, время написания, жанр, литературное направление, не препятствует множественности возможных соответствий; варианты соответствия обеспечивают *принципиальную вариативность* языковых средств в таком тексте. Например, сочетание «wilder Wind» (нем.) может иметь целый ряд допустимых вариантных соответствий: «буйный ветер», «бушующий ветер», «сильный ветер», «раздольный ветер» и т. д. Таким образом, наличие диапазона вариантных соответствий, обладающих приблизительно равными функциями в тексте, объясняет (отчасти, конечно) причины множественности, вариативности языкового оформления одного и того же текста при переводе его разными переводчиками. Именно наличие арсенала вариантных соответствий оправдывает существование различных индивидуальных переводческих стилей, позволяет переводчику творчески реализовать свои индивидуальные пристрастия в словоупотреблении.

Может возникнуть впечатление, что множественность вариантов ПТ свойственна художественным, публицистическим и т. п. текстам и не должна быть свойственна научному или техническому тексту, где доминируют термины, переводимые, как мы знаем, с помощью однозначных эквивалентов. Но из практики перевода известно, что и эти тексты, вышедшие из-под пера разных переводчиков, будут различаться. Дело в том, что и в научном тексте существует ресурс лексики, которая передается с помощью вариантных соответствий, причем контекстуальный выбор их вариативен. Речь идет о нейтральной лексике общенаучного описа-

ния, которая в каждом языке обладает большим количеством вариантов, *равноправных* с точки зрения контекстуального употребления. Проверить это можно на материале русского языка. Ряды синонимов: «существует», «имеется», «есть», «имеет место»; «исследовать», «изучать», «анализировать»; «реализовать», «осуществить» и т. п. создают базу равноправного синонимического варьирования, опираясь на которую переводчик создает свою версию текста, лишь формально отличную от версии другого переводчика, но тем не менее эквивалентную.

В области грамматических средств языка варианты соответствия также распространены достаточно широко. Контекст заставляет переводчика при переводе определительного придаточного с английского или немецкого языка в одном случае выбирать определительный причастный оборот, а в другом — придаточное, а при передаче формы синтетического прошедшего времени с русского языка на английский или немецкий — нужную форму из арсенала форм со значением прошедшего времени: претерит, перфект, исторический презент и т. п. Такой выбор регулируется закономерностями предпочтения (см. главу 8).

III. Трансформации.

В эту группу мы помещаем все соответствия, которые переводчик «выстраивает» сам, не пользуясь готовым арсеналом средств. Представление о том, что к трансформациям переводчик прибегает в крайнем случае, обнаружив, что готовых соответствий нет, приходится признать, по меньшей мере, наивным. Процесс порождения перевода как «вторичного» текста — явление синтетическое, включающее в себя априорное знание о различиях языков, и вряд ли он содержит этап «проверки» текста на наличие эквивалентов. Скорее всего, попытка применения всех трех описанных приемов поиска соответствий происходит одновременно, и вероятность успеха (что переводчик найдет раньше: нужный эквивалент или нужную трансформацию) прогнозировать очень трудно. Для этого у нас нет пока достоверных экспериментальных данных.

Так или иначе, под трансформациями мы будем понимать межязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне. В процессе перевода встречаются трансформации 4 элементарных типов:

- 1) перестановки;
- 2) замены;
- ; 3) добавления;
- 4) опущения.

Мы исключили из этого перечня выделяемый иногда тип «логическое развитие», поскольку он, по нашим наблюдениям, складывается из замен и добавлений/опущений.

С. Замена *praesens historicum* в немецком языке на прошедшее время в русском языке. Такая замена связана с традициями вхождения *praesens historicum* как стилистического приема в русскую литературу. В немецких текстах он распространен шире, чем в русских, и переводчик в ряде случаев вправе сократить количество употреблений этой формы, иначе это может создать эффект неестественности, искусственности стиля.

2) Замены частей речи:

А. Замена сложного существительного немецкого языка на сочетание прилагательное+существительное или существительное+существительное в русском переводе. Эти замены объективны и иногда представляют собой однозначные соответствия:

Übersetzungswissenschaft — теория перевода
Niederösterreich — Нижняя Австрия.

Поэтому к трансформациям мы можем отнести лишь те из них, которые переводчик сам «выстраивает» в процессе перевода:

Herbststimmung — осеннее настроение
Sommerluft — воздух лета.

Аналогичные замены можно наблюдать и при переводе с английского языка:

popular protest — протест населения (прил. + сущ. — сущ. + сущ.)

Latin American peoples — народ Латинской Америки (прил.+ прил.+ сущ. — сущ.+ прил.+ сущ.).

Словосочетания такого рода, хотя и являются разложимыми, постепенно приобретают в речи клишированный характер; тогда выбор становится излишним, и трансформация-замена приближается к однозначному эквиваленту.

Б. Замена отглагольного существительного со значением деятеля в немецком языке на глагол в русском языке.

In der Erziehung der Kinder bin ich **Versagerin**. — С воспитанием детей у меня **ничего не получается**.

Er ist guter **Red ner**. — Он хорошо **говорит**.

Er war ein freundlicher Nachbar, nichts sonst, ein **Pfeifenraucher**. — Просто приветливый сосед, ничего больше, он еще **трубку курил**.

В первом и третьем примерах замена объективна, так как соответствие существительным «*Versagerin*» и «*Pfeifenraucher*» отсутствует в русском языке. Во втором примере выбор перевода зависит от реализации существительного «*Redner*» в контексте.

В. Прономинализация, или замена первичной номинации на вторичную (например, существительного на личное или указательное местоимение). Эта замена основывается на решении переводчика, который имеет основание применять прономинализацию только при переводе таких типов текста, где актуальна компрессия текста при

переводе (устный последовательный и синхронный перевод официального текста) и в содержании нет эстетического компонента (следовательно, прономинализация вряд ли возможна в художественном переводе).

3) Замены членов предложения — необходимы тогда, когда происходит перестройка синтаксической структуры:

А. Замена немецкого пассива на активный залог при переводе на русский язык влечет за собой смену субъектно-объектных отношений. Эта замена характерна для перевода разговорной речи, где пассивный залог в русском тексте не типичен:

Er wurde von meiner Schwester empfangen. — Его встретила моя сестра.

Б. В следующем примере замена членов предложения (предикатив — субъект) также связана с традициями ситуативного словоупотребления:

Im Zimmer war es ausnehmend heiß. — В комнате стояла страшная жара.

Замены такого рода, разумеется, не являются обязательными и единственно возможными. В данном случае вариант: «В комнате было страшно жарко» тоже возможен; следовательно, трансформация-замена может иметь в качестве альтернативы комплекс вариантных соответствий.

4) Синтаксические замены в сложном предложении:

А. Замена сложного предложения простым.

Diese Literatur war es, die man romantische genannt hatte. — Именно эту литературу называли романтической.

Diesmal war es Leopold, der von einem Drachen traunte und deshalb schlecht schlief. — На этот раз именно / не кто иной как / Леопольд грезил о драконе.

В обоих примерах продемонстрирован типичный случай замены немецкого сложноподчиненного предложения с предикативным придаточным на простое. Функцию актуализации субъекта главного предложения берет на себя в русском переводе лексический компонент (именно, не кто иной как).

Б. Замена простого предложения на сложное. Хорошим примером может служить перевод на русский язык предложения, содержащего конструкцию *accusativus cum infinitivo*, которая в русском языке отсутствует и может передаваться либо с помощью модального придаточного, либо с помощью объектного придаточного:

Ich sehe ihn vorbeigehen. — Я вижу, как (что) он идет.

Помимо двух видов сложноподчиненных предложений, данное предложение может быть передано с помощью сложносочиненного бессоюзного:

Я вижу: он идет.

Подобные синтаксические замены практически всегда сопровождаются заменой форм слов (inп вин. п. — «он» им. п., vorbeigehcn Inf. — «идет» 3-е л. ед. ч.) и заменой частей речи.

В. Замена сложносочиненного предложения на сложноподчиненное.

Объективными могут считаться замены немецкого предложения с сочинительным союзом причинного значения «denn» на русское сложноподчиненное с союзом «поскольку»; замены сложноподчиненного немецкого предложения с двухчастным сочинительным союзом «zwar... aber» на русское сложноподчиненное с «хотя».

Случаи, когда замены подчинения на сочинение связаны со спецификой передачи системных признаков текста (например, при переводе немецкой сказки на русский язык, учитывая, что в русской народной сказке сочинительная связь частотнее, чем в немецкой), относятся к случаям замен, ответственность за которые несет переводчик, а его решение связано с его фоновой компетентностью.

Г. Замена союзной связи в сложноподчиненном русском предложении на бессоюзную в немецком также объективна, хотя и факультативна, поскольку в немецком союзное объектное придаточное со значением косвенной речи также возможно:

Он сказал, что видел меня. — Er sagte, er hatte mich gesehen. Er sagte, dass er mich gesehen hatte.

5) Лексические замены. Этот разряд замен описан многими авторами. Однако и определения, предлагаемые исследователями, и иллюстрирующий их фактический материал приводят к путанице, которая лишает понятие «лексические замены» определенных границ.

Так, Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман, комментируя все виды лексических замен в разделе «Лексические трансформации», в основном ведут речь о контекстуально обусловленных соответствиях, т. е. о вариантных соответствиях¹⁹. Авторы не дают развернутого определения лексических трансформаций, но отмечают, что данные явления обусловлены различиями в смысловой структуре слова и различными нормами сочетаемости в двух языках²⁰. Но такими характеристиками обладает вся лексика языка, за исключением той, которая передается с помощью однозначных эквивалентных соответствий.

Лексические трансформации выделяет и В. Н. Комиссаров. Отмечая, что «лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе»²¹, — а это, собственно говоря, можно ска-

¹⁹ См.: Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода. — М., 1976. — С. 28-47.

²⁰ Там же. — С. 4.

²¹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 1999. — С. 165.

зять о любом виде соответствий — автор в качестве первого же примера приводит транскрипционные соответствия, которые, как мы наблюдали, представляют собой однозначные эквиваленты.

Итак, попытаемся найти объективные критерии, чтобы отграничить лексические трансформации и, в частности, лексические замены от всех прочих видов переводческих преобразований, приводящих к созданию соответствия.

Различия в смысловой структуре, нормах и ресурсах функционирования соответствующих по денотату слов в разных языках имеются всегда. Этим, в частности, и обусловлена «неполнота» соответствия текста перевода тексту оригинала, о которой мы говорили, определяя понятие «эквивалентность». Однако в одних случаях при переводе удастся подобрать слово или словосочетание, по своему семному составу и контекстуальным оттенкам соответствующее слову подлинника, а в других — нет, и тогда приходится использовать слово с другим семным составом, а не переданные компоненты значения компенсировать, передав их посредством контекстуального окружения, или же пожертвовать ими. В первых случаях мы можем говорить о вариантных соответствиях, а если контекст не важен, поскольку значение слова от него не зависит, — об однозначных эквивалентах. В случаях второго рода происходит *преобразование, трансформация лексемы* — и тогда мы имеем право говорить именно о *лексической трансформации*.

Рассмотрим специфику лексической трансформации на нескольких примерах:

Пример 1.

Zartschwellende Sehnsucht **spricht** aus dem wunderbaren Anstieg der Basslinie... — Постепенно нарастающее нежное томление слышится в прекрасной восходящей линии басов...

Переводчик заменил глагол *sprechen* «говорить» на глагол «слышаться» с другим семным составом, стремясь сохранить сочетаемость в рамках книжно-литературной нормы; при этом семантика глагола «говорить», употребленного здесь в метафорическом смысле (*Sehnsucht spricht* — персонификация) передана в переводе не полностью; переводчик построил свою традиционную метафору «томление слышится». Выбор обусловлен единством лексического поля сферы восприятия, из диапазона которого переводчик выбрал слово, обозначающее другое звено восприятия: «говорить» (производить звук) он заменил на «слышать» (воспринимать звук). Лексические замены такого рода иногда называют «логическим развитием». Что получилось в результате лексической замены? Переводчик пожертвовал частью семного состава одного слова во имя системных признаков данного текста: он сохранил смысл высказывания, метафоричность, книжность стиля и нормативную сочетаемость.

Пример 2.

Dort blieb er bis zu seinem Tod. — Там он остался до **конца жизни**.

В переводе на месте существительного *Tod* «смерть» мы находим перифраз «конец жизни», представляющий собой эвфемизм, возникновение и употребление которого связано с этикой человеческого общения. По семному составу слово подлинника и его соответствие также отличаются, но переводчик, помимо явного стремления подчеркнуть книжность и некоторую возвышенность стиля, по-видимому, учитывал также и очень вероятную двусмысленность, которая могла возникнуть при выборе им вариантного соответствия «до смерти», которое содержит сему пейоративного усиления («до смерти надоел»), поэтому предпочел эвфемизм.

Следует отметить, что лексические замены всегда представляют собой одно из возможных решений, и поскольку при этом зачастую происходит утрата некоторых компонентов смысла, переводчик решается на лексические замены *крайне редко*.

Среди случаев лексических замен наиболее часто встречаются, пожалуй, четыре: частичное изменение семного состава исходной лексемы, перераспределение семного состава исходной лексемы, конкретизация и генерализация.

А. Частичное изменение семного состава исходной лексемы.

Примеры такого изменения приведены выше. Как уже отмечалось, применение такого рода лексической замены обусловлено контекстом, как широким, в том числе ситуативным, так и узким — сочетаемостью в рамках литературной нормы ПЯ.

Б. Перераспределение семного состава исходной лексемы.

Такое перераспределение необходимо, если исходная лексема содержит в своем составе семы, которые невозможно передать одной лексемой ПЯ, а также в случае, если есть опасность нарушить правила сочетаемости:

In den Biographien steht, Brochs Haft in Aussee habe ihm einen tiefen Schock und nie mehr zu bannende Todesgedanken vermitteln... — В биографиях написано, что заключение в Аусзе было глубоким потрясением для Броха и породило в нем уже неотвратимую мысль о смерти...

В переводе семантика слова «*vermitteln*» передана с помощью двух глаголов: «было» и «породило». Причиной лексической замены является сочетаемость с двумя прямыми дополнениями, которые в переводе переданы вариантными соответствиями «потрясение» и «мысль о смерти»; для них не нашлось глагола нужной семантики, который бы сочетался и с тем, и с другим дополнением, да вдобавок обладал бы нужной семантикой.

В. Конкретизация.

Конкретизацией обычно называют замену слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением на слово

или словосочетание ПЯ с более узким референциальным значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной.

Er ist gekommen. — Он прибыл (приплыл, приехал, прилетел, пришел).

В данном случае уточнение при переводе на русский язык необходимо, так как отсутствует категориальное соответствие для «коштеп».

Того же рода отношения связывают русское слово «рука» и две возможные конкретизирующие замены при переводе на немецкий язык: «*Arm*» и «*Hand*», английский язык: «*arm*» и «*hand*», французский язык: «*main*» и «*bras*». Выбор замены в данном случае, как и в предыдущем, определяется более широким предметным контекстом. И в первом, и во втором примере перед нами — объективная (языковая) конкретизация.

Контекстуальная конкретизация осознанно вводится переводчиком и зависит не только от меры постижения им оригинала, но и от индивидуальных пристрастий, формирующих индивидуальный стиль переводчика:

Die Dichtung ist es, die uns das Herz eines anderen Volkes erschliesst... — Художественная литература — вот что открывает нам душу другого народа...

Лексическая замена слова «*Dichtung*» (поэзия, литературное творчество) на более конкретное понятие, обозначаемое словом «художественная литература», связана с опорой на контекст всего публицистического произведения, где обсуждается творчество крупнейших прозаиков. Но когда тот же переводчик, переводя описание того, как писателям приходилось в годы советской власти прятать свои запрещенные творения «*unter dem Fussboden*» (т. е. под полом, в подполье), выбирает лексическую конкретизацию «под половицами» — это уже относится к его индивидуальному видению ситуации и обусловлено его авторским восприятием. Это же касается конкретизирующего соответствия: «*Lektüre*» (чтение²²) — «прочитанные книги», обнаруженного у того же переводчика²².

Г. Генерализация.

Это замена, обратная конкретизации, когда в переводе появляется слово с более широким референциальным значением, нежели слово ИЯ. Причины применения этого вида лексических замен в письменном тексте — те же, что и причины появления конкретизации.

Однако генерализация имеет еще одну, очень обширную область применения — устный перевод, и здесь причины ее возникновения другие. Она помогает переводчику в обстановке дефицита времени быстро найти соответствие, особенно если он не знает конкретного термина или забыл его, но знает, что означает слово в общих чертах.

Помимо тех случаев, которые упоминались, этот тип замен применяется иногда при передаче экзотизмов: пагода — «*Tempel*» (храм);

Примеры взяты из современных опубликованных переводов.

Hut — головной убор, особенно в тех случаях, когда текст перегружен экзотизмами и это затемняет содержание текста.

3. *Добавления.* Добавления представляют собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматическом строе. В первом случае, как правило, добавляются слова с собственным референциальным значением, и тогда мы можем говорить о *лексических* добавлениях; во втором — формальные грамматические компоненты (артикли, корреляты, вспомогательный глагол), и тогда речь идет о *грамматических* добавлениях.

А. Языковые:

Он дурак. — Er ist ein Dummkopf.

Грамматическое добавление связано с требованием обязательной двусоставности немецкого предложения и экспликацией категории соотнесенности (неопределенный артикли «ein»), для выражения которой в русском языке нет специальных средств.

Б. Контекстуальные:

Пример 1.

Он раздвинул **створчатую** фусума и вошел в комнату. — В переводе с японского добавлено слово «створчатую», которое раскрывает смысл экзотизма «фусума», значение которого реципиенту незнакомо. Такое добавление можно назвать лексическим.

Пример 2.

Der alternde Beethoven **ringt sich empor aus den Leiden** durch die befreiende Macht des schaffenden Denkens. — С помощью освободительной силы созидающей мысли стареющий Бетховен **возвышается над бездной страданий**.

Добавление слова «бездна» дополняет метафору «вырваться из страданий», которую мы видим в подлиннике, и усиливает колорит возвышенной книжности, характерной для стиля текста в целом. Перед нами опять лексическое добавление.

4. *Опущения.* Опущения часто представляют собой операцию, обратную добавлениям, если речь идет об объективных расхождениях между языками (пример А в предшествующем разделе). Контекстуальные опущения бывают связаны с видом перевода (в устном последовательном и синхронном переводе они связаны с компрессией текста и не затрагивают только инвариантные соответствия). В других случаях они охватывают избыточные компоненты традиционного словоупотребления:

Es ist wichtig, wie dieses Wort **verwendet und benutzt** wird. — Важно, как это слово употребляется.

Из двух глаголов «verwendet» и «benutzt» в переводе оставлен один, поскольку избыточное употребление двух близких по семантике глаголов — характерная черта многих типов немецкого письменного текста, не находящая аналогичной традиции в русском языке. Еще пример:

Die Unfallmeldung soll **den Vorgang und Verlauf** des Unfalls so genau beschreiben, dass eine nachträgliche Rekonstruktion und Ermittlung des Schuldigen möglich ist.

В данном примере два существительных-синонима: «Vorgang» и «Verlauf», обозначающие «процесс, ход», разумеется, требуют при переводе опущения.

По мнению Й. Альбрехта²³, традиция эта восходит к средневековым переводам с латыни, когда переводчики рядом с калькированным словом или приблизительным соответствием ставили транскрибированное слово (напр., в «Kudrun», сер. XIII в.: *decke und kuvertiure*). До сих пор наличие таких синонимических пар в древнем тексте считается у текстологов признаком того, что текст является переводом. А сам метод, который укоренился прежде всего в немецкой и французской переводческой традиции, превратился затем в стилистический прием письменной речи, выйдя за рамки переводных текстов, но не имея параллелей во многих европейских языках. Можно предположить, что в немецкой традиции стойкость этого приема связана с другой традицией — использованием парных словосочетаний (*klipp und klar, Hab und Gut*).

5. Антонимический перевод. Особый вид трансформации представляет собой антонимический перевод. Он применяется тогда, когда прямой путь невозможен или нежелателен. Это комплексная лексико-грамматическая замена, которая заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную:

Er sagte nichts. — Он промолчал.

Sie sah nicht besonders glücklich aus. — Вид у нее был довольно несчастный.

Man kann da recht sicher sein. — В этом можно не сомневаться.

Sie sind spärlich. — Их почти нет.

Die Sprache erzählt uns manches, wovon keine andere Geschichtsquelle zu berichten weiss. — Язык рассказывает нам некоторые вещи, о которых умалчивают другие исторические источники.

Мы привели довольно большой объем примеров, чтобы механизм оформления антонимического варианта оказался представлен во всей своей полноте. Как мы видим, антонимический перевод обычно сопровождается оформлением отрицания действия или качества лексическими средствами («промолчал», «несчастный», «умалчивают»), либо, на-

²³ *Albrecht J. Literarische Übersetzung. Geschichte. Theorie. Kulturelle Wirkung* — Darmstadt, 1998. — S. 160.

оборот, явление, качество, свойство или действие, из семантики которых следует их отрицание, заменяются в переводе на лексические соответствия с семантикой наличия данного качества, свойства и т. п., но сопровождаются формальными аналитическими компонентами отрицания (рус. «нет», «не»; нем. «kein», «nicht», «nichts»).

Этот тип трансформации является контекстуальным и зависит от выбора переводчика, причем выбор этот во многих случаях представляется равноправным. Такая равноправная свобода выбора особенно значима в устном переводе и является важным психологическим фактором уверенности переводчика в своих силах.

6. Компенсация. Компенсация также относится к разновидностям трансформации. Она касается функциональных доминант текста, занимающих в иерархии компонентов содержания верхние ступеньки: инвариантных и вариантно-вариабельных компонентов. Различается позиционная и разноуровневая (или качественная) компенсация.

В качестве примера одноуровневой позиционной компенсации может служить передача в переводе фразеологизмов. Помимо функции передачи когнитивной информации в тексте, они одновременно выполняют функцию передачи просторечно-разговорной окраски текста (в художественном тексте, бытовом устном тексте) или функцию фигуры стиля в официальной речи, являясь там разновидностью ораторского афоризма. Однако, как известно, не всякий фразеологизм находит в языке идиоматическое соответствие, в таком случае фразеологизм с другим образом вводится в текст в другом месте, поскольку важен сам факт наличия определенного числа фразеологизмов в данном тексте — для создания колорита просторечное™.

Широко применяется компенсация при переводе народной сказки, где ряд инвариантных признаков системы ее стиля: сказовый порядок слов, устойчивые эпитеты, беспредикатные структуры, архаично-просторечная лексика должны с достаточной степенью частотности наполнять текст, но не привязаны к конкретным словам. Поэтому при невозможности передать в данном месте конкретное средство (например, беспредикатную структуру) предлагается разноуровневая компенсация, скажем, в виде сказового порядка слов: «Nicht lange — so klopfte jemand an». — «Сидел он, сидел — вдруг слышит: стучит кто-то!»

В поэзии компенсация служит средством системной передачи высокого стиля. В приведенном ниже примере препозитивный генитив служит качественной (разноуровневой) компенсацией для лексики высокого стиля («ужель») подлинника:

Ужель еще твои страданья	Ist denn von meines Liebes Ftilec
Моя любовь не обвила?	Noch nicht umwoben all' Dein Leid?

(А. К. Толстой. «Обычной полная печали...») (пер. К. Павловой)

Как видно из характеристики случаев компенсации, невозможность передать в переводе то или иное языковое средство может быть связана с тем, что происходит «столкновение» разнородных средств стиля; это бывает в тех текстах, которые по составу информации неоднородны: публицистических, художественных, рекламных. Но иногда компенсация объективна, поскольку связана со спецификой языковой системы каждого из языков. Так, компенсация неизбежна, если текст написан на диалекте: система и особенности функционирования территориальных вариантов языка и их роль в общенациональном языке в каждой культуре различны. В таких случаях ориентируются на функцию данного языкового средства; и если в данном случае диалект несет функцию близости к разговорной речи, то его компенсируют с помощью средств оформления разговорной речи.

У. Описательный перевод. Эту многофункциональную трансформацию применяют в самых разных случаях: в устном переводе для передачи значения слова, для которого переводчик почему-либо не может подобрать соответствие (как мы помним, в той же функции выступает и генерализация); во всех видах перевода — для разъяснения значения экзотизма или другого слова, которое нуждается во внутреннем комментировании; при адаптации.

Описательный перевод представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемую лексическими добавлениями и построенную по принципу определения понятия:

Das ist ein besonderer Fall in der Neuropathologie. — В науке о нервных болезнях это — особый случай.

Как мы видим, описательная конструкция состоит из генерализирующей лексической замены («невропатология» — «наука») и добавления («о нервных болезнях»).

При внутреннем комментировании экзотизма переводчик, как правило, сохраняет сам экзотизм в транскрибированном виде и создает дублирующие конструкции:

«Но где же **лулав, пальмовая ветвь?**» («Лулав» — пальмовая ветвь, благословляемая в еврейский праздник Кущей).

Отметим, что описательный перевод приводит к расширению объема текста, что может оказаться препятствием для достижения эквивалентности в некоторых типах текста.

5.4. Интерференция при переводе

Перевод осуществляется человеком — носителем определенного родного языка. Помимо этого переводчик на экспертном уровне владеет иностранным языком. В связи с этим возникает несколько ас-

пектов взаимопроникновения языков в процессе их использования переводчиком.

Термин «интерференция», заимствованный из физики, начинают применять для обозначения взаимопроникновения языков с середины 1950-х гг. До последнего времени это понятие разрабатывалось в основном в контрастивной лингвистике, где под интерференцией понимается нарушение языковой нормы под воздействием элементов другого языка, а также процесс воздействия одного языка на другой. Имеются в виду случаи, когда человек нарушает норму языка, накладывая структуры одного языка на структуры другого языка; а также то, как этот процесс отражается на готовых текстах — в области лексики, грамматики и т. п.

В переводоведении последних лет появилось понятие **межъязыковая интерференция**. Это понятие обозначает просцирование специфических черт ИТ на ПТ, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса ПТ. Эти нарушения могут затрагивать лексический состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста. Следовательно, межъязыковая интерференция представляет собой препятствие для достижения эквивалентности.

Наиболее частотными при межъязыковой (переводческой) интерференции, по мнению З. Купш-Лозерайт, являются *нарушения языковых норм* как в тексте, так и при говорении²⁴. Так, на лексическом уровне давно замечена так называемая **терминологическая интерференция**, приводящая к возникновению *faux amis*, «ложных друзей переводчика». Она возникает на базе частичной межъязыковой омонимии, когда слово ИЯ звучит почти так же, как слово ПЯ, и переводчик, опираясь на свой языковой опыт, считает, что оба слова совпадают в своем значении (англ. *artist* — «художник» и рус. артист; лат. *Angina pectoris* — «стенокардия» и рус. ангина и мн. др.). В настоящее время прикладное переводоведение занимается составлением словарей «ложных друзей переводчика», призванных помочь переводчику преодолеть межъязыковую интерференцию.

Грамматическая интерференция в переводе также имеет место, хотя встречается значительно реже. У нас пока недостаточно фактического материала для достоверных выводов, но некоторые наблюдения уже можно сделать. Сравнительный анализ переводов научных текстов и их оригиналов с немецкого языка на русский показывает, что в русском переводе часто появляется неестественный «немецкий» порядок слов (глагол всегда на 2-м месте); распространенное определение с большим числом распространителей, которое не свойственно русскому научному тексту, и т. п. Кроме этих *качественных* нарушений, в области грамматических явлений типичны-

²⁴ Kupsch-Losereit S. Interferenzen// Handbuch Translation. — 1999. — S. 167; см. также: Schmidt H. Interferenz in der Translation. — Leipzig, 1989.

ми являются *количественные*: слишком частое использование в переводе на русский язык пассивных конструкций (их пропорция в русском нормативном языке тем самым нарушается); злоупотребление *praesens historicum*, который в русских текстах используется реже.

В процессе перевода обнаруживается и культурная интерференция. Она связана с различиями в культурных конвенциях, т. е. в правилах ситуативного словоупотребления, которые приняты в разных культурных сообществах. Так, в немецком, французском, испанском, русском языках существенно различаются культурные конвенции, связанные с обозначением отрезков времени (см. главу 7), с формулами вежливости, с употреблением междометий.

Интерференция при переводе является неизбежным явлением, и вместе с тем механизм перевода вполне способен ее преодолеть. Само наличие интерференции зависит от профессиональной компетентности переводчика, и переводчик может уменьшить ее с помощью специальных поправок, осознавая меру расхождений между теми двумя языками, с которыми он работает. Иначе межъязыковая интерференция приводит к блокированию передаваемой текстом информации, которая не будет воспринята реципиентом.

Глава 6

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА

6.1. Общие замечания

Каждый язык на протяжении своей истории впитывает в себя особенности обычаев и характера народа, который на нем говорит, факты его истории — короче, все, что связано с этнографией коллектива, пользующегося этим языком. Особенности эти настолько существенны, что принято говорить о *языковой картине мира*, специфичной для говорящих на каждом языке как родном. В виде лингвоэтнических компонентов эти особенности в большей или меньшей мере входят в любой текст на этом языке.

В процессе изучения иностранного языка человек, конечно, знакомится со всем этим неизбежно, но переводчику как эксперту в области лингвоэтнических реалий эти знания нужны в максимальном объеме. Для перевода большинства текстов на стадии подготовки к переводу ему нужен некоторый объем фоновой информации, однако для пополнения фонда фоновой информации, скажем, по медицине, или по поводу какого-либо литературного направления переводчик может воспользоваться справочными источниками. Лингвоэтнической спецификой текста переводчик должен владеть активно, поскольку она часто не дана в тексте в концентрированном виде, а рас-

сеяна в нем или зашифрована, и его задача — опознать эту специфику, исходя из полных активных знаний.

Сама проблема лингвоэтнической специфики текста, как мы знаем, впервые стала предметом обсуждения на рубеже XVIII-XIX вв (см. главу 2). Правда, тогда речь шла о «национальном колорите» Как «национальное и историческое своеобразие» текста толкую! лингвоэтническую специфику крупнейшие исследователи ее в XX в. С. Влахов и С. Флорин²⁵. Наконец, на рубеже XX-XXI вв. в центре внимания исследователей оказалась специфика лингвокультурной общности и ее отражение в языке и тексте²⁶.

6.2. Ситуативные реалии

Когда речь идет об отражении в тексте особенностей поведения, обычаев, привычек народа, говорящего на данном языке, которые не сводятся к употреблению отдельного слова, а воздействуют на специфику предметного содержания текста, т. е. когда лингвоэтническая специфика заключена в ситуации, мы вслед за С. Влаховым и С. Флориным будем говорить о *ситуативных реалиях*.

Незнание ситуативных реалий искажает восприятие текста, как это произошло с пьесой Чехова «Чайка», когда ее ставили на английской сцене (пример С. Влахова и С. Флорина). М. Шагинян, описывая постановку, с горечью обращается к режиссеру: «Зачем же, господин Майл Мэкован, позволяете Вы кипарисам расти в русском поместье, а длинному английскому огурцу очутиться в руках у русской барыни! Актриса держит его, как мы держим банан, а потом вдруг — по-английски — отрезает от него кусочек, держа его все еще в руках, и кладет этот кусочек себе в рот... Ничтожная деталь... ведь нет же таких огурцов у нас и не отрезаем мы от них кусочки таким воздушным способом!»²⁷. Режиссера упрекают именно в искажениях при передаче ситуативных реалий.

В английском фильме «Евгений Онегин» (1999 г., реж. Марти Файнс), снятом по одноименному роману А. С. Пушкина, в одной из сцен героини Татьяна и Ольга, стоя у рояля, поют песню «Ой, цветет калина...» Анахроничность использованной режиссером ситуативной реалии очевидна: действие относится к началу XIX в., а песня написана известным советским композитором в середине XX в.

Чаще всего ситуативные реалии встречаются в публицистике и в художественном тексте. Окрашивают они также и многие тексты СМИ. В связи с этим целый ряд текстов современной русской рекламы (например, телереклама банка «Империал» с сюжетом о Суворо-

Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1980. — С. 5.

См., напр.: Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000.

Шагинян М. Зарубежные письма. — М., 1977. — С. 10.

вс и Екатерине II с текстом: «Звезду Александру Васильевичу!») вызвал бы серьезные трудности при переводе.

С минимальным объемом текста, отражающего лингвоэтническую специфику, мы сталкиваемся при передаче клишированных перифразов, очень популярных в газетной публицистике: «Город на Неве» (Петербург), «Город на Волхове» (Новгород), «златоглавая столица» (Москва), Северная Пальмира (Петербург); *Donaumetropole* (букв.: метрополия на Дунае-Вена).

Ситуативные реалии, отражающие обычаи и привычки народа, обычно переданы с помощью более объемного отрезка текста. Вот несколько наверняка известных любому русскому читателю русских ситуативных реалий:

А. «Маша! Посмотри, ты сидишь между двух Саш. Быстро загадывай желание!» — только русскому понятно, что речь идет об обиходном поверье.

Б. «Сундукова! — закричали из канцелярии. — Вам письмо. Пляшите!». Для любого иностранца последнее требование покажется абсурдным, но отразить его необходимо, это всем известный русский обычай.

В. «И загрустил оболваненный под ноль и с метлою в руках хулиган». — Никакому иностранцу, за исключением опытного переводчика, не придет в голову, что речь идет о человеке, посаженном на 10 суток за хулиганство.

К народным обычаям, которые могут встретиться в тексте в виде ситуативных реалий, относятся и приметы, и правила народной этики: нос чешется — выпить пора; уши горят — кто-то судачит о тебе; вернуться, забыв что-либо, — дурная примета; разговаривать через порог неприлично; сидеть в комнате в шляпе — неприлично (рус); войти в дом в обуви неприлично (восточн.); войти в дом, сняв обувь, неприлично (нем.).

Последние два примера показывают, что в подобные правила, обычаи народы могут вкладывать разный смысл, они могут по-разному оцениваться с точки зрения этики и содержания. Поэтому, помимо обязательной передачи ситуативной реалии на основе полных знаний о ней, она должна быть прокомментирована. Возможен краткий комментарий внутри текста, если текст публицистический и одной из его целей является ознакомление читателя со спецификой жизни народа, страны. В художественном тексте возможен лишь внетекстовый комментарий (примечание).

В создании ситуативных реалий иногда участвует такой внеязыковой элемент, как язык жестов. У разных народов один и тот же жест может обладать неодинаковым, а подчас и противоположным значением, что является характерным признаком ситуативной реалии.

Разными жестами оформляется ситуация приветствия у разных народов: англичане здороваются кивком головы, испанцы и латиноамериканцы хлопают друг друга по спине, французы целуются, японцы кланяются, русские жмут друг другу руку.

Так же по-разному может выражаться и одобрение: русские могут выражать его аплодисментами, американцы — свистом и топо-

том, европейское студенчество благодарит профессора за лекцию стуком крышек и кулаков по столу

Попадая в текст, такой внеязыковой компонент воздействует на предметную ситуацию, которая понятна переводчику (если он знаком с реалией) и непонятна или может быть ложно понята читателем, следовательно, должна быть прокомментирована:

«Во парень! — прошептала Сонечка, показывая большой палец». — Для русского большой палец, поднятый вверх, есть знак одобрения, а в Европе поднимают большой палец, когда хотят остановить машину с просьбой подвезти; в тексте, описывающем жизнь в Древнем Риме, поднятый большой палец мог означать то, что гладиатора после выступления на сцене в Колизее хотят оставить в живых.

Несмотря на свою экзотичность, ситуативные реалии в тексте не составляют собственно переводческой проблемы и не нуждаются в специальных средствах передачи (таких, как транскрипция при передаче экзотизмов), и задача заключается только в их полноценном распознавании. Несколько сложнее дело обстоит, если ситуативная реальность опирается на некий экзотизм, в тексте не упомянутый. В армянской сказке злая жена «взобралась на крышу, скрестила руки, дожидается супруга». При восприятии европейским читателем может возникнуть недоумение, поскольку из контекста не ясно, что речь идет о плоской земляной крыше восточного дома в горах Армении. Так же непонятно, например, в русских сказках лежание на печи, поскольку ни на немецкой, ни на голландской печи лежать нельзя — не говоря уже об английском камине. По-видимому, наименование или краткое описание экзотизма здесь следует вводить в текст, так как ложное восприятие может вызвать комический эффект, т. е. реализовать в тексте перевода эстетическую информацию, которая в подлиннике не заложена.

В редчайших случаях, однако, специфика ситуативной реальности даже при полноценном комментировании не позволяет осуществить эквивалентный перевод. Речь идет обычно о представлениях народов, связанных с глобальными особенностями в их мировосприятии, которые воздействуют на систему и иерархию основных ценностей.

Так, возникают непреодолимые сложности при переводе сонетов Шекспира на арабский язык. В сонетах Шекспира мы находим европейский тип понимания жизненных ценностей и соответствующую символику и эстетические идеалы: летний день у Шекспира ассоциируется с понятием красоты, поскольку это — свет, тепло, солнце, дающее жизнь, сама жизнь (днем все живет, ночью спит), движение, деятельность, труд. Ночь в европейском понимании — метафора смерти, черный цвет — символ смерти, ночь — это сон, бездеятельность, холод. В восточной иерархии ценностей все наоборот. Летний день — это жара, ослепительный свет, отсутствие воды, убийственное солнце, смерть, грязь и пыль, необходимость трудиться. Зато

ночь — прохлада, покой, чувственные удовольствия, отсутствие ненавистного труда — на Востоке ночь ассоциируется с понятием красоты (не случайно название сборника арабских сказок: «Тысяча и одна ночь»). Поскольку особенности мировосприятия связаны в этом случае с эстетическими идеалами, с представлением о прекрасном, а в поэтическом тексте эстетическая информация входит в инвариант содержания, она вполне может быть передана, но не будет воспринята. Ведь то, что прекрасно для европейца, отвратительно для восточного человека. Таким образом, тексты сонетов Шекспира на арабском языке могут быть для арабского читателя лишь источником когнитивной и эмоциональной информации, но эстетическая будет блокирована.

6.3. Интертекстуализмы

Специфическую проблему перевода составляет также особый разряд лингвоэтнических реалий, оформленных в тексте как прямые или скрытые цитаты разнообразных текстов, известных носителям данного языка из их культурно-исторического опыта. Это могут быть фрагменты текстов из популярных кинофильмов (так, в российском обиходе: «Мнительный ты стал, Сидор!» из «Неуловимых мстителей»; «Гюльчатай, открой личико!» — из «Белого солнца пустыни»; «Я не волшебник, я только учусь» из «Золушки» и мн. др.²⁸), тексты рекламы, строки популярных песен, строки любимых стихов и др. Такого рода текстовые вставки, или *интертекстуализмы*, даже при самом точном, эквивалентном по отношению к исходному тексту переводе (имеется в виду эквивалентность того текста, откуда взята цитата) не смогут выполнять ту же коммуникативную функцию, которую они выполняют в исходной культуре. Поэтому переводчики неизбежно идут по пути передачи когнитивных компонентов при переводе этих фрагментов, расширяя горизонты восприятия реципиента с помощью внешних и внутренних комментариев.

Интеграция в текст готовых фрагментов других текстов заставила переводчиков вновь усомниться в возможности перевода. Механизм здесь, по-видимому, простой: раньше интертекстуальность не осознавалась, поэтому и переводческая проблема возникала редко. Теперь же она не только осознается, но для многих авторов публицистических и художественных текстов, а также для творцов рекламы является осознанным стилистическим приемом.

Однако переводчики продолжают переводить, пытаясь обойти интертекстуальные барьеры, и, пожалуй, настала пора подвести пер-

²⁸ В последнее время стали появляться словари интертекстуализмов, в которых приведены тексты цитат и их источник; см., напр.: *Елистратов В. С. Словарь крылатых слов. Русский кинематограф.* — М., 1999.

вые итоги. В качестве примера рассмотрим перевод одного из произведений современного поэта Тимура Кибирова, выполненный немецкой переводчицей Розмари Титце. Произведения Кибирова буквально напичканы интертекстуализмами. Возьмем одну страницу поэмы Тимура Кибирова «Когда был Ленин маленьким» и отметим скрытые и явные излучения других текстов:

3

Игрушками он мало играл, больше ломал их.
Так как мы, старшие, старались удержать его от этого,
то он иногда прятался от нас.
Помню, как раз, в день его рождения,
он, получив в подарок от няни
запряженную в сани тройку лошадей из папье-маше,
куда-то подозрительно скрылся с новой игрушкой.
Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью.
Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади,
пока они не отвалились одна за другой.

(А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича)

Ах, Годунов-Чердынцев, полюбуйся,
С какой базарною настойчивостью Муза
Истории Российской предлагает
сестрице неразборчивой своей
столь падкой на дешевку Каллиопе
свои аляповатые поделки!

Ах, тройка, птица-тройка!
Кто тебя такую выдумал?
Куда ты мчалась, тройка?
То смехом заливался колокольчик,
то плачем, и ревел разбойный ветер, шарахались,
и в страхе столбенели языки чуждые,
и кнут свистел, играя.

А немец-перец-колбаса
с линейкой логарифмической
смотрел в окно вагона недоуменно...

Эх, птица-тройка!
Куда ж неслась ты, Господи спаси?
И не было ответа. И не будет уже.
Кудрявый мальчик яснолобый
последнюю откручивает ножку.
Нет! Мы пойдем другим путем!..
Как странно...
не лучше ль было ехать в пироскафе?
Иль в пароходе — в чистом поле,
все быстрее, чтоб ликовал народ
и веселился весь.

(Тимур Кибиров. Из поэмы «Когда был Ленин маленьким»)

1. «Годунов-Чердынцев»: В. Набоков «Дар», гл. 3.

2. «Муза Истории Российской»: Карамзин «История государства Российского».

3. «Ах, тройка, птица-тройка! Кто тебя такую выдумал? Куда ты мчалась, тройка?» — перефразировка из Гоголя («Мертвые души»).

4. «То смехом заливался колокольчик»: многочисленные русские романы.

5. «И ревел разбойный ветер»: А. Блок «Двенадцать» — «Ветер, ветер, на всем Божьем свете».

6. «Языки чуждые»: А. Пушкин «Памятник» — «всяк суший в нем язык».

7. «И кнут свистел, играя»: Н. А. Некрасов — «и кнут свистел, играя, и Музе я сказал: гляди, сестра твоя родная».

8. «А немец-перец-колбаса с линейкой»: детская дразнилка — «Немец-перец-колбаса-кислая капуста, слопал крысу без хвоста и сказал, что вкусно».

9. «Смотрел в окно вагона»: такие сочетания встречаются у Блока, Цветаевой, в русских романах, напр., «Я ехала домой» («двурогая луна смотрела в окна тусклого вагона, чуть слышный благовест заутреннего звона пел в воздухе, звенящем, как струна»).

10. «Эх ты, птица-тройка! Куда ж неслась ты...»: опять Гоголь.

11. «Кудрявый мальчик яснолобый»: советская мифологема-перифраз (Ленин).

12. «Последнюю откручивает ножку»: источник дан в виде эпиграфа.

13. «Нет! Мы пойдем другим путем»: цитата из Ленина; ее продолжение: «не таким путем надо идти».

14. «Не лучше ль было ехать в пироскафе»: намек на известную песню «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка».

15. «Иль в парохоме — в чистом поле...»: перефразировка известной песни «Пароход» (музыка Глинки, слова Кукольника) — «веселится и ликует весь народ», «поезд мчится, мчится поезд», где паровоз по старинке назван парохомом.

Мы насчитали в трех строфах 15 интертекстуальных включений. Теперь посмотрим, что же делается в переводе. Но придется сразу сделать оговорку: попытки проверить текст перевода на наличие/отсутствие в нем какого-либо одного компонента подлинника и построение на этом основании вывода о том, что перевод неэквивалентен, вряд ли можно признать научными. Во-первых, текст несет в себе сразу целый комплекс компонентов, во-вторых, нельзя интересоваться только тем, все ли передано, и не интересоваться тем, все ли получено. Ведь не секрет, что для очень многих текстов при их переводе «скопос» не определен. Переводчик, переводя, нащупывает его почти интуитивно, как представитель принимающей культуры. Поэтому он же может взять на себя смелость не передавать то, что точно получено не будет. Познакомимся с переводом:

Ach, Godunow-Tscherdynzew, darfst dich freuen,
mit welchem Marktfrauengeschick die Muse
der russischen Geschichte es versteht,
Kalliope, der anspruchslosen Schwester
mit dem — man weiß ja — kitschigen Geschmack,
die grobste Talmiware anzuschwatzen.

Ach, Troika, Vogel Troika, wer hat dich
ersonnen? Wohin stunnst du, Troika RuBland?
Bald klingt dein Glocklein wie ein Silberlachen,
bald wie ein Weinen, drohend heult der Wind,
wer fremder Zunge ist, steht starr am Wegrand,
vor Schrecken blafi, und lustig pfeift die Knute.

Und «Wurst-und-Kraut», der Deutsche, schaut verwundert,
mit seinem Rechenschieber, aus dem Fenster
der Eisenbahn ...Ach, Troika, Vogel Troika,
— o Herr des Himmels, hilf! — wo jagst du hin?
Seit Gogols Zeiten keine Antwort, wird es
auch nicht mehr geben, dafür ist's zu spat:
Ein blondgelockter Junge, hoch die Stirn,
dreht schon das letzte Pferdebeinchen ab.
«Wir wahlen einen andern Weg!» Wie seltsam...
War's besser nicht gewesen, mit dem Loko-
mobil zu fahren, mit der Eisenbahn?
Durch freie Fluren, und das Volkjauchzt frohlich?

Итак, что же передано в переводе Розмари Титце? Культура русского силлабо-тонического стиха с мягким чередованием пяти- и шести-стопных ямбов в переводе отразилась вполне; да она, как мы знаем, близка немецкой. Его классическая стройность чуть расшатана однократным стиховым переносом *Lokomobil*, который в принципе Кибирову свойствен, но в данном месте отсутствует. Сохранена и преобладающая женская каденция, которая и в подлиннике, и в переводе лишь слегка разбавлена мужской, что придает повествованию отчетливую вопросительную интонацию, которую переводчица даже усиливает, заменив в последней строке решительное мужское окончание на раздумчивое женское.

Для звукописи — аллитераций и внутренней рифмы — переводчица выбирает разные способы передачи: Ревел Разбойный ветеР — аллитерация Р присутствует в тех же строках в немецких словах *drohend, der, starr, Wegrand*; в Страхе Столбенели — повтор С заменен на повтор Ш: *steht starr*; внутренняя рифма немец-перец, по функциональным стилистическим характеристикам аналогичная в немецкой текстовой культуре парному словосочетанию, им и заменена: *Wurst-und-Kraut*.

Лексическую пестроту подлинника, которая складывается из архаизмов, поэтизмов, разговорной лексики, Р. Титце передает системно, при этом общее количество устаревших слов несколько уменьшено, но для наиболее ярких найдены функционально адекватные соответствия: Языки — *Zunge*, пароход — *Lokomobil*. Выбранные для

перевода лексические средства позволяют передать образную структуру во всей ее полноте.

Появление в тексте перевода русских экзотизмов отражает закономерный процесс переключения текста на другую культуру (культурная адаптация): кнут — die Knute, тройка — Troika. Немец-перец-колбаса — образчик детской метафоры национальной специфичности — превратился в переводе в Wurst-und-Kraut («колбаса-капуста»), т. е. в немецкий аналог такой формулы.

А что же случилось с интертекстуальными компонентами? Из 15 выявленных нами аллюзий переводчица сохраняет две: открученную ножку и Гоголя. Причем если первая входит в текст автоматически, вместе с прозаическим эпиграфом, то вторая специально вводится в текст перевода с помощью внутреннего комментария; там появляется оборот Troika Russland и Seit Gogols Zeiten keine Antwort («со времен Гоголя нет ответа»). Ограничивая количество интертекстуализмов, переводчица действует вполне обдуманно, являясь знатоком русской литературы и культуры. По ее личному свидетельству, из 15 случаев она не раскрыла только один: косвенный намек на песню «Наш паровоз, вперед лети...». Отметим также, что и Пушкин, и Набоков, и Блок, и Некрасов переведены на немецкий язык, и, в общем, никакого труда не составляло взять готовые цитаты и включить их в текст перевода. Но переводчица этого не сделала — и понятно почему. Они не вошли в немецкий культурный контекст так, как вошли в русский. Поэтому в переводе сохранен лишь один сигнал, указывающий на то, что в тексте подлинника есть цитаты.

Этот пример показывает, что в результате перевода произведения, где ведущим художественным приемом являются интертекстуальные вставки, рождается принципиально новый текст, также художественный, но с совершенно иной расстановкой стилистических доминант.

Такой текст представляет своего рода информационную выборку, запрашиваемую другой культурой. Он не содержит интертекстуальной глубины, да и не может ее содержать, так как для этого потребовалось бы перенесение в иную культуру вместе с текстом перевода всего айсберга культурного контекста, неотделимого от истории народа, в среде которого порожден ИТ.

Но во всех этих случаях, как, впрочем, и всегда, самостоятельной ценностью является сам факт культурного контакта и несомненное обогащение принимающей культуры, которая усваивает переведенный текст. Залогом этого обогащения служит многоплановость художественного текста — категория, важность учета которой при переводе неоднократно подчеркивал А. В. Федоров. Именно многоплановость позволяет вести «диалог культур» (пользуясь термином М. Бахтина) не только интертекстуальным путем.

Проблему можно рассматривать и шире, учитывая многочисленные переводы нехудожественных текстов, прежде всего публицистических, где интертекстуальный план также неизбежно теряется и задача переводчика заключается не столько в том, чтобы его пере-

дать (как мы убедились, это вряд ли возможно и вряд ли всегда нужно), а в том, чтобы восстановить в процессе перевода единство текста. Фонд существующих переводов подсказывает два возможных пути: 1) полная или частичная утрата интертекстуальности при переводе; 2) замена интертекста, содержащегося в ИТ, на интертекст, вызывающий аналогичные ассоциации, но присущий ПЯ и его культуре.

Таким образом, на переводчика возлагается ответственность за выбор пути, и его роль как эксперта по межкультурной коммуникации неизмеримо возрастает.

Глава 7

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

7.1. Общие замечания

Мы уже знакомы с общими принципами передачи лексики подлинника в переводе из предшествующих разделов, вводящих в круг проблем теории перевода. Обобщим то, что мы знаем.

1. Слово — мельчайший самостоятельный носитель значения в языковом коде, и в тексте оно оказывается мельчайшей частью комплексного содержания текста.
2. В зависимости от типа текста слово или комплекс слов может относиться к разным ступеням иерархии компонентов содержания, и поэтому может случиться, что необходимость в его передаче совсем отпадет.
3. Слово может обладать однозначной, независимой от контекста соотносительностью со словом или словосочетанием языка перевода и передается в этом случае с помощью эквивалентного соответствия.
4. Слово может обладать многозначностью, и тогда его значение разрешается контекстом, и оно передается с помощью вариантного соответствия.
5. Слово может обладать неполной соотносительностью со словом языка перевода и в таком случае вызывает при переводе необходимость трансформации: лексической замены (генерализации, конкретизации и др.).
6. Слово может выступать в процессе перевода как самостоятельная единица перевода с точки зрения семантики, но это далеко не единственная единица перевода в тексте; как правило, в тексте переводчик находит сочетания разных единиц перевода, и слово — только одна из них.

Однако, кроме общих проблем, возникают проблемы перевода лексики, связанной с определенной парой языков, поскольку она

имеет лингвоэтническую специфику. Мы рассмотрим их по отдельным группам лексики, которые в принципе можно выделить в любом языке, но особенности их соотношенности с подобными группами в каждом языке перевода различны. Поэтому мы постараемся привлечь материал различных языков, но делать акцент в первую очередь на немецко-русских взаимосвязях.

7.2. Экзотизмы ^у

Экзотизмами или словами-реалиями принято называть такие лексемы в языке, которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо Народа, страны или местности. По тематическому принципу их можно подразделить на 3 группы:

А. Географические реалии: 1) термины физической географии: степь (Россия), фиорд (Норвегия), прерия (Латинская Америка), саванна (Африка), фен (Австрия). Как мы видим по примечаниям в скобках, географические реалии часто связаны не со страной и народом, а некоей местностью и особенностями природы и климата, хотя само слово-реалия имеет конкретный языковой источник; 2) эндемики: секвойя, баобаб, кенгуру.

Б. Этнографические реалии: 1) одежда и обувь: кимоно (Япония), лапти (Россия); 2) строения и предметы быта: изба (Россия), сауна (Финляндия), иглу (Аляска); 3) национальные виды деятельности и названия деятелей: скальд (Исландия), бард (Ирландия), скомоух (Россия), миннезингер (Германия), икебана (Япония); 4) обычаи, ритуалы, игры: вендетта (Сицилия), тамада (Грузия), лапта (Россия); 5) мифология и культы: Дед Мороз (Россия), тролль (Скандинавия), валькирия (древние германцы), вурдалак (Россия), ксендз (Польша), пагода (буддизм), мечеть (мусульманство); 6) реалии-меры и реалии-деньги: аршин (Россия), рубль (Россия), лира (Италия), марка (Германия).

В. Общественно-политические реалии: кантон (Швейцария), виги и торн (Англия), большевики (Россия).

Уже по приведенным в классификации примерам, которые представляют собой экзотизмы, усвоенные русским языком (за исключением собственно русских реалий), мы ощущаем, что эти слова являются, по-видимому, их приблизительным воспроизведением в языке, откуда заимствованы. Действительно, экзотизмы передаются в ПЯ в основном методом *транскрипции*, т. е. — пофонемного уподобления:

Fon — фен, Minnesinger — миннезингер, Führeг — фюрер, перестройка — Perestroika, квас — Kwas, шапка — Schapka.

Экзотизмы, пройдя этап транскрипции, используясь в языке перевода, постепенно обрастают грамматическими показателями ПЯ:

die Marke — марка, die Walküre — валькирия, die Kirche — кирха, гусли — Husla.

Иногда при переводе экзотизмов некоторую роль играет графический образ:

водка [вотка] — Wodka. В переводе на немецкий одна фонема [т] заменена по принципу транслитерации на [d].

Итак, ведущим способом передачи экзотизмов является межъязыковая транскрипция (см. таблицу транскрипционных соответствий в главе 9). Это емкий способ создания в тексте национального колорита, так как он позволяет ввести в текст звуковые подобию иностранной речи. Однако слово-экзотизм обладает полностью затемненной формой, и его семантика может выявиться только через контекст: «Я еще бегивал босиком да играл в бабки» (О. М. Сомов. «Кикимора»). — «Ich lief noch barfuss und spielte Babki» (перевод К. Павловой). Только из сочетания с глаголом «spielen» читатель может догадаться, что «Babki» — это игра. Но зачастую минимальный контекст не раскрывает семантику экзотизма. Тогда переводчику приходится либо вводить краткое добавление в текст, чтобы прояснить понятийную ситуацию, либо сопроводить текст примечаниями. Кстати, так поступают и авторы текстов, вводя экзотизм в свое повествование, выступая в качестве переводчиков одной лексемы:

Vor dem Fenster flog **Puch, die weisse Wolle der Pappeln**, wie ein dichtes Schneetreiben.

(J. Marte. Solomon Apt)

Таким двойным вводом экзотизма часто пользуются авторы публицистических текстов, если текст посвящен описанию какого-либо народа или страны и нужно придать ему экзотический колорит. В этом случае, как и в предыдущем, перед нами тоже факт перевода, но не текстового, а лексемного (переводится отдельное слово из иностранного языка и переносится в текст на родном языке). В целях создания национального колорита в текст могут вводиться не собственно экзотизмы, а просто иностранные слова, однако они все равно выполняют в таком тексте функцию экзотизмов:

А. В семье двое детей — бой энд герл.

Б. Жареные чикенз.

В приведенных знаменитых примерах К. Чуковского контекст помогает угадать значение иностранных слов.

Путем транскрипционного перевода вошли в русский язык реалии времен фашизма: хайль, вермахт, гитлерюгенд, гауляйтер, — хотя практически все из них могли найти готовое соответствие в русском языке. Сам способ транскрипции придал этим словам статус экзотизмов и создал представление о фашизме как особой, отличной от известных прежде, общественной системе.

При переводе текста, изобилующего экзотизмами, которые переводчик транскрибирует, возникает опасность эффекта «непро-

зрачности» содержания. В таком случае переводчик вынужден некоторые из экзотизмов передавать с помощью семантического соответствия по принципу родовидовой замены (церковь, кирха, пагода, мечеть, храм). Вот пример передачи экзотического японского быта: «Прямо перед зрителем — токонома. На стене висят рейшины и угольники. Перед токономой — японский столик, рядом, за створчатой фусума, — домашний алтарь» — выделенные слова представляют собой экзотизмы, переданные способом родовидовой замены.

Некоторыми особенностями с точки зрения перевода обладают **реалии-меры** и **реалии-деньги**. От прочих экзотизмов они отличаются тем, что имеют соотносительность с цифровой знаковой системой.

Наименование мер, обозначающих единицу веса, длины, площади, объема жидкости и т. д., обнаруживают национальные традиции передачи.

Выявим основы для принятия переводческих решений при их передаче. Во-первых, переводчику необходимо знать реальную величину каждой меры в соотношении с метрической системой. Ведь наименование меры может иметь в разных языках различное содержание.

Характерный случай — мера длины — миля (от лат. *milia passum* — тысяча шагов). Она имеет свыше 25 разных соответствий.

Египетская миля — 580 м. Английская миля — 1524 м. Сухопутная миля (США, Англия) — 1609 м. Морская международная миля — 1852 м. Географическая немецкая миля — 7420,44 м. Старая русская миля — 7467,6 м. Шведская миля — 10 000 м. Старая чешская миля — 11 200 м.

Около 100 вариантов длины имеет фут, около 20 вариантов веса обозначает фунт. В зависимости от типа текста и его тематики переводчику далее следует определить, какое соответствие метрической системе имеется в виду (например, в немецком географическом тексте скорее всего будет иметься в виду немецкая географическая миля), и ориентироваться на ее значение при переводе. В научном и научно-техническом тексте реалии-меры носят характер терминов и передаются с помощью однозначного соответствия.

Другими свойствами могут обладать реалии-меры в публицистическом и художественном тексте, где участвуют в системе образов и оформляют передачу эмоциональной и эстетической информации:

А. О высоте пальмы: «На пять сажень возвышалась она над верхушками всех других растений» (В. И. Гаршин).

Б. «В дьяконе было около девяти с половиной пудов чистого веса» (А. И. Куприн).

В. Герой сетует, что живет далеко от города: «В сотнях верст от городской жизни» (А. И. Куприн).

Для реалий-мер в таком употреблении характерна приблизительность, а мера количества (много-мало) выводится из узкого контекста:

А. «**Всего 50 футов** над уровнем моря» (мало).

Б. «Мы обрабатываем **целых 14 танов** земли» (много).

Сама же реальия-мера транскрибируется.

Если обозначение меры является международным (например, метрическая система), то оно к реальиям не относится и передается с помощью однозначного соответствия. Но встречаются международные обозначения мер с одинаковым обозначением единицы меры, но относящиеся к разным системам мер. Типичный пример — обозначение температуры:

А. Джек Лондон в «Северных рассказах» говорит о морозе (!) в **5 градусов** (по шкале Фаренгейта, что соответствует -15 градусам по Цельсию).

Б. И. Гончаров в одном из произведений отмечает страшную жару — ...+ **20-23 градуса** (по шкале Реомюра, что соответствует +30 градусам).

В. Джек Лондон в «Южных рассказах» отмечает жару в **85 (!) градусов** (по шкале Цельсия +30 градусов).

Реалии-меры, обладающие ярким историческим и национальным колоритом, рассматриваются как обычные экзотизмы, т. е. как носители колорита, и передаются с помощью транскрипции (верста — *Werste*).

Особо следует отметить особенности передачи лексики, связанной с обозначением времени. Международная шкала времени имеет одинаковое членение в русском и немецком языках, и в принципе ее единицы передаются с помощью однозначных соответствий:

Minute — минута (60 секунд), *Stunde* — час (60 минут), *Tag* — сутки (24 часа), *Woche* — неделя (7 дней), *Monat* — месяц (4 недели).

Но в немецком тексте (устном и письменном) мы чаще встретим обозначение: 48 *Stunden* — чем 2 *Tage*, 14 *Tage* — чем 2 *Wochen*, чаще 12 *Wochen*, чем 3 *Monate*. В немецком тексте, таким образом, прослеживается традиция более дробного членения в обозначении времени, поэтому, если нет особых запрещающих причин, переводчик передает в переводе с немецкого, встречая обозначение времени, кратное 2, 3, 4 — с помощью более крупной единицы: 24 *Monate* — 2 года; 16 *Wochen* — 4 месяца; 21 *Tag* — 3 недели, и наоборот, в переводе на немецкий может использовать, особенно в деловом тексте, более мелкое членение: в течение двух недель — *im Laufe von 14 Tagen*. Вот несколько примеров:

Der Bezirksarzt, der meinte, der ganze Zauber wird in vier Wochen zu Ende sein. — Окружной врач считал, что вся эта петрушка **через месяц** кончится (*/ Tielsch. Ahnenpyramide*).

Vierzehn Monate später... — Через год и два месяца... (там же).

In vier Wochen wird das Haus wieder einmal versteigert. — Через **месяц** дом снова поставят на торги (*Ch. Nostlinger*).

Реалии-деньги в переводе часто оказываются антиподами реальных-мер. Если меры, как правило, передаются с учетом их смысло-

вого содержания, то реалии = деньги являются ярким символом экзотики страны (лира, динар, доллар и т. п.). Тем не менее соотносимость их с одной определенной страной часто оказывается мнимой и связана с традиционной устойчивой известностью лишь некоторых стран, где в ходу данная денежная единица. Например, рупия для нас прежде всего связана с Индией, но используется она не только в Индии, но также в Непале, Пакистане, Бирме, Индонезии. Франк используется как национальная денежная единица в 30 странах, доллар — в 31 стране. Итак, есть истинные реалии-деньги, которые однозначны в ходу только в одной стране (лев, драхма, аустраль, шекель, рубль), и многозначные, которые при переводе требуют уточнения (например: швейцарский франк, гонконгский доллар, ирландский фунт). Переводчику для эквивалентной передачи текста необходимо также знать, что многозначные реалии-деньги имеют в каждой стране свой курс, и, кроме того, неодинаковым бывает деление на разменную монету (египетский фунт = 100 пиастрам, английский фунт стерлингов = 100 пенсам), итальянская лира = 100 центезимо, турецкая лира = 100 пэнни). Отличаются и названия разменной монеты, использующиеся по отношению к разным реалиям-деньгам. Например, цент — это одна сотая доллара, рупии, гульдена, ранда.

Названия денежных единиц в высшей степени подвержены временным изменениям; старые, вышедшие из употребления названия иногда приобретают другое, переносное, как правило, обобщенное значение. Французская денежная единица су вышла из употребления, но применяется в значении «мелкая монета». То же можно сказать о судьбе русского слова «грош» и немецкого слова «Groschen». Такие денежные реалии-историзмы теряют часть коннотативного значения, приближаясь к оценочным словам: «грошовая опера», но «копеечные расходы». Второй пример показывает, что обобщенное значение может развиваться и у «живой» денежной реалии. Если слово, обозначающее денежную реалью, употреблено в обобщенном значении, перевод осуществляется не с помощью транскрипции, а с помощью функционального аналога: «копеечные расходы» — «nichtige Summe».

Особую проблему представляет перевод реалий-денег с ярко выраженной грубо-просторечной или жаргонной окраской: целковый, два с полтиной, рваный, капуста, красненькая и т. п. Главное при их передаче — сохранение принадлежности к тому же стилю, т. е. функциональный принцип, — благо что синонимика названий денег в сниженных слоях языка чрезвычайно развита: нем. Fuchb.se, Ней, Магic и мн. др. Часто удается найти такое соответствие и среди сниженных синонимов названий конкретной купюры: столик (купюра в сто рублей или сто тысяч рублей) = der Hundi (купюра в сто марок).

7.3. Имена собственные

Имена собственные — это группа лексики, обладающей однозначной соотношенностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но и — в первую очередь — как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире. Поэтому имена собственные передаются с помощью однозначных, закрепленных в языке соответствий или с помощью транскрипции. Реже используется перевод, учитывающий семантику корневой морфемы. В любом случае имена собственные выделяются в письменном тексте и в русском, и в любом европейском языке заглавными буквами.

Личные и географические имена, не закрепленные традицией передачи, передаются согласно современным правилам переводческой транскрипции.

Для имен собственных характерно некоторое изменение в оформлении фонематического состава, отражающее объективные процессы усвоения имени в системе языка перевода. В некоторых именах запечатлелся старый способ передачи через латинскую транскрипцию или иные отклонения от фонематического облика (см. главу 9).

Итак, если внутренняя форма имени не обыгрывается, личные и географические имена передаются по новым или старым правилам транскрипции или традиционно. Традиционные соответствия зафиксированы в словарях (Moskau — Москва). Особый слой традиционных соответствий представляют собой библейские имена. Уменьшительные имена также передаются в основном с помощью транскрипции: Gretchen — Гретхен; Коля — Kolja. Известна, однако, более старая традиция замены немецких уменьшительных суффиксов -chen, -lein на русские: Hanschen — Гансик.

Прозвища людей — исторические, уже не зависящие от контекста, и прозвища героев в художественном тексте, служащие для характеристики персонажа, передаются с сохранением семантики корневой морфемы: Карл Лысый, Филипп Красивый, Карл Великий (но: 'Карл Мартелл = лат. молот); Пеппи Длинныйчулок.

Псевдонимы передаются транскрипцией, кроме тех случаев, когда являются «говорящими».

Клички животных (зоонимы) переводятся, если их внутренняя форма достаточно ясна: Tigel — Тигр (кличка собаки). В остальных случаях они транскрибируются: Mietzi — Митци (кличка кошки), Kiki — Кики (кличка собаки); и также с русского: Мурка — Murka, Дружок — Druzhok. Международные клички транскрибируются с ориентиром на исходный язык: Рекс, Джек.

Особую проблему составляет перевод *имен персонажей-животных* в народной сказке, снабженных устойчивыми эпитетами в форме прилагательного. Проблема эта актуальна прежде всего для перевода русских народных сказок на иностранные языки, поскольку

имена животных такого состава распространены шире всего именно в русской традиции. Для некоторых из этих имен существуют столь же устойчивые аналоги: Коза-дереза = англ. Nanny Goat. Но в большинстве случаев переводчикам приходится создавать новые имена по существующим в языке словообразовательным моделям, принятым в фольклорных текстах на данном языке. Так, в английском переводчику приходится либо выстраивать причастный оборот: Курочка Ряба = the Speckled Hen, либо использовать традиционный для английского фольклора эпитет-приложение в форме мн. ч. существительного: Hare the Long Legs. Аналогичные модели существуют и в немецком фольклоре: Муха-Цокотуха = die Fliege Brummerin, комар-пискун = die Mucke Summserin, серый волк = der Wolf Grauherr.

В переводе *географических имен* абсолютных правил нет, но намечаются отчетливые тенденции. Большинство имен транскрибируется, какой бы «говорящей» ни была внутренняя форма: гора Юнгфрау (букв.: Дева), гора Вильдшпитце (букв.: Дикая Вершина). Однако для перевода названий морей, озер и крупных заливов более характерна традиционная передача с переводом отдельных компонентов: Ладожское озеро — Ladogasee, Nordsee — Северное море и т. п.

Микротопонимы — названия улиц, площадей и т. п., как правило, транскрибируются: Postgasse — Постгассе, Unter-den-Linden — Унтерденлинден (названия улиц). Но известны и традиционные переводные соответствия: Wiener Wald — Венский лес (парк), Champs Elysees — Елисейские поля (бульвар в Париже).

Названия учреждений и организаций, как правило, транскрибируются, так же как названия магазинов, гостиниц, торговых фирм: Volkswagen — «фольксваген», «Theresianum» — «Терезианум» (гостиница). Однако названия организаций, которым важна не только реклама, международная идентификация их имени, а и популяризация смысла их деятельности, переводятся: «Arbeiter-Samariterbund» — «Союз рабочих-самаритян», «Amnesty International») — «Международная амнистия» (устаревший транскрипционный перевод «Эмнисти Интернэшнл» соответствует тем временам в России, когда деятельность этой организации считалась идеологически вредной). Аналогично названиям фирм с помощью транскрипции передаются фирменные названия товаров: «Нивея», «Оптима», «Сникерс». Названия ресторанов и других заведений, построенные на каком-либо образе или ситуативно-культурной ассоциации, чаще всего переводятся: нем. ресторан «Die goldene Gans» — «Золотой гусь», петербургский ресторан «Матросская тишина» (ассоциация с известной московской тюрьмой и одновременно — указание на то, что Петербург — портовый город) «Matrosenstille».

Названия судов и космических кораблей транскрибируются; на первый план выступает не образ, положенный в основу наименования (англ. discovery — «открытие»), а экзотический колорит имени,

указывающий прежде всего на приоритет данного народа или страны на море или в космосе: «Voyager» — «Вояджер», «Мир» — «Mir» (исключение на сегодня составляет перевод на русский язык названия американского космического корабля «Apollo» — «Аполлон», где победило широко известное русское оформление имени греческого бога: Аполлон).

Транскрибируются также названия газет, журналов, которые воспринимаются, наподобие экзотизмов, как яркий символ национальной специфики данной страны: «Файнэншл Тайме», «Моргенбладет», «Шпигель», «Штерн», «Pravda», «Chas pik». Хотя все эти названия обладают четким понятийным содержанием, функция референции страны при их переводе оказывается важнее. Переводятся, как правило, названия научных журналов: «Сердечно-сосудистая хирургия» — «Herzgefasschirurgie».

Признак экзотичности доминирует, по-видимому, и при переводе названий спортивных команд. Так, названия футбольных команд в большинстве случаев транскрибируются: «Айнтрахт» (нем. «единство»), «Рома» (итал. «Рим»), «Депортиво» (исп. «спортивный»).

Особый случай представляют прилагательные, образованные от географических имен. Изначально они представляют собой слова с транскрибированной корневой морфемой: Тироль — тирольская шапочка. Но затем исходное имя собственное может измениться или исчезнуть из употребления, а прилагательное сохраняет ту же корневую морфему, поскольку обозначает устойчивый признак или качество, потерявшие локальную привязку: Персия (Иран) — персидский ковер, Карлсбад (Карловы Вары) — карлсбадская соль и т. п. Прилагательные такого рода, как правило, интернациональны и переводятся с помощью эквивалентных соответствий. Однако иногда у этих прилагательных развивается оценочная функция, что естественно, поскольку представление об уникальности предмета часто связывается с представлением о его высоком качестве; тогда при переводе в качестве соответствия может выступать прилагательное ПЯ, наделенное в этом языке положительной оценочной коннотацией: *Damaskus steel* = булатная сталь.

В художественном и публицистическом тексте мы встречаемся с «говорящими» именами. В широком смысле слова к ним относятся и аллюзивные имена, которые у носителей языка ассоциируются с определенным словом, сюжетом, персонажем. Некоторые из них — Иуда, Дон Кихот, Дон Жуан — превратились в нарицательные (напр., донжуаны), другие сохранили оформление собственных имен, но используются как символы-перифразы тех или иных качеств: Отелло (ревность), Крез (богатство), Кассандра (пророчица) и т. п. Если это имена международно известные, они транскрибируются с учетом традиции ПЯ. Если же они широко известны только одному народу (Плюшкин, Обломов), тогда это типичные лингвотнические реалии и транскрипция должна сопровождаться комментарием.

«Говорящие имена» в узком смысле слова — это имена с живой ипутренной формой. Исходно живая семантика присуща любому личному имени, но в процессе функционирования и вхождения в систему языка она постепенно бледнеет, хотя и не всегда полностью (ср.: Светлана, Владимир). Переводческую проблему, однако, представляют не эти имена, а вымышленные, внутренняя форма которых используется автором для реализации коммуникативного задания через эстетическое воздействие.

Такие имена часто встречаются в художественном тексте как средство создания иронической или игровой атмосферы. Именно такую роль они играют у Хармса: Мышин, Комаров, Аугенапфель; в ранних рассказах Чехова: учитель русского языка Пивомедов, инспектор Ахатов. С характеристикой героя такие имена не связаны или мало связаны, и при переводе важно сохранение их игровой функции в тексте, а не собственно семантики. Другая функция «говорящего» имени в тексте — использование его для емкой характеристики персонажа. В таких случаях имя «говорит» читателю об основной, «ведущей, устойчивой черте героя. Семантика, отражающая характеристику, в этом случае обязательно передается: Professor Ungai — учитель Гнус (персонаж романа Г. Манна). Однако личное имя имеет также словообразовательные особенности, обладающие национальной специфичностью. Поэтому второй задачей переводчика является передача национальных особенностей оформления имени. Классические примеры из перевода романа Ф. Кулера «Моникины» (пер. Горфинкель и Хвостенко) показывают, как может в переводе сочетаться сохранение семантики корня и национально специфичной словообразовательной модели: Lord Chatterino — лорд Балаболо (итал. модель), John Jaw (букв.: челюсть) — Джон Брех (англ. модель). Более поздний пример — из перевода сказки Б. Келлермана: Prinz Nau-um-dich — принц Рубай.

Уникальный опыт воссоздания национальной специфичности «говорящих» имен описал В. С. Виноградов, анализируя перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, выполненный Н. Любимовым²⁹. Здесь и конверсионные антропонимы (Фанфарон, Филе, Грабежи), и смоделированные смысловые антропонимы (Салатье, Пустомелиус, Обжор), в том числе многоосновные имена (Дерьможуй, Пейдаври, Толстопопия).

Однако и в художественном тексте иногда оказывается важнее сохранить экзотическую «непрозрачность» внутренней формы, даже если имя «говорящее». Так, М. Л. Лозинский отказался при передаче имени Kofa Breugnol (букв.: персик) от сохранения семантики внутренней формы и предпочел транскрипцию: Кола Брюньон (герой одноименного романа Р. Роллана). По другому пути пошел В. Набоков, переведя это имя как Николка Персик, таким образом русифицировал его.

Оживление внутренней формы имени собственного применяется в современной рекламе:

А. «Eg hat was von Einhorn» (реклама модной фирмы «Einhorn», специализирующейся на мужской одежде). — Возможны два прочтения фразы: I — «В нем есть что-то от единорога», II — «У него есть что-то от Айнхорна» (имеется в виду фирменная одежда, надетая на манекенщика с мужественной внешностью). Здесь оживляется внутренняя форма названия фирмы. При попытке перевода в конфликт вступают две функционально значимые доминанты текста подлинника: название фирмы вместе с его звучанием входит в инвариант и в переводе должно быть передано транскрипцией; семантика названия фирмы обыграна и многозначность должна быть в переводе отражена. По-видимому, для сохранения обеих функциональных доминанш необходима трансформация, связанная с добавлением в текст.

7.4. Междометия и звукоподражания

Междометия и звукоподражания — особый тип языковых знаков, исходно базирующихся на прямом отражении звуков окружающего мира (в первом случае — любого окружающего мира, во втором — звуков, производимых только человеком). Эти языковые знаки отражают звуки с помощью фонематических средств языка и связаны со слуховым восприятием человека.

1. *Звукоподражания.* Казалось бы, здесь не должно быть переводческих проблем. Люди, говорящие на разных языках, должны быть едины в восприятии и в фонематической передаче звуков природы. Но на деле передача звуков подчиняется разным языковым традициям и зависит от разных языковых возможностей. Сравним самые распространенные звуки.

Язык:	Крик петуха:	Лай собаки:
англ.	кок-а-дудль-ду	уау-уау
нем.	кикирики	вау-вау
швед.	кукэликю	вув-вув
эстон.	кукулээгу	аухх
япон.	кокэкокко	ван-ван

Звукообраз, как мы видим, имеет много общего, но отмечаются и существенные различия в составе фонем.

В устном переводе проблема передачи звукоподражаний возникает редко. В письменных же текстах, преимущественно художественных и публицистических, мы встречаем оба основных вида звукоподражаний: а) лексикализованные — известные всем носителям языка; б) индивидуальные — переданные так, как их слышит автор.

Лексикализованные звукоподражания имеют устойчивые эквиваленты, иногда весьма далекие по звучанию, и именно с их помощью передаются.

3. Если переводчику важнее сохранить ритмическое подобие облика междометия (стихотворный перевод): *Nopla!* — Эгей! (два ело ва с ударением на втором слоге, баллада Бюргера «Ленора» в переводе Жуковского).

7.5. Фразеологические единицы

Для перевода фразеологизмов важна степень их семантическом спаянности и их функция в тексте. Эти два релевантных признака! оказываются тесно связанными между собой.

По степени семантической спаянности, согласно классификации В. В. Виноградова, мы можем разграничить: 1) фразеологические сращения (идиомы); 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания. Первые — идиомы — маркируют устную речь, просторечие и являются средством образного контактного обобщения **МТС**. Не случайно они используются: в устной разговорной речи с оттенком просторечия, в официальной устной речи, для имитации первого и второго типа речи в художественном тексте. Поэтому, несмотря на то что с точки зрения понятийного содержания идиомам могут соответствовать слова в прямом значении (*Du heiliger Vimbam!* — Вот так чудо!), эквивалентом будет лишь идиома или фразеологическое единство ПЯ. Если это не удастся, переводчику приходится пользоваться приемом позиционной компенсации, т. е. употребить идиому в другом месте текста перевода, так как само наличие идиомы — инвариантный системный признак данного текста.

Отметим, что первым шагом при переводе фразеологизмов является их идентификация, т. е. выявление семантического единства на фоне текста. Иначе возникает опасность их восприятия как череды слов с самостоятельной семантикой, что приводит к переводческим ошибкам. Вот герой австрийского дублированного фильма говорит героине (перевод на русский язык): «А у тебя лицо кислое, будто неделю идет дождь». Образное сравнение лица с плохой погодой выглядит как индивидуально-авторское изобретение говорящей) На самом деле это пословный перевод известного немецкого фразеологизма: «*Du machst ja ein Gesicht, wie vierzehn Tage Regenwetter* (буквально: «У тебя лицо, похожее на две недели дождливой погоды»). Для такого фразеологизма в русском языке есть целый ряд аналогов с другим образным планом, но с той же семантикой, например: «словно лимон проглотил», «мрачнее тучи» и др.

Фразеологические единства — устойчивые метафорические сочетания — имеют более широкий диапазон употребления, так как оттенком грубой просторечное™, как правило, не обладают. Это прежде всего пословицы и поговорки, которые встречаются в разговорной устной речи, в официальной устной речи, во многих текстах средств массовой информации — газетных и журнальных статьях, рекламе и т. п. Иногда в

тексте обыгрывается, оживляется какой-либо компонент такого фразеологизма, но, как правило, достаточно подыскать соответствие, основанное на другом образе, но совпадающее по общей семантике:

Where there's a will, there's a way. — Где хотенье, там и уменье. Want twopence in the shilling. — Винтика в голове не хватает. Es ist alles in Butter. — Все идет как по маслу. Erst die Last, dann die Rast. — Кончил дело — гуляй смело. Eile mit Weile. — Поспешись — людей насмешись.

Однако не всякая поговорка имеет аналог в другом языке, и тогда переводчику приходится создавать ее самому. Фразеологические единства, в отличие от идиом, поддаются переводу с помощью системного моделирования. Для этого определяются функциональные доминанты этих языковых образований. Это их национальная специфичность, выраженная в формальных признаках, афористичность предметного содержания, формальные особенности, обладающие эстетической информативностью: ритм, рифма, размер, аллитерация. Построив по этим признакам поговорку, можно избежать приема компенсации, который так или иначе перераспределяет элементы содержания текста. Приведем несколько примеров из переводческого опыта М. Л. Лозинского (перевод «Кола Брюньон» Ромена Роллана):

A. Que femme il y a, silence n'y a. — Завел жену — забудь тишину.

B. Chercher l'amour dans un epron est aussi fou que puiser l'eau dans un criblen. — Искать любви в муже — что черпать воду в луже.

B. Les jeux des princes plaisent a ceux-la qui les font. — Князьям потеха, а нам не до смеха.

Фразеологические сочетания — самая обширная группа фразеологизмов, и они употребляются фактически во всех типах текстов. Национальной специфичностью они не обладают, имеют, как правило, нейтральную окраску, образность, лежащая в их основе, стерта, и проблема их передачи — только в поиске соответствия, обладающего теми же стилистическими характеристиками:

strain every nerve — приложить все усилия;

lose time — терять время;

Gefahr laufen — рисковать;

mit Macht zu Felde ziehen — решительно выступить.

Некоторые из них имеют просторечную окраску, и тогда эта функциональная доминанта ограничивает выбор переводчика; сам факт фразеологической спаянности (а он заключается только в ослаблении или изменении семантики одного из компонентов сочетания) отступает на второй план, и поэтому фразеологические сочетания часто заменяются на слова в прямом значении, но с соответствующей окраской:

What is in the wind? (разг.). — Что новенького? (разг.)

Страх берет! (разг.). — Was für Angst spiire ich! (разг.).

7.6. Виды отклонений от литературной нормы и их передача

Передача любых отклонений от литературной нормы ИЯ является проблемой. Представляется обоснованным различать среди этих отклонений:

I. Коллективные, языковые.

1. Просторечие.

•2 Диалекты.

3. Жаргоны.

4. Арго.

5. Сленг.

6. Табуированная лексика.

7. Профессиональные языки.

8. Архаизмы.

II. Индивидуальные, речевые (намеренное и ненамеренное искажение нормы).

1. Вольности устной речи.

2. Словотворчество.

3. Детский язык.

4. Ломаная речь (иностранца).

5. Дефекты речи (косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, пришепетывание, заикание и т. п.).

6. Ошибки в произношении и написании (у природного носителя языка).

В устном переводе все эти отклонения игнорируются, потому что задача устного переводчика заключается прежде всего в передаче когнитивной информации, и все отклонения при переводе он приводит к норме. Он может передать лишь легкую окраску просторечности в речи оратора (лексика, фразеологизмы) и отдельные клишированные компоненты высокого стиля (в официальной речи, траурной речи).

В письменном же переводе задачи переводчика осложняются, прежде всего, при переводе художественного и — во вторую очередь — публицистического текста.

Отклонения группы I можно встретить в тексте в одной из трех основных функций:

1) Как основное языковое средство текста — в качестве авторской речи и прямой речи персонажей — например, сленг в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», баварский диалект в произведениях Л. Тома, нижненемецкий — в прозе и стихах Фрица Ройтера.

2) В качестве речевой характеристики отдельных персонажей.

3) Как отдельные вкрапления для колорита.

На протяжении долгой истории переводческой практики эти отклонения не передавались. Затем стали передаваться те, которые имеют системные соответствия в лексическом и грамматическом фонде язы

языки).

Исключения до середины XX в. составляли диалекты и табуированная лексика. Собственно говоря, вопрос об их передаче до сих пор считается дискуссионным.

Начнем с *диалектов*. Системы диалектальных различий в разных языках несовместимы. Например, диалекты русского языка и диалекты немецкого языка имеют разный статус в общенациональном языке и разный набор признаков. Кроме того, они обладают ярко выраженной однозначной территориальной соотнесенностью (баварский диалект маркирует только Баварию и не может быть передан с помощью псковского диалекта). А. В. Федоров предложил передавать их по функциональному признаку. И действительно, одна из их функций в тексте совпадает: любой диалект привносит в текст оттенок простонародности, провинциальности и поэтому может быть передан с помощью отклонения от нормы другого типа, которое обладает в тексте похожей функцией — с помощью просторечия. В основе этой функциональной лексической замены лежит стремление сохранить основную функциональную характеристику текста — факт ненормативности текста. Так может передаваться, скажем, текст фелетона на баварском диалекте в южнонемецких газетах.

Однако в тех случаях, когда автор, порождая текст, пользуется диалектом как основным средством изложения, не используя контраст с нормой, и фактически пытается утвердить диалект в статусе письменной литературной нормы (как Фриц Ройтер, писатель второй половины XIX в., писавший на нижненемецком диалекте), — компенсация с помощью просторечия, очевидно, не подходит, и текст может быть переведен с использованием русской литературной нормы.

Табуированная лексика является феноменом русской устной культуры, не имеющим системных аналогов в немецком языке. Фактически, это особая группа экзотизмов формы. Ее табуированность в современном русском языке отчасти снята, и табуированная лексика начала входить в русский письменный художественный текст. Раньше она эвфемистически передавалась с помощью отточий — обозначением пропуска в языковом коде. Теперь, когда она используется (в основном для характеристики персонажа), встала проблема ее передачи на немецкий язык. По-видимому, здесь возможна лишь частичная компенсация с помощью грубых слов (ругательств), может быть, увеличение их количества. Однако статус табуированности лексики подлинника может быть обозначен только в комментариях.

Обсуждая отклонения от нормы, мы намеренно оставили в стороне *архаизмы*. Их выделяют иногда особо как исторические реалии. Архаизмы действительно не могут рассматриваться как оппозиция нормы в синхронном срезе языка. Они стоят вне нормы, поскольку относятся к более ранним стадиям развития языка. В текстах встречаются архаизмы двух основных типов — использованные как спе-

циализированное, функциональное средство в тексте и использованные в тексте неосознанно — если архаичен сам текст. Переводческие проблемы возникают и в первом, и во втором случае.

Проще, пожалуй, первый тип — архаизация, когда в текст намеренно вводятся историзмы — слова, уже вышедшие из употребления вместе с исчезновением предметов, обозначаемых ими. Архаизация включает и окраску авторской речи, и речи персонажей, как это делается в романах А. К. Толстого «Князь Серебряный», посвященном опричнине. Функциональные соответствия для этих языковых особенностей представляют собой также архаизмы. Отметим, однако, что архаизация — это не полное уподобление языка героев и автора языку того, давнего времени, это лишь *стилизация*, т. е. пунктирное подчеркивание исторической дистанции. Основным же фоном все-таки является норма языка того времени, когда создавался текст. Когда переводчик воссоздает архаизацию, ему в первую очередь поэтому приходится не наполнять перевод архаизмами, а следить, чтобы в тексте перевода не оказалось модернизмов, т. е. слишком современных слов.

Точно так же поступает переводчик, работая над архаичным текстом. Правда, далее ему приходится решать дискуссионный вопрос: если текст, созданный несколько веков назад, был современным для читателя того времени, стоит ли его архаизировать. Может быть, правильно будет, наоборот, приблизить его к современному читателю? Ведь у автора текста не было намерения делать его старинным. Однако, как правило, переводчики и в этом случае склоняются к воспроизведению черт исторической дистанции, поскольку содержательные компоненты текста и его форма находятся в единстве, и, осовременив форму, мы не воссоздадим функцию текста как целое. Однако размеры дистанции переводчики обычно сокращают, так как читатель может быть не знаком со слишком архаичными чертами своего родного языка и чуждая форма станет препятствием для восприятия текста. Поэтому А. Морозов, переводя роман XVII в. «Симплициссимус» Гриммельсхаузена, наполнил текст перевода архаизмами XVIII в. При передаче комплекса языковых явлений, создающего исторический колорит текста, переводчик пользуется целым арсеналом средств: транскрипцией, если историзм экзотичен, заимствованиями из других языков, если они отразят колорит времени (например, из латыни или французского), семантическими неологизмами (если в другом языке даже на исторической дистанции лексического соответствия нет).

Перейдем теперь к *индивидуальным отклонениям от нормы*. Их передача в устном переводе неактуальна. В письменном же тексте они встречаются, пожалуй, только в художественных текстах как одно из средств создания художественных образов. Передача их требует от переводчика предварительного анализа типа искажения и соответствующих ресурсов его передачи в родном языке. Отметим по-

путно, что речевые искажения создают комический эффект, и существуют даже авторы, в индивидуальный стиль которых входят каламбуры, построенные на речевых искажениях. Такова одна из доминант стиля Лескова: спина — «спиноза» (замена по фонетическому сходству); «вьюноша», «шкилет» (искаженная фонетическая форма), также: «Аболон Полведерский», «мыльно-пильные заводы» и т. п.

Выявление типа искажения подсказывает переводческое решение. Передать неправильность детской речи «много деревьев» можно по принципу воссоздания неправильности формы множественного числа: «Вашпег»; дефект речи — шепелявость героини, которая говорит «щастье» вместо «счастье», — нельзя передать, используя слово той же семантики: «Glick», даже если мы его скажем: «Glick»; функционально значимым в данном случае является факт шепелявости, поэтому в переводе необходима лексическая замена на слово, содержащее шипящий или хотя бы шумный согласный: «Verhntigen».

При передаче ломаной речи иностранца искажения обычно касаются расхождений в грамматическом строе языков, и именно они маркируют его речь. Известный образ немца Карла Ивановича из «Детства» Л. Н. Толстого иллюстрирует некоторые из них: «Я был исшаслив ишо во чрева моей маттри» (фонетическое искажение; падеж). «Когда она видела меня, она сказала». «Я надел сапоги и панталон, надевал подтяжки и ходил по комнате» (вид глагола; число существительного). Собственно говоря, проблемы передачи ломаной речи как художественного средства решает здесь писатель.

Несколько слов о *словотворчестве*. Оно характерно для индивидуального стиля писателя. Мы можем встретить в таком тексте окказионализмы, построенные по известной словообразовательной модели, разрушение морфемного состава слова и т. п. Словотворчество — сложнейшая проблема для переводчика. Не случайно стихи К. Моргенштерна, который предлагал самые разные языковые новации, до сих пор почти не переводились. Вот один из них:

Gruselett
Der Fliigelflagel gausfert
durchs Wirawarawolz,
die rote Fingur plaustert
und grausig gutzt der Golz.

Единственный возможный путь воспроизведения функциональной доминанты текста — сохранение самого факта языковых новаций, построенных на сохранении привычных словоформ и словообразовательных моделей, но с абсурдной семантикой морфем.

Вот один из примеров:

Immer, wenn der Uluk gonzt. — Когда кыч хрякнет (пер. И. Городинского).

(Название рассказа, где словотворчество построено по тому же принципу, именно этот принцип переводчик передает.)

7.7. Фигуры стиля и ресурсы их передачи

Фигуры стиля — словесные комплексы, имеющие определенный логический и синтаксический алгоритм построения, — обычно рассматривают среди средств стиля художественной речи. На наш взгляд, такое ограничение неправомерно. Фигуры стиля, позволяющие не прямо, а образно указать на явление действительности, используя различные ресурсы языкового кода, — дополнительное мощное средство передачи компонентов содержания. Они — явление универсальное, живой элемент языкового творчества человека, и особенно заметны в искусстве! Ином тексте потому, что имеют в нем индивидуализированный характер

Вот почему очень важно оценить диапазон использования фигур стиля и исследовать те ресурсы их передачи, которые существуют в каждой паре языков. Мы выделяем их рассмотрение в особый раздел, так как это явления комплексные, в них участвуют языковые средства различных уровней.

Фигуры стиля, основанные на повторе. Они охватывают все языковые уровни. В разных текстах встречаются: фонемный повтор (аллитерация, ассонанс, рифма — см. главу 9), морфемный повтор, лексический повтор, синтаксический повтор (или синтаксический параллелизм), текстовый повтор (тавтологический или вариативный повтор фрагмента текста), алгоритмический комплексный повтор (так называемый ритм прозы). Все они прямо или косвенно выполняют функцию *актуализации когнитивной и эмоциональной информации* в тексте (повтор слова заставляет его лучше запечатлеть в памяти; аллитерация и рифма связывают восдино разные слова, а значит — создают ассоциативную связь их значений; синтаксический параллелизм включает комплексы слов в одинаковые логические связи), но одновременно эти фигуры стиля удовлетворяют потребность человека в ритмических созвучиях, сочетаниях, другими словами, их культивирование в тексте явно несет и *эстетическую информацию*. Использование ритмической стороны текста известно с древности и всегда осознавалось как эстетическая ценность (считалась особым искусством в античности, у древних германцев и т. п.).

Задача переводчика заключается, во-первых, в определении места повтора в иерархии функциональных доминант; во-вторых, в поиске средств их передачи в языке перевода. Решающее значение здесь всегда имеет тип текста. Так, в художественном тексте, где повторы — важное средство передачи эстетической информации, они входят в инвариант и по возможности передаются на всех уровнях; в научном же тексте тематический лексический повтор может быть ликвидирован в связи с функциональной доминантой компрессивности такого текста. При этом, в случае если повтор в художественном тексте — системный компонент всего текста (например, речь идет о ритмизованной прозе Георга Тракля), они передаются регулярно, частотно, вне зависимости от позиции.

Однако и здесь отмечаются для пары языков немецкий-русский неравнообъемные корреляции: в немецких текстах анафорический фонемный повтор (начальная аллитерация) встречается гораздо чаще. Это объясняется давней традицией его применения во всех германских языках, что связано с особенностями германской акцентуации (фиксированное ударение на первом корневом слоге повлекло за собой его выделенность в слове, и именно этот слог стал сопровождаться фонемным повтором: *Aller Anfang ist schwer. Frank und frei*). Способность фонемного повтора связывать разные по значению слова и его эстетическая привлекательность — причины расширения диапазона его использования в немецких текстах. В настоящее время он широко используется: в заголовках, рекламных девизах, рекламе, объявлениях, публицистике, прозаических и стихотворных художественных текстах на немецком языке. Однако для русской культуры текста он гораздо менее типичен (хотя вполне возможен и встречается, правда, в основном как начальный морфемный комплекс: «похаживает да поглядывает», «стерпится — слюбится»), и поэтому, учитывая его меньшую эстетическую значимость для русского читателя, переводчик вправе отказываться от его передачи. Решение в пользу необходимости передачи фонемного повтора однозначно принимается лишь тогда, когда он, как компонент внутриязыкового содержания, входит в инвариант перевода: например, при переводе текста, написанного древнегерманским аллитерационным стихом:

Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью. К суставу сустав, как лепленный, пристань!

(2-е Мерзебургское заклинание, IX в., пер. с др.-в.-нем. Б. Лрхо) — воспроизведение начального фонемного повтора «с».

Помимо самого повтора как фигуры стиля, состоящей из нескольких компонентов, в художественном и публицистическом тексте может встретиться использование контраста ритмизованных фрагментов текста и неритмизованного фона. Этот прием, позволяющий подчеркнуть сам факт повтора, с древности используется в устной и письменной ораторской речи. Сложности для переводчика его передача не представляет. Ритмический фрагмент, так называемый ораторский период, строится на основе параллелизма однородных придаточных или однородных членов предложения с опорой на лексический повтор, и для переводчика главное — определить при анализе функциональных доминант принцип его построения.

Задача переводчика осложняется, если помимо синтаксического и лексического повтора ему необходимо воспроизвести фонемный повтор. Сохранение когнитивного содержания редко играет второстепенную роль, т. е. в тексте обязательно должен сохраняться основной комплекс значений слов, в том числе слов, соединенных фонемным повтором), поэтому сохраняют обычно сам факт повтора и его качественный тип (например, частотные повторы сонорных

в поэзии романтизма — немецкой и русской; аллитерацию «р» при переводе поэзии Пастернака на немецкий язык и т. п.).

В целом же передача совмещения ритма и фонемного повтора, в том числе рифмы, и в стихах и в прозе вполне возможна, но реалы на, в основном если она оказывается системной функциональной доминантой текста, — потому что тогда переводчик имеет право на позиционную компенсацию. Многочисленные примеры такого рода мы находим в переводе М. Л. Лозинским романа «Кола Брюньон» Р. Роллана с французского языка на русский, где конечная рифма в прозе окрашивает весь текст:

«Кола Брюньон, старый воробей, бургундских кровей, обширный духом и брюхом». «За столом их будить не нужно, все работают дружно, и любо смотреть, когда мы все шесть, вся дюжина челюстей, садимся еси., отправляем куски за обе щеки и спускаем вино на самое дно».

Фигуры стиля, основанные на метафорическом принципе. Имеются в виду сравнения, метафоры, эпитеты, в том числе с использованием количественного сдвига — гиперболы и литоты. Сама их передача сложности не представляет — во всяком случае, и сами эти фигуры, и средства для их передачи есть и в русском, и в английском, и в немецком, и в других языках; для переводчика важнее всего зафиксировать их наличие и их особенности в подлиннике. Например, если это метафора, то релевантны следующие параметры: языковая освоенность — индивидуальная метафора или клишированная; структура — одночленная, двучленная; метафорический контекст, семантический тип — персонификация, синестезия, перифраз; связь с литературным направлением — романтическая, классицистическая, экспрессионистическая, барочная и т. п.). Затем необходимо определить их место по отношению к инварианту и найти соответствия.

Фигуры стиля, основанные на многозначности. Сюда входят все случаи «оживления» внутренней формы слова и использование многозначности лексемы и ее сочетаемости. Эти фигуры стиля широко используются во всех типах текста, кроме информационно-терминологических, в которых однозначность каждого слова инвариантна. Все они чрезвычайно сложны для перевода, и любой факт их сохранения в переводе — свидетельство высокого мастерства переводчика. Вот несколько примеров:

А. «Er brach das Siegel aufund das Gespräch nicht ab» (Chamisso. «Petei Schlemihl...») — обыгрывание двух значений глагола «brechen» с разными префиксами). — «Он разорвал конверт, но не прервал разговора» (пер. И. Татариновой — воспроизведение игры слов теми же средствами).

Б. «Ich fürchtete mich fast noch mehr vor den Herren Bedienten, als vor den bedienten Neggen» (там же — обыгрывание разного значения одного и того же слова, но в разном грамматическом оформлении). — «Перед господами лакеями робел, пожалуй, еще больше, чем перед самими господами» (пер. И. Татариновой — игра слов сохранена).

В. «Berge, die den schönsten Meerbusen gleichsam umarmen» (Н. Heine. «Reisebilder» — оживление внутренней формы компонента сложного слова «Meerbusen» — залив, в значении «Busen» — женская грудь, чему способствуют компоненты контекста «schonsten» и «шлагтеп». — «Гор., как бы замыкающих в своих объятиях прелестный залив» (пер. В. Зоргенфрея — олицетворяющая игра слов не сохранена, так как слово «залив» — мужского рода, хотя можно было бы использовать слово «бухта»).

Г. «Baden ist Leidenschaft. Badischer Wein» (реклама вина; обыгрывание многозначности слова «baden» — как глагола и как топонима). Фигура стиля игра слов в этом случае явно входит в инвариант; но препятствием к передаче является полная затемненность внутренней формы топонима «Baden» в русском языке (слово не ассоциируется с купанием!). По-видимому, переводчику придется при переводе строить игру слов на основе другого слова.

Наш краткий обзор фигур стиля не претендует на полноту. Задачей было подчеркнуть использование фигур стиля в текстах разного типа и принципиальную (но не всегда реализуемую) возможность их передачи.

Глава 8

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

8.1. Общие замечания

Знакомясь с конкретными случаями соответствий и трансформаций, мы узнали, что встречаются и грамматические соответствия, и грамматические трансформации. А существуют ли особые грамматические проблемы перевода? Вопрос не праздный. Ведь часто неискушенные люди считают, что при переводе вообще все дело только в грамматике: знай иностранную грамматику хорошо — и все правильно переведешь (результаты такого подхода, правда, бывают весьма плачевны). С другой стороны, в большинстве современных теоретических работ и пособий по теории перевода грамматические проблемы вообще не выделяются. Так есть они или же их нет? Другими словами: испытываем ли мы сложности, выражая грамматические значения одного языка средствами другого языка? Как ни странно, сложности эти — очень небольшие. Дело в том, что грамматический строй любого языка так или иначе отражает ту систему логических связей, с помощью которой мы воспринимаем и описываем окружающий мир. Эта система логических связей универсальна и от специфики языка не зависит. Она, безусловно, коррелирует с уровнем развития каждого народа: так, мы знаем, что в языках европейских народностей древности были отражены три разряда грамматической категории числа — единственное, двойственное и множественное. Разряд двойственного числа по мере развития абс-

трактного мышления отпал. В древности в языках отсутствовали особые грамматические формы будущего времени; позже они появились. Но мы ведем речь о современном состоянии европейских языков, а их грамматический строй отражает в целом примерно одинаковый уровень развития логического мышления.

Итак, система логических связей, отраженная в грамматике, универсальна. При освоении иностранного языка — независимо от метода обучения — мы невольно сопоставляем те средства, которые известны нам для выражения грамматических значений, со средствами иностранного языка. Таким образом выстраивается грамматическая система иностранного языка, которая увязана в нашем сознании с грамматической системой родного языка. Как правило, грамматические значения одного языка имеют соответствия среди грамматических значений другого языка. Форме настоящего времени глагола в английском языке соответствует форма настоящего времени глагола в русском, французском, немецком и других языках; придаточному причинны в каждом из названных языков тоже есть соответствие и т. п. Так что в большинстве случаев о проблемах действительно говорить не приходится. В системе языка у большинства грамматических значений есть свои соответствия. Норвежский переводовед Сигмунд Квам называет их **корреспондирующими правилами**³⁰.

При этом важно понимать, что соответствие не означает формального тождества! Чтобы перевести на немецкий язык фразу: «Я даю ему (дат. п.) книгу (вин. п.)», мы употребим соответствие местоимению «ему» в дательном падеже, а соответствие существительному «книгу» — в винительном падеже: «Ich gebe ihm (дат. п.) das Buch». Здесь соответствия формально тождественны. Но при переводе фразы: «Я вспоминаю о нем (предл. п.)» картина изменится. Грамматические функции предложного падежа в переводе на немецкий язык будет выполнять дательный падеж с предлогом: «Ich erinnere mich an ihn». Необходимым грамматическим элементом соответствия оказывается также возвратность глагола «sich erinnern». Такого рода соответствия переводческой сложности не представляют; они принадлежат к грамматической системе языка и усваиваются вместе с нею. Языковая компетентность предполагает полноценное владение знаниями об этих соответствиях. Нас же интересуют те особые случаи в области грамматики, которые лежат в сфере *переводческой*, а не языковой компетентности и требуют принятия переводческих решений.

Такого рода проблемы возникают в следующих случаях:

1. Если данное грамматическое значение в языке перевода отсутствует (не эксплицировано).
2. Если есть несовпадения в структуре грамматического значения в системе языка, в его конвенциональном и функциональном диапа-

³⁰ Kwam S. Translationswissenschaftliche Grundlagen: Syntax // Handbuch Translation. - Tübingen, 1999. — S. 54.

зоне при речевой реализации в ИЯ и ПЯ, в том числе: 1) если грамматическое значение имеет несколько форм выражения в языке перевода и при речевой реализации нужно делать выбор; 2) если различаются традиции количественного употребления данной грамматической формы и т. п.; 3) если грамматическое значение включается в содержательный инвариант.

Ниже мы рассмотрим каждый из этих случаев подробнее.

8.2. Отсутствие экспликации грамматического значения в ПЯ или в ИЯ

Такие расхождения в грамматических системах ИЯ и ПЯ никогда не означают, что данные грамматические значения средствами ПЯ передать невозможно. Как мы знаем, язык для обеспечения своей коммуникативной функции выработал изрядное количество дублирующих средств, запасных и обходных путей — целое поле избыточности, которое включает информацию, передаваемую с помощью языка, в надежную оболочку.

Приводимые далее примеры, в основном на материале русского и немецкого языков, релевантны в стратегическом отношении для любой пары языков.

Отсутствие эксплицированной категории соотношенности / несоотношенности в русском языке. Безусловно, логическая категория соотношенности (определенной/неопределенной) / несоотношенности находит и в русском языке свое выражение (с помощью лексики, местоимений определенных групп), но в русском нет тех специальных форм артикля, которые есть в большинстве европейских языков. И вот тогда возникает проблема выбора средств, подходящих при данной конкретной реализации грамматического значения в речи:

Пр и м е р 1. Неопределенность / определенность.

Ein Mann erschien in der **Tür**. Das war ein **Fremder**. **Der Mann** sah müde aus.

Существует два популярных пути при переводе такого рода текста, где категория соотношенности выражена последовательно двумя формами: *ein* и *der*, которые выполняют функции соответственно первичного упоминания объекта, а затем — упоминания уже известного объекта (того же самого). Первый путь — компенсация функции артикля с помощью другого грамматического средства — порядка слов:

В дверях появился человек. Он был мне незнаком. Человек выглядел усталым.

В первом предложении при переводе на русский язык значение неопределенного артикля в функции обозначения нового компенсируется постановкой подлежащего (человек) в конечную рематичес-

скую позицию. Таким образом, ресурсы относительно свободно]о порядка слов в русском языке позволяют компенсировать неопределенный артикль ИЯ.

Те же ресурсы заставляют переводчика в третьем предложении передавать определенный артикль с помощью прямого порядка слов это подчеркивает, что субъект в ситуации известен. Кстати, именно это средство компенсации артикля переводчиками не осознается, и они зачастую полагают, что при переводе с немецкого языка на русский артикль попросту отбрасывается (см., однако, ниже, с. 205).

Другой путь передачи артикля при переводе этого текста (пример 1) — компенсация артиклем с помощью местоимений: определенно-личного для неопределенного артикля и указательного — для определенного артикля:

Какой-то человек появился в дверях. Он был мне незнаком. Этот человек выглядел усталым.

Функция определенного артикля может быть передана также с помощью *прономинализации*: **Он** выглядел усталым.

Но это возможно только в тех случаях, если особенности текста позволяют избежать повтора нарицательного имени (если этот повтор не является фигурой стиля).

Пример 2. Категориальная принадлежность по аналогии.

Versuch einer Einleitung. — 1. Попытка **некоего** вступления; 2. Попытка **своего** рода вступления.

Перед нами два варианта передачи неопределенного артикля в функции обозначения принадлежности данного объекта к целой категории объектов по аналогии. В первом случае — с помощью неопределенно-личного местоимения, во втором — с помощью оборота речи с общей семантикой неопределенного качества.

Пример 3. Категориальная принадлежность.

Если функция неопределенного артикля сводится к типичному обозначению равноправной принадлежности к некоей категории объектов, наиболее распространенным средством передачи является конструкция *genitivus partitivus*:

ein Grund dafür war... — **одной из причин** послужило то...

Пример 4. Указательно-усилительная функция.

Определенный артикль в немецком языке часто выполняет указательно-усилительную функцию. В таких случаях при переводе обычно добавляют в текст слово-усилитель (лексическая компенсация), который аккумулирует в своей семантике и указательность, и усиление:

Bekanntlich protestiert man am wenigsten gegen die eigenen Ansichten und Normen. — Всем известно, что меньше всего возражают **именно** против собственных взглядов и правил.

Andererseits untersucht die (1) Übersetzungswissenschaft Übersetzungen, i. h. die (2) Produkte des (3) Übersetzungsprozesses. Dieses Buch versteht sich als Einführung in die produktionsorientierte Übersetzungswissenschaft. — Эта книга задумана как введение в науку о переводе именно как ориентированную на результаты перевода.

Во втором случае контекст оригинала хорошо показывает, почему переводчик передал значение определенного артикля (die produktionsorientierte Übersetzungswissenschaft) с помощью добавления «именно».

Пример 5. Опущение артикля.

Вместе с тем в тексте оригинала встречаются, как мы видим из предшествующего примера, и другие случаи употребления определенного артикля: (1), (2), (3). Это те случаи, когда артикль употребляется в функции однозначной определенности (объекты или явления, мыслящиеся как единственные в своем роде в данном ситуативном контексте), а также термины, которые благодаря своей специфике внеконтекстуальны. При переводе на русский язык такой определенный артикль не передается, и текст перевода от этого не страдает, поскольку при наличии вербального и ситуативного контекста такая функция определенного артикля ощущается как избыточная. Не случайно в современном развитии немецкого языка наблюдается тенденция к отбрасыванию артикля в подобных случаях.

И возможно, впечатление о том, что при переводе на русский язык артикль отбрасывается, связано со спецификой определенных типов текста, где частотны случаи употребления определенного артикля в функции однозначной определенности (это научные тексты, инструкции, договорные тексты и т. п.).

Пример 6. Категориальная принадлежность + имя собственное.

Как известно, грамматическая категория соотнесенности/несоотнесенности применима в первую очередь к именам нарицательным. Имена собственные же наделяются ею лишь в исключительных случаях — именно тогда, когда им становятся присущи некоторые признаки имен нарицательных. Такой статус могут приобрести как личные, так и географические имена (мы не имеем в виду здесь только один грамматикализованный случай — когда имени собственному предшествует согласованное определение: die schöne Sophie — прекрасная Софи; das gastfreundliche Budapest — гостеприимный Будапешт, и где функции артикля сводятся к формальному вводу определения).

Итак, рассмотрим пример:

... literarische und literarisch-sprachliche Leistung eines Johann Heinrich Voß der eines August Wilhelm Schlegel...

Имя собственное в таком контексте приобретает признаки видо-ого понятия в ряду целой категории понятий (один из...). В перево-

де этот оттенок может быть передан с помощью вводных слов «скажем», «например». Если же из контекста следует, что наделение имени собственного признаками имени нарицательного несет в себе несколько пренебрежительный, уничижительный оттенок, то можно найти другие лексические средства, которые этот оттенок эксплицируют («какой-нибудь», «какой-то там», «пресловутый» и т. п.). В нашем примере переводчик этого последнего оттенка, по-видимому, не обнаружил, поэтому счел возможным перевести: «литературные и литературно-языковые вершины, которых достигли, скажем, Иоганн Генрих Фос или, например, Август Вильгельм Шлегель...

Следовательно, и здесь артикль может быть компенсирован в переводе лексическими средствами.

Пример 7. Указательная функция + функция пренебрежительной оценки + просторечная окраска + имя собственное.

Определенный артикль при имени собственном употребляется крайне редко; такое употребление лежит вне рамок литературной нормы языка и, следовательно, может употребляться далеко не во всех типах текста, а лишь в тех, которые являются исходно устными, либо имитируют устную речь (художественный текст), или же используют ее элементы (публицистика, рекламный текст). Речь идет о таких случаях, как *der Karl*, *die Anna* и т. п. Употребленный перед личным именем артикль совмещает в себе сразу три функции: указательную, пейоративную (пренебрежительной оценки лица) и, наконец, функцию просторечной окраски высказывания. Поэтому в переводе он обычно передается целым комплексом компенсирующих средств:

Ohne die Monika wäre es viel besser. — Без Моника этой **противной** было бы много лучше.

Какие средства использованы при переводе? Первая функция — указательная — при переводе передана с помощью указательного местоимения; вторая функция — просторечной окраски — с помощью инверсии, отражающей устный, просторечный порядок слов (указательное местоимение и определение стоят после определяемого слова «Моника»). Третья функция — пренебрежительно-уничижительной оценки лица — передана добавлением прилагательного с семантикой такой оценки («противная»).

При переводе с русского языка на немецкий переводчику приходится «расставлять» артикли, руководствуясь соображениями функциональной нагрузки артикля в каждом конкретном случае.

Категория вида глагола. Категория вида в русском языке эксплицирована и имеет два разряда: совершенный и несовершенный вид. В немецком же языке специальных средств для ее выражения нет, однако значение завершенности действия в большинстве типов текста оформляется с помощью грамматических компенсаций совершен-

ного вида: это перфект, результатив, а также синтетические словообразовательные средства: например префиксы глагола со значением завершенности действия.

Таким образом, при переводе на русский язык решение часто содержится уже в исходном тексте.

Если же таких компенсирующих средств в подлиннике нет, выбор вида глагола при переводе на русский язык определяется контекстом:

1973 trat er... bei den Festspielen der Jugend in Berlin auf. Danach gab es eine grosse Pause.— В 1973 году он **выступил** (сов. вид) на фестивале молодежи в Берлине. После этого был долгий перерыв.

Надо отметить, что перед сложным выбором переводчик оказывается там, где имеет дело со связным эпическим повествованием, оформленным с помощью претерита — а это бывает, как правило, в художественном, публицистическом, мемуарном текстах. Можно напомнить известный пример, который приводит А. В. Федоров из «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне: Die Sonne ging auf... — Солнце ³¹взошло³¹, где все четыре переводчика, опираясь на последующий контекст, решаются при переводе в пользу совершенного вида глагола.

Конструкция *accusativus cum infinitivo*. В русском языке не существует аналога этой конструкции, которая есть во многих европейских языках. При переводе с немецкого языка на русский ее обычно принято передавать либо с помощью объектного придаточного: Petra sah ihn mit ihrer Nachbarin sprechen — Петра видела, что он разговаривает с ее соседкой, — либо с помощью модального придаточного: Петра видела, как он разговаривает с ее соседкой — т. е. с помощью синтаксической трансформации, когда простое предложение передается с помощью сложноподчиненного. Однако при каждом из этих двух вариантов утрачивается часть семантической специфики этой грамматической конструкции, которая и заключается в совмещении того и другого значений. Поэтому в качестве альтернативного варианта переводчики иногда избирают синтаксическую замену не простого предложения на сложноподчиненное, а простого — на бессоюзное сложносочиненное:

Петра видела: он разговаривает с ее соседкой.

★ ★ ★

Подведем некоторые итоги:

1. При отсутствии экспликации грамматического значения в языке перевода оно компенсируется при переводе либо грамматическими, либо лексическими средствами (неопределенный артикль, определенный артикль при имени собственном).

¹ См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 185-186.

2. Грамматическое значение, не эксплицированное в ПЯ, не компенсируется только в том случае, если в ПЯ оно может рассматриваться как избыточное грамматическое средство при современном состоянии языка (определенный артикль перед терминами)
3. Выбор компенсирующих средств зависит от функции данного грамматического значения в тексте.
4. Необходимым условием эквивалентной передачи грамматической специфики подлинника является достаточный уровень языковой компетентности как в области ИЯ, так и в области Ш1, который включает владение теоретическими основами организации этих двух языков.

8.3. Несовпадение в структуре грамматического значения в системе языка, в его конвенциональном и функциональном диапазоне при речевой реализации в ИЯ и в ПЯ

При всем сходстве набора грамматических категорий в европейских языках специфика каждого из них обнаруживается прежде всего в их разной структуре внутри системы языка, в разной частотности и разной сфере употребления их реализаций в речи. Расхождения такого рода вызывают необходимость переводческого выбора. Именно на таких явлениях сосредоточивают свое внимание те немногочисленные исследователи, которые анализируют грамматические проблемы перевода (например, Кристиана Норд, Сигмунд Квам, Кристиан Шмитт). Когда по каким-либо причинам следует при переводе отдать предпочтение одному определенному варианту из нескольких имеющихся, в теории перевода принято говорить о правилах *преференции*. Закономерности преференции — это закономерности *выбора грамматической альтернативы*.

Отметим лишь некоторые соотношения, наиболее существенные для перевода. При этом попытаемся уточнить и причины расхождений, которые обычно характеризуют лишь очень обобщенно как социальные, интенциональные или же просто как традиции речевой реализации.

Тип связи в сложном предложении. Как мы знаем, и в русском, и в немецком языках есть сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Однако их употребительность несколько различается. Отмечено несколько более частое употребление сложноподчиненных предложений в немецких текстах (разумеется, в тех текстах, где они встречаются) по сравнению с русскими текстами. Такой сдвиг соотношения наблюдается в целом в официальной устной речи, в газетно-журнальных текстах и даже в письменном тексте народной сказки, где одной из функциональных доминант является сочинительная связь. Эта закономерность количественного

характера позволяет переводчику в случае необходимости при переводе на русский язык делать выбор в пользу сложносочиненного предложения, а при переводе на немецкий язык — наоборот, в пользу сложноподчиненного предложения, чтобы восстановить привычную для данного языка пропорцию на уровне всего текста. Разница в количестве сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в ИТ и ПТ очень небольшая. И все же точная передача при переводе на русский язык *всех* сложноподчиненных предложений сложноподчиненными создает впечатление излишней громоздкости текста перевода.

Степень смысловой связности внутри сложносочиненного предложения и традиции членения самостоятельных предложений. Закономерности предпочтения, пожалуй, могут помочь внести ясность в переводческие решения по поводу членения предложения. Вопрос о том, позволено ли переводчику разделять предложения на два или даже на три или же он обязан сохранять цельность предложения, до сих пор всегда представлялся областью субъективных решений. Однако в публикациях последних лет появляется и вполне научная аргументация. Так, в книге Т. А. Казаковой «Практические основы перевода» (СПб., 2000. — С. 217-219) в качестве переводческих приемов описаны **расщепление** (т. е. разделение одного предложения на несколько) и **стяжение** (объединение нескольких предложений в одно), которые автор объясняет различием синтаксических или стилистических традиций. Один из приведенных Т. А. Казаковой примеров касается различия рекламных традиций в русской и английской культурах (русский рекламный текст синтаксически проще); второй пример, иллюстрирующий стяжение, связан с меньшей распространенностью приема парцелляции в русском тексте. Оба рассмотренных приема вызваны не чем иным, как закономерностями предпочтения.

Любой переводчик письменных текстов с немецкого сталкивался с проблемой перевода сложносочиненных предложений, где отдельные элементарные предложения отделены точкой с запятой. Очень часто смысл этих элементарных предложений разнороден, и в русском языке их никогда бы не объединили в одно. Точка с запятой в немецкой пунктуационной системе имеет, таким образом, функции организации своеобразного промежуточного звена между единством предложения и единством абзаца. Во всех такого рода случаях большинство переводчиков заменяет точку с запятой на точку в ПТ.

Степень аналитичности. Как известно, языки различаются по степени аналитичности/синтетичности. Это различие проявляется как в структуре грамматических категорий, так и в особенностях их речевой реализации и выражается в асимметричности средств выражения, а следовательно, требует при переводе зачастую особых решений, относясь, таким образом, к сфере переводческой компетенции. Разумеется, целый ряд грамматических явлений, затраги-

вая логическую основу глубинных структур языка, принадлежит к сфере языковой компетентности и переводческих решений не требует. К ним относятся: разница в количестве падежей, количестве флексий, разнообразии аналитических форм глагола, порядке слов (фиксированный/нефиксированный), обязательная двусоставность предложения в языках с более высокой степенью аналитизма. Нас же в первую очередь интересуют случаи, когда переводчик сам делает выбор, руководствуясь закономерностями преференции. Приведем лишь несколько примеров.

1. В русском языке, по сравнению с английским, немецким, французским, испанским, значительно более широко развиты такие синтетические средства выражения лексико-грамматических значений, как *префиксация* и *суффиксация*. Сравним, например, ресурсы диминутивных суффиксов в русском и немецком языках. В русском языке их разнообразие чрезвычайно велико. А в применении к личному имени их число может доходить до нескольких десятков: Федор — Федя, Феденька, Федюша, Федюшенька, Федюнчик, Федяй, Федорка, Федечка, Федька, Федюхан и т. д. Немецкий язык располагает всего двумя диминутивными суффиксами -chen и -lein. Зная это, переводчик будет искать компенсацию диминутивное™ при переводе на немецкий язык, чаще всего лексическую: der kleine Fjodor, der siise Fjodor. Следует отметить, что межъязыковая транскрипция при переводе на немецкий язык уменьшительной формы имени непродуктивна, так как экзотические имена с отличающимся составом букв (фонем) воспринимаются немецким реципиентом как разные: Fjodor — Fedja.

2. Другим примером, связанным с большей синтетичностью русского языка, может послужить *диминутивное согласование*. Дело в том, что для русского языка характерно дублирование, избыточность обозначения диминутивности — и с помощью лексики, и с помощью диминутивного суффикса: не «маленький дом», а «маленький домик», не «изящная голова», а «изящная головка». В английском же и немецком языках диминутивная избыточность не отмечается. Поэтому при переводе на русский язык ее необходимо вводить, добавляя диминутивный суффикс: little dog, kleiner Hund — маленькая собачка.

3. Тенденцией к аналитизму объясняют наличие в ряде европейских языков *фиксированного порядка слов и предикативных рамочных конструкций*. В русском же языке, где строгая фиксированность порядка слов отсутствует и наблюдается его зависимость от тема-рематического членения, невозможна предикативная рамка с большой дистанцией между компонентами сказуемого или между компонентами одной смысловой группы. Сохранение большой дистанции между компонентами такого рода создает впечатление громоздкости предложения — правда, критики, порицая переводчика за этот недостаток, обычно не указывают объективных причин этого впечатления. А опытные переводчики, интуитивно ощущая эту закономерность, стремятся сократить дистанцию между связанными по смыслу компонентами:

Aus diesem didaktischen Interesse heraus ist die Zahl der Beispiele — wo immer möglich, handelt es sich um authentische Übersetzungstexte — stark erhöht worden. — По этой дидактической причине число примеров существенно увеличено — по возможности были взяты аутентичные тексты.

Той же причиной — нефиксированностью порядка слов в русском языке — объясняется место в предложении, которое занимают формальные компоненты когезии (элементы синсемантии). Они, как правило, стоят в начале предложения, тогда как в немецком языке могут находиться на третьем или четвертом месте в предложении. При переводе на русский язык правила преференции заставляют переводчика «сдвигать» их к началу предложения:

Wir verstehen daher unter Übersetzen... — Исходя из этого, мы понимаем под переводом...

4. Многие исследователи отмечают более частотное употребление пассивных конструкций в английском и немецком языках по сравнению с русским, связывая неравенство пропорций с развитием аналитизма. Так, Левицкая и Фитерман считают популярность пассива результатом исчезновения флексий, облегчивших трансформацию косвенного и предложного дополнения в субъект³². В немецком языке флексии косвенных падежей наличествуют, но пассив также в целом распространен шире, чем в русском языке. Эта ситуация до последнего времени особенно отчетливо была заметна в научных текстах, и лишь в последнее время немецкий научный текст, понемногу теряя академичность и обретая черты научно-популярного текста (эмоциональность, образность), стал склонен к активному залогу. И вполне объяснимо, что многие переводчики, переводя традиционный немецкий научный текст на русский язык, несколько снижают количество употреблений пассивного залога:

Die Frage «Was ist Übersetzung?» wird unter verschiedenen Blickwinkeln zu beantworten versucht. — На вопрос «Что такое перевод?» автор неоднократно пытается ответить исходя из разных точек зрения.

В данном случае переводчик производит грамматическую замену пассивной формы на активную, сопровождая эту трансформацию еще одной — добавлением с вводом объективированного подлежащего («автор»).

Педантичное сохранение всех форм пассивного залога в переводе с немецкого языка на русский создает впечатление неестественности русского языка, о которой можно судить из следующего примера (глаголы со значением пассивности действия, соответствующие немецким формам пассива, во фрагменте выделены):

На теоретическом уровне Гердер развил начатое Брейтингером; его идеи последовательно вводятся в практику Иоганном Генрихом Фоссом в его

переводе Гомера на немецкий язык, в котором языковые и стилевые черты гомеровского текста систематически **переносятся** в перевод и, тем самым, радикальным образом **нарушаются** нормативные и стилистические правила Аделунга. В теоретическом обосновании и на практике в переводе Авгутом Вильгельмом Шлегелем Шекспира **прослеживается**, наконец, та романтическая концепция перевода, которая систематически **разбирается** Фридрихом Шлейермахером...

Из этого, как и из последующего примера, видно, что передача пассивных конструкций глаголами пассивного же значения русского языка может привести к неэквивалентному переводу также из-за того, что педантично сохраненные в пассивной форме глаголы оказываются многозначными, в особенности если для передачи пассивности избрана форма возвратного глагола (переносятся, разбирается; топились):

Weniger drakonisch als in anderen Landesteilen bestrafte man hingegen Weinpantanser. Würden diese andernorts kurzerhand in ihrem eigenen Gebraue ertsauf!... — Не столь сурово, в отличие от других земель, **каралась** разбавители вина. В других местах такие мошенники без лишних церемоний **топились** в собственном пойле...

5. Тенденция к аналитизму заявляет о себе также в использовании избыточных структурных компонентов, которые в переводе не являются инвариантными для понятийного содержания. По этой причине в английских и немецких текстах любого типа употребляется гораздо большее количество притяжательных и указательных местоимений, чем в русских. Сохранение их в переводе в полном объеме приводит к нарушению стилистической нормы русского языка и появлению монстров вроде: «Он положил свою книгу в свой портфель». Закономерности предпочтения заставляют переводчика в данном случае оставлять в переводе столько форм местоимений, сколько уместно в русском нормативном тексте (тип текста, как мы уже отмечали, роли здесь не играет):

Es gelang ihm nicht, mit seiner Rechten den Rand zu erreichen. — Ему не удалось дотянуться правой рукой до края.

Определительные связи. Русский и немецкий языки обладают одинаковым диапазоном средств выражения определительных связей. На уровне слова и словосочетания это: 1) согласованное определение, выраженное прилагательным или причастием; 2) сложное слово; 3) генитив в постпозиции к определяемому слову и некоторые другие средства. Однако для русского языка более типично первое средство — согласованное определение, в немецком же языке значительно чаще встречаются сложные слова.

Опасность нарушения этой пропорции и, тем самым, реализация интерференции возникает не в переводе на русский язык (поскольку большинство немецких сложных слов, выражающих определительные связи, в русском языке попросту невозможны, и происходит

объективная замена — см. с. 160), а в переводе на немецкий, где сочетание: определитель (согласованное прилагательное /причастие) + определяемое слово в принципе возможно, но большое количество таких слов нехарактерно для немецкого текста.

С другой стороны, для некоторых типов текста, таких, как научный, в русском языке характерны цепочки взаимоподчиненных генитивов, а в немецком — выражение определительных связей через предложные конструкции с *von + Dat.*, *in + Dat.*, *aus + Dat.*, *für + Akk.*:

Пример 1.

Займствование поэтических достижений (род. п.) иноязычных литератур (род. п.). — *Entlehnung von poetischen Leistungen (Dat.) aus fremdsprachlichem Literaturgut (Dat.)*.

Пример 2.

Поэтому, несмотря на все оговорки, слова Хайакавы с полным правом могут быть привлечены как главное свидетельство правильности (род. п.) эмпирического выбора (род. п.) типов (род. п.) текста (род. п.) для предлагаемого исследования. — *Daher scheint es trotz aller Einwände berechtigt auch Hayakawa als Kronzeugen für die Richtigkeit (Akk.) der empirischen Auswahl (Gen.) von Textsorten (Dat.) für die vorliegende Untersuchungen anzuführen.*

Из приведенных примеров видно, что средства, предлагаемые при переводе для передачи генитивных цепочек, достаточно устойчивы; выстраивание же в переводе на немецкий язык таких цепочек являлось бы отклонением от литературной нормы немецкого языка. Таким образом, и в этом случае мы сталкиваемся с преференциальной закономерностью (т. е. с предпочтительным выбором). Любопытно, что именно различия в оформлении определительных связей приводят к тому, что стиль немецкого и скандинавского научного текста более номинативен³³, чем русский, так как в нем попросту больше существительных за счет сложных слов.

Категория времени глагола. В немецком и русском языках есть специализированные средства для передачи всех трех временных планов: прошлого, настоящего и будущего. Их текстовое использование также в основном совпадает, но отмечается разная традиционная частотность в их употреблении. Например, в архаичном по ряду признаков тексте народной сказки, где и в русском, и в немецком языках встречается вневременной презенс, в русской сказке он используется значительно чаще, и поэтому при переводе на немецкий язык в ряде случаев может быть заменен формами прошедшего времени.

Обратную картину мы наблюдаем в использовании *praesens historicum* как стилистической фигуры в художественном тексте.

См.: *Kwan S. Translationwissenschaftliche Grundlagen: Syntax.* — S. 54-55.

В русской литературе его традиция гораздо более скромна, чем в немецкой, и поэтому при переводе на русский язык его часто заменяю *i* претеритом.

В разговорной речи и русский и немецкий язык широко используют настоящее время в значении будущего (*praesens futuralis*): *Ich gehe morgen ins Theater.* — Завтра я иду в театр. Но русский обиходный текст значительно шире пользуется формами будущего времени; в немецком же *Futurum* в разговорной речи практически невозможен.

Аналогичные закономерности, связанные с традициями (конвенциями) разного рода — социальными, прагмотекстуальными, эстетическими, — свойственны каждой паре языков. Они и порождают правила предпочтения, специфику которых переводоведению еще предстоит описать.

Категория числа имени существительного. Расхождения в употреблении категории числа обнаружатся, наверное, при сравнении любой пары языков. И если для существительных, эксплицирующих лишь один разряд этой грамматической категории (*pluralia tantum, singularia tantum*), они являются парадигматическими и, следовательно, для преодоления этих расхождений переводчику достаточно языковой компетентности (ведь, разумеется, всякий, кто владеет немецким языком, знает, что русское слово «ножницы» в нем не относится к *pluralia tantum* и является существительным женского рода — *die Schere*), то для целого ряда других существительных употребление числа обусловлено традицией (например, в немецком: *die Jugendlichen* — молодежь). Случаи таких расхождений довольно подробно описаны для пары языков английский-русский³⁴. Именно традициями словоупотребления объясняются приведенные авторами примеры: *struggles* — борьба, *Stone Ages* — каменный век, *talent* — специалисты.

Наличие такого рода традиций связано прежде всего с условностью, размытостью семантических границ между формами множественного и единственного числа, прежде всего способностью форм единственного числа выражать семантику собирательности, обобщенности, множественности. В связи с этим порой оказывается, что соответствие данному существительному множественного числа в ИЯ традиционно оформляется в ПЯ формой единственного числа. Об этом свидетельствуют приведенные ниже примеры переводов с немецкого и английского языков на русский:

Пример 1.

Systeme, die sich phonetische Ähnlichkeiten (мн. ч.) zwischen Zahlen und deren Kennwörtern zunutze machen. — Системы, которые используют фонетическое сходство между числами и их условными обозначениями.

³⁴ См., напр.: *Левецкая Т. Р., Фишерман А. М.* Проблемы перевода. — С. 16-17.

В случаях такого рода форма множественного числа существительного в ПЯ теоретически возможна, но в речи не употребительна.

Пример 2.

Der Beitrag der Sprechaktenanalysen für die Theoriebildung. — Вклад анализа речевого акта в формирование теории.

А этот тип расхождения чреват, пожалуй, самыми пагубными последствиями для эквивалентности переведенного текста, поскольку соответствующее существительное («анализы») существует и употребительно в ПЯ, но в совершенно другом значении и другом контексте.

Пример 3.

He thought it was given to him to judge the world and strike down the sinner. — Он решил, что ему дано судить мир и карать грешников.

Собирательное значение, которое подчеркивается определенным артиклем (*the sinner*), передано в переводе с помощью формы множественного числа (грешники).

Специфические закономерности преференции, связанные со структурными расхождениями в грамматических категориях или функциональными расхождениями, отмечают исследователи для различных языков. Так, сравнивая порядок слов, в особенности первое место в предложении, Свен-Гуннар Андерсон и Сигмунд Квам формулируют правила преференции при переводе с английского, французского и скандинавских языков на немецкий. В. Г. Гак³⁵ отмечает во французском тенденцию к использованию неодушевленных подлежащих в тех контекстах, где русский язык выбирает одушевленное подлежащее:

Cette catastrophe a fait trois morts. — В результате этой катастрофы погибли 3 человека.

Из этого следует преференциальное правило субъектно-объектной замены при переводе на русский язык.

Итак, при структурных и функциональных (как качественных, так и количественных) расхождениях грамматического уровня между языками переводческий выбор регулируется закономерностями преференции, которые приводят к фактическому установлению правил преференции, действующих либо в рамках двух языков (ИЯ — ПЯ), либо в рамках языков сходной структуры.

³⁵ Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Французский язык. — М., 1980. — С. 25.

8.4. Включение грамматического значения в инвариант содержания при переводе

Грамматические категории и грамматические значения при их реализации в тексте в виде грамматических форм обладают, как мы знаем, «прозрачностью» для значения и относятся обычно к разряду пустых компонентов содержания. Поэтому при переводе, скажем, формы «пришел» мы передаем вовсе не форму претерита (простого прошедшего времени), а то значение плана прошедшего, темпоральность прошедшего, которая реализована в данном контексте: а оно, например, в немецком языке может быть выражено с помощью претерита, перфекта, плюсквамперфекта и даже презенса. Передавая слово «дерево», мы не стремимся передать средний род этого существительного, а передаем его логическую специфику как субъекта или объекта.

Но известны редкие случаи, когда грамматическое значение в какой-либо его конкретной реализации включается в инвариант содержания текста, и тогда его необходимо передать в точности. Во всех известных нам случаях в этой функции выступает грамматический род.

В качестве первого примера можно привести образную систему стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» и нелегкую историю его переводов на русский язык. Как известно, в качестве основных персонажей этого стихотворения Гейне избрал пальму (*die Palme*, ж. р.) и пихту (*der Fichtenbaum*, м. р.), метафорически описывая романтические взаимоотношения. М. Ю. Лермонтов («На севере диком стоит одиноко...») в своем переводе предлагает «сосну» и «пальму», подчеркивая тему разлуки и неутолимого романтического стремления к недостижимому, отодвигая на задний план тему разлуки влюбленных, поэтому сохранение мужского грамматического рода для него второстепенно. Ф. Тютчев сохраняет аппозицию м. р. — ж. р. («кедр» — «пальма»); то же делает и А. Фет («дуб» — «пальма»), хотя его и упрекали, что он избрал слово, отягощенное устойчивыми оценочными сигнификативными коннотациями («дуб»).

Аналогичная проблема возникла у переводчиков при переводе фрагмента из прозы Гейне, где он в качестве метафоры любви предлагает «*der Mond*» (м. р.) и «*die Lotosblume*» (ж. р.). Ведь при прямом переводе на русский язык происходит «смена ролей»: *der Mond* (м. р.) — луна (ж. р.), *die Lotosblume* (ж. р.) — лотос (м. р.).

В рассмотренных случаях, расширяя свои функции, грамматическое значение становится элементом системы художественных средств текста.

Грамматический род может выступать и в качестве компонента архитектоники содержания. В этой функции он не всегда инвариантен. Рассмотрим несколько случаев.

1. Фантастический персонаж (как правило, животное) наделяется признаками человека и тем самым — принадлежностью к опре-

деленному полу. В народной сказке, например, пол персонажа иногда играет существенную сюжетную роль. Так происходит, например, в сказке братьев Grimm «Der Froschkönig», где расколдованная лягушка оборачивается принцем и женится на принцессе. Существительное *der Frosch* в немецком языке мужского рода, как и *der König* (король), поэтому в оригинале оба слова ассоциируются с заколдованным принцем. Переводчик Г. Петников нашел единственную возможность сохранить м. р. — выбрал диминутивную форму, суффикс которой используется только для существительных м. р.: «лягушонок». В его переводе название сказки гласит: «Король-лягушонок».

2. Фантастический персонаж антропоморфен, но в ПЯ существует устойчивая традиция ассоциировать его с определенным полом. Тогда в переводе может победить либо традиция оригинала, либо традиция перевода. Самый известный пример такого рода — это сказочная лиса в русских сказках и аналогичный персонаж мужского пола у большинства других народов. Более ранние переводы сказок народов мира на русский язык адаптируют этого сказочного героя к русской традиции («Волк и лиса», «Лиса и гуси» братьев Grimm в переводах Г. Петникова 40-х гг. XX в.); в переводах 2-й половины XX в. «побеждает» фольклорная традиция ИЯ (например, Братец Лис в американских «Сказках дядюшки Римуса»).

3. Фантастический антропоморфный персонаж имеет пол, но для сюжета это существенной роли не играет. Тогда, как правило, в переводе используется прямое соответствие, находящееся в рамках привычной для ПЯ речевой реализации (Сойка — в подлиннике *der Naheg*, м. р., в переводе романа Ф. Зальтена «Бельчонок Перри»).

8.5. Выводы

При рассмотрении грамматических проблем перевода были описаны, разумеется, не все случаи, и конкретные соответствия в применении к разным парам языков могут быть различны. Однако приведенные рассуждения позволяют сделать по крайней мере два общих вывода:

1. Грамматическими проблемами перевода мы можем считать лишь те проблемы, которые лежат в сфере переводческой, а не языковой компетентности.
2. Переводческие решения, связанные с грамматическими проблемами перевода, включают как вариантные соответствия, так и разные виды трансформаций, включая комплексную одно- и разноуровневую компенсацию.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Фонетический уровень речевой реализации языка актуален в теории и практике перевода в 3 случаях: при рассмотрении процесса устного перевода; при исследовании транскрипционных соответствий в любом виде перевода; при наличии у звука речи эстетических функций

9.1. Фонетический облик языка в процессе перевода

В процессе устного перевода переводчик имеет дело с устным, звучащим текстом. От полноценного восприятия переводчиком фонетического облика звучащего текста зависит полноценное воспроизведение смысла текста в переводе.

Известно, что человек может воспринимать звучащую речь с разной степенью полноты: фрагментарно, выборочно, достаточно полно. Стабилизирующими и страхующими механизмами при этом являются: механизм человеческой памяти, с одной стороны, и механизм языковой избыточности — с другой.

Для того чтобы в ходе перевода был получен максимально эквивалентный результат, необходимо возможно более полное восприятие переводчиком исходного текста. Объективные предпосылки обеспечения полноты восприятия мы только что назвали. Именно они заставляют включать в методику обучения переводчиков тренинг памяти и упражнения на отбор первостепенно важной информации (так называемые «прецизионные слова» у Миньяр-Белоручева и пр.). Отметим, что идея о наличии в речевом высказывании главной и второстепенной информации является скорее методически обусловленной, чем научно объективной. В процессе устного последовательного перевода, когда переводчик не знает последующего контекста, и при дефиците времени, в котором он работает, невозможно отделить главное от второстепенного с большой долей надежности. Прием компрессии, основанный на сохранении смысла прежде всего прецизионных слов, фактически лишь помогает переводчику избавиться от комплекта буриданова осла, т. е. решиться на какой-либо выбор, пусть даже ошибочный. На самом деле часто «второстепенные» слова и обороты: прилагательные, наречия, модальные слова и частицы могут содержать инвариантную для содержания текста информацию, в них может содержаться что-то принципиально новое, какой-либо намек и т. д. Возьмем один из многочисленных примеров:

В декабре 1997 года подписан контракт, в соответствии с которым на АЭС будут установлены два легководных реактора типа ВВЭР-1000 мощностью 1 млн кВт каждый.

Во фразе выделены слова, которые обычно принято считать второстепенными. Однако первое из них («легководный») непременно войдет в инвариант, если сообщение делается для специалистов по атомной энергетике. Уточняющая же характеристика («типа ВВЭР-1000») в данном случае формирует основную информацию, поскольку весь последующий контекст будет посвящен типам реакторов. Таким образом, представление о наличии в тексте главной и второстепенной информации весьма субъективно, и, пожалуй, мы имеем право говорить лишь о суммарной избыточности формальных средств выражения информационного состава текста. Используя прием компрессии, переводчик, строго говоря, действует почти наугад, но он всегда имеет возможность повысить эквивалентность своего перевода, поскольку устный текст, что называется, открыт справа, поэтому в следующие фразы перевода можно внести дополнение или поправку.

Рассматривая специфику полноты восприятия устным переводчиком фонетического облика текста, мы имеем в виду наиболее частотный в практике случай — последовательный перевод. Значительно более высокую степень эквивалентности обеспечивает устный перевод целого текста; именно на такой перевод нацелена методика, разработанная французскими учеными Д. Селескович и М. Ледерер. Базируясь на тех же предпосылках достижения эквивалентности (память переводчика и избыточность речевого оформления информации), методика перевода целого текста (в рамках интерпретативной теории, автором которой является Д. Селескович) позволяет наиболее точно и достоверно определить главную и второстепенную информацию и дает переводчику свободу выбора средств ее оформления. Переводчик опирается на знание содержательной и формальной архитектоники всего текста. Однако даже тренированная память не способна охватить всего состава содержания, и предлагается увеличить этот ресурс с помощью специальных записей (переводческая скоропись).

При восприятии звучащей речи помимо стабилизирующих это восприятие механизмов действуют и дестабилизирующие. Они, как правило, случайны и связаны с устным характером речевой трансляции. К таким спонтанным факторам риска в процессе устного перевода могут относиться: плохая слышимость речи оратора (акустика в зале, плохая работа техники), неестественно высокая скорость произнесения текста, шумовые помехи, препятствующие восприятию. Практика и научные эксперименты показывают, что и в этих случаях переводчик способен восстановить и воспроизвести нерасслышанные, непонятые или отсутствующие фрагменты текста. При этом он опирается как на знание предшествующего контекста (при последовательном переводе) или всего текста (при переводе целого текста), так и на свой речевой опыт, используя накопленные знания о том, как бывают организованы подобные тексты, какие мысли и формулировки в них могут встретиться.

На этапе идентификации звучащей речи осложнением для любой пары языков является также наличие какой-либо окраски в речи оратора, отличающей ее от литературной нормы, включая как коллективные, так и индивидуальные отклонения. Помехой могут быть шепелявость, картавость автора, его неправильное произношение, если язык конференции для него — иностранный. При переводе с немецкого на русский идентификация иногда затрудняется из-за диалектальной окраски речи оратора. Общую проблему представляем также воспроизведение на слух имен собственных, не знакомых переводчику, поскольку в ряде случаев они безассоциативны и невыводимы из контекста.

В стороне от обсуждаемых нами проблем остается фонетическая чистота и правильность порожденного переводчиком текста, поскольку это связано с языковой компетентностью переводчика (знание орфоэпической нормы языка перевода). Отметим лишь, что в устном переводе соблюдение орфоэпической нормы является необходимой предпосылкой эквивалентности перевода, поскольку грамматически и лексически правильно организованный, но неправильно звучащий текст не будет воспринят реципиентом. Отклонения от орфоэпической нормы в речи переводчика обычно связаны с интерференцией родного и иностранного языков.

9.2. Межъязыковые транскрипционные соответствия

Мы уже знаем, что в ряде случаев единицей перевода служит фонема. Именно в таких случаях перевод слова или словосочетания представляет собой транскрипционное соответствие, полученное с помощью межъязыковой переводческой транскрипции.

С помощью транскрипции переводятся личные имена, географические названия, определенная часть междометий и звукоподражаний, экзотизмы, реалии-деньги, некоторые реалии-меры, названия газет и неспециальных журналов, названия фирм (если перевод их названий в данном случае необходим) и т. п. (см. часть 2, глава 7).

Перечисленные группы лексики специфичны либо тем, что обозначают объект действительности, который в данной ситуации или вообще является единственным в своем роде (Клиффорд Саймак, Инсбрук, городки, сотинка, верста), либо представляют объект, еще только формирующий свое обозначение в языке перевода (барбекю, пиар), поэтому новоявленное слово не имеет ни многозначности, ни синонимии, ни — иногда — окончательного грамматического оформления в языке перевода.

Межъязыковая переводческая транскрипция — это пофонемное уподобление слова, звучащего на языке оригинала, новому слову, формируемому в тексте перевода. Вид перевода при этом роли не иг-

раст: в письменном переводе используются графические знаки, принятые для записи фонемы, подобной фонеме подлинника. Такой способ перевода часто называют транслитерацией, что вряд ли правомерно, поскольку речь идет не о побуквенном (*греч.* *litera* — «буква»), а именно о пофонемном уподоблении. В связи с этим обстоятельством, а также с тем, что в истории перевода известны случаи, когда применялось действительно побуквенное уподобление (побуквенное уподобление представляет собой особый феномен и рассматривается нами в контрасте с пофонемным уподоблением), — в связи со всем этим мы будем пользоваться далее термином «межъязыковая транскрипция».

Транскрипционные соответствия могут занимать для данной лексемы разное место в системе ее переводческих соответствий и быть носителем разных видов информации.

Во-первых, они могут быть единственно возможным видом эквивалентного соответствия. Так, большинство личных имен, топонимов, обозначений денежных единиц, названий газет при переводе обязательно транскрибируются. Замена их категориальным, генерализирующим синонимом или описательный перевод, например: «представитель администрации США» вместо «Мадлен Олбрайт»; «мелкие населенные пункты Германии» — вместо «Раштадт и Шауэнбург»; «ущерб составил 20 тысяч в национальной валюте Бирмы» — вместо «ущерб составил 20 тысяч кьятов» — возможна лишь в том случае, если переводчик по какой-либо причине не услышал или не успел записать экзотическое слово, но из контекста знает его значение. Уровень эквивалентности перевода текста в целом от таких замен снижается.

Во-вторых, переводчик сам может выбирать, использовать ли ему транскрипцию или другой вид перевода в зависимости от содержательной архитектоники всего текста. Например, при переводе этноцизмов — лексики, характерной для быта, нравов, культуры определенного народа, — отказ от транскрипции и замена этноцизма генерализирующей лексемой, описательным переводом или словом со сходной семантикой (пагода — храм; хуацяо — зарубежные китайцы и др.) обязательно производится переводчиком в том случае, если этноцизм в тексте слишком много и они уже невыводимы из контекста — тогда теряется их способность передавать когнитивную информацию, поскольку их семантика в контексте не реализуется.

Теперь попробуем разобраться в том, какие виды информации могут передаваться с помощью транскрипционных соответствий. Прежде всего это когнитивная информация, передающаяся через реализацию значения транскрибированного слова со всем комплексом компонентов его содержания. Например, в сообщении: «На минувшей неделе власти штата Нью-Йорк впервые в США потребовали от производителей огнестрельного оружия компенсировать

расходы, которые несет штат в связи с незаконным использованием их продукции» — однозначное транскрипционное соответствие «Нью-Йорк» (от *англ.* New York) реализует свое лексемное значение «штат», что подтверждается контекстом. Однако сигнификативный компонент содержания: «американский город; американский штат; штат, где говорят по-английски» сообщается именно через транскрипционный характер соответствия, поскольку в нем средствами русского языка передается колорит звучащей английской речи. Так транскрипционные соответствия сообщают нам информацию о специфике языка той страны, о которой идет речь в тексте. Топонимы «Чженчжоу», «Чуньцин», «Шеньян», «Сянган» дают представление о китайском языке; топонимы «Страшены», «Кожушна», «Романешты» — о молдавском языке. Таким образом, транскрипционные соответствия являются средством создания национального колорита, т. е. средством передачи информации о национальной специфике. Информация эта логически не структурирована, она воздействует прямо на эмоции реципиента, оставляя образное звуковое впечатление об экзотике чужого языка. Сообщение о чужой стране, совмещающее благодаря транскрипционным соответствиям (правда, не только благодаря им — см. часть 2, глава 10) когнитивную и эмоциональную информацию, надежнее действует на реципиента, поскольку обладает необходимой избыточностью средств выражения: одни и те же сведения о национальной специфике передаются и с помощью денотативного компонента содержания текста (когнитивная информация), и с помощью сигнификативного (эмоциональная информация).

Дополнительным подтверждением того, что транскрипционные соответствия служат средством передачи национального колорита, могут быть те случаи, когда журналисты в очерках, посвященных какой-либо стране, вводят транскрипционные варианты для слов, которые имеют в языке перевода вполне устойчивые лексические соответствия. Знаменитый пример, найденный К. Чуковским: «В семье двое детей — бой энд герл», вовсе не свидетельствует о невежестве журналиста, будто бы не знавшего, что «бой» — мальчик, а «герл» — девочка; он просто показывает реализацию функции транскрипционного соответствия как средства передачи национального колорита в чистом виде.

В художественных текстах транскрипционные соответствия, служащие для передачи национального колорита, перерастают в средства передачи реципиенту (читателю) эстетической информации, входя в единую систему художественных средств и участвуя в создании художественных образов.

9.3. Правила межъязыкового транскрибирования (на материале англо-русских и немецко-русских соответствий)

Межъязыковое транскрибирование строится на основе пофонемных соответствий между двумя языками. Как известно, состав фонем в различных языках (даже родственных, таких, как индоевропейские: английский, французский, русский) не совпадают. В этих случаях в качестве соответствия избирается фонема, пусть даже далекая по артикуляционным показателям, но наиболее близкая по звучанию из фонетически подобных: ср. англ. [h], нем. [h] и русск. [x].

Отсутствующие в ПЯ сложные фонемы (аффрикаты, дифтонги, трифтонги) передаются с помощью сочетания из нескольких фонем: ср. англ., нем. дифтонг [ae] и соответствующий ему русск. [aj]. Все эти соответствия закреплены в орфоэпической норме, и переводчик УГЕ5-Р-?М1 ся всякий раз «изобретать велосипед», он пользуется готовым набором, который опубликован в справочниках и специальных словарях³⁶.

Приведем три примера таких пофонемных соответствий (сведения опираются на словарь Лидина, где основой классифицирующего списка служит не фонема, а графема):

Сокращения: Voc. Vocal — гласный

Cs. Consonant — согласный

Таблица 1

Англо-русские пофонемные соответствия

Английская графема	Русское соответствие	примеры	
		английские	русские
	а	Fast	Фаст
		Aston	Астон
	ей	Jack	Джек
		Blake	Блейк
	о	Village	Виллидж
		Albany	Олбани
	э	Sam	Сэм
	эй	Agar	Эйгар
ал	ал	Aaron	Ларон
	е	Isaak	Айзек
ае	е	Phaedra	Федра
	и	Caesar	Сисар

См., напр.: Лидин Р. А. Иностранные фамилии и личные имена. Словарь-справочник. — М., 1998.

Английская графема	Русское соответствие	Примеры	
		английские	русские
ai au	эй	Aitken Ayer	Эйер Эйер
	ей	Bailey	Бейли
air aур	эр	Blair Fayrfaxs	Блэр Фэрфакс
al	ол	Baldwin	Болдуин
all	олл	Small	Смолл
all + Voc.	алл	Allington	Аллингтон
w + all + Voc.	олл	Wallis	Уоллис
au	о	Maud	Мод
aw	о	Howkes	Хокс
Cs. + au	ей	Ayer Fravn	Эйер Фрейн
b	б	Bradbery	Брэдберн
	#	Morecombe	Моркам
-c	к	Stare	Старк
c + Cs	к	Scott	Скотт
c + e, i, y	с	Cecil	Сесил
ch	ч	Chichele	Чичелл
ck	к	Mencken	Менкен
dg	дж	Madge	Мадж
e	н	Eden	Иден
	э	Emily	Эмили
-e	й	Joyce	Джойс
-ё	е	Bronte	Бронте
Cs. + e	е	Bevin	Бевин
	н	Steve	Стив
ea	н	Eaton	Итон
Cs. + ea	е	Breasted	Брестед
	ей	Breakspear	Брейкспир
ear	н	Keats	Ките
	эр	Earl	Эрл
eau	оу	Beaufort	Боуфорт
ee	н	Lee	Ли
ei	эй	Eigg	Эйгг
Cs. + ei	ей	Sheila	Шейла
	н	Reid	Рид

Английская графема	Русское соответствие	Примеры	
		английские	русские
er	эр	Eric	Эрик
Cs. + er	ер	Berkeley	Беркли
-es	с	Hayes	Хейс
eu	ю	Eugene	Юджин
Cs. + eu	ью	Egeus	Иджьюс
ew	ю	Ewan	Юан
Cs. + ew	у	Brewster	Брустер
	ью	Dewar	Дьюар
f	ф	Filding	Филдинг
-g	г	Long	Лонг
g + Cs.	г	Graves	Грейвс
g + Voc.	г	Gollan Gibson	Голлан Гибсон
	иногда дж	George	Джордж
gg	гг	Maggie	Магги
	дж	Reddie	Реджи
gh	ф	Maugham	Мозм
gu + Voc.	г	Guinness	Гиннесс
h	х	Hill	Хилл
Voc. + h (+ Cs.)	ф	Borah	Бора
Voc. + h + Voc.	х	Graham	Грэхем
Voc. + he	э	Cohen	Козн
i + Cs., a	ай	Ike	Айк
i + Cs.	и	Idris	Иарис
Cs. + i	ай	Simon	Саймон
	и	Willis	Уиллис
ie	и	Field	Филд
ir + Cs.	эр	Irving	Ирвинг
Cs. + ir	ер	Birch	Берч
j	дж	Jake	Джейк
k	к	Kyd	Кид
k + h	ф	Knight	Найт
l	л	Little	Литтл
m	м	Holmes	Холмс
n	н	Noonan	Нунан

Английская графема	Русское соответствие	Примеры	
		английские	русские
ng	нг	Aldington	Олдингтон
	ндж	Grainger	Грейнджер
ngh	нг	Cunningham	Каннингтем
o	o	Ogdoo	Огдоо
oa, oe	o	Oats	Отс
oi + Cs.	ой	Doisi	Дойси
oo	у	Wood	Вуд
ou	ау	Pound	Паунд
	оу	Boult	Боулт
	у	Gould	Гулд
our	ор	Courtneidge	Кортнидж
	ур	Seymour	Сеймур
ow + Cs.	ау	Brown	Браун
ow + Voc.	оу	Owen	Оуэн
p	п	Pope	Поп
ph	ф	Morphy	Морфи
qu-	ку	Quine	Куайн
-...qu	к	Bosanquet	Босанкет
	ку	Asquith	Аскуит
r	р	Roger	Роджер
rh	р	Rhodes	Роде
s	с	Soames	Соме
sch	ск	Schockley	Скокли
sh,ssh	ш	Show Bysshe	Шо Биш
t	т	Talbot	Талбот
th	т	Thomson	Томсон
-tz	Ц	Fitz	Фиц
Voc. + tz + Voc.	тс	Spitzer	Спитцер
u	а	Updike	Алдайк
	у	Bush	Буш
ti-	ю	Una	Юна
ts. + u	у	Craden	Круден
	ью	Hume	Хьюм

Английская графема	Русское соответствие	Примеры	
		английские	русские
-ие	ью	Fortescue	Фортескью
Cs. + iir	юр	Muir	Мюр
иг	эр	Urban	Эрбан
Cs. + иr	ёр	Burns	Берне
V	в	Vance	Ване
W + r	#	Wray	Рей
w + Voc.	у	Wilkie	Уилки
wa	уэй	Wavell	Уэйвелл
	уо	Wadsworth	Уолсуорт
wai	уэй	Wain	Уэйн
war	уор	Ward	Уорд
way	уэй	Wayne	Уэйн
we	уэ	Webb	Уэбб
wh	у	White	Уайт
wur	уэр	Wurster	Уэрстер
X	КС	Dixon	Диксон
y + Voc.	й	Yeats	Ийтс
Cs. + y	ай	Smythe	Смайт
	и	Tennyson	Теннисон
Cs. + y + Voc.	ь	Maryat	Маррыат
Voc. + y	й	Keynes	Кейнс
Cs. + yr	ер	Byrd	Берд
z	з	Hazlitt	Хазлитт

Обилие соответствий к каждой из букв (графем) демонстрирует фонематический принцип межъязыковой транскрипции, поскольку в зависимости от окружения и позиции в слове буква может обозначать различные фонемы.

Таблица 2

Немецко-русские пофонемные соответствия

Немецкая графема	Русское соответствие	Примеры	
		немецкие	русские
a	а	Barbara	Барбара
Voc. + a	я	Maria	Мария
a	е, э	Madler, Basle	Меллер, Бэсле
aa	а	Haas	Хае
ae	э	Aeschbacher	Эшбахер
Cs. + ae	е	Baedecker	Бедекер
ai	ай	Aichinger	Айхингер
au	ой	Daubler	Дойблер
ay	ай	Haydn	Гайдн
b	б	Bach	Бах
c + Cs.	к	Clemens	Клеменс
c + a, o, u	к	Caspar	Каспар
c + e, i	ц	Celan	Целан
eh	х	Kirchner	Кирхнер
ch-	к	Christian	Кристиан
chh	хг	Eichhom	Айхгорн
chs	кс	Fucks	Фукс
ck	к	Encke	Энке
Voc. + ck + Voc.	кк	Becker	Беккер
d	д	Doderer	Дордерер
e-	э	Ernst	Эрнст
Cs. + e	е	Andreas	Андреас
Voc. + e	э	Bauer	Бауэр
i, y + e	е	Lilencron	Лилиенкрон
ee	е	Scheel	Шель
ei	ай	Klein	Клайн
eu	ой	Deutsch	Дойч
ey	эй	Eybl	Эйбль
Cs. + ey	ай	Meyrink	Майринк
f	ф	Flack	Флак
g	г	Grimm	Гримм
g + k	г + #	Burgkmair	Бургмайр

Немецкая графема	Русское соответствие	Примеры	
		немецкие	русские
-h	#	Herwegh	Гервег
h + Voc.	X	Hornle	Хёрнле
Voc. + h + Cs.	#	Muhsam	Мюзам
Voc + h + e	#	Hohenlohe	Хознлоэ
i	и	Inn	Инн
i + e	и + #	Diez	Диц
j + o	йо	Jonas	Йонас
Cs+j	ь	Antje	Антье
ja-	я	Jahn	Ян
-ja-	ья	Madjan	Мадьян
ja-	е	Jahn	Ен
ju	ю	Jung	Юнг
J	ъ (во втор. ч. сложи, слов)	Klausjurgen	Клаусьорген
k	к	Trakl	Тракль
-l(l)	ль (льль)	Boll	Бёлль
l (ll) + Cs.	ль (льль)	Kolb	Кольб
l (ll) + Voc.	л (лл)	Doblin	Дёблин
m	м	Mtiller	Мюллер
n(n) -mann	н(н) -ман	Renn Naumann	Ренн Науман
o	o	Opitz	Опиц
ö	ё	Koppen	Кёппен
oe	э	Oelze	Эльце
Cs. + oe	ё	Foerster	Фёрстер
oo	o	Joos	Йосс
ou	ой	Soyfer	Зойфер
p	п	Palm	Пальм
ph	Ф	Ephraim	Эфраим
q + u	КВ	Quincke	Квинке
r + h	р + #	Starhemberg	Штаремберг
r	р	Rickert	Риккерт

Немецкая графема	Русское соответствие	Примеры	
		немецкие	русские
-S	с	Hans	Ханс
s + Cs.	с	Droste	Дросте
s + Voc.	з	Semper	Земпер
s + p, t	ш	Stein	Штайн
sch	ш	Schiller	Шиллер
ss	се	Zeiss	Цайсс
ss = B	с	GauB	Гауе
t	т	Trade	Труде
t + h	т + #	Theo	Тео
tsch	ч	Kretschmar	Кречмар
tz	ц	Schwanitz	Шваниц
tz + Cs.	ц	Nietzsche	Ницше
Voc. + tz + Voc.	тц	Marchwitza	Мархвитца
tzsch	ч	Delitzsch	Делич
u	у	Ulm	Ульм
u	ю	Burger	Бюргер
ue	и	Ueberweg	Ибервег
Cs. + ue	ю	Huene	Хюне
V-	ф	Vasmer	Фасмер
V	в	Avenarius	Авенариус
w	в	Wagner	Вагнер
X	КС	Xaver	Ксавер
y	и	Thyssen	Тиссен
z	Ц	Zwickau	Цвиккау
zsch	ч	Zschokke	Чокке

Все транскрипционные соответствия имеют свою историю и свое объяснение, но для теории перевода важна не качественная близость фонемы ИЯ к фонеме ПЯ, а сам характер и факт однозначности соответствия.

Столь же твердые правила существуют для случаев транскрибирования с русского языка на иностранные языки. Для примера ограничимся одной таблицей:

Русско-немецкие фонемные соответствия

Русская графема	Немецкое соответствие	Примеры	
		русские	немецкие
а	a	Катя	Katja
б	b	Бубка	Bubka
в	w (иногда — v)	Громов	Gromow
г	g	Грозный	Grosny
д	d	Дума	Duma
е	e.	Емеля	Emelja
	je (в устар. варианте)	Ельцин	Jelzin
ё	jo	Елкин	Jolkin
ж	sh	Жуков	Shukov
з	s	Зоя	Soja
и	i	Ирина	Irina
й	j	Урожай	Urochaj
к	k	НКВД	NKWD
л	l	Толстой	Tolstoj
м	m	Михаил	Michail
н	n	Надежда	Nadeshda
о	o	Обломов	Oblomow
п	p	Перестройка	Perestroika
р	r	Распутин	Rassputin
с	s (в начале слова)	Сомов	Somov
Voc. + c + Voc. -c	ss	Россельс	Rosselss
		Борисенко	Borissenko
т	t	Тайга	Taiga
у	u	Уланова	Ulanowa
ф	f	Фёдор	Fjodor
х	ch	Хлестаков	Chlesstakow
-ц-	ts	Доценко	Dotsenko
Ц-, -ц-, -ц-	z	Царь	Zar
ч	tsch, c	Чечня	Tschetschnja
ш	sch	Шахматово	Schachmatowo

Русская графема	Немецкое соответствие	Примеры	
		русские	немецкие
Щ	schtsch	Щербина	Schtscherbina
ы		Блины	Bliny, Blini
ь	j- в разделительной функции	Ильин	Ilijn
ъ	j	Разъезжая	Rasjesshaja
э	e	Эльдар	Eldar
ю	ju	Хасавьорт	Chassawjurt
я	ja	Янковский	Jankowskij

Примечание. Таблицы межъязыковой транскрипции с основных европейских языков, пользующихся латиницей, на русский язык, а также таблицу транскрипции с русского языка на английский см. в кн.: *Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. — М., 2001. Познакомиться с этой книгой мы рекомендуем всем будущим переводчикам.

Из приведенных соответствий видно, что транскрибирование с русского основано на принципе фонетического сходства типичного звучания данной русской графемы с соответствующей графемой иностранного языка в ее звучании.

Одновременно в каждом языке, куда внедряется транскрибированное слово из русского языка, происходит адаптация к некоторым закономерностям языка перевода. Так, при транскрибировании русских существительных в немецком языке они получают заглавную букву (перестройка — *Perestrojka*). Впрочем, в текстах современных СМИ, оформляя некоторые новые экзотизмы-существительные, оставляют строчную букву — очевидно, чтобы подчеркнуть их экзотичность: электричка — *elektritschka*.

Если же в иностранном языке (англ., нем., фр., исп. и т. п.) встречаются иностранные слова из третьих языков, имеющих латинскую графику, то они всегда оформлены по правилам языка оригинала. Соответственно в их устной передаче наблюдается тенденция к максимальному их уподоблению произношению в языке оригинала. Поэтому в переводе с русского языка на иностранный переводчику приходится: при устном перевыражении воспроизвести их исходное звучание; при письменном — восстановить их графический облик. Например, при переводе с русского языка на немецкий предложения: «Встреча намечена в Руане» французский топоним «Руан» переводчик восстанавливает по правилам французского написания: «Das Treffen ist in Rouen geplant».

9.4. Воздействие специфики ПЯ на межъязыковое транскрибирование

Специфика языка перевода (в данном случае — русского) накладывает отпечаток на оформление языковых единиц при межъязыковом транскрибировании.

Наиболее типичны следующие случаи:

1. Оформление сложных имен и фамилий.

В русском языке они оформляются с помощью дефиса:

Англ.	Ernest Seton Thompson — рус. Эрнест Сетон-Томпсон
Нем.	Johann Bernhard Fischer von Erlach — рус. Иоганн-Бернхард Фишер-фон-Эрлах
Итал.	Rosso di San Secondo — рус. Россо-ди-Сан-Секондо

2. Место имени и фамилии.

Если на языке оригинала имя пишется после фамилии, то при переводе на русский язык порядок меняется на обратный согласно русской традиции (исключение составляет перевод библиографических материалов):

Венгерск. Szelenyi Karoly — рус. Карой Селеньи

3. Изменение места ударения.

Ударение зачастую переносится на привычный для русского языка слог, если подобное слово уже есть в русском языке:

Дат. 'Anton — рус. Ан'тон

По тем же причинам, по-видимому, основное ударение в сложных именах собственных переносится на вторую часть слова, как обычно в русском языке:

Нем.	'Willibald — рус. Вилли'бальд
Нидерл.	'Valentijn — рус. Вален'тейн
Норв.	'Camilla — рус. Ка'мила

4. Изменение окончания.

В некоторых случаях при транскрибировании наблюдается частичное изменение состава фонем слова ИЯ, которое объясняется уподоблением грамматической системе ПЯ (в данном случае — русского).

Нем.	Amalie — рус. Амалия
	Therese — рус. Тереза
Норв.	Magdalene — рус. Магдалена
Польск.	Bevarska — рус. Беварская
	Pichelski — рус. Пихельский
	Matejkowa — рус. Матейко

В силу вступает традиция оформления женских имен и фамилий (в том числе иностранных), а также некоторых мужских фамилий, восходящая к прошлым векам.

9.5. Традиции латинской транслитерации в современном фонде однозначных соответствий

Транслитерация (побуквенное уподобление) не применяется в современной технике перевода для передачи новых, еще не освоенных языком слов. Но некоторые слова в разных языках представляют собой когда-то транслитерированные однозначные соответствия: ср. в русском языке «Юго» (вместо правильной транскрипции «Юго» — от фр. Hugo); «Камознс» (вместо «Камойнш» — от порт. Camoes); «Гейне» (вместо «Хайне» — от нем. Heine).

Традиция транслитерирования спонтанно развивается в эпохи наиболее активных межкультурных контактов, и для разных языков эти исторические периоды не всегда совпадают. Для России плодотворным был XVIII в., в начале которого было «прорублено окно в Европу», последовательно расширявшееся всеми императрицами и императорами после Петра I. Именно в XVIII в. появились русские версии имен: Дидерот, Невтон, Ловелас (впоследствии нариц. «ловелас»); и только в XIX в. они начали сменяться более знакомыми нам, основанными на принципе межъязыковой фонематической транскрипции именами: Дидро, Ньютон и др. И действовал здесь не произвол отдельных авторов³, а вполне объяснимая идеология эпохи, опиравшаяся, в свою очередь, также на авторитетные традиции.

Следует напомнить, что одним из основных лозунгов Просвещения, под знаменем которого жил XVIII в., было распространение позитивных знаний и полезного, поучительного искусства, в первую очередь литературы. При таком настрое на безграничный культурный обмен национальные различия игнорировались — время резкого роста национального самосознания еще не настало; а время объединения по признаку веры, которое в течение долгого времени приводило к культурному отграничению православного мира от западноевропейского, уже прошло. В связи с этим имена собственные — имена известных деятелей науки и культуры, имена персонажей литературных произведений — передавались на другие языки в некоей усредненной форме, с опорой на существовавшее представление о прочтении латиницы. То же, как точно звучат эти имена в иностранном языке, никого специально не интересовало, и экзотический колорит звучащей чужеземной речи не приносил еще человеку XVIII в. особого удовольствия, которое на

³Чрезвычайно легкомысленно охарактеризована эта традиция Р. А. Лидиным. См.: *Лидин Р. А. Иностранные фамилии и личные имена.* — С. 11.

полвека позже доставляли Тютчеву песни скальдов, а Лермонтову — речь кавказцев.

Какие же существовали в XVIII в. представления о прочтении латиницы? Они опирались на многовековую традицию перевода имен собственных с латыни. А поскольку в мертвом, и поэтому стабильном к тому времени латинском языке доминировало графемное, побуквенное прочтение (точнее говоря, сохранился и застыл фонематический принцип записи речи), выработалась традиция побуквенного прочтения, т. е. транслитерации и при переводе на другой язык: ср. в русском *Номег* — Гомер. Постепенно сформировались и правила частичного переоформления фонемного состава переводимого слова с целью снабдить его русскими грамматическими показателями (грамматикализация). Так, латинские имена мужского рода на *-o* получали окончание *-он*: *Cicero* — Цицерон, *Naso* — Назон, *Sato* — Катон. Имена мужского рода на *-us* теряли это окончание при транслитерации: *Severus* — Север, *Brutus* — Брут; имена мужского рода на *-ius* получали окончание *-ий*: *Marius* — Марий, *Publius* — Публий. Традиция сохранилась вплоть до XIX в., и именно она объясняет русское оформление имен ученых и писателей XVI-XVIII вв., которые по существовавшему тогда обыкновению принимали имена в латинизированной форме: Цельсий (от *Celsius*), Олеарий (от *Olearius*).

В XIX-XX вв. такой способ перевода, совмещающий транслитерацию и частичное переоформление морфемного состава имени, сменился последовательной межъязыковой транскрипцией — поэтому имя великого поэта эпохи немецкого барокко XVII в., которое стало по-настоящему известно только во второй половине XX в., получило оформление *Андреас Гриффюс* (от нем. *Andreas Griffius*), а не *Андрей Гриффий*, как это можно было бы ожидать, скажем, в XVIII в. Любопытно, что имя другого поэта немецкого барокко — нем. *Angelus Silesius* — существует в двух конкурирующих оформлениях: *Ангелус Силезиус* и *Ангел Силезский*.

Итак, в XVIII в. любой иностранный текст, записанный знаками латинской графики, при прочтении, по-видимому, побуквенно приравнивался к латыни — международному языку светского знания, *i* Переведенные таким образом слова включались в культурную традицию и дошли до наших дней: Гамбург, Гейдельберг, Лондон, Дарвин, Линкольн, Корнель и т. д. В некоторых случаях транслитерация держалась недолго и впоследствии сменилась транскрипцией. Это характерно было, например, для перевода французских имен собственных на русский язык, поскольку французский язык к XIX в. окончательно утвердился в России как язык светского общения, и его звучание стало повсеместно известно. Так, перевод имени писателя *Diderot* — Дидерот (транслитерация) к середине XIX в. сменился на Дидро (транскрипция). Ушло в прошлое и слияние титула с именем; сохранилось оно лишь в самых известных именах: Лаперуз (*La Perouse*), Делабарт (*De la Barthe*), Лагарп (*De la Harpe*).

Отмечаются и любопытные исключения, противоречащие общей тенденции к переходу от транслитерации к транскрипции. Такова история названия швейцарской часовой фирмы «Брегет» (Breguet), увековеченной А. С. Пушкиным в строках из «Евгения Онегина»:

.. Пока недремлющий Брегет
Не прозвонит ему обед.

Застыв в транслитерированном оформлении, это название в XX в. ушло из русского обихода; однако в последние годы фирма ВНОВІ. появилась на российском рынке, но рекламу о себе она дает уже под новым, транскрибированным названием — Бреге.

В XX в., вплоть до второй его половины, применение метода перевода имен собственных с помощью транслитерации еще имело место, но носит непоследовательный характер. Ср. имена, переведенные на русский язык и вошедшие в русскую культуру в XX в.: Герман Гессе (Hermann Hesse — Херман Хессе), Рудольф Хесс (Rudolf Hess), Гитлер (Hitler — Хитлер), Гамсун (Hamsun — Хамсун), Хандке (Handke), Фрейд (Freud — Фройд), Клее (Klee — Кле), Бредберм (Bradbury — Бралбери), Клиберн (Kliburn — Клайберн), Дирок (Dirac — Дайрак) и др.

Но и сегодня, когда метод транскрипции стал ведущим, отмечается непоследовательность в его использовании. Автор одной из наиболее подробных монографий о переводе имен собственных Д. И. Ермолович называет в качестве одной из причин сохранения элементов транслитерации при транскрибировании необходимость восстановления исходной³⁸ формы имени собственного (например, в письменном переводе)³⁸. Разумеется, такие соображения могут побуждать нормализаторов транскрипции сохранять часть графического облика, но вероятнее всего они фиксируют в системе транскрипционных соответствий уже сформировавшуюся в узусе тенденцию — а она склонна частично сохранять транслитерацию. Прежде всего это проявляется в сохранении удвоенной согласной в англо-русских и немецко-русских транскрипционных соответствиях: Collins — Коллинз, Schiller — Шиллер, хотя удвоенные согласные здесь означают лишь краткость предшествующего гласного, а фонема — одна: [l].

В качестве причин отказа от последовательного межъязыкового транскрибирования некоторые исследователи приводят стремление к благозвучию. Этим объясняют варианты Герман (вместо Херман), Герц (вместо Херц) при переводе с немецкого языка; Роза (вместо Рожа — Rozsa) в переводе с венгерского.

Фактор благозвучия действительно следует признать важным, поскольку случайное неблагозвучие может вызвать незапланированный в языке оригинала эмоциональный эффект (комический, шоки

рующий и т. п.). Однако особенно остро благозвучие, или, шире, специфика звучания, интересует переводчика тогда, когда она входит в инвариант, а это бывает при переводе поэтического текста.

9.6. Фонетические проблемы при переводе поэтического текста

Специфика звучания в поэтическом тексте является одним из средств оформления эстетической информации и при передаче компонентов содержания входит в инвариант перевода. В нескончаемых спорах о том, что в поэзии важнее — звучание или смысл, — истины не достигнуть, поскольку обе стороны этого особого текста составляют нерасторжимое единство.

К фонетическим параметрам поэзии в узком понимании относятся аллитерации, ассонансы, рифма (конечная, начальная и внутренняя),¹ а также — что становится предметом внимания значительно реже — специфика фонемного состава всего произведения. В широком понимании к фонетическим особенностям относятся также размер и ритм, однако эти, на наш взгляд, пограничные с другими языковыми уровнями феномены поэтического текста мы рассмотрим в главе 10.

Общей особенностью при передаче рифмы и звукописи является то, что, судя по многочисленным примерам перевода, инвариантно (а следовательно, обязательно передается) их наличие, но не качественное звуковое наполнение. Рассмотрим эту специфику на конкретном примере:

И.-В. Гётте	(М. Ю. Лермонтов)
Über alien Gipfeln	Горные вершины
ist Ruh	Спят во тьме ночной;
In alien Wipfeln spürest du	Тихие долины
Kaum einen Hauch	Полны свежей мглой;
Die Vögellein schweigen im Walde	Не пылит дорога,
Warte nur, balde	Не дрожат листья...
Ruhest du auch.	Подожди немного, Отдохнешь и ты.

Мы нарочно выбрали спорный и вместе с тем классический пример, когда отклонения в передаче образной структуры на первый взгляд весьма значительны, а соразмерность таланта и расчета, по идее, склоняется в пользу таланта. Сравним фонетические фигуры в подлиннике и в переводе. Первый предмет нашего исследования — это рифмы:

- Gipfeln	ж	-шины	ж
- Ruh	м	-ной	м
-Wipfeln	ж	-лины	ж

-du	м	-мглой	м
-Hauch	м	-рога	ж
-Walde	ж	-сты	м
-balde	ж	-ного	ж
-auch	м	-ты	м

Картина, которую мы видим, вполне может считаться типичной. Фонетические параметры рифмы: каденция (мужская / женская), т. е. объем заударной части рифмы, характер чередования рифм, богатство рифм (мера совпадения фонем в рифме) — все это так или иначе воспроизводится в переводе. «Так или иначе» — т. е. с некоторыми изменениями или полно. Каденция в данном случае сохранена полностью. В подлиннике 4 мужских и 4 женских рифмы, в переводе — ровно столько же. Однако в подлиннике они чередуются в первых 4 строках перекрестно, а в следующих четырех — опоясываясь. В переводе все рифмы чередуются перекрестно. Все рифмы и в подлиннике, и в переводе нормальные, богатой могут считаться только рифма № 3 в подлиннике и № 4 в переводе. Однако по фонемному наполнению рифмы ИТ и ПТ несопоставимы.

Наконец, рассмотрим последний параметр. Для фонемного состава подлинника ярко выраженная звукопись (аллитерации и ассонансы) не характерна. Наполненность сонорными и [l] повышена, что характерно для классического поэтического текста XIX в. В переводе эта наполненность несколько ниже: у Гете (17, п9, гп2) 18; у Лермонтова — соответственно (л4, н7, м3) 14. Исследования показывают, что впечатление о «немузыкальности» перевода стихов связано в первую очередь с недостаточной наполненностью текста перевода именно сонорными и [l]. Вместе с тем несомненно, что поэт использует в своем произведении много сонорных неосознанно, а переводчик неосознанно эту повышенную наполненность сонорными воспроизводит. И все же знать о такой специфике классической поэзии переводчику необходимо.

Только что обсужденный феномен наполненности поэтического текста (на любом европейском языке) сонорными и [l] и факт ее неосознанной передачи переводчиками подводит нас к проблеме передачи звукописи в переводе. Звукопись, т. е. многокомпонентный повтор определенной фонемы или сочетания фонем в стихе, может обладать различными функциями в тексте. В некоторых из этих функций она входит в инвариант перевода, в других представляет собой инвариантно-вариабельный компонент содержания, т. е. может быть изменена.

Наиболее известна в роли фонетической фигуры начальная аллитерация. Она использовалась в качестве одновременно и организующего, и орнаментального средства в древнегерманской поэзии (древнескандинавской, древнеанглийской, древневерхненемецкой), а также в некоторых других языках в древний период (например, она встречается в киргизском эпосе «Манас»). Примеры показывают, что переводчикам удастся воспроизвести сам принцип и место начального повтора согласного (реже — гласного), но качество фонем может меняться:

Eiris sazun idisi, sazun hera duoder	(s — s)
suma hapt heptidun, suma heri lezidun,	(s, h, h — s, h)
suma clubodun umbi cuoniouuidi:	(k — k)
insprinc haptbandun, invar vigandun.	(i — i)

(Первый Мерзебургский заговор, X в.)

Древле сели девы семо и овамо.	(д, с, д — с)
Эти пути путали, те полки пятили,	(п, п — п, п)
Третьи перетерли твердые оковы.	(т, т — т)
Верви извергни, вражьих пут избегни.	(в, в — в)

(Перевод Б. Ярхо)

Мы видим, что качественную близость удалось сохранить отчасти лишь при переводе первой строки (с); архитектурная функция начальной аллитерации тоже оказалось ослабленной: в подлиннике наблюдается полная симметрия компонентов повтора в полустипхах. Это ослабление компенсируется увеличением числа компонентов повтора: всего их в переводе 14 по сравнению с 10 случаями в подлиннике.

Как фигура, свойственная языкам с фиксированным начальным ударением (таким, как английский и немецкий), начальная аллитерация получила развитие в парных словосочетаниях, названиях произведений, заголовках газет, и, наконец, в XX в. широчайшее распространение получила в рекламных текстах. Здесь раскрылся ее дополнительный потенциал: оказалось, что не только звуковое, но и графическое подобие служит мощным средством привлечения внимания к тексту, традиционно совмещающая эстетическую (орнаментальную) и смыслоорганизирующую функции. Аллитерация в рекламе инвариантна, если одно из слов, входящих в аллитерирующий ряд, оформляет когнитивную информацию (например, является названием фирмы или товара). Однако текст рекламы отличается избыточностью средств воздействия, в связи с этим передача аллитерации — дело чрезвычайно сложное:

Wissenschaftler waschen Wasche — реклама стирального порошка.
Er kann. Sie kann. Nissan — реклама автомобиля

Видимо, поэтому среди собранного нами материала нет случаев передачи аллитерации в рекламе; на сегодня начальную аллитерацию можно считать непереводаемым языковым средством в рекламном тексте, хотя принципиальной непереводаемостью оно не обладает.

Другую проблему представляет звукоизобразительный повтор: наполнение слов в стихе (не обязательно в начальной позиции) определенными согласными или гласными:

Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенной холста, —
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

(О. Мандельштам, 1910)

В подлиннике — 13 компонентов звукоизобразительного повтора п, из них 12 — в наиболее сильной начальной позиции. Возможно, этот повтор не просто монотонно окрашивает звучание текста, но и является ключевым звуком так называемого «звукообраза» и подчеркивает основное понятие «пустота». В известном переводе на немецкий язык Пауля Целана этот повтор исчезает полностью:

Das horchende, das feingespannte Segel.
Der Blick, geweitet, der sich leert.
Der Chor der mitternachtgen Vogel,
Durchs Schweigen schwimmend, ungehdrt.

An mir ist nichts, ich gleich dem Himmel,
Ich bin, wie die Natur ist: arm.
So bin ich, frei: wie jene Stimmen
Der Mitternacht, des Vogelschwarms.

Du Himmel, weiBestes der Hemden,
Du Mond, entseelt, ich sehe dich. Und,
Leere, deine Welt, die fremde,
Empfang ich, nehme ich!

Правда, переводчик строит в переводе аллитерирующий повтор sch в соседних словах, который является излюбленным приемом в поэзии Мандельштама, и, таким образом, показывает читателю компонент специфики художественных средств поэта, но не передает фонетической окраски данного стихотворения.

Но тот же переводчик — Пауль Целан — при переводе другого стихотворения Мандельштама находит адекватные средства для передачи сразу двух повторов, причем с помощью фонем, наиболее близких звучанию фонем подлинника, участвующих в создании повторов:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Mein Wolfshund-Jahrhundert,
mich packts, mich befallts —
Doch bin ich nicht wolfischen Bluts.
Mich Mtitze — stopf mich in den Armel,
den Pelz Sibirischer Steppenglut.

К повторам, отражающим звукопись подлинника, добавляется здесь еще один (т — т), характерный для стиля Мандельштама.

Таким образом, звукоизобразительные повторы в поэзии могут быть переданы, хотя часто переводчики жертвуют ими во имя других важных средств оформления поэтического текста, и здесь важную роль играет как личностное восприятие поэзии данным переводчиком, так и его индивидуально-авторские пристрастия.

9.7. Выводы

Итак, мы познакомились с основными сложностями фонетического оформления текста перевода. Все они так или иначе связаны со звучащей речью или с закреплением этого звучания средствами графики.

Подведем некоторые итоги:

1. В устном переводе фонетические проблемы связаны как с этапом восприятия ИТ, так и с этапом перевыражения текста на ПЯ.
2. Неполнота или ненормативность звучания ИТ могут преодолеваться с помощью навыка текстового прогнозирования; однако они способны и полностью блокировать процесс перевода.
3. Как в устном, так и в письменном переводе в тех случаях, когда единицей перевода является фонема, перевод осупляется с помощью межъязыкового транскрибирования по определенным правилам.
4. Отклонения от принципа транскрибирования связаны с традициями и мерой грамматикализации слова в ПЯ.
5. В поэтическом тексте фонетические особенности, отраженные с помощью графики, являются частью системы художественных средств, передают эстетическую информацию и входят в инвариант перевода. Инвариантными могут быть: наличие большого количества сонорных, наличие звукового повтора, качество и место звукового повтора, наличие рифмы и т. п. При переводе эти средства передаются в основном в ослабленном виде, с уменьшением повторяющихся компонентов.
6. Особую проблему представляет эвфония Поэтического текста; ее передача зависит во многом от индивидуально-авторского восприятия текста переводчиком.
7. В рекламном тексте инвариантность звукового повтора может быть связана не только с эстетической, но и с когнитивной информацией, содержащейся в тексте, хотя, как правило, при переводе звуковой повтор не передается.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ТЕКСТА

10.1. Общие замечания

Рассмотрение перевода как процесса и как результата в разных аспектах, в том числе и в связи с разными, условно разграничиваемыми уровнями языка, предполагает, что объектом этого рассмотрения всегда является *текст*. Однако текст интересует переводоведение не только как некое вмещилище тех или иных языковых явлений (фонем, слов, грамматических структур), но и как самостоятельный феномен, обладающий признаками, релевантными для перевода. Именно эти признаки позволяют переводчику выбрать общую стратегию переводческих действий.

То, что текст обладает такими специфическими признаками, отмечено было давно. Во всяком случае, выработка особых правил для перевода разных текстов известна нам и в древних культурах, и в античности, и в средневековье. Можно напомнить и некоторые эпизоды из российской истории перевода, скажем, рекомендации Петра I «посольского приказу употреблять слова» — ведь они касались строго определенных текстов: деловых и научных.

Однако в основном представление о связи особенностей текста и специфики его перевода, сформировавшееся на основе практического опыта, содержит лишь самые общие, грубые градации: научно-технический перевод, художественный перевод; или еще проще: художественный перевод и нехудожественный перевод. Иногда к этому разграничению добавляются тематические подвиды: военный перевод, юридический перевод, медицинский перевод. Но, к сожалению, это тематическое разграничение не отражает специфики перевода на уровне текста. Ведь любой научный текст, будь то текст по химии, биологии или психологии, переводится с применением *одинаковой* стратегии, различаются лишь термины. Зато любая тематическая группа текстов, например, объединенная в случае их перевода под названием «радиотехника» или «биология», далеко не едина и может состоять из целого ряда разнообразных типов: деловое письмо, инструкция, научная статья, реклама, журналистское эссе и т. п. Типологические признаки этих разных текстов могут быть релевантны для перевода или нерелевантны, и для выбора верной стратегии их надо выявлять. Да и с терминами дело обстоит не так просто. Из терминологических синонимов, которые есть в словарях, в научной статье допустимы одни, в инструкции — другие, в Госстандарте — третьи.

Итак, очевидно, что разграничение типов текста для перевода важно. В настоящее время существует достаточно полное лингвистическое описание типов текста и предлагаются их классификации на раз-

ной основе. Но так же, как полный всесторонний филологический анализ, являясь базой для прикладного переводческого анализа текста, избыточен по своему содержанию, так и текстовая типология, учитывающая самые разные признаки текстов, избыточна для целей перевода и для создания переводческой модели и переводческой стратегии. Многие текстовые параметры нерелевантны для перевода, так как являются общими для текстов одного типа на разных языках, не затрагивают специфики средств выражения и автоматически входят в инвариант перевода. Это, например, элементы архитектоники текста делового письма или инструкции. Многие текстовые градации не нужны для наших целей, так как соответствующие тексты будут переводиться по одинаковой переводческой модели. Поэтому имеет смысл рассмотреть возможность создания классификации типов текста, ориентированной на перевод.

10.2. База классификации

Прежде всего необходимо отграничить понятие «тип текста» от прочих аспектов текстовых разновидностей. Ведь при исследовании тексты могут подразделять с различных точек зрения и для различных целей.

Виды текстов. Этот термин рассматривается обычно как семиотическое понятие, объединяющее тексты, оформленные с помощью определенных знаковых систем, и разграничивающее их по признаку знаковой системы: изобразительный текст от вербального текста; письменный текст от устного; текст, закодированный с помощью азбуки Морзе, от нотного текста.

Вербальные формы текстов. Под этим названием объединяют тексты с разными типологическими чертами, но характеризующиеся какой-либо одной общей чертой их вербальной организации: прозаические тексты, драматические тексты, табулированные тексты и т. п. В рамках классификаций такого рода выделяют иногда также архитектонико-речевые формы: монолог, диалог, полилог, основываясь на однонаправленности или взаимонаправленности отраженного в тексте коммуникативного акта. Понятие вербальной формы тесно смыкается со следующим понятием — *жанров текста*, и некоторые исследователи их смешивают³⁹.

Жанры текста. Это понятие традиционно применяется в литературоведении для разграничения исторически складывающихся форм художественных произведений. Жанры, понимаемые в этом значении, могут быть *монокультурными* (т. е. существующими в одной словесно-языковой культуре: японские танки, древнеисландские скальдические произведения) или *поликультурными* (сонет, бы-

лина). Некоторым жанрам присуща *универсальность* и отсутствие прямой связи со спецификой культуры (сказка, роман, басня).

Однако в последнее время понятие «жанры текста» нашло применение также и в лингвостилистических описаниях, где под жанром понимается система ⁴⁰ речевого произведения (текста) без учета его функционирования.

Композиционно-речевые (стилевые) формы текста. Под ними подразумеваются формы отражения действительности в тексте. Большинство исследователей выделяют нарративные (сообщающие), дескриптивные (описательные) и аргументативные композиционно-речевые формы. Понятие композиционно-речевых форм тесно связано с традиционной классификацией функциональных стилей.

Типы текста. По поводу этого понятия в лингвистике последних десятилетий существует терминологическая путаница, связанная с одновременным применением в работах термина «Textsorte» (дословно «сорт текста») и термина «Техиур» («тип текста»). Однако в русскоязычных исследованиях оба немецких термина соответствуют русскоязычному термину «тип текста». Поскольку первый термин более актуален для лингвистики, а второй — для переводоведения, далее мы будем называть их соответственно «лингвистический тип текста» («Textsorte») и «транслатологический тип текста» («Техиур»).

Лингвистические типы текста. Понятие типа текста встречается и активно обсуждается в лингвистике с начала 1970-х гг., и к началу 1980-х гг. можно говорить уже о лингвистике типов текста как одном из аспектов лингвистики текста, как о своего рода «систематике» внутри этой науки. В качестве трех основных параметров классификации лингвистических типов текста выступают: *референциальный* (способность представлять действительность), *интерперсональный* (способность текста служить компонентом коммуникации) и *формальный* (тот факт, что текст является вербально структурированным образованием). Названные параметры опираются на представление о трех основных функциях языка, сформулированное Карлом Бюлером в 30-е гг. XX в.: это *экспрессия, апелляция и репрезентация*⁴¹. При этом разные исследователи выдвигают на первый план различные признаки типа текста. Х. Глинц, например, подчеркивает прежде всего устойчивый характер форм текста: «Типы текста — это устойчивые формы (образцы) в определенных ситуациях человеческого общения» (см.: *Glinz H. Textanalyse und Verstehenstheorie. Bd. 1. Wiesbaden: Athenaion. S. 83.* Перевод мой. — *И. А.*). Подытоживая результаты дискуссии о критериях классификации типов текста, Ф. Люкс выдвигает следующее определение: «Тип текста — это лежащий в сфере когерентных

См., напр.: *Брандес М. П., Провоторов В. И.* Предпереводческий анализ текста. — Курск, 1999. — С. 11-12.

⁴¹ См.: *Бюлер К.* Теория языка. — М., 2000. — С. 34.

вербальных текстов, компетенциально признанный и релевантный класс текстов, строение которого, равно как и вариативные рамки, и участие в котексте, и коммуникации, подчиняется определенным правилам» (*LuxF. Text, Situation, Textsorte... — Tubingen, 1981. — S. 273.* Перевод мой. — *И. А.*).

Представление об *определенных правилах* породило специальное понятие *конвенция*. Под конвенциями в современной лингвистике понимают социально и исторически обусловленные правила (или нормы) построения текстов и правила (нормы) при подборе языковых средств.

Нетрудно заметить, что типы текстов складываются по мере совершенствования человеческой коммуникации, а выработанные в результате жизненного опыта и, возможно, предложенные кем-то конвенции, оттачиваясь, затем получают статус строгих правил. История типов текста — это история их формирования и дифференциации. При этом с самого начала намечается тенденция к их универсальности; типы текста оказываются *общечеловеческой* реализацией потребности в коммуникации. Древние типы текста — а к таковым мы можем отнести сказку, долговую расписку, заклинание и т. п. — известны у разных народов, вне зависимости от специфики их культуры и языка. Позже, когда формируется художественная литература и ее жанры, также появляются разновидности текстов, по поводу которых приняты особые «правила игры»: это и есть литературные жанры. Их конвенциональные признаки связаны со спецификой художественного отражения действительности в определенных формах и так же быстро преодолевают национально-культурную обособленность, становясь интеркультурными текстовыми явлениями. Динамика развития литературных жанров связана, следовательно, не с потребностями повседневной коммуникации, а с развитием художественного осмысления действительности и с внутренними закономерностями словесного искусства.

Транслатологические типы текста. Наличие таких признаков, как специфика в области референциальности, интерперсональности и формы, а также устойчивость этих признаков, оказывается, однако, недостаточной, чтобы классифицировать тексты в зависимости от особенностей их перевода. Занесение текста в определенный лингвистический тип не означает, что он будет переводиться иначе, чем текст из соседней рубрики. Кроме того, как мы знаем, далеко не все признаки текста при переводе будут переданы; поэтому имеет смысл объединять в одной группе тексты, у которых доминирующие признаки совпадают — именно такие тексты будут переводиться одинаково. От чего же зависит набор доминирующих признаков?

Из всех признаков ИТ исследователи раньше всего заметили его коммуникативную функцию, указывая на необходимость ее сохранения при переводе. Речь об этом так или иначе идет в работах большого числа переводоведов в 70-80-е гг. XX в. (В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, А. Людсканов, П. Ньюмарк).

Питер Ньюмарк, опираясь на свой практический опыт и положи в основу функции языка К. Бюлера, предлагает разбить тексты в зависимости от их коммуникативной функции на 3 группы: 1) тексты с экспрессивной функцией; 2) тексты с информативной функцией, 3) тексты с апеллятивной функцией, считая, что при переводе текстов каждой из групп существуют свои особенности⁴².

Неоднократно указывая на коммуникативную суть перевода в целом ряде работ, В. Н. Комиссаров останавливается на распространенной трактовке процесса коммуникации, где в качестве единицы коммуникации выступает *высказывание*. Текст же, по Комиссарову, — это «ряд высказываний, связанных по смыслу, или отдельное высказывание, употребленное самостоятельно»⁴³, следовательно, «именно тексты и высказывания выступают в качестве непосредственных объектов перевода». В. Н. Комиссаров отмечает, что «в процессе перевода происходит коммуникативное приравнение текстов на разных языках»⁴⁴. Из этого можно заключить, что: 1) по мнению автора, сохранение коммуникативной функции — основная задача перевода; 2) автор считает оба текста — ИТ и ПТ — равноположенными по объективным условиям своего порождения (в целом это — распространенная точка зрения, хотя согласиться с ней мы никак не можем; подробнее об этом — в разделе 10.6).

Итак, опираясь на мнения многочисленных исследователей, а также на наши предшествующие рассуждения, мы можем утверждать следующее. Поскольку перевод является так или иначе процессом двуязычной коммуникации, первоочередной задачей его действительно является сохранение в ПТ коммуникативной функции ИТ. Именно она во многом определяет специфику компонентов содержания, оформление этих компонентов определенными языковыми средствами и при переводе, как отмечают многие исследователи, определяет состав функциональных доминант. Адекватная передача функциональных доминант является основой сохранения инварианта содержания, т. е. основой эквивалентности перевода.

Однако достаточно ли параметра коммуникативной функции для создания объективной классификации типов текста, ориентированной на перевод? Об этом мы поговорим чуть позже.

Первая попытка создания развернутой и подробной транслатологической классификации типов текста была предпринята в начале 1970-х гг. Катариной Райе. Рассмотрев возможности эмпирического, лингвистического и коммуникативного подхода, Райе предложила опираться преимущественно на коммуникативный подход, положив в основу коммуникативную функцию текста, и, следовательно, учи-

⁴² Newmark P. A Textbook of Translation. Part I // Prentice Hall International (UK) Ltd. — London, 1988. — P. 39.

⁴³ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — С. 36.

⁴⁴ Там же. — С. 46.

ывать тип передаваемой текстом информации, характеристику источника и реципиента. В соответствии с этим она подразделила тексты на четыре основные группы, указывая на возможность порочных случаев:

I. *Информативные тексты.* Создаются одним или несколькими авторами для одного или нескольких читателей. Коммуникативная функция и, соответственно, языковое оформление определяется прежде всего предметом описания (информационное сообщение, научная статья, научно-популярный текст, инструкция и т. п.).

II. *Экспрессивные тексты.* Могут быть также ориентированы на определенного читателя; также передают информацию на определенную тему. Однако языковое оформление в соответствии с коммуникативной функцией текстов такого рода зависит прежде всего от воли и намерений автора (роман, новелла, лирика, биографический текст и т. п.).

III. *Оперативные тексты.* Создаются одним или несколькими авторами и посвящены одной определенной теме. Языковое оформление определяется прежде всего тем, какие именно средства окажут наиболее эффективное воздействие на определенную целевую группу реципиентов (реклама, проповедь, пропаганда, памфлет, сатира и т. п.).

IV. *Аудиомедиаальные тексты.* По своей коммуникативной функции тексты этого типа принадлежат к одной из трех вышеназванных групп. Но оформляется текст с учетом применяемых технических средств, выступая в сочетании с невербальными текстовыми компонентами — изобразительных средств, музыки, жестов и т. п.⁴⁵

На основе этой первой классификации возник ее «обогащенный» и несколько измененный вариант (изменилось название групп), который описан группой переводоведов в энциклопедии перевода «Handbuch Translation») в 1999 г.:

I. *Примарно-информативные (потребительские) тексты:* деловая корреспонденция, потребительские инструкции и руководства, компьютерные адаптационные тексты, учебники, научные журнальные статьи, доклады на конференции, патентные тексты, приговоры суда, договорные тексты, документы физических лиц, филологические тексты, тексты информационных агентств.

II. *Примарно-апеллятивные тексты:* реклама, нарративный видеотекст.

III. *Примарно-экспрессивные тексты:* 1. Нарративные тексты: повествовательная проза, массовая литература, детская литература. 2. Сценические тексты: драматический театр, музыкальный театр. 3. Кино- и телетексты: кинотитры в кадре, «бегущая строка» в театральном спектакле, синхронизация. 4. Прочие типы текста: комиксы, лирика, аудиомедиаальные тексты, перевод Библии.

Само появление такой классификации текстов, пусть неполной и очевидно противоречивой — все же знаменательно. Она обнаружила ключевой характер понятия «текст» для стратегии перевода, показала безграничный диапазон текстового разнообразия.

Особым положительным моментом 2-го варианта классификации служит и изменение названий групп текстов. Компонент «примарно-» является более реальным отражением оформления текстов, о котором писала в работе 1988 г. М. Снелл-Хорнби, подчеркивая, что между текстами нет четких границ, и предлагая создать *прототипологию текстов*, где у каждой категории текстов есть центр (прототип) и периферия⁴⁶.

Слабые же места классификации означают, что ее базовый критерий недостаточно уточнен. Наверное, именно по этой причине так бедно представлен второй тип текстов (примарно-апеллятивный), а «прочие типы текстов» имеют так мало общего между собой. И можно ли выделять в отдельную рубрику перевод Библии и не упоминать, скажем, перевод Корана? Обилие возникающих вопросов свидетельствует о необходимости доработки основ классификации.

Но прежде чем приступить к более детальному обсуждению возможной классификации текстов, для полноты картины стоит упомянуть о классификации А. Нойберта, предложенной в середине 1980-х гг.⁴⁷ Она показывает, что в течение 80-х гг. продолжаются поиски основ для создания транслатологической классификации текстов. А. Нойберт предлагает подразделять тексты в зависимости от характера прагматических отношений на 4 типа:

I — тексты, преследующие общие цели для аудиторий ИЯ и ПЯ (научные, технические, рекламные), — все они обладают высокой степенью переводимости;

II — тексты, предназначенные только для аудитории ИЯ (законы, местная пресса, объявления и т. п.), — они непереводимы вообще;

III — художественная литература — она может выражать общечеловеческие потребности, соединяющие аудитории ИЯ и ПЯ, поэтому художественные тексты могут считаться ограниченно переводимыми (поскольку значительная часть формы передана быть не может);

IV — тексты, заранее предназначенные для перевода на ПЯ и для аудитории ПЯ, — они обладают высокой степенью переводимости.

К сожалению, данная классификация учитывает лишь экстралингвистические факторы и не затрагивает специфики самих текстов, а следовательно, не может быть полезна нам для выявления значимых критериев разграничения текстов. Экстралингвистический, гипотетико-прагматический характер приобретает у Нойберта и понятие переводимости, и в этом его уязвимость. Ведь предназначенность

Snell-Hornby M. Translation Studies. An Integrated Approach.— Amsterdam; Philadelphia, 1988.

⁴⁷ *Neubert A. Text und Translation.* — Leipzig, 1985.

текстов для «внутреннего употребления» (например, объявлений), во-первых, вовсе не означает, что они принципиально непереводаемы, и, во-вторых, не исключает ситуации, что необходимость в их переводе все же возникнет (например, объявлениями о продаже квартир заинтересуется иностранец и попросит переводчика перевести эти тексты).

Итак, для уточнения базы классификации вернемся к понятию коммуникативной функции текста. Ведь классификация К. Райе строится именно на специфике коммуникативной функции текста. При этом утверждается, что коммуникативная функция обуславливает использование определенных языковых средств⁴⁸. Попробуем проверить это утверждение на примере конкретного текста. Возьмем потребительскую инструкцию, которую К. Райе относит к информативным текстам. Следовательно, коммуникативная функция текста инструкции заключается в коммуникативном задании информировать читателя, в передаче ему информации на определенную тему? Тогда почему в тексте потребительской инструкции так много средств императивности: императив, модальные глаголы, лексика с семантикой императивности? Ведь, казалось бы, такие средства должны быть свойственны текстам с оперативной функцией? Зато в рекламе, причисляемой к оперативным текстам, очень много разнообразных средств экспрессивности (игра слов, метафора, гипербола, модные слова, эллипсис и многое другое), и, пожалуй, количественно эти средства в рекламном тексте доминируют! Значит, коммуникативная функция не целиком определяет средства, которые оформляют текст? Так что же еще их определяет?

Дело в том, что, выполняя свое коммуникативное задание, текст несет читателю информацию определенных видов, а каждый вид оформляется с помощью строго определенного, устоявшегося набора средств. Поэтому для создания транслатологической классификации типов текста имеет смысл ввести еще одно базовое понятие — *вид информации*.

10.3. Виды информации в тексте

Когнитивная информация. Когнитивной, или познавательной, (референциальной) информацией называют объективные сведения о внешнем мире. Сюда относятся и сведения о человеке, если он предстает как объект объективного рассмотрения. Распознавать когнитивную информацию мы привыкли по тем средствам, которые ее оформляют. В любом языке эти средства обеспечивают наличие трех параметров когнитивной информации: *объективности, абстрактности и плотности (компрессивности)*.

Объективность. В тексте она выражается с помощью языковых средств различного уровня. Начнем с текстовых категорий. При наличии в тексте когнитивной информации текст характеризуется *атемпоральностью*, которая выражается, как правило, с помощью форм презенса глагола. Атемпоральность представляет информацию как «вечную», вневременную, хотя, разумеется, не полагает ее «абсолютной истиной». В таком тексте преобладает *модальность реальности* (выражаемая формами индекатива глагола), которая может дополняться модальностью вероятности в рамках клишированных языковых средств, оформляющих научную гипотезу.

На уровне предложения объективность обеспечивается нейтральным, преимущественно прямым порядком слов, исключаящим эмоциональность и соответствующим «простому» тема-рематическому членению (1. тема; 2. рема) и ясной логической схеме субъект-предикат-объект. Характерна неличная семантика субъекта (подлежащего). Она выражается либо с помощью безличных и неопределенно-личных подлежащих, либо с помощью подлежащих, выраженных существительными абстрактного или конкретного неличного значения (преимущественно терминами). С такой спецификой подлежащего согласуется пассивность действия по отношению к субъекту, которая оформляется с помощью глагольных форм пассива и других лексико-грамматических средств со значением пассивности.

На уровне слова объективность когнитивной информации прежде всего обеспечивают термины. Это особый слой лексики, который характеризуется однозначностью, эмоциональной неокрашенностью (нейтральностью) и независимостью от контекста (внеконтекстуальностью). Объективен и тот лексический фон, на котором выступают термины — фон нейтральной литературной нормы языка, представленный лексикой общенаучного описания. Целый ряд слов, относящихся к лексике общенаучного описания, обладает фондом семантически и стилистически равноправных синонимических вариантов (например, в рус. яз.: играет роль — имеет значение — важен; проявляется — выступает — предстает — обнаруживается и т. п.).

Абстрактность, а точнее, повышенная степень абстрактности когнитивной информации также выражается с помощью разных языковых средств. Прежде всего это логический принцип построения текста, проявляющий себя в сложности и разнообразии тех логических структур синтаксиса, которые используются в тексте. Это различные виды сочинительной и подчинительной связи, причастные обороты, инфинитивные группы. Логическая схема характеризуется полнотой, что проявляется в полносоставности предложения и отсутствии эллипсиса. Наблюдается также широкий диапазон дублирующих возможностей передачи логических отношений: так, определительные отношения могут выражаться с помощью согласованного определения, генитивного определения, сложного слова, определительного придаточного. Логический прин-

цип реализуется также в предельной степени экспликации формальных средств когезии текста.

На уровне слова абстрактность проявляется в обилии и разнообразии используемых словообразовательных моделей с абстрактной семантикой. Симптоматична также тенденция к выражению процесса через существительное и к одновременной десемантизации глагольных компонентов. Это приводит к преобладанию существительных в таких текстах и возникновению *номинативного* стиля.

Логическому структурированию информации служат и шрифтовые средства: жирный шрифт, курсив, петит, разрядка и т. п. Они же позволяют иерархически классифицировать информацию наиболее компактным способом, без применения лексических средств ее выделения, а значит, являются одновременно выражением последнего параметра, характерного для когнитивной информации, — ее плотности.

Плотность (компрессивность) — это уникальный параметр, свойственный только когнитивной информации. Он заключается в тенденции к сокращению линейной (горизонтальной) и вертикальной протяженности языкового кода при оформлении текста. Существуют разнообразные средства компрессивности: лексические сокращения разных типов (аббревиатуры, сложносокращенные слова и пр.); компрессирующие знаки пунктуации — скобки и двоеточие; использование при оформлении текста компонентов других знаковых систем — цифрового кода, символов, формул; применение графических и других изобразительных средств — схем, графиков, условных рисунков, фотографий и т. п.

Отметим, что плотность, свойственная когнитивной информации, не означает неполноты информации, а представляет собой ее «сжатие». Напротив, неполные структуры (эллипсис) свойственны эмоциональной информации и отражают ее качественно иную специфику, в частности зависимость от ситуативного контекста (см. ниже).

Оперативная информация. Оперативная (или апеллятивная) информация представляет собой побуждение (призыв) к совершению определенных действий. Языковыми средствами оформления этого вида информации являются побудительные средства разного рода: все формы глагольного императива, инфинитив со значением императивности, модальные глаголы, глагольные конструкции со значением возможности и необходимости, модальные слова, конъюнктив, сослагательное наклонение. Значение императивности может подчеркиваться лексическими усилителями-интенсификаторами (напр., в рус. яз.: всегда, никогда, обязательно и т. п.). Оформление этих основных средств оперативной информации в тексте чаще всего сопровождается нейтральным фоном лексики и нейтральным (не эмоциональным) порядком слов. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что оперативная информация эффективнее передается в нейтральном лексико-грамматическом обрамлении.

На синтаксическом уровне для оперативной информации характерны простые полносоставные предложения малого и среднего объема. Эмоциональная информация. Эмоциональная информация служит для передачи эмоций (чувств) в процессе коммуникации. По своим типологическим признакам этот вид информации во многом представляет собой противоположность когнитивной информации.

Ведущим признаком эмоциональной информации является *субъективность*. Она выражается с помощью самых разнообразных языковых средств.

Так, широко задействованы языковые средства, представляющие собой реализацию текстовых категорий. Темпоральность представлена разрядами настоящего, прошедшего и будущего времени и выражается в каждом языке с помощью соответствующих форм. Преобладающей формой модальности при оформлении субъективности является модальность реальности (как, собственно, и вообще она может считаться преобладающей в тексте как таковом); но вполне вероятно для оформления субъективности эмоциональной информации на текстовом уровне также и модальность возможности, предположительности, сомнения — одним словом, нереальности; для этого используется целый спектр средств: сослагательное наклонение, глагольные конструкции с модальным значением, модальные слова и т. п.

На уровне предложения можно назвать преобладание личного подлежащего, разнообразие лица подлежащего (1, 2, 3-е лицо); преобладание активного залога при оформлении сказуемого; сложную структуру актуального членения и, соответственно, разнообразие порядка слов, в том числе и его отклонение от литературной нормы; неполноту структуры предложения (эллипсис), которая восполняется ситуативным контекстом; парцелляцию; наличие односоставных предложений.

Специфичны и лексические средства, отражающие субъективность эмоциональной информации. Это — широчайшая палитра средств, способных передавать все нюансы настроений и эмоций человека: 1) вненормативная лексика, в том числе и относящаяся к социальным вариантам языка, просторечие, ругательства, табуированная лексика, жаргонизмы, профессионализмы, лексика высокого стиля; 2) территориальные варианты лексики: диалектизмы; 3) диахронические варианты: архаизмы, историзмы, неологизмы, модные слова. Подавляющее большинство лексических единиц этих групп содержит эмоционально-оценочные коннотации. Встречается здесь и специализированная лексика, передающая эмоции: междометия.

Конкретность — еще одна значимая черта эмоциональной информации. Она проявляется и в привязке содержания к конкретному времени, о которой мы уже говорили, и в преобладании лексики, организованной по словообразовательным моделям, в которых семантика абстрактности находится на периферии, и в обилии семантически

полноценных глаголов. В организации текстового единства эмоциональная информация заявляет о себе малой эксплицированностью средств когезии; преобладает ассоциативный принцип соединения отдельных предложений в единое целое.

У нас создается впечатление, что эмоциональная информация чужда каким-либо обобщениям. Да, абстрактность для нее не характерна, но абстрактность и обобщение, типизация — не одно и то же. Для оформления эмоциональной информации характерна черта, которая служит своеобразным средством ее обобщения, а именно — *образность*. Фразеологизмы, пословицы, клишированные (т. е., в нашем понимании, осознаваемые как образные, но не индивидуальные) метафоры, сравнения и т. п. позволяют ассоциативно обобщить информацию, образно сооставить ее с другой, уже известной реципиенту. Сюда же относятся разного рода цитаты, а также различные виды текстовых алгоритмов (стилизации). Все эти средства — как образные, так и цитатные и алгоритмические — можно, думается, объединить в понятие *интертекстуализмов*. Все они — от фразеологизма «у него не все дома» до стилизации журнального очерка под сказку или под детектив — представляют собой один и тот же прием: применение уже готового текстового единства или его фрагмента для типизации эмоциональной информации «по ассоциации».

В применении шрифтовых, графических и изобразительных средств эмоциональная информация значительно изобретательнее, чем когнитивная. Используются нестандартные шрифты, цветовое решение текста и его фона, разнообразные иллюстрации. Все это призвано усиливать «эмоциональные пики» в тексте и способствует оттенению вербально выраженной информации. Но если при оформлении когнитивной информации графические средства служат прежде всего для подчеркивания логической иерархии ее компонентов и являются одним из средств компрессивности, то при оформлении эмоциональной информации их функция — другая: выразить эмоции разнообразно, объемно, воздействовать на разные рецепторы реципиентов.

Как мы видим, все описанные выше виды информации имеют в своем распоряжении достаточно определенный, стандартно оформленный, хорошо опознаваемый набор средств.

Однако сама по себе эмоциональная информация неоднородна — как многообразны, неоднородны и сами эмоции — и включает один подвид, который специализируется на оформлении *чувства прекрасного*; этот подвид мы можем назвать эстетической информацией. На наш взгляд, эстетическую информацию необходимо рассматривать отдельно, поскольку, обладая всеми признаками эмоциональной информации, она специализируется на передаче чувств, возникающих от средств оформления ее самой, тех чувств, которые пробуждает в человеке словесное искусство. Это тот редкий случай, когда текст является не только средством передачи информации, но

и объектом этой информации. Игра сочетаниями слов, причудливое сочетание смысла и формы — вот что служит основой для эстетической информации. Эстетическую информацию, выраженную с помощью невербальных знаков, мы получаем от других видов искусства: музыки, живописи, архитектуры, прикладного искусства; здесь же она выражена языковыми знаками. Пользуясь всем арсеналом средств, с помощью которых оформляется эмоциональная информация, она бескрайне расширяет их диапазон, поскольку каждое из них может быть изменено и преобразовано под воздействием творческой индивидуальности автора текста: стандартные метафоры заменяются индивидуальными, порядок слов может значительно отклоняться от нормы, значимым становится фонетический уровень речи: в оформлении текста участвуют созвучия (звукоспись), повторы, фонетически тождественные окончания строк (рифма). Именно воздействие авторской индивидуальности делает перечень средств выражения эстетической информации открытым: авторы изобретают все новые и новые средства.

Итак, мы выявили четыре вида информации, которая может содержаться в тексте. В какой мере можно разграничить тексты по признаку содержащейся в них информации? Вопрос осложняется тем, что текст редко заключает в себе один вид информации в чистом виде. Как правило, мы обнаруживаем в тексте сочетание нескольких видов информации. Приведем простые примеры:

Пример 1. Научный текст (теоретическая физика)

Для описания процессов, происходящих в природе, необходимо иметь, как говорят, систему отсчета. Под системой отсчета понимают систему координат, служащую для указания положения частиц в пространстве, вместе с связанными с этой системой часами, служащими для указания времени...

Напротив, время является в классической механике абсолютным; другими словами, свойства времени считаются не зависящими от системы отсчета — время одно для всех систем отсчета. Это значит, что если какие-нибудь два явления происходят одновременно для какого-нибудь наблюдателя, то они являются одновременными и для всякого другого. Вообще, промежуток времени между двумя данными событиями должен быть одинаков во всех системах отсчета.

Легко, однако, убедиться, что понятие абсолютного времени находится в глубоком противоречии с эйнштейновским принципом относительности. Для этого достаточно уже вспомнить, что в классической механике, основанной на понятии об абсолютном времени, имеет место общезвестный закон сложения скоростей, согласно которому скорость сложного движения равна просто сумме (векторной) скоростей, составляющих это движение. Этот закон, будучи универсальным, должен был бы быть применим и к распространению взаимодействий. Отсюда следовало бы, что скорость этого распространения должна быть различной в различных инерциальных системах отсчета, в противоречии с принципом относительности.

(Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Теория поля. Т. 2. — М., 1988. — С. 13, 15).

По всем признакам (см. выше) когнитивная информация в этих фрагментах текста доминирует. Однако некоторые языковые средства говорят о том, что мы получаем из этого текста и оперативную информацию, касающуюся конкретных условий объективности описания исследования, которые реципиент обязан принять к сведению («необходимо иметь... систему отсчета»; «промежуток времени... должен быть одинаков»), и эмоциональную (о ней говорит модальность вероятности, выраженная с помощью сослагательного наклонения глагола «должен был бы быть», «следовало бы», а также эмоционально-оценочные средства: «в глубоком противоречии» и др.). Правда, разнообразие их невелико, и все они находятся в узких рамках эмоциональных и оперативных компонентов, диктуемых конвенциями научной дискуссии. Что касается эстетической информации, то в вербальном эксплицированном виде она в научном тексте, по-видимому, не содержится, но не случайно еще А. В. Федоров отмечал, что научный текст может обладать «эстетикой логики»: это бывает в том случае, если доминирующий логический принцип организации текста последовательно выдержан; совершенство логики построения такого текста может вызвать ощущение прекрасного, т. е. эстетическое чувство.

Пример 2. Стихотворный текст (лирика)

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумашь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Н. А. Заболоцкий, 1958

Наличие оперативной информации, пусть и образной, всецело подчиненной художественной задаче, здесь очевидно. О нем говорит обилие повелительных форм глагола. При полном доминировании средств оформления эстетической информации оперативная информация в таком тексте также актуальна и входит в качестве компонента в коммуникативное задание. Мы можем считать, что такой текст не только поражает читателя изяществом своей формы, но и предписывает некие действия.

Приведенные примеры, а также предшествующие им рассуждения позволяют сделать следующие выводы:

1. В каждом тексте может содержаться информация нескольких видов, но, как правило, один из видов информации существенно доминирует.
2. Доминирующий вид информации, являясь основным, по-видимому, ослабляет, как бы «притеняет собой» действительное!т. других видов, отводя им подчиненное место (очевидно, именно поэтому и создается зачастую впечатление, что каждый текст содержит один вид информации).
3. Всякая информация, в том числе и вербальная, обладает параметром избыточности, позволяющей ей «выжить» и в том случае, если она не доминирует.
4. Содержащаяся в тексте информация и определяет, по-видимому, характер коммуникативной функции данного текста и, соответственно, его коммуникативное задание. Тогда, согласно вышесказанному, это задание не может быть однородным, а неизбежно оказывается комплексным: в таком случае, скажем, законодательный текст призван не просто *информировать*, но еще и *предписывать действия*, да вдобавок еще и пробуждать высокое *чувство* почитания закона (эмоциональная информация). Большинство текстов, таким образом, будут обладать сложной, комплексной структурой коммуникативного задания в соответствии с комплексной структурой, заключенной в них информации.

Теперь вернемся к изначальному вопросу: можно ли на базе этого уточненного представления о коммуникативной функции текста строить транслатологическую классификацию текстов? Пожалуй, делать это еще рано. Ведь, уточняя понятие коммуникативной функции текста, которую большинство исследователей признают релевантной для перевода, и концентрируясь на ней, мы обошли стороной еще несколько факторов, которые могут оказаться релевантными для облика текста и его функционирования как в оригинале, так и в переводе. Эти факторы уже были вскользь упомянуты в нашем предшествующем изложении: зависимость типа текста от специфики языка; зависимость характера текста и его особенностей от источника, реципиента и цели создания текста; «вторичный» характер текста перевода.

10.4. Зависят ли характеристики типа текста от специфики языка?

Мы знаем, что в фонетическом, грамматическом, словообразовательном, лексическом аспектах каждый язык специфичен. Но до сих пор, говоря о коммуникативной функции текста, мы не обнаруживали различий. Обладают ли типы текста подобной языковой уникальностью или хотя бы некоторыми отличиями в каждом из языков? Да, разумеется, есть тексты, существующие только в одном языке и в одной культуре (мы об этом уже говорили) — но это скорее исключения. В подавляющем большинстве случаев типы текста универсальны: медицинский текст, реклама, газетно-информационная заметка выглядят с точки зрения типологических черт одинаково в разных языках. Получается, что известная нам антиномия формы и содержания здесь отсутствует: тексты одного типа в разных языках различаются формальными признаками на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях, но одинаковы на текстовом уровне; для создания базы транслатологической классификации текстов это очень важно.

Собственно говоря, в этом выводе нет ничего удивительного. Ведь, признав, что в основе порождения текста лежит потребность человека в коммуникации, мы тем самым признаем, что когнитивное ядро процесса коммуникации едино и одинаково для всякого человека, хотя периферия когнитивного поля может различаться (отсюда — различия в языковой картине мира и т. п.).

Отсутствие зависимости специфики типов текста от специфики языка подтверждается и переводческой практикой. Переводчики чрезвычайно редко испытывают сложности при передаче типов текста, поскольку в любом современном языке, обладающем письменностью, обнаруживается одна и та же система текстов, с одним и тем же набором средств языкового оформления. Различия наблюдаются редко и затрагивают в основном соотносительный объем некоторых компонентов глобального текста, что связано с традициями смысловой архитектоники текста в данной культуре (так, в немецкой потребительской инструкции теме безопасности уделяется гораздо более значительное место, нежели в русской). Но такого рода отклонения не заставляют переводчика принимать особые решения: просто текст в культуре ПЯ окажется не совсем привычным (хотя и узнаваемым) представителем своего типа; необходимые коррективы в его состав и оформление будут внесены уже на следующем этапе его адаптации в принимающей культуре.

10.5. Источник, реципиент, цель

На необходимость учета специфики источника и реципиента указывает и Катарина Райе, хотя развернутого комментария, который

пояснил бы зависимость принадлежности текста к той или иной рубрике от этих параметров, она не дает. Цель же К. Райе, следом за Х. Фермеером, рассматривает только в применении к ПТ, определяя ее как *функцию перевода* и считает целью («скопос») основополагающим параметром для принятия всех переводческих решений⁴⁹. Мы склонны рассматривать цель более узко и вместе с тем — обобщенно: целью мы будем называть цель создания любого текста — как ИТ, так и ПТ, которую ставит один из участников создания текста, а само понятие уточним несколько позже.

Мы и объединяем эти три фактора, имеющие отношение к тексту: источник, реципиент и цель, — в одну рубрику именно потому, что все они связаны с действиями человека по отношению к тексту, с его более или менее осознанными решениями относительно оформления текста.

Обсуждая коммуникативную функцию текста и заключенную в тексте информацию, мы столкнулись с тем, что оформление этой информации может находиться под существенным влиянием автора текста: речь шла у нас об эстетической информации в художественном тексте. Резонно предположить, что человек волен в какой-то степени распоряжаться средствами оформления любого текста, не только художественного. Более того: порождая текст, автор его может находиться под влиянием заказчика, который формулирует свои требования к тексту. Далее, текст ориентирован на восприятие конкретных людей, реципиентов. В какой мере учитывает автор то, для кого он создает текст, и зависит ли от этого облик текста? И наконец, если текст переводится, то переводчик, в свою очередь, тоже выступает: 1) как реципиент ИТ; 2) как автор ПТ, и на его решения тоже может воздействовать заказчик, но уже другой — заказчик перевода. Таким образом, на текст перевода может быть оказано в принципе шестикратное воздействие: троекратное на этапе создания оригинала и троекратное же — на этапе создания перевода. Еще раз сформулируем вопрос: в какой мере текст подвержен субъективным влияниям, являются ли они релевантными и возможно ли в таком случае отыскать закономерности при построении типологии текстов?

Исследования показывают, что, как ни странно на первый взгляд, значимые языковые признаки мало зависят от автора. Порождая текст, автор ориентируется на готовые, общепринятые конвенции, изначально подчиненные коммуникативному заданию, выработанные в результате практического опыта текстовой коммуникации, и не волен их нарушать. Он не волен, например, заменить абсолютный презент научного текста на другую временную форму; или, скажем, заменить в рекламном тексте гиперболу положительной

⁴⁹ См. об этом: *Reiss K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. — Wien, 2000. — S. 35.

оценочное™ на отрицательную. Не случайно в подавляющем большинстве текстов (законодательный, рекламный, инструкция, траурные и другие объявления) автор при их публикации не указывается. Указание на автора текста мы встречаем в трех случаях: 1) если в тексте содержится существенно новая когнитивная информация или новая ее трактовка, принадлежащая конкретному лицу, — это типично для научного текста; отчасти — для энциклопедического; 2) если автор несет личную ответственность за предоставляемые текстом сведения или за ракурс их подачи — информационный текст в СМИ; 3) если текст оформлен с применением компонентов, обладающих качеством субъективности, в особенности если автор творчески подходит к оформляющим текст языковым средствам, — это характерно для текстов, где доминирует эстетическая информация, прежде всего для художественных текстов. Как мы видим, только в последнем из трех случаев авторство затрагивает языковое оформление текста, и, следовательно, от каждого конкретного автора (=источника) зависит, каким будет текст. Однако и в этом случае, бесконечно варьируя средства оформления своего текста, автор волен делать это только в рамках оформления эстетической информации.

А что же авторы прочих текстов? Неужели два человека, создавая, скажем, текст инструкции к кофеварке, неизбежно породят абсолютно одинаковые тексты? Нет, эти тексты будут отличаться, но совсем ненамного. Их отличия будут находиться в пределах равноправной вариативности языковых средств, которая существует в рамках письменной литературной нормы любого языка (речь о ней уже шла в главе 5 в связи с теорией соответствий). Но значимые языковые особенности, характерные для оформления информационного комплекса данного текста, от этого не изменятся. Таким образом, при порождении большинства текстов автор связан по рукам и ногам конвенциями данного типа текста и изменить их не в силах. Поэтому нам и удобнее применять термин «источник», характеризуя отправной пункт порождения текста.

Итак, фактор «источник» дает нам слишком общую градацию типов текста: под воздействием этого фактора тексты можно подразделить на две большие группы — художественные и нехудожественные.

Что касается фактора «реципиент», то следует также отметить, что в «настройке» на того или иного реципиента в большинстве текстов главную роль также играют конвенции. Автор при создании текста может учитывать, для кого текст предназначен, или же не думать об этом: готовые правила все равно заставят его использовать определенные языковые средства.

Так, научный текст предназначен для узкой группы специалистов, и поэтому в нем содержатся языковые средства, известные только представителям этой группы, — термины; подобными особенностями обладают тексты, предназначенные для какой-либо социально

или территориально обособленной группы людей, — например, про поведи для верующих, региональные новости — на диалекте.

Огромное большинство прочих текстов: инструкции, законы, реклама, мемуары, энциклопедические статьи, каталоги выставок, кулинарные рецепты, заметки в газете и пр. — предназначены фактически любому носителю данного языка, поэтому конвенционально в любом языке они всегда привязаны к литературной норме данного языка в ее устном и письменном варианте и в обязательном порядке базируются на ней, хотя и включают особые языковые средства, зависящие от того вида информации, которую оформляют.

Любой художественный текст рассчитан на индивидуальное восприятие, конвенциями автор обременен только в случае, если он придерживается какого-либо определенного жанра (что бывает не всегда на современном этапе развития художественной литературы); каждый реципиент находит в художественном произведении свое, а автор, разумеется, не ориентируется на какого-то конкретного реципиента. Исключение составляет детская литература, которая имеет возрастную предназначенность, а кроме того — пропагандистская художественная литература (например, некоторые произведения литературы социалистического реализма), которая в строгом смысле слова художественной не является.

Получается, что ориентация на определенного реципиента при оформлении текста имеет три градации: ориентация на всех носителей языка; ориентация на группу людей; ориентация на индивида.

Наконец, рассмотрим понятие цели создания текста и ее возможное воздействие на результат — на сам текст. Мы не будем смешивать понятие цели с понятием коммуникативного задания и определим цель создания текста как осознанные намерения по его созданию. Из жизненного опыта всякому человеку известно, что такие намерения сопровождают создание текста довольно часто. Например, автор намеревается популярно рассказать о генетике — в этом случае ему приходится пользоваться конвенциями научно-популярного текста, иначе он своей цели не достигнет. Или: заказчик просит автора будущего текста создать рекламу его продукции, подчеркнув те или иные ее достоинства; автор учитывает пожелания заказчика и включает названные достоинства (цвет продукции, ее цену) в содержательную архитектуру текста, автор творчески применяет богатый арсенал языковых и изобразительных средств рекламы для подчеркивания этих достоинств, однако если он выйдет за рамки предписанных данным типом текста средств, например использует индивидуальную метафору, текст перестанет выполнять свою коммуникативную функцию, не будет воспринят реципиентом, короче говоря — не станет рекламным текстом. Таким образом, намерения автора или заказчика могут быть реализованы только в рамках какого-либо определенного типа текста и сами по себе не способны породить особые

бальной коммуникации.

Более сложную картину мы наблюдаем при порождении текста перевода. Ведь ПТ — это *зависимый* текст, поэтому намерения автора и заказчика неизбежно связаны с представлениями о том, как текст перевода будет соотноситься с текстом оригинала. Эти намерения зависят от представлений автора и заказчика по поводу возможного использования переведенного текста. Но предшествует всем этим намерениям этап восприятия исходного текста. Как правило, переводчик более компетентен в восприятии всего комплекса информации исходного текста и именно он старается скорректировать восприятие заказчика. Уяснив себе суть текста, оба действующих лица (реже — только переводчик) формулируют цели перевода. На этом этапе возможны две группы намерений: 1) донести до реципиента состав информации исходного текста во всей ее полноте; 2) изменить состав информации исходного текста для каких-либо особых социально или культурно обусловленных целей его использования. В первом случае (эквивалентный перевод) специфика исходной текстовой разновидности сохраняется, хотя и с неизбежными для всякого перевода потерями. Во втором случае происходит обработка текста, при которой может быть изменено не только его содержание, но и типологические признаки — тогда в переводе мы обнаруживаем другой тип текста. Серьезное научное исследование (тип текста: научный) может превратиться в увлекательное повествование для детей (тип текста: научно-популярный); философское эссе — в сказку. Все случаи второго рода, когда цель (намерения) автора и заказчика успешно выполнены, но оформление текста при этом неэквивалентно оригиналу, мы будем рассматривать как перевод с сопутствующей обработкой; они традиционно находятся на периферии внимания исследователей, хотя на самом деле заслуживают пристального изучения, поскольку представляют собой сложный конгломерат двух различных механизмов текстопорождения: вторичного — по образцу ИТ и первичного — в том случае, если в переводе организуется текст другого типа.

Получается, что цель создания текста, т. е. намерения лиц, участвующих в его создании, могут лишь обусловить выбор типа текста, но не влияют на его релевантные признаки. Применительно к переводу они могут обусловить эквивалентное сохранение типа ИТ либо его замену другим типом.

10.6. «Вторичный» текст

Транслатологическая классификация типов текста предполагает единое системное описание текстов в их связи с последующим пере-

водом, т. е. с тем, к какой группе они будут отнесены, должна быть неразрывно связана специфика их перевода. Не может ли в таком случае принадлежность текста к той или иной группе быть связана с особенностями того текста, который мы получаем в переводе? Если да — каким именно образом?

Рассуждая о проблемах эквивалентности и лишь недавно отказавшись от представления, что текст перевода в идеале — это полная копия оригинала, переводоведение пока мало уделяло внимания принципиальной *вторичности* текста перевода. А ведь ПТ — это особый текст, порожденный не так, как все тексты в одноязычной коммуникации, т. е. на основе средств языка, а *принципиально производный, вторичный* текст, порожденный на основе другого, исходного текста и зависимый от него. Впрочем, как мы уже знаем, в одноязычной коммуникации текст тоже не строится произвольным образом, языковые средства его оформления выстраиваются в рамках определенной модели — типа текста. Но все же закономерности создания «дочернего» текста ПТ в процессе двуязычной коммуникации не могут быть полностью идентичны закономерностям создания текста в одноязычной коммуникации.

Закономерности порождения ПТ, которыми сейчас активно занимается процессуальная транслатология, еще мало изучены. Однако мы можем ориентироваться на результаты этого процесса, которые достаточно хорошо известны. Чем же различаются между собой вторичные тексты при их сравнении с оригинальными? Выясняется, что разные переведенные тексты в разной мере сохраняют набор языковых средств, способствующих оформлению их коммуникативного задания. До сих пор степень переводимости текста изучалась только в связи с переводимостью отдельных языковых средств. Не обладают ли разные тексты разной степенью переводимости в зависимости от наличия/отсутствия в них непереводаемых компонентов?

Как мы знаем, непереводаемыми, т. е. не имеющими лексического соответствия, считаются: фрагменты текста, содержащие так называемые ситуативные реалии; концепты, отражающие свойственное данной культуре членение действительности; экзотизмы (куда в широком смысле относятся и реалии-меры, и реалии-деньги, и имена собственные, и междометия, и некоторые отклонения от литературной нормы языка, например диалектизмы и др.). Но, как уже отмечалось в предшествующих главах, отсутствие лексического соответствия не означает невозможности передать информацию: она просто передается другими способами, прежде всего с помощью межъязыковой транскрипции, описательного перевода, внутренних и внешних комментариев. Другое дело, что такие способы передачи либо требуют поддержки окружающим контекстом (транскрипция), либо приводят к расширению объема самого текста и добавлению доли информации какого-либо типа, чаще

всего когнитивной. Так, пояснения и примечания, как правило, оформляются с помощью средств, характерных именно для этого типа информации.

Несколько иная картина непереводаемости наблюдается в том случае, когда происходит так называемый «конфликт формы и содержания», т. е. когда значимых особенностей формы очень много и все одновременно их передать сложно, хотя каждое явление в отдельности вполне доступно для передачи. Это касается прежде всего художественных текстов, где в «конфликт» могут вступить рифма и звукопись, синтаксический параллелизм и отдельные образы. Названные примеры касаются поэзии, и не случайно именно поэтические тексты чаще всего в разные времена признавали непереводаемыми.

Неполнота передачи компонентов содержания бывает связана и с видом перевода. Так, научный доклад, который переводится в режиме устного последовательного перевода, характеризуется неполной передачей текста подлинника исключительно из-за специфики этого вида переводческой деятельности. Еще большей неполнотой будет отличаться ПТ при синхронном переводе.

Итак, тексты ПЯ как принципиально вторичные можно разбить на условно разграничиваемые группы по степени объективной возможности передачи в них компонентов содержания ИТ. Тогда в *первой* группе окажутся тексты, где отсутствуют компоненты «непереводаемости» (экзотизмы, реалии-меры и т. п.) и нет конфликта формы и содержания. *Вторая* группа будет представлена текстами, где компоненты непереводаемости встречаются, и при переводе в результате их описательной (или транскрибирующей, но с пояснениями) передачи происходит увеличение объема текста и доли когнитивной информации. Наконец, в *третью* группу войдут тексты, отмеченные неполнотой передачи компонентов содержания из-за конфликта формы и содержания или из-за вида перевода. Кстати говоря, не надо думать, что все художественные тексты попадут в эту группу. Иногда, стремясь сохранить все отмеченные особенности формы, переводчики идут по пути так называемого «информационного» перевода, снабжая художественный текст в переводе обширным внешним и внутренним комментарием, следовательно, расширяя объем когнитивной информации в таком тексте. Переводы такого рода, разумеется, мы отнесем ко второй группе.

Получается, что в данном случае нет прямой зависимости между лингвистическим типом текста и его особенностями как вторичного текста. Решающую роль играет объективная возможность сохранения компонентов содержания при переводе. Параметр вторичности ПТ мы можем поэтому признать релевантным для построения транслатологической классификации текстов и учесть его в наших дальнейших рассуждениях.

10.7. Транслатологическая классификация типов текста

Теперь, подводя итог нашего поиска релевантных параметров для создания классификации типов текста, ориентированной на перевод, можно в качестве таких параметров выделить следующие: коммуникативное задание и вид передаваемой текстом информации; характер источника и характер реципиента; объективная мера переводимости текста как вторичного. Параметр конвенциональное™ мы не включаем в этот перечень, поскольку конвенциональность (т. е. определенные общепринятые «правила» построения текста), как показывают исследования, свойственны всем текстам без исключения. Нерелевантными, как мы видели, оказываются параметры специфики языка, на котором порожден текст, а также цели перевода.

Поскольку каждый текст есть сложное образование и строгое разграничение по рубрикам было бы неизбежным огрублением реальной картины, попробуем представить значимые признаки текстов в виде таблицы. Сами же названия текстов возьмем из практики, т. е. те, которые сформировались в ходе вербальной коммуникации. Мы будем учитывать в нашей классификации как письменный, так и устный тексты.

Таблица 4

Транслатологические типы текста

Тип текста	Вид информации				Источник			Реципиент			Мера перев. (номер группы)		
	юс	опр	эм	ЭГ	юл	рул	ИД	ЮЛ	рул	ИД	l	п	in
Научный	+	-		-	-	+	-	-	+	-	+/	+/	+у
Научно-учебный	++	+	+	-	+	++	-		+	-	+/	+/	+у
Энциклопедический	++	-	+	-	++	+	-	+	-	-	+/	+/	-
Документы	++	+	-	-	+	-	-	+			+	-	
Объявления	++	+	+	-	+/	+/	+	+/	+	-	+/	+	
Траурные объявления	+		++	-	+	-	-	+	-	-	+/	+	-
Некрологи	+	-	++	-	+	-	-	+	-	-	+/	+	-
Законодательный	+	++	+	-	++	-	+	-	-	+	+	-	-
Научно-популярный	++	-	+	+	++	+	+	+	-	-	+/	+/	+
Искусствоведческий	++	-	+	+	+	++	+	+	++	+	+/	+	-
Музыкально-ведческий	++	-	+	-	+	++	+	+	++	+	+/	+	-
Философский	++	-	-	+	+	++	+	+	++	-	+/	+	-
Мемуарный	+	-	++	+	++	-	+	++	-	+	+/	+	-
Религиозный	+	++	++	-	+	++	-	+	++	-	+	-	-
Проповедь	+	++	++	-	+	++	-	+	++	-		+/	+у

Тип текста	Вид информации				Источник			Реципиент			Мера перев. (номер группы)		
	ког.	опер.	эм.	ЭС	КОЛ	груп.	ИНД	КОЛ	груп.	ИНД	1	п	ш
Инструкция	+	++	-	—	+	-	-	+	-	-	+/	+	-
Рецепты (кулинарные и др.)	+	++	-		+	-	-	+	-	-	+/	-	-
Реклама	+	+	++	+	+	-	-	+	-	-	+	+	+
Художественный	-	-	+	++	-		+	-	-	+	+	+	+
Беллетристика	-	-	++	+	++	-	+	++	-	+	+/	+	-
Публичная речь	+	+	++	-	+	-	-	+	-	-	+/	+/	+
Художественная публицистика	+	-	+	++	+	-	++	+		++	+/	+/	+
Деловое письмо	++	+	+	-	-	++	+	-	++	+	+/	+	-
Личное письмо	+	-	++	-	-	-	+	-	-	+	+/	+	-
Газетно-журнальный информационный	++		+		+			+			+/	+/	+

Используемые сокращения: ког. — когнитивная информация; опер. — оперативная информация; эм. — эмоциональная информация; эст. — эстетическая информация; колл. — коллективный источник/реципиент; груп. — групповой источник/реципиент; инд. — индивидуальный источник/реципиент (автор); мера перев. — мера переводимости; + — наличие признака; ++ — доминирование признака; — — отсутствие признака; у — устный перевод.

Разумеется, в таблицу включены далеко не все тексты. Мы ориентировались прежде всего на тексты, встречающиеся в практике перевода. Художественный текст представлен во всей совокупности своих жанров, хотя многие исследователи предпочитают разграничивать прозаические, поэтические, драматические, детские и другие подвиды художественных текстов. Для данной таблицы это представляется излишним, поскольку все художественные тексты, вне зависимости от жанра и вида, обладают одинаковыми характеристиками, выделенными как релевантные признаки в таблице (тип информации, источник и т. п.).

Приведенная таблица показывает, что определяющим среди релевантных признаков может быть признан состав информации в тексте. Прочие релевантные признаки (источник, реципиент, мера переводимости) в значительной степени коррелируют с первым. Тогда, в соответствии с преобладающим в тексте видом информации, все тексты подразделяются на 4 группы:

1. *Примарно-когнитивные тексты*: научный, научно-учебный, научно-популярный, объявления, искусствоведческий, музыковедче-

ский, философский, документы, деловое письмо. Для них характерен групповой (реже коллективный) источник, групповой (реже коллективный) реципиент, I или II группа переводимости.

П. *Примарно-оперативные тексты*: законодательный, религиозный, проповедь, инструкция, рецепт. Источник коллективный или групповой, реципиент, как правило, коллективный, группа переводимости I или П.

III. *Примарно-эмоциональные тексты*: траурное объявление, некролог, беллетристика, публичная речь, реклама, мемуарный текст. Источник преимущественно коллективный, хотя иногда наблюдаются отдельные признаки индивидуального источника, реципиент также в основном коллективный, группа переводимости I или II, в отдельных случаях — III (реклама). Исключение составляет личное письмо, где и источник, и реципиент — индивидуальные.

IV. *Примарно-эстетические тексты*: художественный текст, художественная публицистика. И источник, и реципиент — индивидуальные, группа переводимости — III.

Мы видим из таблицы, что доминирующая доля информации не всегда явно выражена. Так, в религиозных текстах и текстах проповедей приблизительно равное место занимают оперативная и эмоциональная информация, поэтому эти типы текста находятся в пограничном положении между II и III группами.

Отметим также, что доминирующий тип информации не всегда определяет коммуникативное задание текста. Характерным примером является текст рекламы, где явно доминирует эмоциональная информация, но ядром коммуникативного задания является побуждение, апелляция. Однако, как уже не раз подчеркивалось, транслатологическая классификация типов текста, т. е. классификация, ориентированная на перевод, ставит во главу угла не экстралингвистические параметры коммуникации, а их лингвистическое оформление, которое осуществляется языковыми средствами согласно видам информации, содержащимся в тексте. Следовательно, с точки зрения транслатологической типологии текст рекламы относится к примарно-эмоциональным текстам.

Распределение текстов по группам, разумеется, остается условным. В дальнейшем изложении, при описании отдельных типов текста, мы лишь в относительной мере сможем придерживаться их расположения по группам. Дело в том, что некоторые тексты генетически тесно связаны и выработали за время их многовекового существования сходные конвенции; однако информационный состав и коммуникативное задание таких текстов при их современном функционировании резко расходятся. Ярким примером могут служить личное письмо и деловое письмо. Первое по всем признакам следует отнести к примарно-эмоциональным текстам; второе — деловое письмо — к примарно-когнитивным. Конвенции же, согласно которым оформляется текст любого письма, во многом совпадают. Поэтому нам удоб-

нее анализировать такие тексты в сопоставлении, а не разносить их по группам.

10.8. Транслатологическая характеристика отдельных типов текста

Ни таблица, ни классификационная схема не способны дать полное представление о каждом из типов текста. Поэтому мы приводим более подробную характеристику наиболее частотных в переводе типов текста.

Научный и научно-технический тексты. К этому типу относятся тексты научных статей, монографий, технических описаний. Область знаний, так называемая тема, принципиального значения для оформления текста не имеет. Типологические признаки его при любой теме достаточно стабильны. Они обусловлены прежде всего доминирующим типом информации — *когнитивным*. Языковые средства оформления когнитивной информации находятся в строгих конвенциональных рамках. Перечислим основные из этих языковых средств:

1. Языковые средства, повышающие уровень плотности когнитивной информации: лексические сокращения (общеязыковые, например «и др.»; специальные терминологические, например «ЭКГ» = «электрокардиограмма»); графические (скобки, двоеточие); синтаксические (наличие причастных оборотов речи, являющихся компрессивными синонимами определительных придаточных). Любой текст такого рода отличается от других богатым арсеналом вспомогательных знаковых систем (от условных обозначений x , y , z и формул в научном тексте до схем и чертежей в техническом тексте), которые также представляют собой наиболее компрессивный способ вербального выражения информации.

2. Термины, совокупность которых в научном тексте представляет собой саморегулируемый лексический аппарат, специализирующийся на передаче когнитивной информации. Термины, как известно, однозначны, лишены эмоциональности и независимы от контекста.

3. Нейтральный лексический фон остальной лексики, которую называют лексикой общенаучного описания. Она представляет письменную литературную норму языка, также неэмоциональна и обладает широко развитой синонимией, причем синонимы, как правило, стилистически равноправны (например: «важный» = «существенный» = «значимый»; «изучать» = «исследовать» = «анализировать» и т. п.).

4. Языковые средства, обеспечивающие объективность подачи когнитивной информации: разнообразные средства выражения пассивности по отношению к формальному подлежащему (специальные глагольные залоговые формы — пассив; глагольные конструк-

ции с пассивным значением; безличные и неопределенно-личные предложения); неличная семантика подлежащего.

5. Преобладание настоящего времени глагола, представляющего собой абсолютное настоящее, так называемый *praesens generellis*. Его использование дает возможность представить сообщаемые сведения как абсолютно объективные, находящиеся вне времени (атемпоральный характер текста).

6. Языковые средства, подчеркивающие высокий уровень абстрактности изложения: обилие сложных слов, построенных по словообразовательным моделям с абстрактным значением; отчетливая номинативность текста (преобладание существительных; выражение действия через отглагольное существительное с десемантизированным глаголом, например, «осуществляет воздействие на объект»).

Уже само перечисление средств оформления когнитивной информации в научном тексте показывает, что система этих средств фактически блокирует эмоциональную информацию. Средства активизации изложения не дают проявиться субъективному началу. Крупницы эмоциональной информации представлены в стертом, предельно формализованном, конвенционально закрепленном облике средств модальности научной дискуссии. Средства эти в каждом языке свои, например, в русском это модальные слова и словосочетания с глаголами определенной семантики: «вероятно», «нам представляется», а также лексические усилители, относящиеся к слою письменной литературной нормы языка: «непреренно», «ни в коей мере» и т. п. Небольшую долю составляют синтаксические средства эмоциональности научной дискуссии, такие, как риторические вопросы и восклицательные предложения.

Абсолютное преобладание когнитивной информации в научном тексте диктует логический путь его построения, который обеспечен специальными средствами когезии, организующими связность текста. В научном тексте количество этих средств максимально велико, их обилие и даже некоторая избыточность — одна из доминирующих черт научного текста. Логичность изложения обеспечена также высоким уровнем сложности и максимальным среди письменных текстов разнообразием синтаксических структур.

Дополнительным средством логической организации научного текста являются графические средства, прежде всего шрифтовые. Величина и жирность шрифта в заголовках и подзаголовках, разрядка, курсив — все это компрессивные средства выделения значимой и подчиненной информации.

Коммуникативное задание научного текста — сообщение новых сведений в данной области знаний. Причем это новое базируется на значительном объеме известного — известного, конечно, не любому читателю, а только специалисту. Уровень базовой компетентности, общей для источника и реципиента, всегда очень высок. Вот почему научный текст недоступен непосвященным. Он предназначен для

специалистов в определенной области знаний, т. е. имеет *группового* реципиента (см. таблицу 4).

Источник научного текста, как ни странно на первый взгляд, также групповой. Указание на автора, которое почти всегда имеется в научном тексте, с одной стороны, закрепляет авторство на новую научную информацию, которая в тексте содержится, и, с другой стороны, маркирует ответственность данного лица за эту информацию. Но мы никогда не заметим в научном тексте существенных проявлений авторской индивидуальности. Научные тексты, как уже отмечалось, создаются в строгих рамках конвенций, и у разных авторов, пишущих на одну и ту же тему, мы обнаружим не только одни и те же синтаксические и морфологические структуры, но и одинаковые обороты речи, одинаковый стиль. Различия наблюдаются лишь в частотности употребления некоторых слов и выражений (любимые слова) и, может быть, в степени сложности изложения. Такая «стандартность» средств выражения закономерна, ведь автор выступает не от себя лично, а как один из представителей данной области знаний, опираясь на все достигнутое его предшественниками, строя текст по строгим правилам, принятым среди специалистов в любой области. Значит, источник — автор как представитель всех специалистов в определенной области знаний (группы людей).

Мера переводимости научного текста, как видно из таблицы 4, может быть разной. Если переводу подвергается письменный научный текст, то она может быть полной (I группа), поскольку все названные языковые средства оформления такого текста найдут в переводе на любой язык эквивалентные соответствия. При этом преобладать будут однозначные эквиваленты, с помощью которых переводятся термины; прочая лексика передается с помощью вариантных соответствий с равноправной вариативностью. Вариантные соответствия найдутся и для всех перечисленных грамматических и текстовых языковых средств.

Если же в научном тексте встречаются «непереводимые» компоненты: реалии-меры, экзотизмы, имена собственные — и прием межъязыковой транскрипции в недостаточной степени раскрывает их смысл, тогда применяется описательный перевод, что влечет за собой расширение текста, но не меняет его типологических признаков (II группа). Той же мерой переводимости будет характеризоваться научный текст, если он относится к какой-либо передовой, быстро развивающейся отрасли знаний и в терминологической системе ПЯ отсутствуют соответствующие термины. Тогда эти термины приходится представлять в переводе описательным способом.

Наконец, научный текст может быть устным, и тогда при переводе не исключена неполнота передачи исходного текста (III группа); степень этой неполноты не зависит от типологических признаков текста и связана только с мерой профессиональной компетентности переводчика.

Проведенный анализ показывает, что научный текст можно отнести к разряду примарно-когнитивных.

Научно-учебный текст. Мы относим к этому типу тексты любых учебников, учебных пособий и руководств, а также тексты специальных энциклопедий, построенных по тематическому принципу и рассчитанных на будущих специалистов.

Большинство учебников предназначено для того, чтобы передать читателю довольно большой объем систематизированных сведений, повысить уровень его профессиональной компетентности. Разница в уровне компетентности источника и реципиента очень существенная. Собственно, источником текста учебника являются те же специалисты, но, ориентируясь на особенности читательской аудитории, они адаптируют к ней специфику научного текста. Читателю учебника может не хватать не только профессиональной, но и возрастной компетентности — тогда необходима еще и возрастная адаптация: учебники для детей написаны проще, чем учебники для подростков, а учебники для подростков — проще, чем учебники для взрослых. Следует отметить, что, хотя в подавляющем большинстве случаев реципиент текста учебника — групповой, в текстовой культуре каждого народа существует определенное количество общеобразовательных учебников, предназначенных для любого человека (коллективный реципиент).

Текст учебника, так же как и научный текст, специализирован на передаче *когнитивной информации*. Мы находим в нем все те же средства ее передачи, но в упрощенной форме:

1. Плотность информации распределена в тексте учебника несколько иначе, чем в научном тексте. Вспомогательные знаковые системы вербального и невербального характера используются здесь очень активно (формулы, схемы, графики) — к ним добавляются еще и иллюстративные материалы — а вот терминологических сокращений встречается меньше. Распространено заключение части сообщения в скобки (синтаксическая компрессия).

2. Термины обладают в учебнике всеми своими характерными признаками (однозначность, нейтральность, независимость от контекста), но количество их меньше, и каждый термин вводится определением. В узкоспециальных учебниках иногда наблюдается использование устных профессиональных жаргонизмов.

3. Объем лексики общенаучного описания составляет основной фон терминов, но к ней добавляется значительный процент лексики общенационального языка, не относящейся к научному описанию, но остающейся в рамках письменной литературной нормы.

4. Языковые средства, обеспечивающие объективность изложения, представлены широко: абсолютное настоящее также преобладает; число пассивных конструкций меньше, чем в научном тексте, и соответственно выше процент активных конструкций; неопределенно-личные и безличные структуры частотны.

5. Количество сложных слов и словообразовательных моделей с абстрактной семантикой значительно по сравнению со многими другими типами текста, но оно меньше, чем в научном тексте. Менее выражено представлена и номинативность. Неличная семантика подлежащего преобладает, как и в научном тексте.

6. Сложность и разнообразие синтаксических структур меньше, чем в научном тексте. Предложения проще и короче, иногда значительно.

7. Количество средств формальной когезии несколько меньше, зато выше уровень ассоциативной связности текста.

8. Графические средства логической организации текста отличаются значительно большим разнообразием по сравнению с научным текстом. К уже названным при характеристике научного текста добавляются: подчеркивание, заключение фрагмента текста в рамку, вынесение его на поля, цветовое выделение фрагмента текста.

Эмоциональная информация в учебном тексте разнообразнее, чем в научном. К традиционным средствам, отражающим эмоциональность научной дискуссии, добавляются иногда лексические эмоционально-оценочные средства, которые используются для сообщения читателю установочной оценки, т. е. общепринятого, устоявшегося мнения о каком-либо явлении или процессе (например, в русском: «крупнейший», «замечательный», «эпохальное открытие» и пр.). Эмоциональную информацию несут также приемы прямого обращения к читателю, побуждающие его к восприятию когнитивной информации: побудительные предложения, риторические вопросы и т. п. («Давайте вместе задумаемся о том...», «Как вы думаете...» и др.).

Таким образом, коммуникативное задание научно-учебного текста заключается в сообщении реципиенту новых для него сведений в облегченной форме. Часть нагрузки по адаптации текста берет на себя эмоциональная информация.

Мера переводимости научно-учебного текста ограничена лишь отдельными, редко встречающимися личными именами и экзотизмами, требующими комментария, поэтому в основном такие тексты можно отнести к I группе. Языковые средства оформления эмоциональной информации достаточно стандартны и переводятся, как правило, с помощью вариантных соответствий. Специфика перевода остальных языковых средств — та же, что и при переводе научного текста.

Таким образом, научно-учебный текст также относится к примарно-когнитивным текстам.

Научно-популярный текст. Задача научно-популярного текста: донести до читателя познавательную информацию и одновременно увлечь его этой информацией. Среди эмоциональных средств «приобщения» к теме, возбуждения интереса к ней отмечаются и средства, свойственные художественному тексту, т. е. оформляющие эстетическую информацию.

Чтобы разобраться в сложном сплетении этих средств, обратимся к выявлению источника и реципиента научно-популярного текста. Источником является специалист в данной области (биолог, математик, искусствовед), представляющий свою науку, и сведения, которые он сообщает, достоверны и объективны. Но всю меру своей компетентности он не проявляет, поскольку читателем его текста является некомпетентный или малокомпетентный реципиент. Снимаются и возрастные ограничения: большое количество научно-популярных текстов предназначается детям и подросткам. То, каким способом данный автор приспособливает информацию к восприятию некомпетентным реципиентом, зависит в большой мере от самого автора, хотя языковые средства популяризации у разных авторов одни и те же. Различается, пожалуй, компоновка средств, алгоритм их применения. Вот тут уж авторство несомненно, и имя автора как индивида, представляющего свой вариант адаптации научных сведений, всегда обозначается. Таким образом, перед нами комплексный источник текста. В нем доминируют черты коллективности источника, но присутствуют также признаки группового и индивидуального источников. Реципиент же, безусловно, — коллективный.

Научно-популярный текст содержит большой объем *когнитивно:/ информации*. Диапазон средств, с помощью которых она передается, напоминает соответствующий арсенал научного и научно-учебного текстов. Но при анализе мы сталкиваемся как с качественными, так и с количественными отличиями:

1. Термины. Количество их в научно-популярном тексте ограничено. В меньшем объеме представлена и лексика общенаучного описания.
2. Плотность информации ниже, чем в предшествующих типах текста. Реже применяются сокращения и скобки.
3. Средства, обеспечивающие объективность изложения: пассивные конструкции, неопределенно-личные и безличные предложения, абсолютное настоящее, неличная семантика подлежащего, — используются в научно-популярном тексте в значительно меньшем объеме, хотя все они и представлены.
4. Фон нейтральной письменной литературной нормы также представлен, но границы его размыты, и отклонения, особенно в сторону разговорного стиля, многочисленны.

Итак, количество и разнообразие средств, обеспечивающих передачу когнитивной информации, ограничено. Зато в научно-популярном тексте, в сравнении с научным, появляются особые средства, обеспечивающие выполнение второй части коммуникативного задания: заинтересовать читателя. Здесь доминируют следующие языковые средства:

1. Специальные приемы, создающие эффект сближения автора с читателем: повествование от первого лица; разговорная и даже разговорно-просторечная лексика; прямое обращение к читателю; обилие риторических вопросов.

2. Эмоционально-оценочные средства: лексика с эмоционально-оценочной коннотацией; инверсии, подчеркивающие оценочные компоненты предложения и т. п.

3. Интертекстуализмы — включение в текст цитат из других источников, контрастирующих с научно-популярным текстом по типологическим признакам: фрагментов из поэтических и прозаических художественных произведений, летописей, научных статей и др.

4. Фразеологизмы и образные клише, выполняющие функцию, подобную их функции в СМИ, — они облегчают восприятие содержания, включая в него привычный образный ряд. Часто применяется прием деформации фразеологизмов.

5. Столкновение несовместимых языковых средств для создания эффекта неожиданности, иронической окраски или комизма. Эффект неожиданности позволяет заострить внимание на главном; ирония и комизм служат средством эмоциональной разрядки при восприятии сложного материала (подобно анекдоту, который рассказывает на лекции профессор).

Разнообразны также средства оформления *эстетической информации*: ввод условных вымышленных персонажей, использование тропов — в особенности метафор. (Так, в одном из научно-популярных пособий для пользователей Интернета на всем протяжении повествования прослеживается метафора путешествия на различных видах транспорта.)

Мера переводимости научно-популярных текстов может быть разной. Совмещение средств, оформляющих различные виды информации, изредка приводит к «конфликту» разнородных языковых средств; разумеется, особую проблему представляют в этом отношении языковые средства оформления эстетической информации. Тогда текст неизбежно страдает неполнотой (III группа). Нередки также случаи описательного перевода, влекущие за собой расширение текста (II группа). При отсутствии экзотизмов, личных имен и других компонентов непереводаемости возможен полноценный перевод всех доминирующих средств (I группа).

Языковые средства оформления когнитивной информации находят в переводе соответствия в виде однозначных эквивалентов, вариантных соответствий и синтаксических трансформаций. Разговорная и эмоционально-оценочная лексика, эмоциональные инверсии, фразеологизмы и образные клише передаются функционально соответствующими средствами в основном с помощью вариантных соответствий или — реже — компенсаций; эпитеты, метафоры, сравнения и пр. — по возможности с сохранением особенностей каждого тропа; столкновение несовместимых языковых средств — не обязательно с сохранением конкретных особенностей этих средств (скажем, высокая лексика — просторечие), но обязательно с сохранением принципа несовместимости.

При всем обилии средств передачи эмоциональной и эстетической информации когнитивные компоненты в научно-популярном тексте доминируют, что позволяет отнести его к примарно-когнитивным текстам.

Энциклопедический текст. Энциклопедический текст весьма специфичен и содержится в энциклопедии — своеобразном толковом словаре понятий, где толкование слов, обозначающих эти понятия, расположено по алфавиту. Предназначен он для того, чтобы получить достоверные начальные сведения о предмете, явлении или личности, о которых читатель мало что знает. Причем сведения эти далеко не полны, и, основываясь на них, читатель затем сможет пополнить их в более фундаментальных источниках (например, в научных). Помимо этого, энциклопедия дает нам общепринятые оценки того или иного явления. Отталкиваясь от этих оценок как от базовых, мы постепенно, все глубже познавая явление из других источников, можем сформировать собственное мнение о нем, не обязательно совпадающее с общепринятым.

Предназначена энциклопедия для любого человека, умеющего читать. Причем взрослого, так как структура текста и употребляемые слова рассчитаны на сложившееся, логически организованное мышление. Таким образом, реципиент энциклопедического текста — коллективный.

А кого можно назвать источником энциклопедического текста? Вопрос непростой. Тексты в энциклопедии, как правило, публикуются без подписи, хотя имеют определенного автора. Автор этот является специалистом в данной области знаний (статьи о растениях пишет ботаник, об открытиях в области механики — инженер), но текст он составляет, подчиняясь строгим конвенциям, которые на базе коммуникативного задания организовали его в устойчивый речевой жанр, и индивидуально-авторского колорита текст не имеет. Автор выступает экспертом, отбирая главное и формулируя общепринятые оценки. За состав статей отвечает редакция энциклопедии, именно она отбирает понятия, которые на настоящий момент имеют право считаться культурным достоянием человечества. Так что фактически источником текста оказывается интеллектуальная элита человечества.

Ведущей в тексте является *когнитивная информация*. Объективность, абстрактность и логичность ее подачи обеспечивается уже знакомыми нам средствами: номинативность стиля, пассивные конструкции, наличие безличных и неопределенно-личных предложений, преобладание настоящего времени глагола, использование терминов данной области знаний, фон современной письменной литературной нормы, отсутствие эмоционально-оценочной окраски в лексике и синтаксисе, объективная семантика подлежащего, высокая плотность (компрессивность) информации.

Все эти средства действительно знакомы нам из анализа предшествующих текстов. Однако количественные и некоторые качествен-

ные параметры использования этих средств необходимо прокомментировать. Начнем со средств, «уплотняющих» информацию. Ведь энциклопедическая статья — пожалуй, самый *компрессивный* из анализируемых текстов. Обилие средств компрессии деформирует некоторые другие его черты, связанные с объективностью подачи информации. Здесь встречаются сокращения всех типов: общеязыковые, специальные, контекстуальные. Любое слово, используемое в тексте не один раз, начиная со второго раза оформляется как контекстуальное сокращение. Заглавное понятие энциклопедической статьи со второго употребления сокращается до акронима, т. е. до первой буквы соответствующего слова с точкой (в русском: «страстоцвет» = «с», «Франция» = «Ф.»). Помимо этого, используются графические шрифтовые средства, компрессирующие и организующие информацию (жирный шрифт, разрядка, курсив, петит), а также невербальные условные знаки (например, звездочка и крестик, сопровождающие даты рождения и смерти, если речь идет о персоналии). Широко распространены цифры как наиболее компактный способ обозначения количества.

Повышенной компрессивностью объясняется и *неполнота синтаксических структур*. Энциклопедический текст последовательно избегает повторов структуры. Если в двух фразах подряд одно и то же подлежащее (а это бывает особенно часто, если текст посвящен персоналии), то во второй раз оно опускается. Однако неполнота такой структуры всегда восполняется из предшествующего текста (в отличие от разговорного эллипсиса, который восстанавливается из ситуации общения). Так же часто опускается вспомогательный глагол в аналитических структурах.

Устремленностью к максимальной плотности информации, видимо, объясняется относительно небольшой объем предложения в энциклопедическом тексте и его простота. К тому же текст рассчитан на неподготовленного читателя и предлагаемый ему неосложненный синтаксический вариант оптимален для восприятия. Компрессирующим приемом, позволяющим опускать служебные средства логической подчиненности — союзы, наречия и т. п., — является заключение части информации в скобки.

Помимо абсолютного настоящего времени, энциклопедический текст довольно широко пользуется формами прошедшего времени, поскольку любое явление, процесс, личность он рассматривает также и в истории.

Термины встречаются только самые распространенные, известные большинству образованных носителей языка, и, хотя здесь также используются сложные слова и преобладает существительное, уровень абстрактности, обобщенности энциклопедического текста ниже, чем научного.

Общим фоном, на котором выступают термины, служит письменная литературная норма языка, причем без налета канцелярского сти-

ля. Собственно, энциклопедический текст и был когда-то важнейшим распространителем современной литературной нормы; теперь он потеснен средствами массовой информации, однако остается авторитетным образцом нормы.

В основном текст энциклопедической статьи лишен эмоционально-оценочной окраски. Однако необходимость сформулировать общепринятые оценки явления, процесса, персоналии (мы уже отмечали, что это — важная часть коммуникативного задания) влечет за собой использование средств, типичных для оформления *эмоциональной информации*. Это прежде всего оценочная лексика литературного письменного языка («неоценимый вклад», «наиболее значимый» и т. п.), а также разнообразные инверсии, актуализирующие оценочную часть предложения («Наиболее выдающимся, однако, был вклад К. в развитие космических исследований» — инверсия с выдвижением предикатива, содержащего оценочные слова, на 1-е место в предложении).

Однако в реальности к этому типу установочно-оценочной эмоциональной информации может добавляться еще один — идеологизирующий. Общественный порядок, господствующий в данный момент в стране, может наложить свой отпечаток на оценочную часть энциклопедической статьи.

Текст энциклопедической статьи обладает, как правило, высокой мерой переводимости (I группа). В редких случаях, когда необходим описательный перевод, производится необходимое, хотя для такого текста и крайне нежелательное его расширение.

По составу признаков энциклопедический текст также относится к числу примарно-когнитивных.

Музыковедческий текст. Под этим названием мы объединяем тексты, посвященные теории и истории музыки, музыкальному творчеству и анализу отдельных музыкальных произведений. При описании музыковедческого текста мы изменим привычную схему и, исходя из его сравнения с научным текстом, выявим специфические черты, чтобы затем уже объяснить их функции.

На первый взгляд музыковедческий текст схож с научным. Довольно большое число специальных терминов, абсолютное настоящее время глагола, наличие пассивных конструкций (хотя их меньше, чем в научном тексте), неличная семантика подлежащего (но не всегда), сложные синтаксические структуры с большим разнообразием логических связей — все это свидетельствует о том, что текст содержит *когнитивную информацию*.

Однако есть и существенные отличительные черты. Мы сразу отмечаем, что фон письменной литературной нормы в музыковедческом тексте не нейтрален, как в научном тексте, и не близок к канцелярскому варианту, как в инструкции, деловом и юридическом текстах. По лексике и синтаксическим средствам он несколько архаичен и производит впечатление возвышенного. Обилие устаревших

слов, архаичных инверсий — основные средства создания этого впечатления. Однако особенно разительные отличия наблюдаются при описании самой музыки и ее воздействия. Это, во-первых, обилие эмоционально-оценочных слов («великолепный», «виртуозный», «превосходный»), в которых четко прослеживается тенденция к гиперболизации положительной оценки; огромный диапазон эпитетов («стремительный», «тревожный», «горделивый», «героический»), среди которых выделяются метафорические эпитеты («ликующая победоносность», «зовущие вдаль звуки»), и прежде всего — эпитеты с метафорическим переносом по принципу синестезии («масляные аккорды», «теплая тональность»); образные клише («зерно эмоциональных контрастов», «дышит подлинной мощью», «энергичный пульс движения»), и даже индивидуально-авторские метафоры («первое зарево экстаза»). Распространены сравнения, в том числе и развернутые. Все эти лексические средства не только несут эмоциональную информацию, но и являются проводниками эстетической информации, хотя средства ее оформления в целом стандартны. Стиль, как и в научном тексте, номинативный, но большую долю в словоупотреблении составляют существительные со значением качества («грандиозность», «масштабность», «примиренность»).

Эмоциональную насыщенность мы наблюдаем и в области синтаксиса. Характерны повторы синтаксических структур — синтаксический параллелизм, сопровождаемый лексическими повторами («с какой полнотой, с какой проникновенностью...»); иногда они перерастают в риторический период. Риторические вопросы и восклицания, эмоциональная инверсия, часто с выдвинутым компонентом оценки в рематическую позицию, — все это показывает, что в музыковедческом тексте средства, обеспечивающие объективность подачи когнитивной информации, вовсе не блокируют средства оформления *эмоциональной информации*, а сочетаются с ними.

С чем связаны все эти характерные особенности? Перед нами попытка описать и формализовать музыкальные впечатления, затрагивающие эмоции и эстетическое чувство человека и отраженные индивидуальным восприятием. Восприятие музыки, как и любого искусства, сугубо индивидуально, но те впечатления, которые она вызывает, все-таки поддаются упорядоченному описанию, и для этого описания у специалистов-музыковедов выработалась особая система средств. Среди них ведущими являются средства, призванные отразить неуловимое ощущение прекрасного, которое всегда дает музыка; это компоненты высокого стиля и средства художественного описания, сама возможность применения которых обусловлена предметом описания.

Вполне объяснима и большая распространенность синестезии; ведь музыка сама по себе не имеет зримых или осязаемых образов, связанных с действительностью, она их лишь ассоциативно вызывает, и эта ассоциативность порождает прежде всего образы, связан-

ные с восприятием другими органами чувств, помимо слуха; звуковые впечатления ассоциируются с цветовыми, осязательными и т. II

Итак, высокая лексика, эпитеты, метафоры и сравнения, синтаксический параллелизм — все это средства передачи эстетической и эмоциональной информации. Можно сказать, что часть того наслаждения, которое испытывал автор текста, слушая музыку, он воплотил в словесных средствах. Во всех этих средствах заложены богатые ресурсы вариативности, индивидуализации — и образы для сравнений и метафор в музыковедческом тексте, отдельные эпитеты бывают нестандартны; у каждого автора они могут быть свои. Это также отвечает специфике объекта, поскольку, как уже отмечалось, музыка воспринимается индивидуально.

Подведем итоги нашему анализу. Мы обнаружили, что в музыковедческом тексте содержится когнитивная, эмоциональная и эстетическая информация, и коммуникативным заданием можно считать ее передачу. Источником текста является специалист-музыковед как представитель своей области знаний (групповой источник), однако в тексте есть отдельные черты, свидетельствующие и об индивидуальном, и о коллективном характере источника. Реципиентами могут быть и специалисты, и неспециалисты. Ведь помимо специальных терминов и других средств, для восприятия которых нужно иметь высокую компетентность, в музыковедческом тексте содержится большой объем средств, передающих эмоциональную и эстетическую информацию, для восприятия которых специальных знаний не нужно. Однако в любом случае эти средства навязывают нам определенную трактовку музыки одним индивидуумом-специалистом. Эту трактовку реципиент воспринимает как объективную, признавая авторитет специалиста.

Мы не даем отдельную характеристику популярного музыковедческого текста, поскольку от серьезного музыковедческого он отличается меньшим количеством специальных средств, обеспечивающих объективность подачи информации (термины, пассивные конструкции и т. д.), а также внедрением в текст средств разговорного стиля. В остальных же своих чертах обе разновидности музыковедческого текста совпадают.

Итак, комплекс языковых средств, характерных для музыковедческого текста, вполне доступен для передачи; индивидуально-авторские средства большим разнообразием не отличаются, поэтому по степени переводимости такой текст может быть отнесен к I группе (реже возможна II группа). Архаичная окраска общего фона письменной литературной нормы передается вариантами соответствиями, имеющими ту же стилистическую окраску, или позиционной компенсацией, поскольку является стилистическим приемом, функционирующим на текстовом уровне.

Несмотря на значительную долю субъективной эмоциональной информации, музыковедческий текст все же преимущественно со-

общает нам когнитивную информацию и поэтому скорее может быть отнесен к примарно-когнитивным текстам (или же занимает пограничное положение между примарно-когнитивным и примарно-эмоциональным типами).

Искусствоведческий текст. Мы выделили этот тип текста в отдельную рубрику, поскольку при всем своем сходстве с музыковедческим он обладает специфическими признаками и в связи с этим требует от переводчика во многом особого подхода. Его краткое описание, которое мы даем, предполагает предварительное знакомство с нашей трактовкой музыковедческого текста.

К искусствоведческим текстам мы относим статьи и монографии, посвященные изобразительному искусству и архитектуре, сопроводительные тексты в альбомах репродукций, исключая эссеистику на темы искусства.

Источником искусствоведческого текста является специалист-искусствовед как представитель своей области знаний (групповой источник), а реципиентами — как специалисты, так и дилетанты; в информационный комплекс входят три вида информации: *когнитивная*, *эмоциональная* и *эстетическая*, и коммуникативным заданием является соответственно как сообщение объективных сведений об искусстве, так и передача субъективных чувств, в том числе и чувства прекрасного.

Однако анализ показывает, что в искусствоведческом тексте значительную роль играет авторское начало — гораздо более существенную, чем в музыковедческом. Дело, видимо, в том, что подход к описанию явлений музыки — гораздо более унифицированный и традиционный, чем к произведениям искусства. В искусствоведческом тексте авторское начало затрагивает все средства подачи информации.

Начнем с когнитивной информации. Наряду с общепринятой терминологией искусства здесь встречаются термины, изобретенные данным автором (своего рода неологизмы), а также термины, которые в ходу у небольшой группы авторов, исповедующих одинаковые взгляды. Остальные средства: абсолютное настоящее, пассивные конструкции, неличная семантика подлежащего, сложные синтаксические структуры, средства компрессии (в основном сокращения) — достаточно частотны; по их употребительности можно провести аналогию с музыковедческим текстом. Зато существенно отличается фон письменной литературной нормы, который в музыковедческом тексте предпочитает устаревшие варианты, тяготея к высокому стилю, а в искусствоведческом колеблется в довольно широких пределах — в зависимости от индивидуального стиля автора в него могут включаться модные слова, просторечия, жаргон. Широко варьируется также и синтаксис: от сложных синтаксических периодов до парцелляции. Средства формальной когезии часто отсутствуют, семантическая когезия присутствует почти всегда, но отмечаются также и случаи чисто ассоциативных переходов от одной микротемы к другой.

Переходя к средствам оформления эмоциональной информации, сразу отметим, что часть их уже названа, поскольку не нейтрален сам фон письменной литературной нормы языка, на котором выступают термины. К этому можно добавить эмоционально-оценочную лексику, эмоциональную инверсию и др.

Эстетическая информация представлена столь же большим диапазоном средств, что и в музыковедческом тексте. Но если в музыковедческом тексте обязательно присутствует весь перечисленный набор, то здесь в зависимости от пристрастий автора может быть особое внимание уделено развернутому сравнению или особенно часто встречается синтаксический параллелизм или какое-либо другое средство. Текст может также обладать особенностями синтаксиса, специфичными для индивидуального стиля данного автора (это может быть контраст простых и сложных предложений, наличие парцелляции, преобладание сочинительной связи или что-то другое).

Но все же эстетические характеристики авторского стиля не заслоняют собой ни компонентов когнитивной информации, ни преобладающей в таком тексте субъективно-оценочной тональности при обсуждении произведений искусства. Поэтому мы и причисляем искусствоведческий текст к примарно-когнитивным текстам (или к пограничному типу, как и музыковедческий текст).

Мера переводимости искусствоведческого текста позволяет отнести его к I или II группе, поскольку компоненты, не поддающиеся передаче, здесь встречаются редко, а средства оформления авторского стиля не настолько насыщены, чтобы одно из них каким-то образом помешало передать другое.

Философский текст. К этому типу мы причисляем статьи и монографии, посвященные изложению какой-либо философской системы. Традиционно философский текст относят к наиболее сложным типам текста для письменного перевода, считают своего рода камнем преткновения для переводчиков. Попробуем разобраться, как сдвинуть с места этот «камень».

При анализе философского текста выявляются черты, которые мы обнаруживали в научном тексте, а с другой стороны — и некоторые характерные особенности, знакомые нам по искусствоведческому тексту. Связано это, очевидно, с тем, что его содержание представляет собой авторскую (индивидуальную) версию предельно обобщенного описания устройства мира, но подана и оформлена эта версия как объективная. Коммуникативное задание текста, таким образом, заключается в том, чтобы представить читателю авторскую картину мира, убедив его в объективности этой картины логическим путем, средствами научного описания.

Источником философского текста является конкретный автор, выступающий одновременно и как индивидуальность, и как последователь опыта, накопленного его предшественниками и единомышленниками. Реципиентом может быть любой взрослый читатель, но

чем выше его компетентность в области философии, тем легче и полнее он воспримет заложенную в тексте информацию.

Когнитивное ядро текста составляют общепринятые философские термины. Они выступают на фоне лексики общенаучного описания. Объективность изложения обеспечивается средствами, особенности и способы передачи которых нам хорошо знакомы по научному тексту (см. раздел «Общие замечания» данной главы): неличная семантика подлежащего, глагольные формы абсолютного настоящего, пассивные конструкции, безличные и неопределенно-личные предложения. Высокому уровню абстрактности, обобщенности соответствуют номинативность и обилие сложных слов. Все изложение подчинено логическому принципу, его реализации служат распространенные предложения, причастные обороты, разнообразие типов логической связи между элементарными предложениями, предельная экспликация когезии (формальной и семантической). Стиль изложения не выходит за рамки строгой нейтральной письменной нормы литературного языка. Эмоциональная информация блокирована. Эстетическая информация, за редкими исключениями (такими, как изложение философской системы в стихах), отсутствует.

Тем не менее в философском тексте присутствует авторское начало, и не только на содержательном, но и на формальном уровне. Оно выражается прежде всего в авторской терминологической системе. В любом философском тексте можно вычленить термины, используемые только данным автором, причем значение их не всегда вводится, и переводчику приходится выводить его, опираясь на контекст и на другие элементы этой терминологической системы. Особая сложность заключается в том, что наряду с терминами-неологизмами, придуманными автором, в систему входят переосмысленные общепринятые философские термины, которым в контексте данного философского построения придается новое значение. К чертам, отражающим авторское начало, относится и степень сложности синтаксиса (правда, совсем простым синтаксис философского текста не бывает никогда).

Таким образом, отличительной чертой терминологической системы философского текста является ее трехслойность: 1) общепринятые философские термины — передаются однозначными эквивалентами; 2) термины общенаучного описания — передаются вариантными соответствиями с равноправной вариативностью; 3) термины, образующие авторскую систему терминов — передаются неологизмами, вариантными соответствиями или лексическими заменами с учетом всей авторской терминологической системы, для исследования которой необходимо изучить содержание, а также собрать фоновую информацию (почитать другие философские произведения этого автора, литературу о нем и т. п.).

Описанная специфика позволяет отнести философский текст к разряду примарно-когнитивных текстов, обладающих в принципе высокой мерой переводимости. Ограничена она может быть лишь степенью субъективности терминологии.

Документы физических и юридических лиц. Мы сталкиваемся в жизни с самыми разными документами физических и юридических лиц, но все они обладают сходством текстовых признаков, и, соответственно, требуют при переводе практически одинакового подхода, что и позволило объединить их в одну рубрику. Не представляется возможным перечислить все разновидности документов, назовем некоторые из них, которые наиболее часто требуют перевода. Документы физических лиц: паспорт, водительские права, свидетельство о рождении, трудовая книжка, пенсионное удостоверение, аттестат зрелости, зачетная книжка, диплом об окончании учебного заведения, документы, удостоверяющие ученую степень и ученое звание, доверенность на какие-либо права, награжденные документы и многие другие. Документы юридических лиц: уставы и договора (поставки, оказания услуг, купли-продажи, аренды и пр., к последним можно добавить и договора между юридическими и физическими лицами).

Все документы, обладающие юридической силой, имеют клишированную форму, и *когнитивная информация*, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям. И источник, и реципиент этих текстов — фактически административные органы, которым документы нужны для подтверждения прав и полномочий соответствующих лиц.

Вторым видом информации, которая может присутствовать в текстах документов, является *оперативная информация*. Она встречается в документах юридических лиц (уставы и договора), и средства ее оформления совпадают с соответствующими языковыми средствами в законодательных текстах: это глаголы, глагольные конструкции и модальные слова с предписывающей семантикой («имеет право», «обязаны соблюдать»).

Эмоциональная информация в текстах документов отсутствует. Языковые средства, оформляющие эти тексты, относятся к канцелярской разновидности письменной литературной нормы. Ведущие черты канцелярского стиля — это обилие канцелярских клише; некоторая архаичность (консервативность) лексики; сложный, громоздкий синтаксис, который, однако, как и в юридическом тексте, ориентирован на максимальную точность и однозначность формулировок; номинативность стиля; преобладание глагольных форм настоящего времени.

Коммуникативное задание таких текстов — сообщить реципиенту объективную достоверную информацию и (иногда) предписать некие действия. Поэтому документы можно причислить к примарно-когнитивным текстам с факультативным оперативным компонентом.

Тексты документов, как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе преобладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации. Следовательно, их мера переводимости, как правило, позволяет причислить их к I группе.

Объявления. Объявления разного рода в печатных СМИ и в общественных местах призваны предоставить гражданам интересующую их информацию (мы не рассматриваем в их числе запретительные и разрешительные надписи, а также лозунги и призывы). Вне зависимости от предмета сообщения (это может быть объявление о продаже квартиры, брачное объявление и т. п.), текст объявления ориентирован на коллективного реципиента, т. е. в принципе может быть воспринят любым носителем языка. Текст объявления анонимен, не содержит индивидуально-авторских особенностей, так что источник также может быть признан коллективным.

В тексте объявления абсолютно доминирует *когнитивная информация*, так что и его мы отнесем к примарно-когнитивным текстам. Среди специфических особенностей оформления этой информации следует назвать малый объем текста, упрощенный синтаксис, высокую степень компрессивности (при наличии большого числа контекстуальных сокращений), наличие конкретной лексики (т. е. пониженная степень абстрактности), отсутствие специальных терминов, использование глаголов в презенсе в значении настоящего времени, а не в значении атемпоральности. Остальные языковые средства: нейтральный фон литературной нормы, пассив и др. — уже встречались нам и в других текстах.

Мера переводимости такого текста, как правило, позволяет отнести его к I группе.

Газетно-журнальный информационный текст. В составе глобального текста газеты и журнала преобладают тексты, основная цель которых — сообщить новые сведения. Разновидностей таких текстов много: краткие информационные сообщения (заметки), тематические статьи, объявления разного рода, интервью. Другим распространенным видом газетно-журнального текста является эссе (аналитическая публицистика), где основную роль играют не сами сведения, а суждения о них и форма их подачи (речь об эссе пойдет ниже).

То обстоятельство, что перечисленные тексты являются частью глобального текста газеты или журнала, представляется нам важным для определения стратегии их перевода: ведь в этом глобальном тексте есть свой единый стиль, своя идеология, своя тематическая направленность. Этим глобально-текстовым признакам не подчинены в составе журнала (газеты) разве что рекламные вставки. Правда, в некоторых специальных журналах встречается реклама, прямо или косвенно связанная с глобальным текстом (например, реклама образовательных учреждений в журнале, посвященном иностранному языку; молодежная реклама в журнале для подростков).

При определении специфики газетно-журнального информационного текста прежде всего попытаемся выявить его источник. Формальное авторство такого текста часто указано. Вместе с тем мы привыкли к тому, что краткие информационные сообщения публикуются без указания конкретного автора. В чем же дело? Может быть, ав-

торство не важно? При проведении стилистического анализа разных информационных текстов выясняется, что тексты, написанные разными авторами, не имеют никаких черт индивидуального авторского стиля. Характерные черты стиля этих текстов подчиняются законам речевого жанра газетно-журнальной публицистики и создаются в рамках определенных конвенций. Автор (если он назван) представляет позицию редакции, которая может совпадать с позицией, например, какой-либо политической партии или же быть достаточно независимой.

Реципиенты газетно-журнального текста — широкие массы населения, хотя некоторые издания имеют более узкую возрастную, словесную или тематическую ориентацию. Широта читательской аудитории порождает необходимость доступности текста, и комплекс языковых средств, используемых в нем, за два с половиной века существования этого жанра выстроился таким образом, что в современном своем воплощении идеально выполняет свою задачу. Ведущим признаком газетно-журнального текста является *клишированность* средств языкового выражения, а основным средством ее создания — устойчивая (в рамках данного речевого жанра!) сочетаемость. При этом в термин «клише» мы не вкладываем никакого негативно-оценочного смысла. Имеется в виду именно промежуточный статус оборотов речи — между свободной сочетаемостью и фразеологической связанностью: «демографический взрыв», «мрачные прогнозы», «нельзя переоценить», «кризис доверия». Из таких еще не устойчивых в общезыковом смысле, но очень привычных читателю блоков, как из детского конструктора, складывается газетно-информационный текст. Такие клише организованы, как правило, по принципу метафоры, но их образность уже отчасти стерлась, она стала привычной, и каждый образ такого рода служит для читателя своеобразным сигналом, создающим общий фон повышенной эмоциональности восприятия, однако этот фон не выступает на первый план и не мешает воспринимать *когнитивную информацию*. Подавляющее большинство клише содержит простую оценочную коннотацию по шкале «хорошо»/«плохо», например: «безудержная гонка вооружений» (плохо); «мастер своего дела» (хорошо); и то, что читатель находит в тексте комбинацию заранее известных оценок, облегчает понимание суммарной оценки события, которую дает корреспондент.

О какой же оценке идет речь, если главная задача газетно-журнального текста — сообщить новые сведения? Дело в том, что эти сведения лишь на первый взгляд могут показаться объективно поданными, в реальности же они подаются под определенным углом зрения, читателю навязывается определенная позиция. Не случайно же газеты и журналы часто использовались как мощное средство идеологического давления. В любом информационном сообщении, даже спортивном, можно уловить, на чьей стороне автор. В газетно-журнальном тексте, безусловно, содержится совершенно объектив

ная когнитивная информация. Выражена она независимыми от контекста языковыми средствами: это цифровые данные, имена собственные, названия фирм, организаций и учреждений. Однако их выбор (упоминание одних данных и неупоминание других), их место в тексте, порядок их следования (например, порядок следования имен политических деятелей) уже обнаруживают определенную позицию.

Не все средства эмоционального воздействия, несущие эмоциональную информацию, лежат в этом тексте на поверхности. Несомненно, встречаются здесь и слова с оценочной семантикой («чудовищное преступление»), и синтаксические структуры, актуализирующие оценку. Но часто прямая оценка отсутствует. В газетно-журнальном тексте довольно отчетливо выступает основной стилистический фон — фон письменной литературной нормы языка с некоторыми чертами устного ее варианта. Традиционно доля разговорной лексики и устных синтаксических структур в массовой периодике в разных странах (а значит, и на разных языках) различна. Более академичны и близки к письменной литературной норме немецкий и русский газетно-журнальные стили, значительно более свободны английский и особенно американский.

Специфику газетно-журнального варианта письменной литературной нормы, помимо некоторых отступлений в сторону устного варианта, составляют прежде всего уже упомянутые клише и фразеологизмы. Их перевод — особая проблема, ведь передача их пословно, как правило, невозможна, поскольку они представляют собой единый образ, а значит, их следует рассматривать как единое семантическое целое — и замена их словами в прямом значении также нежелательна: исчезнет атмосфера привычных читателю образов и заранее заданных оценок, и читатель может потерять к тексту всякий интерес. Таким образом, часть коммуникативного задания — навязывание определенной позиции — не будет выполнена. Как же передавать клише и фразеологизмы? Техника передачи «настоящих» фразеологизмов — идиом, пословиц и поговорок — давно разработана. Переводчик рассматривает их как семантическое единство и пытается отыскать в языке перевода аналогичный фразеологизм, желательно — с той же степенью семантической связанности — в языке перевода. Это означает, что, предположим, идиоме, где образность затемнена («бить баклуши») он пытается подобрать в переводе эквивалент тоже с затемненной формой. Если такого эквивалента в языке перевода не существует, он идет на то, чтобы понизить степень семантической спаянности, и заменяет идиому на фразеологическое единство, где образность сохраняется (если представить себе, что идиома «бить баклуши» в языке перевода отсутствует, то ее семантику мы сможем передать фразеологическим единством «маяться дурью»). Но при переводе фразеологизмов в современном газетно-журнальном тексте от переводчика требуется предельное внимание, потому что существует такой феномен, как деформация и контаминация фразео-

логии. Самый простой вариант деформации — неполнота состава «С кем поведешься...» — так называется одна из статей на политическую тему; подразумевается пословица «С кем поведешься, оттого и наберешься». В таком случае при переводе, после того как эквивалент найден, переводчику необходимо воспроизвести принцип не полноты, т. е., проще говоря, оборвать пословицу в тексте перевода, но так, чтобы сохранилась семантика подлинника. Контаминация, т. е. переплетение двух фразеологизмов, вроде: «Не плюй в колодец, вылетит — не поймашь» (контаминация двух пословиц: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться» и «Слово не воробей, вылетит — не поймашь») требует от переводчика опять-таки воспроизведения приема: когда эквиваленты найдены, их придется переплести. Это всего лишь два примера, на деле вариантов изменения состава фразеологизмов значительно больше, и задача переводчика — заметить изменение и постараться отразить его в переводе.

Значительно сложнее обстоит дело с передачей клише, поскольку многие из них не зафиксированы в словаре. Именно словосочетания с клишированной сочетаемостью А. Фалалеев (Монтерей) предлагает ввести в активный запас устного переводчика. Примерно то же самое приходится посоветовать переводчику письменного текста. В данном случае нет необходимости заучивать эти обороты на слух, но надо натренировать себя на то, чтобы легко опознавать их в тексте оригинала и представлять себе, что именно в данном контексте обычно используют в языке перевода. Без этого опыта хорошего владения текстовой спецификой в равной мере как на языке оригинала, так и на языке перевода никогда не догадаться, что русское «закулисные сделки» и немецкое «Kuhhandel» (буквально «торговля коровами») — это одно и то же.

Еще более замысловатую проблему представляет высокая аллюзивность газетно-журнального текста. Выражается она в том, что журналисты используют в качестве тех готовых «кирпичиков», о которых говорилось выше, скрытое или явное цитирование хорошо знакомых всем читателям фрагментов текста из известных кинофильмов, мультфильмов, популярных песен, звуковой и письменной рекламы — короче говоря, опираются на широкий вербальный контекст всех источников массовой информации. Вывод один — переводчик обязан стремиться как можно лучше знать этот контекст. Тогда хотя бы часть скрытых цитат он расшифрует и постарается воспроизвести или прокомментировать их в переводе. Здесь, однако, мы сталкиваемся со сложной ситуацией, о которой много спорят теоретики и практики: а надо ли передавать эту аллюзивность, если читатель перевода все равно не владеет широким контекстом СМИ? По нашему убеждению, расшифрованная переводчиком глубина содержания текста, его аллюзивный подтекст имеет право быть переданным, более того, у переводчика как раз нет права лишать читателя этой глубины, но прямой цитаты, предположим, из сериала будет, пожалуй, недо-

статочно. Восполнить недостающий контекст поможет внутренний комментарий в переводе, что-нибудь вроде: «Чем дольше зреет, тем слаще будет, как гласит одна популярная в Германии реклама срочных банковских вкладов», где скрытой цитатой является текст рекламы «Die besten Fruchte reifen am langsten» (буквально: «Лучшие плоды созревают дольше всех»). Впрочем, как уже отмечалось, это вопрос спорный. Не исключено, что переводчик изберет более академический вариант комментирования — сноски. Так или иначе, приведенные примеры переводческих проблем, связанных с таким текстом, свидетельствуют о том, что в сложных случаях (в особенности, если текст отличается повышенной аллюзивностью) мера его переводимости колеблется между II и III группами.

Помимо фразеологизмов, клише и скрытых цитат, эмоциональная информация в газетно-журнальном тексте передается с помощью широкой палитры синтаксических средств. Во-первых, это длина и сложность предложения. Короткие фразы позволяют резко увеличить динамику повествования, а контраст коротких простых и длинных сложных предложений позволяет выделить необходимое. Как правило, выделяется таким образом оценка, заключенная в короткой фразе. Во-вторых, это инверсия, позволяющая выделить в предложении главное. Изредка для усиления эмоциональности используется также парцелляция, т. е. отделение части предложения и оформление его как отдельного.

Особую роль в газетно-информационном тексте играют так называемые *модные слова*. Это могут быть слова иностранного происхождения, только входящие в язык (такие, как в современном русском языке «маргинальный», «офис» и др.), или старые слова, но неожиданно расширившие диапазон сочетаемости (как в русском слово «стилистика»: «стилистика мебели», «стилистика автомобиля» и т. д.). В любом случае это слова, частотность употребления которых сегодня высока. Модные слова повышают доверие читателя к тексту (этим же средством активно пользуется реклама), подчеркивают актуальность информации. Однако если они не имеют международной популярности, то при переводе на другой язык не будут производить впечатления модных. Что же делать переводчику? Как передать это функционально важное средство? Пожалуй, здесь мыслима только лексическая компенсация, введение в текст перевода модных слов языка перевода, точнее, замена при переводе нейтральных с точки зрения «модности» слов на модные, перенесение функционального параметра модности на другую лексику.

Вернемся к примеру на контаминацию двух пословиц: «Не плюй в колодец, вылетит — не поймашь». Здесь проявилась еще одна значимая черта газетно-журнального текста — наличие иронии, которая помогает расставить акценты в выражении автором оценки. Ирония — скрытый комизм, который строится, как известно, на сопоставлении несопоставимого (семантически, стилистически и т. п.).

В газетно-журнальном тексте она часто базируется, например, на использовании лексики высокого стиля в нейтральном или близком к разговорному контексте. Так или иначе, переводчику придется для передачи этого средства попытаться воспроизвести принцип контраста, т. е. найти среди вариантных соответствий такие, которые контрастируют по тому же принципу.

Итак, учитывая коммуникативное задание газетно-журнального информационного текста — сообщить новые сведения, навязав им определенную оценку, — мы можем сделать вывод, что он занимает промежуточное положение между примарно-когнитивными и примарно-эмоциональными текстами.

Законодательный текст. Законодательный текст имеет черты сходства как с научным текстом, так и с текстом инструкции, поскольку несет и познавательные, и предписывающие функции. Такое коммуникативное задание имеют законы, включая Основной закон (Конституцию), а также все подзаконные акты. Они регулируют отношения людей в человеческом обществе в рамках одной страны. К этому же типу текстов относятся конвенции международного права.

Источником юридических текстов являются профессионалы-юристы, которые порождают эти тексты в соответствии с устройством общества. Но какими бы ни были законы по содержанию, по своим типологическим признакам они, как тексты, достаточно однородны. Комплекс средств, который для них характерен, обеспечивает полноценную передачу информации реципиенту. А реципиентом в данном случае является любой взрослый гражданин страны, ведь для него закон — это руководство к действию. Однако гражданину страны для понимания (толкования) любого закона, за исключением, может быть, Конституции, требуется помощь специалиста.

Рассмотрим значимые для перевода особенности законодательного текста, опираясь на виды информации, которые в нем содержатся.

Когнитивную информацию несут в первую очередь юридические термины. Они обладают всеми характерными признаками терминов (однозначность, отсутствие эмоциональной окраски, независимость от контекста), но некоторая доля их (например, в русском: «реферendum», «частная собственность», «потерпевший», «правонарушение» и др.) известна не только специалистам-юристам, но и всякому носителю языка, так как область применения их выходит за рамки законодательного текста.

Объективность подачи информации обеспечивается далее преобладанием абсолютного настоящего времени глагола и пассивными конструкциями, а ее всеобщий характер — преобладающей семантикой подлежащего, где наряду с существительными юридической тематики чрезвычайно распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой («каждый», «никто», «все граждане»). Предписывающий характер информации передается с по-

мощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности («не могут», «должен осуществляться» и т. п.). Юридические термины выступают на общем фоне письменной нейтральной литературной нормы языка в ее канцелярской разновидности.

Синтаксис законодательного текста отличается полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Частотны логические структуры со значением условия и причины, причем эти значения эксплицированы специальными языковыми средствами («в случае, если», «по причине» и т. п.). Необходимость полно и однозначно выразить каждое положение, избегая двусмысленных толкований, приводит к обилию однородных членов предложения и однородных придаточных.

Компрессивность законодательному тексту не свойственна. Для него не характерны сокращения, скобки, цифровые обозначения. Числительные, как правило, передаются словами. Не используются также указательные и личные местоимения и другие средства вторичной номинации, которые в научном тексте выполняют функцию средств формальной регрессивной когезии и увеличивают плотность информации. Преобладает тавтологическая когезия, т. е. повторение в каждой следующей фразе одного и того же существительного.

Некоторые юридические термины имеют архаичную окраску, и их использование в тексте создает колорит высокого стиля («отрешение от должности», «жилище неприкосновенно» и пр.). Этот эмоциональный оттенок законодательного текста связан с его высоким статусом в обществе и отражает отношение к нему людей. Благодаря лексике высокого стиля эта *эмоциональная информация* передается реципиенту. Особенно отчетливо возвышенная окраска ощущается в преамбуле Основного закона (ср. преамбулы Американской Декларации Независимости, Основного закона Германии, Конституции Российской Федерации и др.), где высокий стиль передается также с помощью синтаксических и графических средств (расположение текста на странице).

Итак, при наличии в законодательном тексте 3 видов информации: когнитивной, оперативной и отчасти эмоциональной, безусловно доминирующей является *оперативная информация*. Соответственно текст относится к разряду примарно-оперативных, а по степени переводимости может быть причислен к I группе.

Религиозный текст. Введение отдельной рубрики «Религиозный текст» призвано преодолеть некоторую традиционную субъективность, которая существует при рассмотрении текстов такого рода в ряде исследований (позицию К. Райе в этой связи мы уже упоминали в данной главе). Зачастую принято рассматривать Библию как особый тип текста, а ее перевод — как особую разновидность перевода. Вместе с тем в многовековой текстовой культуре существует ряд текстов, предназначение которых аналогично предназначению

текста Библии, и, очевидно, именно с этим связана специфика перевода таких текстов. Поэтому под наименованием «религиозные тексты» мы будем объединять все священные письменные тексты, такие, как Библия, Коран, Талмуд и др., почитаемые в существующих ныне религиях и не утратившие в связи с этим своей коммуникативной актуальности.

Все эти тексты возникли в незапамятные времена. Все они не раз переводились на другие языки, и новые переводческие версии возникают все вновь и вновь. Но все они действительно отмечены, как правило, печатью особого подхода к тексту.

Для выявления причин такого подхода воспользуемся нашей обычной схемой описания типов текста. Итак, начнем с коммуникативно-го задания. Его можно сформулировать как передачу с помощью такого текста особых религиозных ощущений и представлений, весьма субъективных, поскольку объективными они кажутся только представителям данной веры, а также передача основанного на них поучения. Следовательно, такой текст несет в себе *эмоциональную и оперативную информацию*. Мы находим в религиозном тексте некоторые из знакомых нам по другим текстам языковых средств оформления этих видов информации: формы повелительного наклонения глагола, особые оперативные формулы («сказал пророк...»); эпитеты, повторы, синтаксический параллелизм и др.

Когнитивной же информации в научном смысле слова в таких текстах, казалось бы, нет, поскольку приводимые в религиозных текстах сведения с научной точки зрения не вполне достоверны. Однако все примеры перевода религиозных текстов показывают, что переводчики неизменно предпочитают так называемый «внеконтекстуальный» перевод, или, проще говоря, перевод слово за слово, пословный перевод. И это связано, по-видимому, не только с древними традициями и с теорией иконической природы словесного знака (см. главу «История перевода»), ведь переводчики и сейчас, в наши дни, при переводе религиозного текста выбирают путь пословного перевода. Дело, наверное, в особом статусе таких текстов, каждое слово которых воспринимается верующим как абсолютная истина, как *когнитивная информация*. Поэтому их и стараются передать так, как обычно передают термины, т. е. с помощью однозначных эквивалентов. Именно поэтому религиозные тексты обладают высокой степенью переводимости, и мы отнесем их к I группе.

Но, по сути дела, реципиент-верующий, на которого ориентирован религиозный текст, воспринимает информацию как абсолютную истину благодаря особым возвышенным чувствам, которые пробуждает в нем этот текст, т. е. через свои эмоции; поэтому мы можем считать, что текст несет прежде всего *эмоциональную информацию*. Немаловажную роль играет и поучение, извлекаемое из текста реципиентом, действенность которого усиливается эмоциональной информацией. Следовательно, религиозный текст может быть отнесен

к разряду примарно-эмоциональных текстов с отчетливыми оперативными компонентами.

Проповедь. Не так уж часто переводчику приходится переводить проповедь — текст, представляющий собой обращение священника к пастве (мы будем опираться в данном случае на материал христианских проповедей) и давно существующий как в устном, так и в письменном оформлении. Но текст этот настолько специфичен, что никакой опыт перевода прочих текстов не поможет переводчику, если вдруг такая задача будет перед ним поставлена. Расширение миссионерства делает эту задачу в наши дни вполне актуальной.

Главной задачей такого текста является наставление, поучение, которое строится на двух когнитивных пунктах, объединяющих источник (а это священник, выступающий от имени своей церкви) и реципиента (верующие). Это, во-первых, объективные сведения об окружающем мире и типичные бытовые ситуации. Сюда входят известные реципиенту и новые для него события в области политики, культуры и т. п., а также хорошо знакомые или новые случаи из повседневной жизни разных людей, которые священник использует как основу для своего поучения. Во-вторых, это текст Священного Писания, который верующим хорошо известен. Итак, коммуникативное задание складывается из эмоционально окрашенного сообщения или напоминания этих сведений и сообщения на этой основе убедительного поучения.

Средства реализации коммуникативного задания применяются в достаточно строгих рамках проповеднического канона, который мы можем приравнять к речевому жанру. Во всех современных европейских языках, которыми пользуется христианство, одной из основных стилистических примет этого канона является использование строгой письменной литературной нормы в разнovidности, близкой к высокому стилю. Этот возвышенный тон вполне соответствует возвышенному религиозному чувству, которое испытывает верующий к ритуалу своей веры, а проповедь является одним из его компонентов (вспомните аналогичные причины, вызвавшие к жизни черты высокого стиля в законодательном тексте). Следует отметить, что в русской традиции оформления проповеди особенно много архаичных черт, поэтому при переводе архаичную стилизацию подлинника приходится усиливать. При этом переводчику необходимо ознакомиться с текстами других аналогичных проповедей и на языке оригинала, и на языке перевода.

Второй важной особенностью проповеди является обязательное использование цитат или скрытых цитат из Священного Писания. Их переводят, извлекая готовые фрагменты текста из имеющегося на языке перевода канонического текста Библии. Стиль самой Библии, содержащий большое количество архаизмов, подчеркивает общий возвышенный тон проповеди. И становится понятно, почему переводчику при переводе проповеди лучше избегать модернизмов,

т. е. сугубо современных слов, — из-за опасности возникновения комического контраста между очень современным и очень старинным словом.

Эмоциональное воздействие проповеди строится не только на использовании высокого стиля, но и на некоторых риторических синтаксических средствах, таких, как риторические вопросы, восклицания, риторический период. Но передача этих особенностей эквивалентным и средствами обычно трудностей при переводе не вызывает. Доминантами перевода текста проповеди являются лексические и синтаксические средства верхней границы письменной литературной нормы, близкой к высокому стилю, — они передаются с помощью вариантных соответствий и трансформаций. Библейские имена и топонимы передаются не транскрипцией, а традиционным эквивалентным соответствием. Цитаты из Библии воспроизводятся по каноническому тексту.

Таким образом, в зависимости от разнообразия языковых средств, оформляющих информационный комплекс текста проповеди, мера его переводимости может быть различной. Особенно следует отметить случаи устного перевода проповедей, где потери могут быть достаточно велики.

Инструкция. Инструкция существует уже много веков и претерпела долгий путь развития, специализации, а также интерференции с другими речевыми жанрами. В современном арсенале инструкций есть пограничные варианты, вбирающие некоторые черты других типов текста. Чтобы описать характерные признаки инструкций, не будем привлекать все подвиды, а воспользуемся удобной упрощенной классификацией:

1. Потребительская инструкция к товарам (инструкция к телевизору, к велосипеду, к детскому питанию и мн. др.).
2. Аннотация к медикаментам.
3. Ведомственная инструкция (правила заполнения документов и правила поведения клиентов: таможенная декларация, пожарная инструкция и др.).
4. Должностная инструкция (правила поведения работника в данной должности).

Основное предназначение инструкции: сообщить значимые объективные сведения и предписать связанные с ними необходимые действия, регламентировать действия человека. Значит, коммуникативное задание, которое несет текст инструкции, — сообщение сведения и предписание действий. В связи с этим заданием выработалась оптимальная система языковых средств, оформляющих текст инструкции, и, чтобы в них разобраться, привлечем обычные пункты нашей схемы анализа.

Начнем с реципиента. Для кого предназначен текст инструкции? Как и огромное количество порожденных человеком текстов, он предназначен для любого взрослого гражданина страны. Любой человек

может стать потребителем товара, пациентом, клиентом какого-либо ведомства или работником в определенной области. Следовательно, язык инструкции должен быть понятен любому, и специальной подготовки, особой (скажем, профессиональной) компетентности не требуется. И действительно, в инструкции не встречается сугубо специальных терминов, известных только профессионалам. Некоторое исключение составляет, пожалуй, аннотация к медикаментам, при чтении которой больному иногда не обойтись без словаря, но ведь она и предназначена-то одновременно и для врача (профессионала!), и для пациента.

Текст инструкции никогда не имеет подписи автора — зато всегда указана фирма — изготовитель товара, министерство или ведомство. Эти инстанции и являются фактическим источником инструкции, но порождают они ее по строгим правилам речевого жанра, регламентированным иногда даже специальными правовыми документами. В стройной системе: законы — подзаконные акты — инструкции последняя ступенька налаживает самый прямой и конкретный контакт с гражданами, и языковые средства, доступные каждому гражданину, его надежно обеспечивают.

В информационном составе инструкции *когнитивная информация* занимает важное место. Это все сведения о том, как функционирует прибор, из чего состоит продукт, для чего служит лекарство, чем занимается фирма и т. д. Здесь встречаются соответствующие термины из различных областей знаний (технические, медицинские, экономические), а также специальная лексика из разных сфер деятельности (почтовая, таможенная, спортивная и др.). Однако ведущую роль в тексте инструкции играет все же предписывающая, оперативная информация: она не вызывает эмоций, ее просто нужно принять к сведению. Этому соответствуют языковые средства: в текстах инструкций много императивных структур, отражающих разную степень императивности (от «Настоятельно советуем..!» до «Не прикасаться!»); при этом частотность определенных средств императивности зависит от традиций жанра инструкций в каждой стране (например, немецкие инструкции выражают императивность в целом более интенсивно, чем русские). Эмоциональность косвенно передается структурой императива; эмоционально окрашенная лексика в инструкциях не встречается, синтаксическая эмфаза — тоже. По сути дела, инструкции дают человеку четкие распоряжения и предписания, действуя не на его эмоции, а на его рассудок. Этот очень важный момент ставит переводчика в весьма ограниченные рамки при поиске средств перевода.

Вдобавок инструкции как тексты, имеющие юридическую силу, пользуются некоторыми средствами юридического специального текста: в первую очередь — юридическими терминами, устойчивыми оборотами речи, принятыми в юриспруденции, особыми синтаксическими структурами. Их особенно много в тех разделах инструк-

ций, которые действуют как юридический документ (например, в разделе «Гарантия» потребительской инструкции).

Средства увеличения плотности информации в инструкции представлены неравномерно. В разделах, связанных с использованием специальной терминологии (например, в техническом описании прибора), могут использоваться терминологические сокращения — прежде всего это обозначения единиц-мер (скорость, теплопроводность, напряжение и т. п.). В целом же в тексте инструкции встречаются лишь общеязыковые лексические сокращения («и т. д.», «и др.»); синтаксических средств компрессии не отмечается. Это, по-видимому, связано с тем, что основная задача инструкции — донести фактическую и предписывающую информацию до реципиента полно и недвусмысленно.

Как и в других текстах, где доминирует когнитивная или оперативная информация, в инструкции фоном, на котором выступают термины и специальная тематическая лексика, является письменная литературная норма, причем применяется ее консервативный вариант, с целым рядом устаревших оборотов речи. Вариант этот часто называют канцелярским стилем. Канцелярский стиль традиционно используется в инструкциях, деловых и юридических документах, поэтому столкновение с ним сразу настраивает читателя на серьезный лад, на необходимость воспринимать содержание как руководство к действию. Так что здесь он играет свою важную положительную знаковую роль и должен быть воспроизведен в переводе.

При сугубой конкретности содержания инструкции свойственны некоторые черты, свидетельствующие об обобщенности содержания. Так, в них отмечается повышенная номинативность (русский пример: из двух вариантов — «если есть» и «при наличии» инструкция обязательно выберет второй).

А есть ли в инструкции эмоциональная информация? В последнее время в тексты инструкций все шире стали внедряться рекламные и просветительские компоненты содержания, расширяя тем самым коммуникативное задание инструкции. Типичным примером такой интеграции может служить практически любой текст аннотации к медикаментам. Здесь вы обязательно найдете описание выгодных сторон данного препарата с элементами гиперболизированной положительной оценки, которая всегда свойственна рекламе. В особом разделе аннотации или даже в виде приложенной к ней отдельной книжечки простым, а иногда и образным языком излагаются сведения о работе того органа, нормальная функция которого у пациента нарушена; при этом появляется лексика с эмоционально-оценочной окраской, клишированные образы, т. е. характерные признаки публицистики. В потребительских инструкциях стал появляться раздел, посвященный экологичности товара, и в этом разделе можно наблюдать как признаки рекламы, так и признаки публицистики. Однако в основном тексте инструкции средства выражения эмоциональной информации отсутствуют.

Мера переводимости текста инструкции довольно высока (I группа), и случаи расширения текста крайне редки.

По составу информации все тексты инструкций можно отнести к примарно-оперативным.

Рецепты (кулинарные и др.). Рецепты (кулинарные: в поваренных книгах и на упаковке пищевых продуктов и др.) довольно редко выступают в качестве объекта перевода, однако они представляют собой яркий образец примарно-оперативного текста, поэтому их краткая характеристика представляется весьма полезной. Рецепты настолько близки к инструкциям, что по большинству параметров могут рассматриваться как одна из их разновидностей.

Коммуникативным заданием текстов рецептов является предписание определенных действий. *Оперативная информация* здесь абсолютно доминирует и представлена, как и в инструкции, прежде всего формами повелительного наклонения глагола и лексикой с семантикой необходимости или возможности. Эмоциональная информация в текстах рецептов отсутствует. Когнитивная информация представлена в основном существительными конкретной семантики; специальные термины отсутствуют.

Рецепт, как и инструкция, в принципе ориентирован на любого носителя языка, т. е. на некомпетентного реципиента, и его конвенциональные признаки — прежде всего фон письменной литературной нормы — нацелены именно на такого читателя. Источником рецепта может быть признан фактический автор текста как представитель специалистов в данной области (групповой реципиент).

Мера переводимости определяется наличием в рецепте экзотизмов и других компонентов непереводимости: в этих случаях возможно расширение текста (II группа).

Траурное объявление и некролог. Траурный письменный текст имеет две разновидности — это опубликованный в печатных СМИ некролог и краткое объявление в СМИ о смерти и дате похорон. Этот текст обладает целым рядом уникальных характерных черт, которые побуждают особым образом подходить к нему при переводе.

На первый взгляд, коммуникативное задание траурного текста — информировать нас о факте смерти человека, описать его жизненный путь и дать ему оценку. Но если ограничиться такой формулировкой предназначения траурного текста, то он оказывается чрезвычайно похож на статью из энциклопедии, посвященную персоналии. На самом деле траурный текст выполняет еще одну важную функцию — служит неотъемлемой частью давно сложившегося траурного ритуала. И это обстоятельство существенно меняет те языковые средства, которые используются в некрологе. Некролог — ритуальный речевой жанр, а всякий древний ритуал имеет свой мистический смысл и религиозные корни. Почитание умерших и священный трепет перед ними, по-разному преломившийся в разных религиях, запрещают говорить плохо об умерших. Кроме того, попытка идеа-

лизировать умершего — естественная психологическая реакция на его смерть. В результате возникает особое эмоциональное состояние, отраженное в тексте некролога. Оно накладывает отпечаток на большую часть когнитивной информации и ослабляет объективность ее подачи.

Безусловно объективны и передаются однозначными соответствиями личные и географические имена, даты, названия организаций, которые встречаются в тексте некролога. В целом же он — один из немногих в современном обиходе текстов, где широко используются разнообразные средства высокого стиля: высокая лексика и тропы высокого стиля («скончался», «непреклонный», «тернистый путь», «во цвете лет», «служил делу»), инверсии высокого стиля («честно и беззаветно боролся он...»). Широко распространена гипербола положительной оценки, которая передается с помощью усилителей разного рода («никогда», «необычайно» и пр.), а также прилагательных, наречий и существительных с семантикой высокой положительной оценки («несравненный», «мастерски», «корифей»). Выступает вся названная лексика на фоне письменной литературной нормы. Таким образом средства передачи когнитивной и эмоциональной информации оказываются в сложном переплетении.

Приведенная характеристика показывает, что траурный текст входит в число примарно-эмоциональных текстов. Несмотря на разнообразность языковых средств, все они в основном находят эквивалентные соответствия при переводе (I-II группа переводимости).

Мемуары. Мемуары — особый письменный повествовательный жанр (по объему это может быть небольшой очерк или целый том воспоминаний), тесно связанный своими корнями с научной историографией, но к научному типу текста его отнести нельзя, поскольку, во-первых, автор мемуаров не обладает компетентностью специалиста в области истории и, во-вторых, неизменным участником описываемых событий является он сам. Никакой человек не в состоянии, описывая самого себя, быть абсолютно объективным, но формально мемуарист на это претендует. Создается сложное сплетенное черт, отражающих объективные и субъективные признаки подачи информации.

Коммуникативное задание такого текста мы, собственно говоря, уже сформулировали: сообщить сведения о прошлом в трактовке автора повествования. Источником текста в данном случае является автор, но для обеспечения достоверности он может привлекать документальные материалы из газет, архивов и т. д. и цитировать их в своих мемуарах. Тогда перевод этих фрагментов осуществляется в соответствии с тем типом текста, который цитируется. Реципиентом мемуаров может быть любой взрослый читатель, хотя в зависимости от его жизненного опыта и возраста восприятие фактов может быть более или менее адекватным — не случайно читателями мемуаров часто бывают пожилые люди, которые могли быть современниками

или даже очевидцами описываемых событий, и у них есть возможность сравнить содержание мемуаров с собственными впечатлениями и выстроить в сознании более многослойный ассоциативный ряд. Переводчику такого текста придется восполнять недостающие в его личном опыте сведения сбором обширной фоновой информации: чтением исторических трудов и архивных материалов, беседами с очевидцами, знакомством с периодикой прошлых лет, изучением музейных экспонатов — предметов материальной культуры прошлого, иногда и совсем недавнего.

Задача сообщить исторические сведения заставляет автора располагать их в хронологической последовательности, которая иногда нарушается экскурсами в прошлое и будущее, но в целом по логической структуре напоминает научный текст. Когнитивная основа информационного потока обеспечивается языковыми средствами, знакомыми нам по другим текстам, но в их использовании и частотности употребления отмечаются особенности: 1. Даты и другие числовые данные, личные и географические имена, названия организаций отражают объективную реальность и передаются в переводе однозначными эквивалентными соответствиями. Но поскольку темой мемуаров всегда является прошлое, среди этих языковых единиц часто встречаются устаревшие, и переводчику приходится выбирать устаревшее однозначное соответствие, поскольку языковые средства создания исторического колорита — одна из доминант перевода, и модернизация недопустима (так, «Кенигсберг» нельзя в переводе заменить на «Калининград»). 2. Многочисленные реалии быта и общественной жизни, реалии-меры и реалии-деньги также вполне объективны; среди них тоже бывает много реалий-историзмов. И те и другие передаются с помощью однозначных соответствий, но модернизация недопустима (замена немецкой «рейхсмарки» времен фашизма на просто «марку» будет очевидным искажением; точно так же в мемуарах, повествующих о начале века, немецкое название цветка «Dalie» будет переводиться как «далия», а не как «георгина»). Реалии-экзотизмы передаются либо с помощью транскрипции, либо с помощью традиционного соответствия (и надо обязательно проверить, нет ли такого соответствия). 3. Основным ориентиром в стиле мемуарного повествования безусловно служит письменная литературная норма языка; это сказывается и на выборе лексики, и на характере синтаксических структур. Но и лексика, и синтаксис текста могут оказаться несколько устаревшими. Это происходит по вполне объективной причине: автор, пишущий мемуары на склоне лет, может оказаться носителем устаревшей литературной нормы. Кроме того, к отклонениям от нормы приводит субъективное начало.

Обратимся к этим «отклонениям». Они отражают ту эмоциональную информацию, которую несет мемуарный текст. Об эстетической информации в тексте мемуаров вряд ли можно говорить всерьез, мемуары пишутся не для того, чтобы «поиграть словом», но автор-

ские эпитеты и метафоры все же порой встречаются, и их индивидуально-авторский характер в таком случае должен быть передан. В целом же мы наблюдаем отклонения следующего рода: 1) в сторону высокого стиля — патетический оттенок повествования характерен для мемуаров; при этом используется высокая архаичная лексика, риторические вопросы и восклицания, эмфатический порядок слов; 2) в сторону устной речи — просторечная и грубо-просторечная лексика, жаргоны, диалектизмы, эллипсис (неполные предложения); в частности, эти средства широко используются при передаче прямой речи упоминаемых лиц; 3) средства оформления оценки — эмоционально-оценочная лексика, инверсии с актуализацией оценки, назывные оценочные предложения (свойственные тому оттенку внутренней речи, который присущ мемуарному тексту: «И пусть. Все равно мне никогда не забыть, как...»).

Повествование в тексте мемуаров ведется от первого лица, пассивные и неопределенно-личные конструкции для него не свойственны, не типично для мемуаров также разнообразие средств выражения логических связей, а сами предложения не обладают высокой степенью сложности, хотя степень синтаксической сложности текста подлинника может быть различной. Но средства формальной когезии, как правило, представлены — союзы, наречия, модальные слова организуют связность повествования.

Особенно четко прослеживается экспликация временной последовательности (в русском она выражается прежде всего с помощью временных наречий: «затем», «далее», «вскоре» и т. п.), которая выдвигается в предложении на первое место. Другие средства обозначения временной последовательности — даты — также рематически выделены и занимают в предложении либо первое, либо последнее место («Это случилось в марте 1944 года»).

Таким образом, по составу информации мемуарный текст занимает промежуточное положение между примарно-когнитивными и примарно-эмоциональными текстами. Отсутствие ярко выраженных черт индивидуального авторского стиля делает степень переводимости таких текстов довольно высокой (I-II группа).

Публичная речь. Публичная речь — это устное выступление по самым разнообразным поводам: различают речи приветственные, заключительные, политические, праздничные, траурные и т. п. Как во всяком устном тексте, в речи большую роль играет *эмоциональная информация*. Однако ее нельзя назвать преобладающей. Она лишь окрашивает то предметное содержание, которое, как правило, определяет коммуникативное задание текста: сообщить некие новые сведения. Комплекс средств, оформляющих когнитивную и эмоциональную информацию в публичной речи, обуславливает ее характерные основные черты:

1. Речь имеет строгую законченную форму со стройной структурой, имеет традиционный зачин и концовку, оформленные с помощью осо-

рых этических формул, причем для разных речей подходят свои формулы. Тем самым реализуется контактная функция данного текста.

2. Язык речи в основном нормативен, однако в ней всегда присутствует и эмоциональная информация, для передачи которой используются эмоционально окрашенная лексика, просторечие, высокий стиль, диалектизмы, фразеологизмы, метафоры, сравнения и эпитеты, цитаты и крылатые слова. Часть этих средств в переводе должна быть воспроизведена, иначе речь станет бесцветной и потеряет силу воздействия на аудиторию — эта сила строится на эмоциях.

3. Системным признаком текста речи являются разного рода повторы: лексические, синтаксические и т. п., среди которых ведущее место занимает сложный комплекс тавтологических и вариативных повторов разного уровня — риторический период. Именно эта особенность речи при переводе страдает, если переводчик неумеренно пользуется приемом компрессии.

4. Большинство ораторов обладает собственным ораторским стилем. Если этот стиль ярко выражен, переводчику придется передавать его основные особенности.

5. Публичная речь далеко не всегда заранее подготовлена и не всегда имеет письменный текст в своей основе. Но даже если такой текст есть, оратор нередко, произнося речь, переходит на импровизацию, и переводчик всегда должен быть к этому готов. Особенно пагубно сказывается на качестве перевода эффект неожиданности, именно тогда, когда у переводчика в руках заранее полученный текст речи. В импровизированной речи структура всегда гораздо менее строгая, часто встречаются необоснованные повторы, незаконченные или нелогично законченные фразы. Переводчик, разумеется, не несет ответственности за качество текста оригинала, но профессиональная этика предписывает ему в таких случаях по мере возможности исправить ошибки оратора.

Текст публичной речи, который мы относим к примарно-когнитивным текстам, содержит, как мы уже отмечали, значительную долю эмоциональной информации, и именно она в большой мере утрачивается при переводе (III группа).

Реклама. Рекламные тексты многообразны. Мы рассмотрим специфику перевода рекламы на материале письменных рекламных текстов, состоящих из собственно текста на каком-либо языке и изобразительного ряда. Из рассмотрения исключается видеореклама, имеющая более сложную структуру: подвижный видеоряд, письменный текст (на экране) и звучащий текст.

Надо сразу отметить, что в современном мире задача перевода рекламы в привычном понимании практически никогда не ставится. Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода. Эта интеграция осуществляется, как правило, уже на базе выполненного вчерне перевода — и тогда реклама пере-

создается заново. Но даже задача первого этапа — перевод вчерне — иногда трудноосуществима, поскольку в тексте рекламы наблюдается избыточность функционально значимых средств. Иначе говоря, рекламный текст перегружен средствами, которые нацелены на одно: побудить потребителя приобрести продукт. При такой «густоте» информации конфликт формы и содержания неизбежен, переводчик многого не сможет передать.

Текст рекламы не просто рассчитан на любого, самого неподготовленного реципиента, он активно нацелен на то, чтобы предельно расширить круг своих реципиентов. Поэтому реклама, как яркая бабочка, привлекает внимание издали — в этом одна из функций ее изобразительного ряда. Именно расчет на массового потребителя ^реципиента) диктует запрет на использование в тексте рекламы редких специальных терминов, грубого просторечия, диалектов — все эти средства могут применяться только в орнаментальной функции, т. е. для «украшения» и дополнительной маркировки места производства продукта (так, в рекламе баварского пива встречается одна фраза на баварском диалекте). В организации самого текста, распределении информации и некоторых чертах стилистической окраски слов можно уловить более узкую предназначенность рекламы, приоритетную направленность ее на определенную группу людей. Так, в рекламе часто просматривается возрастная ориентация. Детскую рекламу, написанную детским языком с «ошибками», различить совсем просто. Отчетливо намечается специфика рекламы, предназначенной в первую очередь пожилым людям, — темы здоровья и безопасности, преемственности поколений там на первом месте. Молодежная реклама маркирована прежде всего молодежным жаргоном. Есть в рекламном тексте и ориентация на уровень состоятельности: от рекламы для бедных до рекламы для миллионеров. Более узкая приоритетная направленность рекламы выражается как содержанием и композицией (что для переводчика второстепенно, так как при переводе ни в содержание, ни в архитектуру текста он не вмешивается), так и особыми лексическими и синтаксическими средствами, эквивалентность передачи которых целиком зависит от переводчика. Так, в рекламе для пожилых людей встречаются устаревшие слова и обороты, еще входящие в общенациональный фонд языка, но уже малоупотребительные, и варианты соответствия к ним нужно подбирать с учетом этого их оттенка. Слова из молодежного жаргона в молодежной рекламе также передаются вариантами соответствия с использованием молодежного жаргона языка перевода.

Читая текст рекламы, мы не знаем, кто ее автор, имя автора никогда не указано; хотя достоверно известны имена «копирайтеров», мастеров по созданию идеи, образа рекламы и ее текста, но в сознании читателя, реципиента, эти имена не соединяются с известными текстами. Происходит это потому, что все мастерство автора состоит в успешном решении задачи, поставленной перед ним фирмой-за-

казчиком, и истинным источником текста (и его владельцем!) является именно фирма. Вместе с тем современный текст рекламы настолько мощно использует ресурсы, разработанные художественной литературой и позволяющие бескрайне проявлять свою индивидуальность, что многие современные рекламные тексты несут отпечаток индивидуальности, доставляя читателю массу эстетических впечатлений. Все те средства передачи эстетической информации, о которых мы будем говорить ниже, безусловно не безличны, их создал конкретный человек, это плод творческой индивидуальности.

Из предшествующих рассуждений уже ясно, что рекламный текст несет эстетическую информацию. Разумеется, передача эстетической информации — не главная цель рекламы. Исследуя информационный состав рекламы, мы можем ее коммуникативное задание сформулировать так: сообщить реципиенту новые достоверные сведения (когнитивная информация), обеспечить надежность усвоения реципиентом этих сведений, воздействуя на его эмоции и память (эмоциональная информация), усилив эту надежность тем удовольствием, которое реципиент получит от текста (эстетическая информация), — и тем самым предписать ему определенные действия (не эксплицированная или в малой степени эксплицированная в тексте оперативная информация). Тогда рекламный текст выполнит свою функцию, и за рекламой товара последует его приобретение.

Переводчику предстоит передать средства, оформляющие разные типы информации, в их сложном переплетении. И все-таки попытаемся вычленить отдельные языковые средства, несущие один вид информации или сразу несколько, чтобы определить доминанты перевода — ведь, как уже говорилось, реклама обладает колоссальной избыточностью средств, служащих ее коммуникативной задаче. Снимать эту избыточность нельзя, ее надо сохранить, но проблема выбора того, что доминирует, становится особенно сложной.

Объем когнитивной информации, которую несет реклама, невелик. Это название фирмы, точное наименование товара, его технические характеристики, цена, контактные сведения (телефоны, адреса), обозначение сроков поставки, процент скидки и т. п. Оформляется эта информация с помощью нейтральной однозначной внеконтекстуальной лексики, близкой по характеристикам к терминам, а также с помощью цифр. Передача этих средств на язык перевода не представляет сложности, все они имеют однозначные эквивалентные соответствия. Сложность появляется сразу, как только когнитивный компонент — например название фирмы — включается в какую-либо фигуру стиля, например, рифмуется с другим словом (что-нибудь вроде русской рекламы: «Батарейки Джи-Пи. Увидел — купи!»). Бывают уникальные случаи, когда при переводе подобного текста удается сохранить и название фирмы, и факт рифмы, и семантику обоих слов, рифмующихся друг с другом. Но, как правило, переводчик встает перед выбором: а) не сохранять рифму, но сохра-

нить значение каждого слова; б) сохранить первый компонент рифмы — «Джи-Пи», но зарифмовать его со словом, которое не имеет значения «купить»; в) не ставить название фирмы в позицию рифмы, а со словом со значением «купить» зарифмовать какое-либо другое. Что же предпочесть? Какие потери будут минимальными, если мы хотим, чтобы текст выполнял свою коммуникативную задачу? В наших рассуждениях попытаемся сначала оттолкнуться от противного и ответить на вопрос: без каких своих компонентов этот текст вообще перестанет выполнять свою коммуникативную задачу? И сразу выяснится, что мы можем обойтись без рифмы, без постановки названия фирмы в позицию рифмы и даже без слова со значением «купить». Но мы ни в коем случае не сможем обойтись без названия фирмы! Если оно исчезнет, реклама товара потеряет всякий смысл. Вот и ответ: абсолютным приоритетом в рекламном тексте пользуются компоненты, несущие когнитивную информацию, именно они являются инвариантными компонентами содержания, а все остальное составляет лишь «гарнир» или скорее «острые приправы», которые позволяют когнитивной информации рельефно выделиться и запомниться. Никто не возьмется точно определить, какая из этих эмоциональных и эстетических «приправ» подействует на читателя сильнее, рифма, игра слов, метафора или что-то другое. Ясно только, что не значение слова само по себе, а его позиция в предложении, его эмоциональная окраска, повтор самого слова, тот факт, что оно зарифмовано с другим, — выделяет слово на фоне других. Вот поэтому опытный переводчик скорее всего выберет вариант б), который обеспечит и сохранение когнитивного компонента — названия фирмы «Джи-Пи», и его выделенность на фоне остального текста. Если и это не получится, то он пойдет по пути в), ослабив выделенность слова «Джи-Пи», но сохраняя и его, и «приправу» в принципе. И самым слабым решением будет выбор а) — он будет свидетельствовать о недостаточном профессионализме переводчика (слабо верится, что невозможно найти рифму к двум словам, если из них нужно зарифмовать два любых и лишь одно из трех не имеет вариантов соответствий!). Носителем эмоциональной информации в этом тексте является структура побудительного предложения, а ее переводчик на языке перевода воспроизведет без проблем.

Разобранный пример внушает надежду, что в большей или меньшей степени переводчик может передать все информационные компоненты, но инвариантным среди них все же является когнитивный. Однако бывают и безнадежные ситуации. Вот перед нами готовая, уже переведенная с немецкого рекламная фраза: «Шварцкопф» — во главе красивых волос». Оставим на совести переводчика неполное соответствие этой фразы нормам литературного русского языка. Речь сейчас идет о том, как передан когнитивный компонент — название фирмы по изготовлению шампуней и косметики «Шварцкопф», и о том, удалось ли передать эстетическую «приправу» к нему.

В русском переводе смутно угадывается обыгрывание понятие «голова» (волосы — на голове, голова-глава, в словосочетании «быть во главе» реализуется второе значение слова «голова» — главный, первый, лучший). Но в оригинале оно строится на «оживлении» самостоятельного значения компонента «-копф», который в имени собственном «Шварцкопф» собственной семантики не имеет, а как отдельная корневая морфема имеет значение «голова»! Тут переводчик бессилён; «оживить» морфему иностранного языка не удастся, единственный выход — компенсировать игру слов какой-нибудь другой фигурой стиля, например рифмой, либо ввести перевод компонентов имени собственного и построить игру на них.

Мы столь подробно остановились на двух маленьких примерах передачи всего одной единицы когнитивной информации, чтобы наглядно показать, какие сложности могут таить ее приоритетность и инвариантность.

Основным фоном, на котором выступают языковые средства, оформляющие когнитивные, эмоциональные и эстетические компоненты информационного комплекса рекламы, как правило, является письменная литературная норма языка, но тот вариант, в котором она выступает, вобрал в себя многочисленные черты устной речи, кроме того, границы этой нормы в рекламе размыты и допускают отклонения как в сторону высокого стиля (редко), так и в сторону просторечия. Тем не менее в рекламе встречаются нейтральная лексика и нейтральный порядок слов.

Перейдем к средствам передачи эмоциональной информации. Шире всего в любом рекламном тексте представлены эмоционально-оценочные средства, которые сопровождают характеристику продукта. Абсолютно преобладает положительная оценка, которая выражается прилагательными, наречиями и существительными с семантикой высокой степени качества, причем оценка эта часто гиперболизирована. Для выражения гиперболы положительной оценки служат грамматические средства, такие как превосходная степень прилагательных и наречий, а также лексические: наречия и частицы с функцией усиления, морфемы с семантикой усиления качества («сверх-», «супер-»), местоимения с обобщающей семантикой, которые распространяют суждение на всех представителей рода человеческого («О такой машине мечтает каждый»). Функцию гиперболы часто выполняют в рекламном тексте слова и выражения с окраской просторечия и жаргона («Я просто ташусь!»), а также лексика, близкая к высокому стилю («невыразимо», «дивный»). Из устного разговорного обихода в рекламу пришли количественные гиперболы («В сто раз лучше»).

Носителями эмоциональной информации являются модные слова, а также иностранные слова и выражения. Модные слова дают читателю дополнительный положительный эмоциональный импульс: они сигнализируют о том, что он не отстает от моды, он не хуже

других и с ним можно говорить на модном языке. Часть иностранных слов (сейчас в основном из английского) выполняют ту же функцию модных слов. Другие подчеркивают международный статус рекламного текста. Иногда иностранные слова служат средством экзотического обрамления характеристики продукта, отражая колорит страны происхождения (например, фразы на испанском языке в рекламе испанских вин или французские обороты речи в рекламе французских духов). Той же цели могут служить диалектальные включения в рекламный текст (фраза на швейцарском диалекте немецкого языка в немецкой рекламе швейцарского сыра). Иногда в рекламный текст включают известные изречения на иностранном языке (на латыни, французском и др.), которые импонируют читателю, поскольку рассчитаны на его высокую образованность, и таким образом его восприятие рекламного текста сопровождается дополнительными положительными эмоциями.

Мощным средством передачи эмоциональной информации в рекламе является синтаксис. Мы уже отмечали, что в рекламном тексте встречаются предложения с нейтральным порядком слов. Но значительно чаще используется эмоциональная инверсия, риторические вопросы и восклицания, парцелляция, незаконченные предложения, синтаксический повтор (параллелизм). Вообще для рекламы характерен повтор на любом уровне — от фонемного до абзацного. Фонемный и морфемный повторы являются, как правило, дополнительным средством выделения когнитивных компонентов — чаще всего названий фирм и товаров (в германских языках чрезвычайно распространен традиционный для германской культуры аллитерационный повтор первой фонемы в слове; в русском языке популярнее конечная рифма). Лексический повтор многофункционален: чаще всего его функция — еще раз напомнить ведущие когнитивные компоненты (название фирмы, товара); он также может передавать взволнованный тон текста или же подчеркивать синтаксический повтор. Синтаксический повтор (параллелизм) используется также широко: повтор однородных членов предложения служит, например, для всесторонней характеристики товара и одновременно для нагнетания эмоционального напряжения; повтор элементарных предложений одинаковой структуры применяется прежде всего для создания эффекта неожиданности — когда контекстуально ожидаемый компонент заменяется неожиданным (кстати, он-то, как правило, и содержит название фирмы или товара, например: «Посадить дерево. Родить сына. Купить „Аристон-диалоджик“» — реклама стиральной машины).

Эффект неожиданности — важный аспект эмоциональной информации, которую несет реклама. Еще одно средство его создания — контраст лексики с различной стилистической окраской: нейтральная — просторечная, высокая — грубая и т. п.

И, наконец, самым большим разнообразием средств отличается оформление эстетической информации. Часть их мы уже перечисли-

ли в разделе, посвященном эмоциональным средствам: ведь и фонетический повтор, и синтаксический параллелизм несут эстетическую нагрузку. Аллитерация и ассонанс, авторские парные словосочетания, игра слов, построенная на многозначности или стилистическом контрасте, рифма, ритм прозы, метафора, сравнение — далеко не полный перечень средств, которые «украшают» рекламный текст и заставляют читателя испытывать удовольствие от его формы.

Оперативная информация в современной рекламе эксплицирована лишь в малой степени (в рекламе начала XX в. она была основной); формы повелительного наклонения составляют малую долю текста; в качестве средства оформления оперативной информации может использоваться лексика с семантикой побуждения.

При переводе рекламы потери неизбежны, поэтому, как правило, рекламные тексты относятся к III группе переводимости. Среди доминант перевода рекламного текста приоритетное положение занимает лексика, оформляющая когнитивную информацию. По своим характеристикам она близка к терминологии (однозначна, нейтральна, независима от контекста) и передается с помощью однозначных эквивалентов. Прочие доминанты перевода можно признать равноправными, но при необходимости выбора переводчик старается передать в первую очередь те, которые служат дополнительными средствами выделения когнитивных компонентов: 1) эмоционально-оценочная лексика с семантикой положительной оценки передается вариантными соответствиями; 2) средства выражения гиперболы положительной оценки: превосходная степень прилагательных и наречий, наречия и частицы с функцией усилителей, морфемы с семантикой усиления качества, местоимения с обобщающей семантикой, оценочные высказывания с просторечной окраской, лексика, близкая к высокому стилю, количественные гиперболы разговорной речи — передаются соответствующими грамматическими и лексическими вариантными соответствиями; 3) модные слова передаются вариантными соответствиями, если в языке перевода такие же по значению слова являются модными, или компенсируются другими по значению модными словами языка перевода; 4) иностранные слова, обороты речи и цитаты переносятся в текст без изменений; 5) диалектальные слова и обороты компенсируются просторечием или нейтрализуются; 6) специфика синтаксиса: эмоциональная инверсия, парцелляция, незаконченные предложения, риторические вопросы и восклицания — передается грамматическими соответствиями; 7) повторы всех уровней: фонетический, морфемный, лексический, синтаксический — передаются всегда с сохранением принципа повтора, но при невозможности сохранить соответствующую фонему или соответствующее значение лексемы они заменяются на другие; если нет возможности сохранить количество компонентов повтора, число их уменьшают; 8) игра слов, метафоры, сравнения, авторские парные словосочетания и другие лексические фигуры стиля переда-

ются с сохранением принципа построения фигуры или компенсируются другой фигурой стиля; 9) фон литературной нормы языка воспроизводится в той мере, в какой он присутствует в подлиннике — с помощью вариантных соответствий; 10) стилистически окрашенная лексика: просторечие, жаргон, высокий стиль и др. — передается вариантными соответствиями с сохранением окраски, которая этой лексике присуща в подлиннике.

Наиболее значительное место в рекламном тексте занимают средства оформления эмоциональной информации, но отнесение его к примарно-эмоциональным текстам, как мы отмечали выше, весьма условно.

Личное письмо — один из древнейших типов текста, выработанный человечеством в целях передачи информации.

Источником его является всегда конкретный человек, который выступает как индивидуальность, реципиент — также конкретная личность (реже личное письмо обращено сразу к нескольким людям). Коммуникативное задание текста личного письма может варьироваться в довольно широких пределах: ведь письмо может содержать когнитивную информацию, некие наставления или предписания, т. е. оперативную информацию, описание чувств и ощущений (эмоциональная информация). Но в любом случае все эти сведения выступают на фоне субъективной эмоционально-оценочной окрашенности, что и позволяет считать эмоциональную информацию в тексте личного письма доминирующей, а само письмо причислять к текстам примарно-эмоционального типа.

Палитра средств оформления эмоциональной информации в личном письме фактически ничем не ограничена. Здесь может встретиться любая лексика: от диалектизмов и жаргонизмов до слов высокого стиля. Среди синтаксических средств распространены эллипсис, инверсии и т. п. Ведущему типу информации соответствует и основной архитектурный принцип личного письма — ассоциативный.

Однако если с точки зрения использования стилевых регистров и чередования микротем текст личного письма представляет собой открытую систему, то оформление его как глобального текста подчинено жестким правилам. Оно определяется конвенциями, сформировавшимися в связи с одной из основных коммуникативных функций личного письма — установление и поддержание контакта. Текст любого письма открывается приветствием и обращением — формулами установления контакта («Милый Алексей!», «Маша, привет!», «Дорогие мои!»). Стилиевой регистр выбранной формулы контакта определяется характером отношений источника и реципиента. Завершается письмо прощальным пожеланием («Всего доброго!», «Будьте здоровы!», «Всем привет!») и подписью. В качестве факультативного компонента выступает дата написания письма и постскрипtum.

Мера переводимости личного письма позволяет отнести его к I—II группам.

Деловое письмо. Выбрав в качестве особого типа деловое письмо, мы имели в виду любые его разновидности: запрос, предложение, рекламацию, напоминание и др.

Коммуникативное задание текста делового письма — наладить и поддержать контакт и сообщить актуальную информацию. Контакт осуществляется через конкретных людей, но это не контакт индивидуальностей, как в личном письме, а контакт представителей фирм, организаций или самостоятельных представителей свободных профессий. Этих людей связывает какое-либо дело. Значит, и источник, и реципиент — деловые партнеры. И отношения свои они строят по строгим правилам делового партнерства. Несмотря на то что в деловой переписке важнейшую роль играет когнитивная информация, мы отойдем от нашей обычной схемы и обсудим другой тип информации, содержащейся в деловом письме, — эмоциональный. Ведь она содержится в тех первых словах, с которых начинается основной текст письма, и кроме того — именно ее передача составляет трудность для начинающего переводчика.

Текст делового письма, как и текст всякого письма, открывается ритуальной формулой приветствия. Это именно формула, поэтому нет никакого смысла переводить ее дословно. В каждом языке для разновидностей формул приветствия имеются готовые соответствия, в нашем случае это только те формулы, которые относятся к этикету официального общения (например, в русском: «Глубокоуважаемый господин!..», «Уважаемая г-жа!..», «Дорогие коллеги!»). Последний из примеров (обращение «Дорогой!..») имеет некоторый оттенок свободы и необязательности отношений и в сугубо официальной переписке не применяется. К именному обращению может добавляться титул или должность. В переводе они должны быть обязательно переданы. Немало сложностей возникает при передаче с европейских языков на русский слова «коллеги», поскольку в европейских языках оно в последнее время расширило свою сочетаемость и применяется по отношению к представителям любых профессий и общественных групп (коллегами могут быть и сантехники, и христианские демократы, и футболисты). В русском же языке обращение «коллеги» сохранило свой традиционный ареал применения по отношению к ученым, врачам, юристам, некоторым другим профессиональным группам. Поэтому в ряде случаев это обращение при переводе на русский язык заменяется другим: «Уважаемые сотрудники!», «Дорогие друзья!» и т. п. — в зависимости от ситуативного контекста. Иначе не исключено, что обращение приобретет комический оттенок.

Какая эмоциональная информация содержится в обращении? Очень важная. Хотя на первый взгляд может показаться, что применение чисто формальных приветственных оборотов не служит передаче чувств от источника к реципиенту. Чтобы разобраться в этом,

задумаемся над тем, какие эмоции могут возникать при контактах людей вообще? Разумеется, самые разные, но существует два полюса возникающих эмоций: агрессивные и доброжелательные. Агрессивные эмоции направлены на разрыв контакта, доброжелательные — на его развитие и закрепление. В ходе истории коммуникации человек выработал языковые средства, способствующие стабилизации контакта, его развитию и закреплению. Эти средства — формулы вежливости. Именно формулы, своего рода сигналы, маркеры доброжелательных эмоций. В каком бы состоянии человек ни находился (расстроенном, раздраженном, злобном), употребив формулы вежливости, он просигналил партнеру о том, что он хорошо к нему относится, уважает его лично и его деятельность. Таким образом формулы вежливости закладывают фундамент стабильных положительных эмоций, пусть стандартных — но зато фундамент этот надежный.

Для тех же целей служат формулы вежливости, включаемые в основной текст письма («не сочтите за труд», «убедительная просьба», «очень просим» и т. д.), а также формулы прощания («С уважением...», «Всего доброго...», «Всего самого наилучшего...»). Напомним еще раз, что из многочисленных формул вежливости из арсенала общенационального языка, применяемых человеком в жизни, переводчику делового письма пригодятся только формулы официально-делового этикета, примеры которых мы и старались приводить. Неуместны формулы просторечно-разговорного стиля, например: «Привет!», «Здравствуй, милый!..», «Пока!», «Бывай!», «Счастливо!», «Слушай, а ты...» и т. д. Точно такой же эффект стилистического несоответствия (переходящий в комический) вызовет формулы высокого стиля: «Достопочтенный!..», «Дражайший!..», «Засим остаюсь Ваш покорный слуга...» и т. д.

Следует отметить, что в современной деловой переписке все чаще стали встречаться письма, где отсутствует формула приветствия и названо только имя адресата и предмет письма. Это характерно для ситуации переписки, когда с адресатом уже налажен устойчивый контакт.

Формулы вежливости создают позитивное эмоциональное обрамление когнитивной информации, содержащейся в письме, и от того, насколько точно переводчик их воспроизвел, зависит правильность ракурса, под которым подается эта *когнитивная информация*. Ее объективность обеспечена средствами, которые мы уже не раз обсуждали. Это термины, номинативность стиля (преобладание существительных), общий фон письменной литературной нормы с редкими включениями компонентов устной литературной нормы. Официально-деловой вариант письменной литературной нормы включает большое число заставших оборотов речи, не имеющих, однако, статуса фразеологизмов, поскольку они не являются общезыковыми, так называемых клише («заранее благодарны», «пользуясь случаем», «в дополнение к нашему предложению»). Плотность информации повышена за счет

передачи количественных данных цифрами и за счет общеязыковых сокращений (контекстуальные сокращения в деловом письме не приняты!). Пассивные конструкции в деловом письме встречаются в разделах, близких к научному стилю: в технологических описаниях, при обсуждении правовых норм. Основной же текст пишется от имени фирмы в форме 1-го лица множественного числа («мы»), либо — реже — от 1-го лица единственного числа, но тогда принадлежность к фирме в тексте формулируется («Я, как представитель производственного совета предприятия...»). Эмоционально окрашенная лексика и эмоциональный синтаксис отсутствуют. Мнения и суждения выражаются с помощью лексики с оценочной семантикой в рамках литературной нормы («крайне нежелательно», «весьма благоприятное впечатление» и т. п.).

К доминантам перевода текста делового письма относятся языковые средства, обеспечивающие конструктивный контакт и передачу объективной информации. Это: формулы вежливости в рамках официально-делового стиля; термины; общий фон нейтральной письменной литературной нормы; цифры, сокращения; имена собственные; титулы, звания, должности; обращение от 1-го л. мн. ч.; лексика с оценочной семантикой в рамках письменной литературной нормы. Единицы перевода: фонема (при переводе имен собственных); слово (при переводе терминов, титулов, званий и должностей); словосочетание (при переводе клишированных оборотов официально-делового стиля); предложение (при переводе формул контакта). Используемые виды соответствий: однозначные, независимые от контекста эквиваленты (термины, обозначения титулов, званий и должностей, имена собственные); варианты соответствия (лексика в рамках письменной литературной нормы); трансформации (формулы контакта, некоторые синтаксические структуры письменной литературной нормы).

Итак, эмоциональная информация в деловом письме сглажена и формализована; она лишь создает благоприятный фон для восприятия основного для этого текста вида информации — когнитивного; поэтому мы с полным правом можем отнести текст делового письма к примарно-когнитивным текстам.

Художественная публицистика (эссе). Среди разнообразия публицистических текстов под этой разновидностью публицистики мы подразумеваем те из них, где на первый план выступает авторское начало: от небольшой статьи до целой книги. Сейчас, когда понятие «эссе» стало толковаться зачастую очень расширительно, а под художественной публицистикой понимается, как правило, известный жанр прозы конца XVIII — начала XIX в., пора отметить, что по сути это два исторических этапа развития одного и того же типа текста.

Однако в нашей типологической классификации мы включаем эссеистику в разряд нехудожественных текстов, поскольку вымысел здесь не играет определяющей роли. Все-таки в основе коммуника-

тивного задания таких текстов лежит сообщение когнитивной информации, но под углом зрения определенного автора.

Итак, источником является автор, не только как творческая индивидуальность, но и как носитель определенной общественной позиции, как представитель какого-то группового мнения. Поэтому отклик и полноту восприятия сообщаемой информации он находит в первую очередь у людей с похожими общественными взглядами.

Нам легко будет выявить особенности эссеистических текстов и специфику их перевода, если при анализе мы будем отталкиваться от того, что нам известно о текстах газетно-журнальной публицистики.

Прежде всего — о той когнитивной информации, которую он несет. Числовые данные, личные и географические имена, названия фирм и организаций здесь не выдуманы (во всяком случае, они по законам жанра обязаны быть таковыми), они отражают объективную действительность и передаются при переводе однозначными эквивалентами. По этим признакам эссеистический текст подобен любому тексту из газеты или журнала. Весьма своеобразным средством передачи когнитивной информации, типичным для эссе, является включение в текст экзотизмов и фрагментов иностранного текста для создания экзотического колорита. Экзотизмы переводчику приходится, в зависимости от характера глобального текста (т. е., скажем, от специфики журнала), либо транскрибировать, либо сохранять в графике подлинника (популярный в последние годы прием). При необходимости (по усмотрению переводчика) к экзотизмам даются пояснения — внутри текста (вводные слова) или вне текста (сноски).

А вот эмоциональная информация представлена гораздо более богатой палитрой средств, их использование индивидуализировано и свидетельствует о наличии на фоне эмоциональной информации также и эстетической информации. Фон письменной литературной нормы размыт, хотя она все же служит основой. Но в нее внедряются разнообразные отклонения: от диалектальных слов до воровского жаргона. Поскольку лексическая специфика функционально значима, в каждом случае она передается теми вариантами соответствиями, которые функционально коррелируют со спецификой лексики подлинника: высокая лексика, просторечие, грубо-просторечная лексика, жаргоны и т. п. имеют свои прямые соответствия в переводе, диалектальные особенности компенсируются просторечием. Эссеистическому тексту не придается видимость объективного и безэмоционального, как это принято в газетно-журнальном информационном тексте. Активно используется, например, эмоционально-оценочная лексика.

В эссеистическом тексте также заметна высокая частотность употребления фразеологизмов, но случаи деформации их встречаются чаще. Немало также и разнообразных клише, но клишированность не является основой построения текста, а сам принцип использования стандартных оборотов речи часто иронически обыгрывается.

Зато существенную роль играют индивидуальные средства образности. Это эпитеты, сравнения, метафоры и т. п. При передаче индивидуального образного словоупотребления переводчику приходится ориентироваться, во-первых, на необходимость сохранения самого факта наличия образного средства (его нельзя заменить словами той же семантики в прямом значении), во-вторых, постараться сохранить его индивидуальный характер. Авторские неологизмы, нарушение сочетаемости также отражают авторский стиль и должны быть переданы.

Диапазон синтаксических средств передачи эмоциональной информации чрезвычайно широк: это и контраст предложений по длине и сложности, и инверсии, и парцелляция. Но ко всем этим средствам добавляются так называемые синтаксические фигуры стиля, т. е. средства, обладающие эстетической ценностью. На первом месте по частотности среди них синтаксический параллелизм, т. е. двухкомпонентный и многокомпонентный повтор членов предложения, однородных придаточных, структуры целых самостоятельных предложений. Как правило, синтаксический параллелизм сопровождается лексическим повтором, а изредка — и фонемным повтором. Если комплекс лексических и синтаксических повторов образует определенный алгоритм, возникает риторический период, и тогда текст эссе приобретает определенный ритм. Отметим, что в индивидуальную авторскую стилистику входит также предпочтение определенного типа структур и синтаксических связей. Одни авторы эссе предпочитают простые предложения, другие — широко пользуются парцелляцией, третьи — заметно предпочитают сочинительные структуры подчинительным. Если мы не заметим частотность определенных структур у данного автора, мы нивелируем его стиль.

Аллюзивность эссенстики чрезвычайно высока. К опоре на широкий, известный массовому читателю контекст текстов СМИ (от рекламы до сериалов) добавляется использование контекста мировой художественной литературы, библейских сюжетов и имен, фоновых знаний из разных областей человеческой деятельности. Поэтому порой «расшифровать» намеки и скрытые цитаты очень трудно, поскольку рассчитаны они на компетентного читателя.

В качестве доминант при переводе эссе выступает комплекс средств, передающих когнитивную, эмоциональную и эстетическую информацию. Средства передачи когнитивной информации: цифровые данные, имена собственные и приравняемые к ним названия фирм и организаций — передаются однозначными эквивалентными соответствиями, а экзотизмы — транскрипцией или прямым перенесением в текст перевода. Средства передачи эмоциональной информации в области лексики: эмоционально-оценочная лексика, просторечие, высокая лексика, жаргоны — передаются вариантными соответствиями с сохранением стилистической окраски. Диалектальная лексика компенсируется просторечием. Фразеологизмы и клише рассматриваются как семантические единства и передаются вариант-

ными соответствиями, по возможности — с сохранением их формальных особенностей и степени семантической спаянности. Если в тексте они деформированы, переводчик старается передать характер деформации. Скрытые цитаты выявляются с помощью сбора фоновых сведений и при передаче, если нужно, комментируются. Цитаты из известных источников (например, из «Гамлета» Шекспира) воспроизводятся с опорой на авторитетный перевод — тогда переводчик в сносках должен дать ссылку на автора перевода. Контраст предложений, инверсия, парцелляция — синтаксические средства передачи эмоциональной информации — передаются с помощью функционально соответствующих средств языка перевода вариантными соответствиями и трансформациями. Эстетическая информация, оформленная с помощью индивидуальных образных средств, передается вариантными соответствиями или трансформациями с сохранением индивидуальных средств данной фигуры: эпитета, сравнения, метафоры и т. п. Воспроизводятся также неологизмы (переводчику придется по данной автором модели выстроить свои), искажения формы и нарушения сочетаемости. Тип и частотность синтаксических структур, характер синтаксических связей также характеризуют индивидуальность автора и в переводе воспроизводятся функционально адекватными средствами.

При переводе такого текста, где на верхней ступеньке ранговой иерархии доминант перевода, в области инварианта, находится так много разнообразных языковых средств, часто возникает конфликт формы и содержания. Проще говоря, переводчику необходимо передать много разнообразных средств, а передача одного из них мешает передать другое. Скажем, лексический повтор сохранить удалось, но он не включается в фонематический, так как слова в переводе начинаются на другую букву или выбранный фразеологизм не встраивается в ритм фразы. Тогда переводчику приходится чем-то жертвовать. В этом нет ничего страшного, но при одном условии: все доминирующие в данном тексте языковые средства *системны*, и важна не передача каждого эпитета, а сохранение факта наличия эпитетов в принципе, т. е. сохранение признака как системного. Не страшно заменить один фразеологизм словами в прямом значении, но нельзя все фразеологизмы в тексте перевода заменить на слова в прямом значении. Кроме того, именно в таких текстах большую помощь оказывает прием позиционной компенсации: если фразеологизм утрачен в одном месте текста, может быть, в другом месте слова в прямом значении удастся заменить фразеологизмом. Правда, позиционная компенсация не годится для восстановления синтаксических особенностей: инверсия, перенесенная в другое место текста, выделит совершенно иные компоненты содержания, чем те, которые выделил автор.

Таким образом, степень переводимости эссе может быть существенно ограничена, что влечет за собой неполноту передачи всех особенностей текста (III группа). Специфика информационного со-

става художественно-публицистического текста, где доминирует эстетическая информация, позволяет причислить этот текст к разряду примарно-эстетических.

Художественный текст. Предварительный анализ художественного текста мы попробуем провести по той же схеме, что и анализ предыдущих нехудожественных текстов, и постараемся ответить на те же вопросы.

Общая характеристика. Итак, для чего нам нужны художественные тексты? Может быть, это излишество? Извращение? Ведь никаким практическим задачам они не служат. Но мы читаем их, мы тянемся к ним, а некоторые люди и дня без них прожить не могут. Более того, все остальные тексты живут недолго, у них короткий век: научная статья живет несколько десятилетий, инструкция — несколько лет, деловое письмо — несколько дней. Художественные тексты живут веками. И люди постоянно возвращаются к ним. Возвращаются к Шекспиру, написавшему свои трагедии и сонеты четыреста лет назад, возвращаются к Гомеру, создавшему «Илиаду» и «Одиссею» тридцать веков назад. Почему? А потому, что чтение текстов может быть удовольствием, изысканным наслаждением, доступным только человеку. И человек не устает себе это наслаждение доставлять.

Оказывается, художественная литература — это тексты, специализированные на передаче эстетической информации. Средства ее оформления многообразны, и мы вернемся к ним позже. А теперь попытаемся определить, есть ли в этих текстах, и если есть, то в каком виде, другие типы информации?

Во-первых, есть ли в них когнитивная информация, т. е. объективные сведения об окружающем мире? В художественных текстах встречаются личные имена, но это имена вымышленные, как и многие даты; реальны обычно топонимы — названия стран, городов — но это далеко не обязательно, а в научно-фантастическом романе они, как правило, выдуманные. Правда, встречаются в художественном тексте документальные цитаты из других текстов, но их документальность иногда мнимая. Встречаются достоверные описания конкретных географических мест, но эту достоверность еще нужно проверить: не исключено, что автор что-то добавил от себя. Итак, когнитивная информация в художественном тексте существует на заднем плане, и она не вполне достоверна. Автор использует ее в своих художественных целях, иными словами — она подчинена эстетической информации.

В тех же целях используется и эмоциональная информация, вернее, средства ее оформления. Они получают в художественном тексте эстетические функции. Встречается, например, яркая разговорно-просторечная лексика, но вложена она в уста героя повести — вымышленного лица. Риторические вопросы обращены к читателю от имени автора-повествователя, т. е. также включены в единую художественную систему произведения.

Теперь пора уточнить наши представления об источнике и реципиенте. Источником в данном случае безусловно является автор текста, причем не как представитель какой-либо группы людей или профессиональной среды, а автор лично, автор как индивид, и организует он свой текст, ориентируясь на свою авторскую индивидуальность, некоторыми ограничителями которой служат традиции литературного жанра (басня, сонет, драма требуют соблюдения определенного канона). Но самое примечательное заключается в том, что автор пишет текст не только в расчете на читателя, но и для себя — ему необходим этот текст как средство самовыражения. А реципиентом, казалось бы, может быть любой человек. Да, в нашем жизненном обиходе мы все так считаем. И даже заботимся о том, чтобы «приобщить» к художественным произведениям всех и каждого. Но оказывается, что в художественном произведении, формально доступном всем, каждый читатель «вычитывает» свое, люди не сходятся во мнениях, они берут из этого текста разный набор информации! Многослойность и разнообразие эстетической информации это позволяет. Что возьмет читатель из текста, зависит от самого читателя, от его читательской индивидуальности. Таким образом, в схеме источник-реципиент происходит передача информации от одной индивидуальности (автор) к другой индивидуальности (читатель).

Пора вернуться к средствам оформления эстетической информации. Нам не удастся перечислить и прокомментировать все. Тем более что перечень их бесконечен — авторы неустанно изобретают все новые средства. Поэтому мы обратимся лишь к некоторым, частотным, и тут же постараемся оценить возможности их перевода, имея в виду, что при таком обилии языковых средств конфликт формы и содержания неизбежен, — отсюда частое применение приема компенсации и неминуемый эффект нейтрализации некоторых значимых доминант перевода. Все средства оформления эстетической информации мы можем считать доминантами перевода, но в реальности часть из них будет представлена в переводе в ослабленном виде либо ограниченным числом компонентов. Так, может уменьшиться количество компонентов лексического повтора или при передаче метафоры не удастся сохранить специфику образа.

Средства оформления эстетической информации в художественном тексте:

1. Эпитеты — * передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень соблюдения нормативного семантического согласования с определяемым словом; наличие метафоры, метонимии, синестезии), с учетом степени индивидуализированности (устойчивый эпитет фольклора, традиционный эпитет-поэтизм, традиционный эпитет данного литературного направления, сугубо авторский), с учетом позиции по отношению к определяемому слову и ее функции.

2. Сравнения — передаются с учетом структурных особенностей (нераспространенное, распространенное, развернутое), стилистической окраски входящей в него лексики (высокая, поэтическая, просторечная).

3. Метафоры — передаются с учетом структурных характеристик (какой частью речи выражена, одно- или двухчастная, распространенная, метафорический контекст), с учетом семантических отношений между образным и предметным планом (конкретное — абстрактное, одушевленное — неодушевленное и т. п.), с учетом степени индивидуализированности.

4. Авторские неологизмы — передаются по существующей в языке перевода словообразовательной модели, аналогичной той, которую использовал автор, с сохранением семантики компонентов слова и стилистической окраски.

5. Повторы фонетические, морфемные, лексические, синтаксические, лейтмотивные — передаются по возможности с сохранением количества компонентов повтора и самого принципа повтора на данном языковом уровне.

6. Игра слов, основанная на многозначности слова или оживлении его внутренней формы — в редких случаях совпадения объема многозначности обыгрываемого слова в оригинале и переводе сохраняется и смысл, и принцип игры; в остальных случаях игра не передается, но может быть компенсирована обыгрыванием другого по значению слова, которое вводится в тот же текст.

7. Ирония — для ее воспроизведения в переводе передается прежде всего сам принцип контрастного столкновения, сопоставления несопоставимого (нарушение семантической и грамматической сочетаемости, столкновение лексики с разной стилистической окраской, эффект неожиданности, построенный на сбое синтаксической структуры, и т. п.).

8. «Говорящие» имена и топонимы — передаются с сохранением семантики говорящего имени и типичной для языка оригинала словообразовательной модели, экзотичной для языка перевода.

9. Синтаксическая специфика текста оригинала — наличие контраста коротких и длинных предложений, ритм прозы, преобладание сочинительной связи, наличие/отсутствие причастных оборотов в стиле данного автора и т. п. — передается с помощью грамматических соответствий.

10. Диалектизмы — как правило, компенсируются просторечной лексикой; жаргонизмы, арготизмы, ругательства — передаются с помощью лексики языка перевода с той же стилистической окраской.

Все переводческие решения при переводе художественного текста принимаются с учетом узкого контекста и широкого контекста всего произведения. Это касается выбора вариантных соответствий и трансформаций. Случаи внеконтекстуального перевода с помощью однозначных эквивалентов редки и касаются лексики основного сло-

варного фонда (названия животных, растений и т. п.), а также реально существующих топонимов и названий фирм и организаций.

Поскольку художественный текст, созданный в определенное время, живет затем долго и хранит черты определенной эпохи; поскольку он всегда так или иначе связан с литературной средой и ее канонами; поскольку он несет на себе отпечаток творческой индивидуальности — переводчику художественного текста приходится всегда сталкиваться с тремя основными проблемами: передача временной отнесенности текста, передача черт литературного направления, передача индивидуального стиля автора. Им и посвящены следующие разделы.

Временная дистанция. Когда-то переводчики спорили о том, надо ли передавать архаичные черты текста или читатель должен чувствовать себя современником автора и язык произведения в переводе должен быть модернизирован. Сейчас споры, кажется, прекратились. Современная техника перевода модернизации текста не признает, основываясь на простой логике равенства впечатлений: восприятие произведения современным читателем подлинника должно быть аналогично восприятию произведения современным читателем перевода. Ведь мы не берем на себя смелость модернизировать подлинник, чтобы читатель ощутил себя современником автора, скажем Гомера? Значит, и перевод должен нести на себе отпечаток тех далеких времен. Однако отпечаток не означает полного тождества. Речь не идет о филологически достоверной копии языка перевода на тот момент времени, когда был написан оригинал. Иначе текст перевода наполнится избыточной информацией о состоянии языка оригинала в то давнее время. Современный перевод дает читателю информацию о том, что текст не современен, и с помощью особых приемов старается показать, насколько он древен. В создании временного колорита участвует и содержание произведения, и его форма. Структуры содержания переводчик не касается, а вот форма целиком в его власти.

Свидетельством древности текста могут служить те доминанты перевода, которые мы уже называли. Специфика синтаксических структур, особенности тропов, характер повторов — все это имеет конкретную привязку к эпохе. Но названные особенности передают время лишь опосредованно, ведь в первую очередь они связаны с особенностями литературных традиций того времени, с литературным направлением и жанровой принадлежностью. Напрямую же время отражено не в фигурах стиля, а в языковых исторических особенностях текста: лексических, морфологических и синтаксических архаизмах. Ими и пользуются переводчики, чтобы создать архаичную стилизацию. Стилизация — это не полное уподобление языка перевода языку прошедшей эпохи, а лишь маркировка текста с помощью архаизмов.

Первое обязательное условие создания временной дистанции — отсутствие в лексике перевода модернизмов, слов, которые не могли употребляться в то время, когда создавался подлинник.

Далее «густота» архаизации зависит от времени создания подлинника. Для стилизации языка XIX в. достаточно при переводе всякий раз стараться избирать наиболее устаревшее из возможных вариантов соответствий: «миновал», а не «прошел»; «превосходный», а не «отличный»; «неведение», а не «незнание». К устаревшим явлениям в области синтаксиса, типичным для XIX в., относятся в первую очередь инверсии, представляющие собой незначительные отклонения от современного узуса («Так изволь его в Питер отправить через три дня...» — современный вариант был бы: «Так изволь отправить его в Питер через три дня», или: «Все сидели уже за столом» по сравнению с современным «Все уже сидели за столом»).

Колорит XVIII в. может быть передан теми архаизмами, которые в XIX в. уже мало употреблялись в прозе, но вошли в число поэтизмов: «сия», «далече», «длань», «оный». Синтаксические инверсии более заметны: это постпозиция прилагательного («поучения отеческие», «языка греческого»), конечная позиция модального слова в предложении («Посему легко рассудить можно») и др. Проблема увеличения дистанции может быть решена путем увеличения числа архаизмов в тексте.

Черты литературного направления. Для прошлых времен характерна принадлежность автора к определенному литературному направлению: сентиментализму, романтизму, натурализму, реализму, импрессионизму, экспрессионизму и т. п. И хотя в проявлении этих черт наблюдаются авторские, индивидуальные особенности, все же специфика литературного направления заметна отчетливо. Связана она с идеологией литературного направления, особенностями художественного восприятия, которое в те или иные периоды развития литературы свойственно целой группе авторов. Так, для периода романтизма характерно широкое использование персонифицирующих метафор, цветовая символика, синестезия, ритм прозы, звукопись в прозе, смешение средств высокого стиля с архаичным просторечием фольклора, игра слов, особый устойчивый фонд лексики — «романтический словарь». Для выявления этих особенностей переводчику необходимо подробно ознакомиться с данным литературным направлением по научным источникам, почитать произведения других авторов, представителей того же литературного направления. Доминанты перевода, отражающие специфику литературного направления, воспроизводятся вариантными соответствиями, с использованием языковых ресурсов, которые имеются в соответствующей художественной литературе на языке перевода.

Индивидуальный стиль автора. При переводе художественного текста эта задача — самая сложная. Ведь индивидуальность автора проявляется и в том, как автор интерпретирует типичные черты литературного направления, какие средства для этого выбирает; и в том, в какой мере он придерживается литературной нормы языка; и в том, какие сугубо авторские черты характерны для его творчества. Расцвет

авторской индивидуальности по отношению к художественному тексту произошел в XX в., когда ее яркая специфика заслонила собой принадлежность к определенной литературной группировке. Для выявления этой индивидуальной специфики необходим полный стилистический анализ подлинника, включающий не только определение значимых черт стиля, но и характеристику их частотности. Тогда станет ясно, что, например, в прозе автора А. преобладают распространенные предложения с сочинительной связью между компонентами, их частотность достигает 90 процентов, следовательно, при переводе замена сочинительной связи подчинительной исказит авторский стиль. А автор Б. широко использует контраст канцелярских оборотов речи и высокого стиля, создавая комический эффект. Тогда любая нейтрализация высокой лексики, замена ее при переводе на нейтральную уничтожит прием иронического контраста. Таким образом, предварительный анализ поможет избежать неверных решений.

Поэтический текст. Поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись — это те особенности формы, которые, сочетаясь, придают стиху особый параметр музыкальности, те внутренние каркасные балки, которые сообщают архитектурному сооружению стиха неотразимую привлекательность. Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии. Поскольку, как мы уже выяснили, в художественном тексте эстетическая информация доминирует, то доминантами перевода являются все названные формальные особенности.

Современная европейская поэзия представлена прежде всего силлаботоникой (размер — рифма) и верлибром (сложный алгоритм, построенный на неравномерном чередовании ударений и неударных слогов, часто подкрепленный повторами). Реже встречается силлабика и тонический стих — оба больше характерны для поэзии прошлых веков. Если и в языке оригинала, и в языке перевода существует традиция использования данной стиховой системы, то задача переводчика — стараться следовать тому ее воплощению, которое мы видим у автора оригинала:

1. Сохранить размер и стопность: четырехстопный ямб передавать четырехстопным ямбом, а не пятистопным ямбом и не четырехстопным хореем; если стопность меняется (скажем, в первой строке шесть стоп, а во второй — четыре), то сохранить и этот алгоритм.

2. Сохранить каденцию, т. е. наличие/отсутствие заударной части рифмы (мужские, женские, дактилические окончания) — ведь замена мужской рифмы на женскую меняет музыкальную интонацию стиха с энергичной, решительной на напевную, нерешительную.

3. Сохранить тип чередования рифм: смежная, перекрестная, опосылающая рифмы связаны не только с созданием определенной то-

нальности содержания (например, смежная рифма характерна для песенного склада, а перекрестная — больше для сюжетного повествования), но и с давними традициями оформления жанров и поэтических форм: смежная рифма издавна использовалась в народной песне, опоясывающая — обязательное условие для сонетной формы.

4. Отразить звукопись — полностью сохранить ее вряд ли возможно, но важнее всего воспроизвести ее окраску, сохраняя в переводе повтор фонемы, близкой по звучанию фонеме подлинника, причем переводчику часто приходится жертвовать связью между смыслами слов, которые соединяет фонетический повтор, потому что вряд ли удастся разместить все компоненты повтора в словах, по значению соответствующих словам подлинника, связанным повтором; наблюдается в большинстве стихов и такой феномен, как повышенный процент сонорных — но эту особенность опытный переводчик передает в переводе, как правило, интуитивно, и сознательно стремиться при выборе слов к таким, которые содержат сонорные, приходится лишь начинающему.

5. Сохранить количество и место в стихе лексических и синтаксических повторов.

Если традиции стихосложения разные, переводчик идет либо по пути поиска близкого аналога (так Гнедич при переводе «Илиады» сконструировал силлабо-тонический гекзаметр по образцу древнегреческого метрического гекзаметра), либо заменяет систему подлинника на традиционную систему языка перевода, но стремится сохранить прочие особенности (так многие переводчики пытались передать древнегерманский аллитерационный стих ямбами и хорейми, но с сохранением начальной аллитерации и цезуры).

Однако не надо думать, что при переводе стихов доминируют лишь компоненты стихотворной формы. В эту сложную форму заключено не менее сложное содержание, выраженное сплетением многоплановых образов, которые у каждого поэта и в каждом произведении складываются в свою систему. Важна оказывается стилистическая окраска используемой лексики (наличие поэтизмов, историзмов, диалектизмов, разговорных слов, экспрессивная окраска), место той или иной лексемы в стихотворной строке, преобладание существительных или глаголов, характер тропов, принадлежность лексики к словарю определенного литературного направления, наличие неологизмов, игры слов, лексического контраста, нарушение семантической и грамматической сочетаемости. Переводчик старается учесть и эти доминанты и организовать их совокупность в единое целое. Задача одолимая, хотя потери неизбежны у любого переводчика, и не случайно всегда равноправно существует несколько версий перевода стихотворного произведения: в каждой из них — свои утраты. Но поэзия прежде всего музыкальна, поэтому, как показывает история, в культурном наследии в первую очередь надолго запечатлеваются стихотворные

переводы, достоверно сохраняющие поэтическую форму подлинника, хотя в них переданы не все компоненты содержания.

Беллетристика. К разряду беллетристики обычно относят художественную прозу, рассчитанную на массового читателя, так называемое «чтиво». Исследователи часто обходят тексты такого рода стороной, очевидно полагая, что это просто «плохо» написанные художественные произведения, не достойные серьезного внимания. Однако эти тексты широко распространены, имеют многочисленных читателей и обладают своей коммуникативной спецификой.

Источником беллетристического текста является автор, который, правда, вовсе не стремится проявить в тексте свою творческую индивидуальность, а порождает его в рамках строгих канонов жанра, которые уже приобрели статус конвенций. Реципиентом таких текстов является любой носитель языка, но рассчитаны они не на индивидуальное, а на усредненное стандартное восприятие. Поэтому мы вправе считать, что беллетристические тексты, подобно инструкции, рекламе и пр., имеют коллективного реципиента (ибо им является языковая коллектив).

Сложность вызывает исследование информационного состава беллетристического текста. Как и в художественном тексте, когнитивная и оперативная информация в нем отсутствуют. Эмоциональная же, в особенности ее разновидность, свойственная художественному тексту — эстетическая информация, — отличается малым разнообразием средств выражения, и для них характерна стандартность. К ним относятся: клишированные метафоры и сравнения, фон устного варианта литературной нормы, модные слова и др. Реципиент получает от беллетристики привычные и ожидаемые им эмоции, и это отвечает его представлениям о прекрасном. Однако реципиент ожидает от этой литературы не только прямого (удовольствие от чтения), но и косвенного воздействия. Ведь в коммуникативное задание беллетристического текста входит не только задача принести удовольствие, но и отвлечь от повседневных проблем, снять стресс.

Стандартность средств выражения обуславливает легкость перевода (группа I или II). При всех оговорках мы относим беллетристический текст к примарно-эстетическим текстам.

10.9. Тип текста и глобальный текст

До сих пор, рассматривая различные типы текста, мы обходили вниманием тот факт, что всякий текст как глобальный состоит из определенных компонентов: заглавие, подзаголовок, основная часть текста, сноски, примечания, оглавление. И не всегда все они обладают одинаковыми текстовыми признаками. Так, примечания к основной части научно-популярного или художественного текста чаще всего бывают выдержаны в стиле научного текста и, соответствен-

но, обладают иными текстовыми признаками, чем основная часть текста, поскольку оформляют когнитивную информацию, а не, скажем, эстетическую.

Особый феномен представляют собой заголовки. В целом с точки зрения передаваемой информации они коррелируют с основной частью текста: заглавие научного текста несет когнитивную информацию — соответствующим образом оно и оформлено; в заглавии художественного текста, судя по набору используемых средств, преобладает эстетическая информация. Однако среди этих средств доминируют обычно совсем не те, какие особенно частотны в основном тексте. Так, для заглавий текста рекламы, научно-популярного текста, мемуаров и мн. др. (но обязательно тех, где наличествует эмоциональная информация) характерны: тропы, ритм, начальная аллитерация, интертекстуализмы. Заглавия особым образом сочетаются с основным текстом: по принципу игры слов, метафорически, цитатно и т. п. Не случайно некоторые исследователи, и среди них Кристиана Норд, считают, что есть основания считать заглавие особым типом текста⁵⁰.

Глава II

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

11.1. Понятие переводческой стратегии

В практике перевода понятие переводческой стратегии утвердилось давно. Под ним понимается порядок и суть действий переводчика при переводе конкретного текста. Иногда в этом случае применяется понятие «действия переводчика».

Однако в поле зрения переводоведов понятие переводческой стратегии попало сравнительно недавно. В последние годы оно разрабатывается такими теоретиками и практиками, как Д. Селескович и М. Ледерер, С. Басснетт-Макгайр и Х. Крингс, а среди первых исследователей, начавших анализ переводческих действий, можно назвать Ю. Хольц-Мянттяри⁵¹.

Существуют и практические пособия, обучающие умению вырабатывать стратегию перевода. Среди наиболее популярных — учеб-

⁵⁰ См.: Nord Ch. Titel, Text und Translation. — Wien; Mainz, 1992. — S. 43.

⁵¹ См. об этом в кн.: Seleskovich D., Lederer M. Interpreter pour traduire. — Paris, 1987; Bassnett-McGuire S. Translation Studies. — Methuen; London and New York, 1980; Krings H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. — Tübingen, 1986; Holz-Manttari J. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. — Helsinki, 1964.

ное пособие для студентов Х. Г. Хенига и П. Кусмауля «Strategie der Übersetzung» (5-е издание вышло в 1999 г.), которое ставит своей целью обучить будущих переводчиков принимать верные решения на обширном материале примеров.

Вместе с тем с теоретическими обоснованиями понятия «переводческая стратегия» мы встречаемся крайне редко. К тому же при обсуждении стратегий преобладают директивные рекомендации. Наверное, это происходит потому, что его суть вытекает из практической деятельности переводчика и кажется само собой разумеющейся.

Попробуем выявить суть, а также наличие объективных и субъективных составляющих переводческой стратегии. При этом нам придется сразу разграничить понятия «переводческие действия» и «переводческая стратегия». Переводческими действиями мы будем называть всю совокупность возможных действий по осуществлению перевода, а переводческой стратегией — осознанно выбранный переводчиком алгоритм этих действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов).

Переводческие действия Х. Фермеер характеризует как экспертную деятельность по осуществлению межкультурной коммуникации, как ситуативно обусловленные действия, направленные в каждом конкретном случае на определенную цель; теорию «скопос» он считает составной частью этого более широкого понятия — теории переводческих (транслаторных) действий⁵².

Ю. Хольц-Мянттари подчеркивает, что смысл переводческих действий заключается в первую очередь не в экспертной коммуникативной деятельности, а в создании определенного продукта для других людей и во имя определенной цели, который она называет «дизайнерским продуктом»⁵³. К этой характеристике переводческих действий Х. Рискю добавляет необходимость участия переводчика в общении с реципиентами. Это общение должно избавить переводчика от иллюзии, что он сам знает, какой текст нужен реципиенту⁵⁴.

Описывая переводческие действия как процесс создания «дизайнерского продукта», Ю. Хольц-Мянттари перечисляет действия, необходимые для осуществления «дизайна текста»:

- уточнить свои представления о продукте и о потребности в нем;
- составить план действий;
- создавать текст;
- держать этот процесс под контролем;
- производить поиск средств перевода;

Vermeer H. J. Skopos and commission in translational action // Readings in Translation Theory. Finn Lectura. — P. 173.

Holz-Manttari J. Evolutionäre Translationstheorie // Die Evolutionäre Erkenntnistheorie im Spiegel der Wissenschaften. — Wien, 1996. — S. 306-332.

Risku H. Constructivist Consequences: Translation and Reality // New Trends in Cognitive Science. — Wien, 1997.

- модифицировать найденный материал, приспособив его для данного случая;
- аргументировать свои решения;
- производить постоянную адаптацию своих действий⁵⁵.

Большинство исследователей при обсуждении переводческих действий и порядка их следования (т. е. стратегии) имеют в виду письменный перевод. На этом фоне особенно ценным представляются выводы, сделанные М. Ледерер на материале синхронного перевода: они показывают, что переводческие действия в большинстве своем одинаковы для любого вида перевода. М. Ледерер выделяет 8 операций, комбинация которых наблюдается во время работы переводчика-синхрониста:

1. Восприятие устной речи.
2. Понимание услышанного.
3. Интегрирование понятых единиц смысла в предыдущие знания, извлеченные из текста оригинала.
4. Формирование высказывания на ПЯ на базе когнитивной памяти.
5. Восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий, осуществляемым автоматически.
6. Восстановление элементов высказывания на основе вербальной памяти (поиск слов для выражения понятого).
7. Слуховой контроль переводчика за собственной речью.
8. Осознание окружающей обстановки⁵⁶.

Из названных операций при письменном переводе отсутствует лишь седьмая — слуховой контроль за собственной речью. Остальные в том или ином виде имеют место, правда с некоторыми модификациями. Восприятие устной речи аналогично восприятию письменной, с той разницей, что при восприятии письменной речи задействованы зрительные рецепторы. Понимание базируется на этом восприятии. Интегрирование понятых единиц текста при письменном переводе включает и единицы смысла, воспринятые переводчиком не только из предшествующего, но и из последующего текста. Осознание окружающей обстановки можно для случая письменного перевода интерпретировать как осознание ситуативного контекста.

Следует отметить, что даже при синхронном переводе отдельные переводческие действия (операции) осуществляются последовательно, хотя, безусловно, существует феномен их наложения и даже одновременности. Так, восприятие и понимание в ситуации устного перевода накладываются и могут происходить почти одновременно, но все же понимание не может предшествовать восприятию и т. п. Целый ряд исследователей видит процесс перевода как череду

Holz-Manttari J. Textdesign — verantwortlich und gehirngerecht // Traducere navem. Festschrift für Katharina Reiss zum 70. Geburtstag / Hrsg. J. Holz-Manttari, Ch. Nord. — Tampere, 1993.

Lederer M. La traduction simultanée. Experience et théorie. — Paris, 1981.

этапов. Так, Ж. Делиль предлагает различать 3 этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ, а каждый из этих этапов разбивает на несколько стадий⁵⁷. С. Басснетт-Макгайр считает, что существует определенная, объективно обусловленная последовательность переводческих действий⁵⁸, которая является залогом создания эквивалентного перевода.

Во всех упомянутых выше трактовках переводческих действий и их последовательности подспудно содержится представление о *переводческой стратегии*. Первым на понятия собственно переводческих стратегий остановил свое внимание Х. Крингс. Опираясь на экспериментальный материал, собранный с использованием методики *think aloud* («думания вслух»), он предложил понимать под стратегиями перевода потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой задачи. Х. Крингс различает макростратегию — способы решения ряда переводческих задач и микростратегию — способы решения одной задачи. С точки зрения макростратегии в процессе перевода автор отмечает 3 этапа: предпереводческий анализ, собственно перевод и постпереводческую обработку текста. Поскольку Х. Крингс опирается на экспериментальный материал, связанный с самосознанием личности, первый и третий этапы, согласно свидетельствам некоторых переводчиков, оказываются факультативными.

Х. Крингс отмечает также различия в алгоритме переводческих стратегий при переводе с иностранного языка и на иностранный язык. Примечательно, что при переводе на иностранный язык, когда переводчик испытывает трудности при поиске эквивалента просто по той причине, что языковой системой чужого языка он владеет не в полной мере, ему приходится сначала зачастую перевыражать мысль на языке оригинала, чтобы облегчить себе поиск эквивалента. При переводе с иностранного языка, напротив, приходится делать выбор в арсенале ПЯ (родного языка), системой которого переводчик владеет в совершенстве.

Итак, остановимся подробнее на 3 основных этапах переводческих стратегий.

11.2. Предпереводческий анализ текста

Предположим, что перед переводчиком текст оригинала и чистый лист бумаги или пустой экран компьютера. Долгое время — пока не придет окончательная зрелость — переводчика одолевает соблазн поступить «просто», т. е. взять да и начать переводить текст с начала

⁵⁷ Delisle J. L'analyse du discours comme methode de traduction. — Ottawa, 1984.

⁵⁸ См. краткое описание взглядов Басснетт-Макгайр в кн.: Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 1999. — С. 57-58.

и подряд, время от времени заглядывая в словарь. Зачем тратить время на знакомство с текстом, — ведь времени и так в обрез!

Но с опытом понимаешь, что так ты потратишь времени значительно больше. Потому что после первой страницы ты вдруг спохватываешься, заметив в тексте оценочные слова, которые ты сходу заменил нейтральными; на четвертой странице сообразишь, что язык текста вовсе не такой сухой и казенный, каким ты его делаешь, и что он близок к разговорной речи, да и термины нужно было передавать не в строго научном варианте, а в варианте околонучного жаргона. И начнутся переделки. Переделывая, ты уже не сможешь всякий раз удерживать в памяти, как давно ты употребил то или иное слово, — начнутся повторы, стилистические шероховатости, рассогласование во временных формах... И твой перевод будет загнан в состояние глухого черновика. Вот и получается, что гораздо выгоднее (по времени и по результату) к переводу подготовиться.

А это значит, что текст нужно обязательно пробежать глазами; если это целая книга, то почитать и полистать в разных местах, а затем выбрать несколько фрагментов и сделать специальный подготовительный анализ, который мы назовем предпереводческим (выделение этого особого этапа встречается теперь во многих пособиях, но состав анализа предлагается различный). Задача анализа — выяснить, что за текст перед нами. Кроме того, хорошо бы узнать, чего требует от переводчика заказчик и чего ожидает реципиент от текста перевода. Только после этого этапа возможен перевод, который почти не придется править. Таким образом, вместо экстенсивного пути проб и ошибок предлагается оптимальный интенсивный путь.

Однако вполне объяснимое человеческое самомнение порой заставляет переводчика упорствовать. Соображения примерно такие: ну что же, я совсем тупой, что ли, сам не соображу по ходу дела, что за текст? Ведь я прекрасно знаю язык, у меня богатый словарный запас, чувство стиля вообще выдающееся — переводу, как интуиция подскажет, по вдохновению!

И ведь действительно угадываешь иногда! И все говорят: это «твой» текст, ты его прямо нюхом чувствуешь. А другой раз не угадаешь — и тогда говорят: это не твое, не рожден ты переводить такие тексты. Жаль, если недостаточно опытные переводчики из-за собственного невежества верят в эту дилетантскую чушь. Нет, не бывает текстов, для которых ты не рожден (художественные пока оставим в стороне)! Бывают плохо подготовленные, неопытные переводчики. И надоть всего немного — иметь трезвую голову на плечах.

Трезвая голова и немного наблюдений над жизнью подскажут вам, что любой профессионализм — столяра, инженера, преподавателя, художника и переводчика в том числе, — складывается из вдохновения и холодного расчета. Холодный расчет — это отточенные профессиональные навыки, доведенные до автоматизма, а вдохновение (или, точнее, творческая интуиция) — это фактически выросшее из професси-

ональных навыков умение их комбинировать, отбирать необходимое. Это то ощущение, когда единственно верное решение возникает как будто из ничего, без осмысления — на самом же деле все давно осмыслено, и этап анализа можно уже пропустить. Путь к таким решениям у одних переводчиков короче, у других — длиннее, но без большой, полной внимания и сосредоточенности работы над текстом его не пройти. А если пройдешь, тогда любое слово будет подсказывать выбор остальных, и тогда действительно создается впечатление, что перевод рождается по вдохновению.

Итак, попробуем пойти путем «холодного расчета» — сделать необходимый анализ текста, готовясь к переводу. Обозначим основные аспекты анализа.

Сбор внешних сведений о тексте. Некоторые из них очевидны, и их просто учитывают на будущее. Это: автор текста, время создания и публикации текста, то, из какого глобального текста взят ваш текст (предположим, информационная заметка из газеты «Геральд трибюн»; энциклопедическая статья из 2-го тома энциклопедии Майера; научная статья из журнала «Кардиология»). Все эти внешние сведения сразу много скажут нам о том, что можно и чего нельзя будет допускать в переводе. Например, если текст прошлого века, пусть он и не художественный, при переводе необходима архаизация, т. е. предпочтение устаревшим словам и синтаксическим структурам. Если указан автор текста, то в определенных случаях (тексты публицистический, мемуарный, научно-популярный и др.) можно ожидать черт индивидуального авторского стиля, которые войдут в инвариант при переводе. Глобальный текст и место в нем нашего текста подскажет, с каким типом текста мы имеем дело.

К сбору внешних данных мы отнесем и учет пожеланий заказчика перевода. Это важно в тех случаях, когда заказчику необходим не просто перевод, но еще и полутная обработка текста: выборочный перевод, смена стилового регистра, адаптация и пр. Во всех остальных случаях, когда от переводчика требуется эквивалентный («точный») перевод, он ориентируется на тип текста оригинала.

Определение источника и реципиента. Важнейший и неочевидный момент — определить, кем текст порожден и для кого предназначен. Здесь можно легко попасть впросак, неверно определить источник и реципиента, а значит — взять неверные ориентиры в переводе. Так, деловое письмо имеет, казалось бы, конкретного автора, его подпись стоит в конце письма, но написано оно от имени фирмы и в ее интересах, следовательно, настоящий источник — фирма. Энциклопедическая статья также может иметь автора, и он указан, но фактический источник текста — редколлегия энциклопедии, а в составе сведений, входящих в статью, отражено, более того, мнение и трактовка, общепринятые и как бы утвержденные всем опытом человечества (возьмите любую энциклопедическую статью, к примеру, об Эйнштейне, о паровом двигателе, о барокко и т. п.).

Несколько проще определить реципиента, т. е. того, кому текст предназначен. Это может быть указано в аннотации к глобальному тексту или во вступительном разделе (в предисловии, если это целая книга, в редакционном обращении, если это журнал). В сложных случаях это выясняется лишь при дальнейшем анализе. А зачем нам непременно нужно это выяснить? Дело в том, что от этого зависят разнообразные языковые черты, которые непременно нужно передать в переводе. Если текст предназначен детям, в нем необходимо сохранить простой синтаксис, доступный детям подбор слов, яркую, доступную образность. Если это текст, который написан для всего взрослого населения страны (инструкция к бытовому прибору, энциклопедическая статья), то в нем могут встречаться самые разные синтаксические структуры, но обязательно отсутствуют узкоспециальные и диалектальные слова.

Необыкновенно важно и верное представление об источнике. Главное, что дает это представление: понимание того, что автор очень часто — понятие формальное, и то, что он указан, не означает обязательно наличия черт его индивидуального стиля в тексте. Например, автор информационной заметки в ежедневной газете часто указывается, но его имя приводится, чтобы закрепить за определенным лицом ответственность за информацию.

Состав информации и ее плотность. Неожиданно важным оказывается тип информации, заложенной в тексте. Мы уже знаем, что вид информации является определяющим для типа текста и имеет свои средства языкового оформления. Удобнее всего при анализе «проверить» текст, который мы собираемся переводить, на наличие всех четырех типов информации.

Начнем с когнитивной. Есть ли в нашем деловом письме *когнитивная информация*, т. е. объективные сведения о внешнем мире? Безусловно есть. Это имя автора письма, название фирмы, наименования товаров, обозначение сроков их поставки, условий поставки. Все эти сведения оформляются в тексте особым образом. В первую очередь для них характерна терминологичность, т. е. большое количество языковых знаков, имеющих статус термина и признаки термина: однозначность, нейтральная окраска, независимость от контекста. Вот и ключ к переводу! Значит, переводить все это нужно однозначными соответствиями — эквивалентами, которые есть в словаре. Вторая важная черта: когнитивная информация оформляется в тексте средствами письменной литературной нормы, точнее, ее нейтрального варианта (деловой язык, научный стиль — в конкретных случаях письменная норма получает разные названия, но черты ее остаются стабильными). Обнаружив эту черту в оригинале, мы постараемся отразить ее в переводе, т. е. будем соблюдать нейтральную письменную литературную норму языка перевода.

Если наше деловое письмо содержит распоряжения, предписания для адресата, то очевидно, что в нем есть *оперативная инфор-*

мация, выражаемая известными нам средствами: формами глагола в повелительном наклонении, глагольными конструкциями с семантикой необходимости или возможности, модальными словами. Выявив ее при анализе, мы затем передадим ее адекватными средствами.

Теперь посмотрим, представлена ли в деловом письме *эмоциональная информация*, т. е. имеются ли в тексте, если можно так выразиться, новые сведения для наших чувств. Да, и они есть. Это слова приветствия и прощания, высказанные в письме мнения и оценки. Правда, эмоциональная информация в деловом письме несколько стерта, ограничена рамками делового этикета. Так что в подлиннике не встретятся эмоционально окрашенные средства просторечия, которые допустимы в личном письме. Именно поэтому вам не встретится словосочетание «я страшно рад», а встретится «я искренне, необычайно рад» или «мне приятно было узнать»; не встретится «пока», а встретится «всего доброго».

Итак, мы можем сделать важный для перевода вывод: эмоциональная информация будет передаваться с помощью эмоционально окрашенной лексики и эмоционального синтаксиса, но средства передачи ограничены рамками делового этикета.

И, наконец, есть ли в деловом письме *эстетическая информация*? Дает ли нам этот текст ощущение прекрасного? Есть ли в нем для этого специальные средства — метафоры, рифма, игра слов, ритмичный синтаксический период, причудливые эпитеты?

Нет, признаков проявления эстетической информации мы не находим.

Итак, анализ информационного состава делового письма прямо подвел нас к выводам о том, как его нужно переводить.

Практический опыт перевода показывает, что переводчику часто попадают тексты, в которых разные виды информации смешаны. Такова реклама, в которой в причудливом сочетании выступают все четыре вида: когнитивная информация (название фирмы, название продукта, его параметры, цена), оперативная (прямые призывы приобрести товар или косвенные — приглашение обрести новые ценности жизни), эмоциональная (гиперболизированная положительная оценка качеств продукта, черты близости к устной разговорной речи) и эстетическая (игра слов, рифма, фразеология, повторы).

Но тем не менее среди разнообразия текстов, которые человек разработал для удобства коммуникации, явно намечаются такие, которые специализированы на одном определенном виде информации. Так, научный текст специализируется на передаче когнитивной информации, текст бытового общения — на эмоциональной информации, художественный текст — на эстетической. Стратегию перевода именно таких текстов переводчику легче всего выбрать. Однако совершенно «чистыми» они все же не бывают. Даже самый строгий научный текст может содержать небольшую долю эмоциональной информации. Но для нас важно в принципе осознать, что от вида

информации зависит выбор языковых средств при переводе — и на первом этапе того комплекса действий, который мы назвали переводческой стратегией, необходимо определить этот вид (или виды).

В анализе информационного состава текста существует параметр, который оказывается важным для перевода, — это *плотность информации* (компрессивность). Рассматривая разные тексты, мы обнаруживаем, что в некоторых из них, например в энциклопедическом, используется много сокращений, пропущены второстепенные компоненты синтаксической структуры и т. п. Это сигнал того, что в оригинале есть средства повышения линейной плотности информации, и в переводе их необходимо сохранить, найдя аналогичные средства. Отметим, что повышение плотности информации свойственно только когнитивному виду информации, хотя средства ее повышения (например, сокращения) могут встречаться и в художественном тексте и будут там выразителем эстетической информации.

Коммуникативное задание. Определив информационный состав текста, несложно сделать следующий шаг: сформулировать коммуникативное задание текста. Оно может звучать по-разному: сообщить важные новые сведения; убедить в своей правоте; наладить контакт.

Часто коммуникативное задание комплексно: сообщить новые сведения и убедить в необходимости купить, одновременно доставить удовольствие тем, как текст сделан (реклама). Такая формулировка помогает переводчику определить главное при переводе, т. е. доминанты перевода.

Речевой жанр. Все описанные аспекты предпереводческого анализа еще не дают полного представления о том, как оформлен текст. Окончательное представление мы получим, если определим, к какому речевому жанру он относится. Человек разработал устойчивые типовые формы текстов, которые имеют свою историю, свои традиции. Подчеркнем, что эти типовые формы, за редким исключением, интернациональны, они не привязаны к определенному языку, так что этот аспект анализа, как и предыдущие, может проводиться на материале любого исходного языка и «работает» для другого, переводящего. Скажем, речевой жанр интервью или научного доклада вполне одинаково строится как во французском и немецком, так и в русском языке. Речевыми жанрами занимается функциональная стилистика, и мы не будем вторгаться в столь важную для целей перевода, сопредельную с ним, но все-таки чужую сферу. С функциональной стилистикой и речевыми жанрами переводчику необходимо познакомиться отдельно.

Не все характерные черты речевого жанра, которые выявлены предпереводческим анализом, нужно обязательно осознавать и учитывать переводчику. Например, он вряд ли изменит при переводе абзацную структуру текста, заменит монолог диалогом или повествование от третьего лица на повествование от первого лица. Но все они в совокупности составляют *систему* речевого жанра, и, чтобы

выбрать в ней те, на которые следует обратить активное внимание (повторы, эмоционально окрашенную лексику и т. п.), необходимо знать систему в целом.

Переводческий анализ в устном переводе. Несмотря на то что устный перевод выполняется в обстановке дефицита времени, переводчик и здесь руководствуется определенной стратегией и для ее выявления неизбежно проводит некий анализ. Ведь еще до начала собственно перевода, перед этапом непосредственного восприятия текста, он получает начальные сведения о тексте. Опираясь на эти начальные сведения, получаемые от заказчика, переводчик определяет степень сложности, особенности текста, тематику терминов, приемы, которые придется применять. Это и есть анализ устного текста. Он делается до работы и продолжается в процессе перевода. Анализ устного текста не требует особого времени, его навык у опытного переводчика доведен до автоматизма.

Анализ текста в устном переводе напоминает по своей схеме анализ текста в письменном переводе, только, пожалуй, он лишен того объема разнообразия доминирующих черт, а сам перевод допускает меньшую степень сохранения инварианта, поскольку делается в обстановке дефицита времени.

Так или иначе, должны быть четко ясны и источник, и реципиент. Источник сообщает информацию и выражает мнение от имени той группы людей, которую он представляет. Информационное сообщение по радио делается от имени информационного агентства и может одновременно соответствовать или противоречить позиции правительства; официальная речь произносится от имени общественной организации, коллектива профессионалов и т. п.; интервью может давать директор банка, спортсмен, политический деятель и т. п. Верное определение источника позволит прогнозировать те языковые средства, которые ожидаемы в тексте, в первую очередь — для определения тематической сферы лексики.

В жанре интервью характеристика источника осложнена тем, что он чаще всего выступает в нем не только как представитель группы, но и как личность. Это проявляется и в особых языковых средствах (отступление от литературной нормы, привлечение неожиданных пластов лексики, повышенная аллюзивность текста — скрытые цитаты и т. п.) — и переводчику необходимо знать, что такие особые средства в переводе могут встретиться.

Устный текст более узко, чем письменный, ориентирован на реципиента — на того, кто его слушает. Если аудитория состоит из специалистов (скажем, в области водоочистных сооружений), то в тексте можно ожидать особенностей, рассчитанных на высокий уровень профессиональной компетентности. Ведь если при восприятии письменного текста научной статьи на эту тему мы можем пополнять свои недостающие профессиональные знания с помощью справочников и словарей, то при устном восприятии мы должны иметь эти знания

наготове, в активном запасе. С другой стороны, мимика и описательное наличие эмоциональной информации в устном тексте облегчают восприятие содержания.

Итак, переводчику приходится заранее предположительно определить специфику реципиента, для которого он транслирует перевод.

Далее, важно четкое представление о коммуникативном задании данного текста. Это третий этап анализа в устном переводе. В соответствии с текстовыми жанрами переводчик может встретиться со следующими типичными случаями: у информационного сообщения — задание передачи когнитивной информации, поданной под углом зрения источника; у официальной речи — функция и информирующая, и оперативная, поскольку эмоциональные средства служат привлечению сторонников; у интервью к названным функциям добавляется еще и рекламная.

Затем, после уточнения источника, реципиента, коммуникативного задания, на четвертом этапе анализа, следует определить конкретные языковые средства, с которыми переводчику придется работать при переводе текста данного жанра. Получив ясное представление о специфике текста на первых трех этапах, сделать это уже несложно, но, учитывая дефицит времени, в обстановке которого устному переводчику придется, бегло просмотрев материалы будущего перевода или узнав о теме, выполнить анализ, надо отметить, что качество его перевода во многом зависит от того, насколько прочно закреплен навык выполнения такого анализа. Повторяем, что набор ведущих, доминирующих языковых средств всегда достаточно стабилен.

Отметим основные. Для всех жанров текстов доминантой перевода является фон устного варианта литературной нормы языка. В устном информационном сообщении — простой синтаксис, ограниченное количество сложноподчиненных структур, обилие личных и географических имен, количественной цифровой информации, отсутствие узкоспециальной терминологии, стертая эмоциональность, выражаемая преимущественно порядком слов, оценочными эпитетами.

В интервью отклонения от литературной нормы бывают значительны, меньше цифровой информации, встречаются иногда специальные термины и экзотизмы, которые, правда, тут же, как правило, поясняются. Средств эмоциональности значительно больше, чем в информационном сообщении. К уже названным добавляются фразеологизмы, цитаты (в том числе скрытые), крылатые слова. Сложные синтаксические структуры не встречаются. Вопросы и ответы часто составляют единое смысловое, а иногда — и синтаксическое целое, и переводчику приходится держать в памяти содержание и структуру предшествующей реплики. В текстах этого типа важную роль может играть индивидуальный стиль оратора.

В официальной речи к доминирующим языковым чертам относятся: достаточно строгое соблюдение литературной нормы; традиционные формулы зачина, концовки и контактные формулы; обилие

фразеологизмов, цитат, крылатых выражений (часто на латыни); риторические приемы, накладывающие свой отпечаток на синтаксис текста: риторические вопросы и восклицания, сложно построенный риторический период с лексическими и синтаксическими повторами, синтаксический контраст: чередование риторического периода с короткими оценочными предложениями; использование таких фигур стиля, как метафоры, сравнения, эпитеты, чередование временных планов, включая имитированное прошедшее, приближающее события прошлого к реципиенту, выраженное с помощью исторического презенса.

Своя специфика языковых средств характерна и для переговоров и дискуссий. Это, как правило, синтаксически несложные высказывания, порождаемые спонтанно: в зависимости от темы в них может встречаться узкоспециальная терминология. Главное же, к чему должен быть готов переводчик при переводе такого рода текстов, — это внезапно возникающее обилие эмоциональных средств, вплоть до табуированной лексики, если в ходе дискуссии разгорается конфликт.

Декларация или манифест — текстовый жанр, где эмоциональная окраска держится в рамках литературной нормы, с отклонениями в сторону высокого стиля, с использованием архаичной лексики и оборотов речи высокого стиля. Характерна юридическая терминология, поскольку тексты этого типа имеют официальный юридический статус. Манифест имеет обычно строгую композиционную структуру, отдельные части текста имеют подзаголовки и оформлены наподобие статей закона.

На заключительном этапе анализа должны быть сделаны выводы о том, какие из названных признаков входят в инвариант и какими средствами они могут передаваться в переводе: личные и географические имена, термины, названия фирм и организаций — с помощью однозначных соответствий, фразеологизмы — по мере возможности на том же уровне семантической связанности или с помощью замены нарицательным семантическим эквивалентом, высокий стиль — системно и т. п.

Современный уровень профессиональной корректности переводчика требует и в устном переводе учитывать индивидуальность автора текста. В обстановке дефицита времени это — чрезвычайно сложная задача. Хорошо, если переводчик работает с известным оратором, специфика стиля которого общеизвестна, или если у него есть возможность изучить стиль своего клиента заранее. На обиходном уровне любимые обороты речи, характер образности, дефекты речи у популярных ораторов известны всему населению. Переводчику же необходимо не просто их опознавать, но и уяснить себе ведущие характеристики этих стилей. Однако гораздо сложнее, если индивидуальность речи оратора обнаруживается лишь в ходе перевода. Тогда даже навык анализа не обеспечит передачи всех черт, и в переводе они окажутся ослабленными.

11.3. Аналитический вариативный поиск

Следующий этап перевода, присутствующий во всех переводческих стратегиях, — это создание текста перевода.

Что делает переводчик, когда он переводит? Мы знаем, что ОН преобразует текст, порожденный на одном языке, в текст на другом языке. Но что конкретно он делает и как можно оптимизирован, это! процесс?

Процесс перевода — это поиск. И переводчик может вести свой поиск вслепую, случайно попадать в точку или впросак. Мы с вами хотим этого избежать и поэтому уже подготовились, проведя предпереводческий анализ. Мы знаем, какие особенности текста мы постараемся передать в переводе. Осталось отработать технику. А для этого продуктивнее всего попробовать пойти аналитическим путем — опять путем «холодного расчета». Попытаемся осознать каждый свой шаг на простом примере, всякий раз комментируя свои действия и объясняя их причину. Предположим, первая фраза текста, который вам нужно перевести, гласит: «Jeder weiss: Aller Anfang ist schwer». Переведем ее так: «Всякий знает: лиха беда начало» и прокомментируем свой перевод: Первую часть фразы мы переводили, вычленив как минимальную единицу перевода слово — отдельно «всякий» и «знает», выбирая подходящие вариантные соответствия. Определяя вариант, мы ориентировались на то, что перед нами текст журналистского эссе, основа стиля которого — письменная литературная норма, что и видно в окраске слов подлинника. Поэтому из возможных вариантов: «всякий», «всяк», «любой», «каждый», «кого ни возьми», мы выбрали «всякий» (вариант с легким оттенком консервативности письменной нормы). Возможен был и более нейтральный вариант «каждый». По той же причине среди вариантов «знает», «в курсе», «рассекает» и др. мы выбрали «знает». Вторая часть фразы представляет собой фразеологизм, а именно — пословицу. В любом речевом жанре и при любом информационном составе текста пословица несет важные функции: компактным образным способом передать информацию с оттенком просторечия, а может служить и элементом ритма текста. Поэтому во всех текстах, кроме устных, ее передают с сохранением формальных особенностей; передача описательным способом недопустима. Вот почему мы передаем вариантным соответствием, с частичным изменением образа («лиха беда» по сравнению с «schwer» является гиперболой), но с сохранением ритма и оттенка архаичности (в подлиннике это употребление «АНег» вместо современного «jeder» в сочетании с «Anfang», — в переводе «лиха» — краткая форма прилагательного). Рассматривая всю пословицу как семантическое единство, мы в качестве единицы перевода избираем предложение.

Итак, при комментировании мы определяли единицу перевода, тип и вид соответствия.

11.4. Анализ результатов перевода

Перевод выполнен. Осталось просмотреть его и здраво оценить. Поскольку на этапе подготовки и в процессе перевода мы старались себя контролировать, нам остается в основном техническая работа.

Прежде всего — нужно сделать сверку текста: не пропущено ли случайно слово или фрагмент текста. Затем оценивается единство стиля текста перевода, уже без сопоставления с подлинником, т. е. делается редакторская правка, о которой шла речь. Разумеется, все собственные огрехи заметить не удастся, поэтому, если перевод публикуется, он проходит (в зависимости от целей издания) литературное, научное и издательское редактирование. Но первоначально соответствие литературной норме языка перевода и уже упомянутое единство стиля должен выверить сам переводчик. Единство стиля: не попало ли в перевод неподходящее словечко, не отвечающее основным чертам стиля подлинника, не слишком ли искусственно выглядит на фоне текста стилистическая фигура, сконструированная переводчиком, — все это поддается контролю. Попутно выявляются мелкие стилистические шероховатости: слишком частый повтор одного и того же слова (обычно переводчики знают за собой любовь к определенным словам и могут невольно наполнять ими перевод), неудачные сочетания придаточных, рассогласование во временах, неправильное падежное согласование.

11.5. Выводы

Исследуя понятие переводческой стратегии и этапы, составляющие ее алгоритм, мы выявили и описали лишь необходимые ее составляющие, базирующиеся на общих закономерностях порождения «вторичного» текста, текста перевода и не касаясь частных случаев «микростратегий». Определяющим для выбора конкретных переводческих действий в рамках стратегии перевода оказался тип текста и содержащаяся в нем информация, что еще раз подтверждает значимость параметра вида информации для транслатологической классификации типов текста.

Однако наши рассуждения представляют собой некое обобщение, рассматривающее наиболее типичные черты реальных стратегий, поэтому мы невольно представляем себе идеальную стратегию идеального текста. При формировании стратегии перевода реально существующего текста переводчик часто сталкивается с тем, что исходный текст не идеально соответствует тому или иному типу, что стиль его неровен и т. п. Основой для корректировки стратегии перевода в этом случае может служить характеристика источника: если источник индивидуален, т. е. в тексте присутствует авторское начало, авторский стиль, тогда переводчику приходится воспроизводить

все неровности текста, ведь ответственность за них несп автор оригинала; если же авторское начало отсутствует — переводчик ориентируется на тип текста и его конвенции и вправе исправлять стиль оригинала.

Дальнейшие исследования, в том числе и эксперимента ими.н (пока их явно недостаточно), должны выявить вариативность переводческих стратегий в зависимости от личности переводчика и его профессиональных умений и меру связи ошибок переводчика с оптимальностью выбора стратегии. Это позволит уточнить наши представления как о процессе перевода, так и о критериях его эквивалентности. А результаты таких исследований, воплощенные в дидактике перевода, надо надеяться, будут способствовать росту качества перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы завершили краткий обзор сфер исследования и проблем, входящих в круг интересов переводоведов. Нам часто приходилось отмечать, что для выяснения истины в той или иной области еще недостаточно экспериментальных данных или фактического материала, не найдены объективные критерии, не сформулированы удовлетворительные гипотезы. Все это — симптомы молодости, «болезни роста» крепнущей и развивающейся новой науки.

Но те же симптомы устремляют науку о переводе в будущее, указывая на бескрайнее поле деятельности для будущих пытливых исследователей. Переводоведение нуждается в молодых научных силах, которые еще больше расширят его горизонты, осмыслят путь, пройденный практиками перевода, поднимут эту науку на уровень, достойный интеллектуального развития человечества в XXI в.